

9(49)

П43 Погодин А.Л.

История Болгарии.

1910

~~50871~~

~~Эр~~

9(497.2)

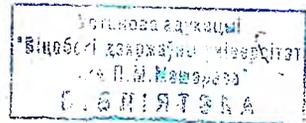
П 43

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Проф. А. Л. Логодинъ.

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.

1910.

524314

Типографія Алд. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

ОРЦК

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ представляетъ попытку дать въ краткой формѣ связанное изложеніе исторіи болгарскаго народа за долгій срокъ его существованія, отъ 679 года, когда орда Аспаруха прочной ногой стала на Балканскомъ полуостровѣ, до 1908 года, когда болгарскій народъ осуществилъ свою давнишнюю мечту, возстановленіе Болгарскаго царства. Всякій, кому приходилось работать надъ исторіей Болгаріи, знаетъ, какъ трудно дать въ настоящее время связанное и научное изложеніе ея: подготовительныхъ работъ сдѣлано еще слишкомъ мало, источники или истреблены, или не открыты, и дѣлы столѣтія исторіи остаются донинѣ въ полномъ мракѣ. Къ тому же для исторіи южныхъ славянъ вообще нѣтъ почти никакихъ бібліографическихъ пособій, да и самыя книги не всегда удается разыскать. Трудно также соблюсти равномерность въ изложеніи историческихъ судебъ болгарскаго народа: для XIII столѣтія нѣтъ почти данныхъ, для XIX ихъ такъ много, что легко запутаться въ массѣ политическихъ брошюръ, мемуаровъ и документовъ.

Сколько было въ моихъ силахъ, я стремился выдвинуть повсюду на первый планъ жизнь народа, нарисовать его политическую и культурную фізіономію въ разныя эпохи его жизни, а потому я старался пользоваться всеѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который могъ, по моему мнѣнію, дать нѣсколько яркихъ штриховъ въ изображеніи эпохи. Особенно полезнымъ казалось мнѣ предоставлять рѣчь самимъ дѣйствующимъ лицамъ, и я цитировалъ хрисовулы болгарскихъ царей, рассказы путешественниковъ, призывы къ освобожденію болгарскихъ поэтовъ. Занимаясь преимущественно народомъ и его коллективной жизнью, я не могъ удѣлять много вниманія отдѣльнымъ личностямъ. Поэтому инья изъ нихъ появляются на сценѣ и сходятъ съ нея, не достаточно охарактеризованныя, какъ исполнители только того или другого дѣянія. Но въ рамкахъ моей работы и при обширности періода, описаннаго въ ней, иначе и нельзя было поступить. Я постарался пополнить этотъ пробѣлъ бібліографическими указаніями, хотя, конечно, они не исчерпываютъ литературы вопроса.

Я хотѣлъ бы, чтобы при всѣхъ своихъ недостаткахъ и промахахъ мой трудъ не былъ бесполезенъ для русскаго читающаго общества. Потребность познакомиться съ исторіей славянскихъ странъ несомнѣнно назрѣваетъ въ нашемъ обществѣ съ каждымъ годомъ, но популярныхъ и новыхъ книгъ по этому предмету у насъ нѣтъ. «Исторія Болгаріи» Иречка сильно устарѣла, въ очень полезной книгѣ генерала Овсянаго, «Болгарія и Болгары», исторіи болгаръ посвящены сравнительно немногія страницы. На болгарской наукѣ, которая насчитываетъ уже не мало даровитыхъ историковъ и развивается такъ энергично, такъ ярко, какъ все въ Болгаріи, лежитъ обязанность дать намъ полную исторію болгарскаго народа. Капитальный трудъ профессора Ст. С. Бобчева, «Исторія на старобългарското право» (1910), появился тогда, когда моя книга была уже написана и начата печатаніемъ. Сколько было возможно, я старался использовать его въ текстѣ и примѣчаніяхъ, равно какъ и всѣ извѣстныя мнѣ изслѣдованія выдающагося болгарскаго историка, проф. В. Н. Златарскаго, имя котораго такъ часто встрѣчается на страницахъ этой книги.

Заканчивая свой трудъ, надъ которымъ я работалъ усердно и много, какъ это легко увидить специалистъ, я могу сказать съ чистой совѣстью: «пусть лучшее сдѣлаетъ, кто можетъ». Я первый порадуюсь этому.

А. Погдинъ.

3-го мая 1910 года.

Г Л А В А I. ¹⁾.

Исторія Болгаріи отъ Аспаруха до Бориса.

Въ 679 г. былъ заключенъ договоръ между Аспарухомъ и императоромъ Константиномъ IV Погонатомъ, устанавливающей территорію болгарскаго ханства и его юридическое отношеніе къ имперіи; это отношеніе должно было наполнять горделивымъ сознаніемъ своей силы души болгарскихъ вельможъ, такъ какъ Византія формально уступала болгарамъ старыя провинціи Мизію и Малую Скіюю; такимъ образомъ, новая территорія болгаръ, населенная уже давно славянами, доходила до Чернаго моря и кромѣ того заключала въ себѣ все важнѣйшіе балканскіе проходы, что было тѣмъ важнѣе, что и по другую сторону Дуная болгары владѣли обширными пространствами земли въ нынѣшнихъ Трансильваніи и Румыніи ²⁾. На нѣкоторое время между болгарами и Византіей устанавливаются мирныя отношенія, но преемникъ Константина Погоната, Юстиніанъ II, не могъ стерпѣть существованія самостоятельнаго государства на сѣверѣ Балканскаго полуострова. Возможно, что болгары, дѣйствительно, выступали, какъ думаетъ проф. Златарскій, объединителями славянскихъ племенъ и что Византія не могла допустить это объединеніе и старалась разрушить усилія Аспаруха. Во всякомъ случаѣ, первый нарушилъ миръ Юстиніанъ, который открылъ военныя дѣйствія не только противъ Аспаруха, но и противъ македонскихъ славянъ, которыхъ онъ въ большемъ числѣ (до 30 тыс. душъ) переселилъ въ Малую Азію. Но нападеніе на болгаръ оказалось совершенно неудачнымъ: въ одномъ изъ горныхъ проходовъ погибло почти все войско Юстиніана, и самъ онъ едва спасся бѣгствомъ. Столицей своей Аспарухъ сдѣлалъ укрѣпленный лагерь Плискоа, который называется у византійскихъ писателей также Плискова или Плискува.

¹⁾ Древнѣйшая исторія болгарскаго народа изложена въ первой главѣ «Исторіи Сербіи».

²⁾ См. В. Н. Златарскіи. «Студии по болгарската исторія». София, 1903. Ср. по этому періоду болгарской исторіи книгу М. Соколова, «Изъ древней исторіи болгаръ», 1879.

Развалины этого города, достигшаго при преемникахъ Аспаруха значительнаго развитія, находятся къ сѣверу отъ Шумны. Раскопки, начатыя въ 1899 году Русскимъ Археологическимъ институтомъ въ Константинополѣ, дали живое представленіе о культурной и политической жизни древняго болгарскаго царства до крещенія и въ первыя десятилѣтія послѣ крещенія Бориса. О нихъ еще будетъ рѣчь ниже, такъ какъ данныя раскопокъ относятся къ болѣе позднему времени, нежели Аспарухово. Выборъ же столицы объясняется тѣмъ, что Плиска (развалины около села Абобы) лежить въ обширной равнинѣ, представлявшей превосходныя пастбища для лошадей, необходимыя для воинственныхъ наѣздниковъ, какими были древніе болгары. Равнина окружена цѣпью холмовъ, что было очень важно въ стратегическомъ отношеніи. Что касается названія города, то отношеніе его къ древнему названію города Пскова (Пльсковъ) еще не вполне ясно. Случайно ли это совпаденіе или, какъ полагаютъ нѣкоторые ¹⁾, оно основано на русско-болгарскомъ племенномъ родствѣ, это врядъ ли можно рѣшить при современномъ положеніи вопроса. Можетъ быть, столица была основана на мѣстѣ стараго славянскаго поселенія, и лишь въ этомъ случаѣ можно сопоставлять это названіе со славянскимъ названіемъ Пскова. Аспарухъ подчинилъ себѣ нѣсколько славянскихъ племенъ, с ѣ в е р ц е в ѣ и еще семь другихъ. Проф. Бобчевъ полагаетъ ²⁾, что это подчиненіе совершилось добровольно, но на это нѣтъ определенныхъ указаній. Во всякомъ случаѣ, о серьезномъ сопротивленіи славянъ, тѣснимыхъ Византіей, новымъ завоевателямъ, кажется, нельзя говорить. Около 701 года умеръ Аспарухъ, и ему наследовалъ изъ той же династии Дуло Тервель (Тербели), при которомъ болгарское племя приобрѣло большое вліяніе на судьбы Балканскаго полуострова. Сами византійскіе императоры, въ своихъ постоянныхъ междоусобіяхъ не разбирая средствъ, давали поводъ сѣвернымъ варварамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла имперіи. Такъ, свергнутый и бѣжавшій въ Херсонъ императоръ Юстиніанъ, желая вернуть себѣ престолъ, обратился за помощью къ Тервелю, которому обѣщалъ большіе подарки и свою дочь въ жены. Въ слѣдующемъ 705 году Тервель съ большою арміей, состоявшей изъ болгаръ и славянъ, неожиданно подступилъ къ стѣнамъ Константинополя и простоялъ здѣсь цѣлый годъ, поддерживая Юстиніана II, который въ это время опять завладѣлъ престоломъ. Въ исполненіе договора онъ призналъ царское достоинство болгарскаго хана, «накинувъ на него, по словамъ византійскаго историка Никифора, царскую хламиду и провозгласивъ его кесаремъ». Такимъ образомъ, Болгарія, которая была

¹⁾ И. И в а н о в ъ. «Български старини изъ Македония», 1908, стр. 6.

²⁾ Ст. С. В о б ч е в ъ. «История на старобългарското право», 1910, стр. 223.

установлена въ территориальномъ отношеніи при Аспарухѣ, вошла при его преемникѣ въ систему признанныхъ Византіей государственныхъ единицъ, хотя, разумѣется, отдѣлится здѣсь легенда отъ исторіи еще невозможно ¹⁾. Но, съ другой стороны, Тервель оказывался какъ бы вассаломъ императора, такъ какъ занималъ теперь по своему сану кесаря второе послѣ императора мѣсто въ имперіи. Важнѣе, чѣмъ этотъ мишурный титулъ и та масса тканыхъ одеждъ, золота и серебра, которую получилъ Тервель, были территориальныя уступки, сдѣланныя Византіей. По свидѣтельству Георгія Амартола, Юстиніанъ II, достигнувъ съ помощью болгарскаго хана престола, уступилъ ему цѣлую область, которая называлась впоследствии, когда она уже болгаризировалась, Загоріей. Въ 706 году Тервель вернулся въ Болгарію, нося титулъ «великаго хана» (*χάνας ὄβριτης*, какъ его называютъ источники въ греческой транскрипціи). При этомъ у него уже могла возникнуть большая государственная идея, объединеніе славянства, противопоставленнаго Византіи, подъ своимъ скипетромъ. Но императоръ, укрѣпившись на престолѣ, не могъ не увидѣть, что онъ своимъ поведеніемъ содѣйствовалъ укрѣпленію заклятаго врага; уже черезъ два года онъ снаряжаетъ большую экспедицію для завоеванія Болгаріи и отправляетъ флотилію къ городу Анхіалу (въ сѣверной части Бургасскаго залива), откуда десантъ долженъ былъ двинуться на славянъ и болгаръ Тервеля. Однако, Юстиніанъ потерпѣлъ полное пораженіе: болгары выслѣдили его конницу, отправлявшуюся на фуражировку, и неожиданнымъ нападеніемъ почти совершенно уничтожили ее. Отъ наступленія императору пришлось перейти къ оборонѣ: онъ скрылся съ остатками арміи въ крѣпости, а черезъ нѣсколько дней, приведя въ негодность военные запасы, искалчивъ оставшихся коней и т. д., послѣшно ночью сѣлъ на корабли и бѣжалъ въ Константинополь. Болгарскій князь, какъ называетъ Тервеля старый славянскій переводъ хроники Симеона Логовета (конецъ X в.), не выходилъ уже изъ сферы византійской политики, и въ этомъ присоединеніи къ общенациональному процессу заключалось крупное значеніе его княженія, такъ какъ, вступивъ въ кругъ широкихъ политическихъ интересовъ, болгары уже не могли выйти изъ него. Мы видимъ, что Тервель продолжаетъ принимать самое дѣятельное участіе въ устройствѣ византійскихъ судебъ: въ 711 году, когда Юстиніанъ Ринотметъ былъ снова свергнутъ съ престола, на помощь ему выступаетъ опять-таки болгарскій князь, но на этотъ разъ неудачно; зато въ слѣдующемъ году болгары грозой прошли по византійскимъ владѣніямъ и подступили къ самымъ

¹⁾ Н. П. Кондаковъ. «Македонія. Археологическое путешествіе», 1909, стр. 7—8.

Золотымъ Воротамъ; когда въ 713 году они повторили свое нападеніе, императоръ Филиппикъ оказался безсиленъ справиться съ ними: въ томъ же году онъ былъ свергнутъ съ престола, и въ Византіи наступили смуты, которыя привели въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду дворцовыхъ переворотовъ и смѣнъ императоровъ, и, пользуясь этимъ, Тервелъ въ 716 году заключилъ новый выгодный договоръ съ Византіей. По условіямъ этого мира, границы Болгаріи начинались уже во Фракіи, Византія обязывалась платить дань одеждами и черными кожами на сумму около 30 фунтовъ золота и т. д. Особенно любопытенъ одинъ пунктъ договора, бросающій яркій свѣтъ на тогдашнія отношенія въ болгарскомъ ханствѣ. Стороны обязались взаимно выдавать эмигрантовъ: это имѣло большое значеніе для Юстиніана, но не было безразлично и для Тервеля. Дѣло въ томъ, что классъ бояръ, высшихъ, которыхъ древнія болгарскія надписи называютъ *βοιλάδες*, и низшихъ, *βαγανοί*, представлялъ постоянную опасность для развитія княжеской власти. Первые были представителями старыхъ болгарскихъ родовъ, вѣроятно, тюркскаго происхожденія, принимавшихъ ближайшее участіе въ созданіи Болгарскаго княжества и потому претендовавшихъ на участіе въ государственной жизни ¹⁾. Съ ними очень приходилось считаться и Тервелю, и потому естественно, что и онъ старался оградить себя отъ перебѣжчиковъ на византійскую сторону. Наконецъ, одинъ изъ пунктовъ договора опредѣлялъ торговыя отношенія государствъ, причемъ товары, обращавшіеся въ Болгаріи, но не снабженные установленной пломбой, отбирались въ казну. Это объясняется желаніемъ предоставить византійскимъ товарамъ преимущественный сбытъ; то же гарантировалось и вывозу изъ Болгаріи въ Византію.

Такимъ образомъ, болгарское княжество становилось по отношенію къ цареградскимъ императорамъ величиной равноправной. Приходилось признавать, что князья этого пришлаго варварскаго племени являются чуть ли не покровителями Константинополя. Именно, уже на слѣдующій годъ послѣ заключенія упомянутаго договора имъ пришлось выступить въ этой роли: когда въ 717 году арабы двинулись на Цареградъ и осадили его съ суши и съ моря, хотя и вели осаду неудачно, на помощь столицѣ явились болгары, которые, по словамъ историка, истребили до 22 тысячъ арабовъ. Въ это время на византійскомъ престолѣ сидѣлъ уже не Юстиніанъ, а Левъ Исаврійскій, а слѣдовательно, и этотъ послѣдній подтвердилъ договоръ, заключенный съ Тервелемъ его предшественникомъ. Послѣ этого болгарскаго князя стараются впутать во внутреннія византійскія междоусобія, а затѣмъ почти на 40 лѣтъ исчезаютъ всякія

¹⁾ В. П. Златарскіи. «Студии по българската история», 1903.

свѣдѣнія о Болгаріи. Объясняется это, разумѣется, тѣмъ обстоятельствомъ, что византійскимъ историкамъ не было надобности говорить о сѣверномъ княжествѣ, потому что имперія жила въ мирныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Что произошло за эти годы, сказать трудно: по сохранившемуся въ русскомъ хронографѣ именованію болгарскихъ князей, можно думать, что Тервель княжилъ до 722 года, что затѣмъ его смѣнили два князя изъ той же династіи, а потомъ въ 735 году на болгарскій престолъ вступаетъ новая династія. При ней все чаще появляются свѣдѣтельства о значительной роли славянъ въ Болгаріи; постепенно появляются славянскія имена среди вельможъ, наконецъ, и династія рѣшительно переходитъ на сторону славянъ. Очевидно, за эти сорокъ лѣтъ совершился какой-то важный переворотъ. Въ чемъ онъ заключался? Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ бросаютъ послѣдующія событія и византійскія отношенія при императорѣ Львѣ Исаврійскомъ. Этотъ послѣдній сосредоточилъ все свои усилія на охраненіи границъ государства и для этой цѣли создалъ военные округа, «темы», своего рода генераль-губернаторства, гдѣ единство власти позволяло быстро пускать въ ходъ все оборонительныя средства. Но въ предѣлахъ самаго государства въ концѣ 40-ыхъ годовъ свирѣпетовала чума, сопровождавшаяся чрезвычайно тяжелыми послѣдствіями для населенія. Къ этому времени относятся слова историка и императора Константина Багрянороднаго, написанныя имъ черезъ 200 лѣтъ послѣ событія. Онъ записалъ, что вслѣдствіе катастрофы, происшедшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, вся греческая земля ἐσθλαβώθη и сдѣлалась варварскою. Это слово «ἐσθλαβώθη» представляетъ загадку, не вполне разрѣшенную до сихъ поръ: часто оно понималось въ томъ смыслѣ, что вся страна была занята славянскими колонистами, ослабнѣла, но такъ какъ слово σθλαβοςъ представляетъ лишь архаическую форму литературнаго языка вмѣсто простонароднаго σκλάβοςъ (рабъ, лат. *servus*), то приведенное мѣсто изъ Константина можетъ означать: «была порабощена»¹⁾. Но, какъ бы ни толковать это спорное мѣсто, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что условія, въ которыхъ находилась имперія, чрезвычайно содѣйствовали усиленію и развитію славянскихъ элементовъ на полуостровѣ, именно, македонскихъ и болгарскихъ славянъ, вовлеченныхъ уже въ сферу византійскихъ интересовъ. Въ Болгаріи въ это время царствовалъ Кормисохъ, который, вѣроятно, умеръ около

¹⁾ Ср. А. Погодинъ. «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій», 1902, стр. 75, а въ послѣднее время послѣдованія М. Фасмера въ *Zeitschrift für deutsche Wortforschung*, т. IX, стр. 21 п 315.—М. Соколовъ. «Изъ древней исторіи болгаръ», 1879, приводитъ форму ἐσκλαβώθη.

752 года, оставивъ престолъ члену того же рода, Винеху. Вскорѣ послѣ того между имперіей и болгарскимъ княжествомъ начинаются новыя распри, вызванныя агрессивными дѣйствіями со стороны императора Константина Копронима. По его повелѣнію, во Фракію были переселены сирійцы и армяне, принадлежавшіе къ павликіанской ереси; эти переселенцы принялись строить на болгарской границѣ крѣпости, что являлось нарушеніемъ старыхъ договорныхъ отношеній между двумя со-сѣдними государствами. Болгарскій князь обратился къ императору съ требованіемъ прекратить постройки, но встрѣтился съ полнымъ отказомъ; тогда его войска двинулись въ Фракію, дошли до, такъ называемыхъ, «длинныхъ стѣнъ» и угрожали самому Константинополю; съ массой плѣнниковъ они вернулись назадъ. Но Константинъ, который достигъ къ этому времени въ различныхъ областяхъ политической жизни большихъ успѣховъ, не могъ оставить безнаказаннымъ нападеніе болгаръ; съ флотиліей въ 500 кораблей онъ отправился къ устью Дуная и, укрѣпившись въ крѣпости Маркелли (какъ думаетъ г. Златарскій, нынѣ с. Войника въ Ямбольскомъ округѣ, въ Восточн. Румелии), сталъ производить оттуда нападенія на Болгарію, принудившія Винеха заключить съ Византіей миръ на невыгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, Болгарія утратила свое привилегированное положеніе, добытое при Тервелѣ, и у Константина Копронима зародилась надежда подчинить своей власти славянскія племена восточной Болгаріи. Подъ 758 годомъ историкъ Теофанъ сообщаетъ, что Константинъ покорилъ македонскихъ славянъ (славянскія провинціи у Македоніи), а остальныхъ сдѣлалъ своими подданными, но въ слѣдующемъ году онъ потерпѣлъ полное пораженіе, когда слишкомъ далеко зашелъ въ болгарскую землю. Судьба болгарской династіи все болѣе тѣсно связывалась съ славянскими племенами, которыя она стремилась объединить, такъ что славянскій элементъ долженъ былъ получать все болѣе значенія и въ правительственной жизни княжества. Разбить возможное объединеніе восточно-балканскихъ славянъ составляло одну изъ очередныхъ задачъ Византіи; повидимому, ея дипломатія старалась использовать въ своихъ цѣляхъ недовольство, охватывавшее то болгарскій, то славянскій лагерь въ ханствѣ, и постоянно поддерживала ослабѣвавшую въ этой національной борьбѣ сторону. Эта борьба привела къ смѣнѣ династіи; родъ Вокиля долженъ былъ уступить свое мѣсто выставленному болгарскими «бойлями» Телецу. Славянская партія въ странѣ, повидимому, потерпѣла пораженіе, и новое правительство, руководимое, по заявленію нашихъ источниковъ, «зловрачнымъ» Телецомъ, стало преслѣдовать славянъ. Это вызвало обширную эмиграцію ихъ въ предѣлы Византійской имперіи; какъ рассказываетъ Никифоръ, свыше двухсотъ тысячъ человекъ (въ вариантѣ всего 18 тысячъ)

изъ «славянскихъ родовъ» бѣжали къ берегамъ Чернаго моря, обратились къ императору, были переправлены на малоазіатскій берегъ и поселены въ Визаніи на рѣкѣ Артанѣ. Съ переменной династіи Болгарія начала снова враждебную политику по отношенію къ Византіи. Намъ неизвѣстно, чѣмъ былъ вызванъ походъ Константина Копронима противъ болгаръ въ 762 году, но, во всякомъ случаѣ, онъ указываетъ на чрезвычайное обостреніе отношеній между государствами: вдоль берега Чернаго моря поплыла эскадра, нагруженная конницей, а самъ императоръ съ остальнымъ войскомъ двинулся къ сѣверу отъ Бургасскаго залива, на Анхіальское поле, гдѣ онъ и расположился лагеремъ. Тогда Телець обратился за помощью къ славянамъ, заключилъ съ ними союзъ, какъ говорятъ наши источники, но и это не помогло: въ битвѣ, продолжавшейся почти цѣлый день, онъ потерпѣлъ полное пораженіе. Константинъ вернулся въ Цариградъ съ большой добычей, толпой плѣнниковъ и торжественно вступилъ въ столицу, а въ Болгаріи произошелъ новый переворотъ въ пользу прежней династіи. Телець былъ убитъ вмѣстѣ со своей партіей бояръ, на престолъ былъ поставленъ одинъ изъ бойлевъ противной стороны Сабинъ (или Савинъ), родственникъ Кормисоша, возобновившій политику мирныхъ переговоровъ съ Византіей и, по всей вѣроятности, дружественно расположенный къ славянскому населенію государства. И этимъ воспользовались противники, кричавшіе, что Сабинъ отдаетъ Болгарію въ рабство имперіи; снова вспыхнулъ бунтъ, и болгарскій ханъ, вынужденный спасаться бѣгствомъ, обратился за помощью къ Константину, который и укрылъ его въ своей столицѣ вмѣстѣ съ его женами и приближенными. Въ Болгаріи продолжали кипѣть распри, о которыхъ византійскіе историки сохранили не вполне совпадающія извѣстія: какъ бы то ни было, византійскій императоръ пользовался случаемъ, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства; онъ рѣзко упрекалъ бояръ за отношеніе къ Сабину и подъ видомъ защиты его интересовъ жегъ и грабилъ болгарскія области.

Наконецъ, съ преемникомъ этого хана, Паганомъ, Константинъ заключилъ миръ, «кажущійся миръ», какъ заключаетъ византійскій историкъ, имѣя въ виду истинныя намѣренія императора. Очевидно, Константинъ собирался нанести рѣшительный ударъ самостоятельности болгарскаго ханства. На это указываетъ совершенный по его приказанію арестъ сѣверскаго князя Славуна, несомнѣнно славянина, начальника славянскаго племени, поддерживавшаго болгаръ и занимавшаго важнѣйшіе восточно-болгарскіе проходы. Это извѣстіе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на происходившій въ Болгаріи процессъ ассимиляціи двухъ народностей, изъ которыхъ основная, славянская, играла въ эту пору, т.-е. къ началу 60-ыхъ годовъ VIII вѣка, уже преобладающую роль и опиралась въ упро-

ченіи своего политическаго значенія на сосѣднія независимыя славянскія племена. Это извѣстіе бросаетъ также свѣтъ на тактику византійскихъ императоровъ въ ихъ походахъ на Болгарію: необходимо было занимать балканскіе проходы, чтобы не пропускать съ юга (изъ теперешней Восточной Румелии) славянскихъ подрѣпленій, и отправлять вдоль берега флотъ, чтобы не позволять этимъ подрѣпленіямъ пройти на сѣверъ по берегу. Поэтому, императоры постоянно отправляютъ двѣ арміи, сухопутную черезъ балканскіе проходы и военно-морскую на эскадрѣ вдоль берега. Это внушаетъ мысль, что между двумя частями теперешней Болгаріи уже тогда была живая политическая связь, связь славянской массы съ болгарскою династіей.

Расправившись съ элементами, угрожавшими ему на Балканскомъ полуостровѣ, Константинъ неожиданно двинулся противъ болгаръ, достигъ какой-то мѣстности Цики или Чики (Τῆσσα) и поджегъ «дворцы, которые здѣсь находились». Паганъ не могъ и думать о сопротивленіи; онъ бросился въ Варну, гдѣ былъ убитъ собственными слугами, т. е., какъ можно думать согласно связи событій, своими подданными, приверженцами иной политики и другой династии. Изъ Болгаріи императоръ быстро вернулся назадъ, чтобы въ слѣдующемъ году, пользуясь наступившею здѣсь анархіей, возобновить нападеніе. Съ громадною флотиліей въ 2600 транспортныхъ судовъ онъ направился въ сѣверную Болгарію, а черезъ балканскіе проходы онъ двинулъ другую часть арміи. Въ полной увѣренности въ легкой побѣдѣ Константинъ отвергъ всѣ просьбы о мирѣ, съ которыми обращались къ нему перепуганные болгары, но случайность погубила всѣ его намѣренія. Буря, разразившаяся у береговъ Болгаріи, разбросала и потопила флотъ императора, уничтожила цѣлую половину его арміи, и Константину пришлось безъ усилій вернуться домой, гдѣ его ждали все усиливавшіяся распри между иконоборцами и почитателями иконъ. Какъ эта внутренняя смута, такъ и гибель византійской арміи были чрезвычайно выгодны для славянскихъ племенъ Македонія и Фессалии, которые занимались пиратствомъ на морѣ и постоянно беспокоили предѣлы имперіи. Константину пришлось вмѣсто того, чтобы карать славянскихъ пиратовъ, вступить въ соглашеніе съ ними и выкупать у нихъ христіанскихъ плѣнниковъ. Да и внѣшнія дѣла, борьба съ арабами, защита малоазіатскихъ христіанъ отъ абассидовъ и т. д., не позволяли имперіи обращать слишкомъ много вниманія на болгарскія событія. И это было спасеніемъ для ханства, которое все еще не могло установить равновѣсія въ борьбѣ между двумя этническими элементами, хотя славянство, составлявшее основную массу въ населеніи, видимо, уже брало верхъ надъ болгарами-тюрьками. Выразителемъ этого направленія явился князь,

или, какъ его называли сами болгары, ханъ (ханъ, какъ писали византійскіе историки, передававшіе, напримѣръ, въ формѣ *Καρχαγάνος* два слова *Καν-Παγάνος*, Ханъ-Паганъ) Телеригъ, о которомъ Теофанъ упоминаетъ подъ 773 годомъ. Въ глазахъ славянъ онъ былъ княземъ Болгарскимъ, какъ упорно переводить титулъ хана славянскій переводъ Теофана, и этотъ постоянный титулъ показываетъ, что для славянъ Болгаріи династіи хановъ не были уже чуждыми, завоевательными родами; ханы превратились для нихъ въ ихъ князей, и такимъ княземъ оказался Телеригъ, сумѣвшій опереться въ своей борьбѣ съ Византіей на населеніе.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что Константинъ Копровимъ, оправившись отъ потрясеній, опять направилъ свои усилія на сѣверъ. Очевидно, сокрушить молодое балканское государство представляло одну изъ очередныхъ политическихъ задачъ Византіи, и императоры ея возобновляютъ свои походы съ желѣзнымъ упорствомъ, и все по одному и тому же плану: вдоль берега Чернаго моря плыветъ эскадра, а другая армія слѣдуетъ по суху, готова нападеніе на княжество съ двухъ фронтовъ. Но и на этотъ разъ планъ не удался; напуганная первой неудачей эскадра вернулась; вѣроятно, опять грозила буря, и флотъ не надѣялся удержаться въ Варненской гавани. Съ другой же стороны, и болгары спѣшили предотвратить разгромъ; навстрѣчу императору они выслали «*βοιλάν καὶ τζιγάνον*», какъ сообщаетъ Теофанъ, т. е. боярина и еще какое-то знатное лицо, имя котораго англійскій историкъ Вигу и болгарскій ученый Златарскій сопоставляютъ съ кавказскимъ словомъ джигитъ. Миръ былъ заключенъ на томъ условіи, что болгары обязались не беспокоить Византію своими нападеніями, а императоръ отказывался отъ вторженій въ Болгарію, хотя и оставлялъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ свои гарнизоны, въ которыхъ Телеригъ могъ видѣть постоянную угрозу со стороны вѣроломнаго византійскаго императора. Въ томъ же году болгарскій князь вступилъ въ сношенія со славянскимъ племенемъ берзитовъ, населявшимъ юго-восточную часть теперешней Македоніи. Смыслъ этихъ сношеній не вполне ясенъ: утверждать, что они имѣли дружественный характеръ, мы не имѣемъ основаній, если вспомнимъ, что, по сообщенію нашихъ источниковъ, ханъ имѣлъ въ виду оккупировать область берзитовъ, а ихъ самихъ переселить въ Болгарію. Но, съ другой стороны, также трудно предполагать, что при опасности, грозившей постоянно съ юга, болгарскій князь могъ рискнуть поднять противъ себя пограничное славянское племя. Ясно только одно, что ему было необходимо завладѣть территоріей этого послѣдняго и что онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для прямыхъ агрессивныхъ дѣйствій противъ Византіи. Изъ пограничной области было легче слѣ-

дять за всіма приготовленіями императора къ новому нападенію на Болгарію. Оно и не заставило себя ждать: съ 80-тысячною арміею Константинъ двинулся на болгаръ и гдѣ-то въ Литоэоріи, мѣстности, до сихъ поръ не опредѣленной, но лежавшей неподалеку отъ Цареграда, напалъ на сравнительно незначительный болгарскій отрядъ, который и обратился въ бѣгство, не проливъ «христіанской крови». Потомъ все пошло обычнымъ порядкомъ: флотъ двинулся вдоль береговъ Чернаго моря (774), сухопутная армія пошла на сѣверъ, но опять флотъ былъ разбитъ бурей, и императоръ вернулся въ свою столицу. Повидимому, моментъ для нападенія на Болгарію Константинъ выбралъ согласно съ извѣстіями о внутреннемъ положеніи края, которыя доставлялись ему приверженцами Византіи. На это указываетъ исторія дальнѣйшихъ сношеній имперіи съ княземъ болгарскимъ: именно, тотъ прибѣгъ къ хитрости, чтобы узнать этихъ приверженцевъ. Онъ притворился, будто хочетъ бѣжать въ Цареградъ, и просилъ назвать друзей императора въ Болгаріи, чтобы они сопровождали его въ пути. Разумѣется, это была просто ловушка, въ которую и пошалъ императоръ. Приверженцы его были узнаны и казнены, а Константину не удалось даже отомстить за эту хитрость, такъ какъ во время новаго похода, предпринятаго имъ въ 775 году, онъ умеръ отъ апоплектического удара. На этомъ, однако, внутренняя борьба, происходившая въ Болгаріи, не кончилась: два года спустя и Телеригу пришлось бѣжать въ Константинополь и искать поддержки у императора Льва IV, который держался по отношенію къ Болгаріи иной политики, чѣмъ его отецъ. Императоръ дружественно принялъ болгарскаго князя, крестилъ его и женилъ на родственницѣ своей жены, такъ что Телеригъ, живя при византійскомъ дворѣ, представлялъ постоянную угрозу болгарскимъ претендентамъ на престолъ. На нѣкоторое время прекращаются всякія извѣстія о томъ, что происходило здѣсь. Судя по одному извѣстію, относящемуся къ 783 году, имперіи приходилось постоянно защищаться отъ славянскаго напора. Въ этомъ году регентша императрица Ирина, «заключивъ миръ съ арабами, обезпечила себѣ безопасность на востокѣ и отправила съ большимъ войскомъ противъ славянъ Ставрикія. Достигнувъ Солуни и Эллады, Ставрикій всѣхъ ихъ покорилъ и сдѣлалъ подданными императрицы. Проникъ онъ и въ Пелопоннесъ и набралъ здѣсь много плѣнниковъ и добычи». Такимъ образомъ, въ Македоніи, въ Элладѣ, въ Пелопоннесѣ,—повсюду поднимались славянскія племена, которыя въ то же время складывали свои первыя государства и на западѣ полуострова. По мѣткому выраженію проф. Ковдакова, «набѣги кочевниковъ, опустошавшіе страну, въ то же самое время приготовляли мѣста для движущагося въ задъ ихъ земледѣльческаго населенія». Славяне болгарскіе не могли не участво-

вать въ этомъ процессѣ образованія славянскихъ государствъ: какъ черезъ тысячу слишкомъ лѣтъ, и тогда общее движеніе должно было захватывать всѣхъ славянъ. Въ Болгаріи мы находимъ на престолѣ въ 791 году Кардама, противъ котораго императоръ предпринимаетъ походъ, вызванный движеніемъ среди славянъ Македоніи. Кардамъ выступилъ навстрѣчу императору, и у крѣпости Провать (теперь Провадия къ сѣв.-вост. отъ Адрианополя) произошла битва, о результатахъ которой источники сообщаютъ не вполне согласныя данныя. Повидимому, исходъ военныхъ дѣйствій въ 791 году такъ и остался неопредѣленнымъ, но въ слѣдующемъ году войска императора потерпѣли полное пораженіе, и Константинъ обязался платить дань болгарскому князю. Это привело къ новому конфликту, который показывалъ, какую силу чувствовалъ за собой Кардамъ. Въ 796 году онъ грозилъ дойти до Золотыхъ Воротъ и опустошить всю Фракію, если ему не будетъ уплачена дань. Императоръ отвѣтилъ грубымъ отказомъ. Войска сошлись къ сѣверу отъ Адрианополя, но до битвы дѣло не дошло. На этомъ кончаются всѣ наши извѣстія о Кардамѣ.

Болгарія продолжала развиваться въ томъ направленіи, какое было намѣчено ея князьями VIII вѣка. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія престолъ занялъ человекъ, который приступилъ и къ внутреннему образованію княжества. Это былъ Крумъ, сумѣвшій нанести Византійской имперіи чувствительный ударъ и укрѣпиться въ томъ самомъ городѣ, который до того времени служилъ Византіи опорнымъ пунктомъ противъ болгаръ. Въ 809 году онъ разграбилъ область по рѣкѣ Стримону, взявъ Сердику (Софію), и такимъ образомъ твердо расположился въ самомъ центрѣ Балканскаго полуострова, владѣнія же его простирались далеко и по ту сторону Дуная, гдѣ ему пришлось столкнуться съ аварами. Попытка императора Никифора отбить болгаръ отъ этой важной крѣпости оказалась совершенно неудачной: зайдя слишкомъ глубоко въ страну, онъ попалъ въ засаду; и самъ императоръ, и все его войско были перебиты, а изъ черепа Никифора Крумъ сдѣлалъ чашу, изъ которой онъ повелѣлъ «болгарскимъ болярамъ» пить въ память этой побѣды. Послѣ этого войска Крума, «болгарскаго князя», какъ его называетъ древній славянскій переводъ византійскаго источника (*ἀρχηγός*, вождь, по византійской терминологіи), двинулись на завоеваніе византійскихъ земель¹⁾: Фракія и Македонія подверглись разграбленію, а жители этихъ провинцій вмѣстѣ съ ихъ епископами были переселены за Дунай. Наконецъ,

¹⁾ Ср. В. И. Златарскіи. «Извѣстія за болгаритѣ въ хрониката на Симеона Метафраста и Логовета». Историко-критическо изслѣдане, 1908.

Крумъ осадилъ Адрианополь и подошелъ къ самому Константинополю, желая «возвзять копье свое въ Золотыя Ворота». Онъ торжественно готовился къ осадѣ и совершалъ «скверныя жертвы на полѣ Золотыхъ Воротъ», окропляя свою дружину морской водой, вошелъ по колѣни въ море и умылся въ немъ,—но добиваться сдачи Цареграда онъ не сталъ, а вступилъ въ соглашеніе съ императоромъ, который обязался уплачивать ему ежегодную дань. Коварство византійцевъ едва не погубило Константинополь; при личномъ свиданіи съ императоромъ на Крума было сдѣлано покушеніе; дѣло ограничилось для болгарскаго князя неопасной раной, но коварство его возмутило: онъ опустошилъ окрестности Цареграда, вывезъ драгоцѣнныя статуи, красовавшіяся здѣсь, потомъ двинулся къ Адрианополю и, взявъ его, «многихъ изъ благородныхъ македонянъ со множествомъ людей переселилъ, посадивъ ихъ на рѣкѣ Дунаѣ». На этомъ, однако, его военныя дѣйствія противъ Византіи не окончились: въ 814 году императоръ Левъ напалъ около Месемврія на Крума и едва не взялъ его въ плѣнъ, но тотъ сумѣлъ избавиться отъ угрожавшей опасности, въ свою очередь причинилъ грекамъ много бѣдствій и началъ готовиться къ новой осадѣ Константинополя, когда неожиданно умеръ отъ апоплектического удара (814). Такимъ образомъ, Византія избавилась отъ опаснаго врага, который держалъ ее въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ напряженномъ состояніи.

Кромѣ своихъ военныхъ подвиговъ, передвинувшихъ могущество болгарскаго княжества далеко на югъ, Крумъ былъ замѣчательнъ и какъ организаторъ своего государства. При немъ мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на борьбу между двумя этническими элементами въ населеніи государства; не видно также, чтобы бояре интриговали противъ князя. Въ 1903 году въ Добруджѣ была записана таможеннымъ чиновникомъ изъ Варны, не отмѣтившимъ точно мѣста записи, но ручающимся за достовѣрность ея (см. Б о б ч е в ъ. «Исторія», 106) легенда о томъ, какъ царь Крумъ запретилъ пить вино, а потомъ отмѣнилъ свое приказаніе. Она показываетъ, что смутное воспоминаніе о болгарскомъ законодателѣ и реформаторѣ долго жило среди подвластныхъ ему славянъ, если даже самая легенда позднѣйшаго литературнаго происхожденія, а это значитъ, что пропасти между двумя элементами населенія уже не существовало. Напротивъ, сличеніе законовъ Крума съ славянскими законодательствами древнѣйшихъ временъ обнаруживаетъ иногда ихъ народныя корни. Крумъ выступаетъ здѣсь уже не только, какъ болгарскій князь, но отчасти и какъ славянскій государь. Законы его, по сообщенію византійскаго лексикографа конца X вѣка, Свида, касались различныхъ сторонъ національнаго быта. Но уже и во времена Свида легенда обвила память о самомъ законодательствѣ: «Именно, рассказываетъ этотъ писатель,

Крумъ спросилъ аварскихъ наѣнниковъ послѣ побѣды надъ аварскою арміею, чѣмъ они объясняютъ поражение. А тѣ отвѣтили: «умножились взаимныя обвиненія, погибли самые храбрые и умные; затѣмъ, несправедливые и нечестные забрали власть въ судахъ; затѣмъ развилось пьянство, такъ какъ съ умноженіемъ виноградниковъ всѣ сдѣлались пьяницами; потомъ—погибло войско отъ подкупности, потомъ отъ торговли, такъ какъ всѣ, кто сдѣлался торговцами, начали взаимно обманывать другъ друга. И повстинѣ, отъ этого произошла напасть». Услышавъ это, Крумъ созвалъ всѣхъ болгаръ и приказалъ имъ признавать законами слѣдующія постановленія: если кто-либо обвинить другого, то слушать его надо не раньше, нежели онъ будетъ допрошенъ въ темницѣ, и если окажется, что онъ клеветалъ и лгалъ, то онъ подлежитъ смерти; никто не смѣетъ давать нищѣ ворующему, а если кто осмѣлится это сдѣлать, имущество того подлежитъ конфискаціи, а у вора должны быть перебиты ноги; кромѣ того, онъ распорядился уничтожить всѣ виноградныя лозы. И не слѣдуетъ давать всякому просящему безъ разбора, а нужно подавать въ зависимости отъ потребностей, чтобы онъ не просилъ опять; а у того, кто нарушилъ этотъ законъ, должно быть конфисковано имѣніе». Мѣсто этого законодательства въ средневѣковой культурѣ Европы опредѣляется сравненіемъ съ родственными памятниками: франкскіе и германскіе законы такъ же сурово карали за клевету; они требовали за кражу не менѣе суровыхъ наказаній, чѣмъ Крумъ; искорененія виноградныхъ лозъ, какъ мѣры противъ пьянства и роскоши, требовалъ, по словамъ Светонія, еще римскій императоръ Домиціанъ, а позднѣйшіе болгарскіе богомилы, можетъ быть, не безъ вліянія со стороны законодательной традиціи, признавали лозу созданіемъ Сатанаила. Во всякомъ случаѣ, Крумовы законы охватываютъ очень небольшую группу преступленій: кражу, ложные доносы, вымогательство, оставляя въ сторонѣ убійство и т. п. Повидимому, не напрасно на первый планъ были выдвинуты именно такія преступленія, которыя при интригахъ Византіи могли особенно грозить болгарскому правительству, т.-е. подкупъ, клевета и интриги. Государственный характеръ реформы, проведенной Крумомъ, отмѣченъ вполне отчетливо въ рассказѣ Свиды, украшенномъ тѣми сказочными подробностями, которыя отслонились въ народномъ воображеніи за истекшія 200 лѣтъ.

На нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Крума болгарская исторія становится намъ опять неизвѣстной: различные источники перечисляютъ нѣсколько несопадающихъ именъ его преемниковъ, пока, наконецъ, въ 817 году мы видимъ на престолѣ Болгаріи Омортага, перваго болгарскаго князя, который повелъ широкую политику не только по отношенію къ Византіи, но и въ иномъ направленіи, именно въ своихъ сно-

шеніяхъ съ франками. Отъ времени Омортага осталось нѣсколько надписей на мраморныхъ надмогильныхъ столбахъ; онѣ упоминаютъ о вельможахъ хана, происходившихъ изъ знатнѣйшихъ родовъ и носившихъ различные титулы, тюркское происхожденіе которыхъ отчасти несомнѣнно (богатуръ, тарканъ и т. д.). Феодальная система, повидимому, господствовала въ тюркской Болгаріи VII—VIII вѣка, и только крещеніе народа положило ей предѣлъ, какъ мы увидимъ это ниже. Нѣкоторые надписи сообщаютъ о событіяхъ, о которыхъ другія извѣстія отсутствуютъ: такъ, одна изъ нихъ говоритъ о вельможѣ (ханѣ убѣгѣ, ср. тюрк. ханъ и бегъ), который потонулъ во время какого-то похода въ Днѣпрѣ ¹⁾. Но и то, о чемъ сообщаютъ наши источники, рисуетъ довольно ярко энергичную и широкую дѣятельность преемника Крума. Такъ, въ 817 году онъ заключилъ многолѣтній миръ съ Византіей и обратилъ свое вниманіе на сѣверо-западъ, гдѣ славянскія племена, жившія на Тимокъ и принадлежавшія болгарамъ, завели сношенія съ франками. Тогда Омортагъ, пользуясь возстаніемъ противъ франкскаго владычества, поднятымъ однимъ изъ паннонскихъ князей, повелъ борьбу съ франками. Уже въ 823 году, послѣ неудачнаго исхода борьбы для славянъ, между болгарами и франками начинаются переговоры, которые приводятъ къ расширенію границъ болгарскаго княжества въ по-савской Панноніи. Срѣмъ (Сирмія), между Савой и Дравой, оставался въ рукахъ болгаръ до 1018 года, на восточную часть нынѣшней Венгріи уже надвигались первыя полчища мадьяръ, и противъ нихъ былъ, повидимому, предпринятъ тотъ походъ, въ которомъ погибъ вельможа хана. Враждебныя отношенія съ франками были вызваны стремленіями болгарскаго ханства къ распространенію своихъ границъ и борьбой за дѣлостъ этихъ послѣднихъ. Естественнымъ образомъ этотъ процессъ долженъ былъ столкнуться съ противоположнымъ процессомъ, именно со стремленіемъ каролинговъ вовлечь въ сферу своего вліянія племена, нѣкогда подвластныя аварамъ. Такъ, около 817 года часть племенъ, жившихъ въ Мизіи, добровольно перешла на сторону Людовика Благочестиваго; между нимъ и Омортагомъ началась переписка, которая не привела ни къ чему, пока лѣтъ десять спустя болгарскій ханъ не покорилъ паннонскихъ славянъ силою оружія. Движеніе германскаго элемента къ Савѣ и Дунаю заставило болгарскаго хана забыть старыя

¹⁾ Объ этихъ надписяхъ см. В. З л а т а р с к и. «Два извѣстны болгарскіи надписи». Сборникъ Мин. Нар. Просв. (въ Софіи), т. XIX. — Е го ж е. «Студии по българската история». Периодич. списаніе т. 63. — И. И в а н о в ъ. «Български старини изъ Македония», 1908. — О. У с п е н с к і й. «Старо-болгарская надпись Омортага». Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. VI. — Другая литература у Златарскаго.

распри съ Цареградомъ и сосредоточить все свое вниманіе на сѣверѣ государства и на тѣхъ странахъ, которыя входили въ сферу вліянія Омортага, именно на нынѣшней Валахія и частяхъ Молдавіи и Южной Россіи, гдѣ господствовали хазары ¹⁾). Эта борьба требовала отъ Омортага напряженія значительной энергіи и, по справедливому замѣчанію изслѣдователей древне-болгарскихъ надписей въ Абобѣ, этотъ ханъ оказывается наиболѣе крупной фігурой въ древне-болгарской исторіи. «Съ именемъ Омортага сохраняются самые прочные устои болгарскаго государства. Къ его времени относятся и памятники внутренней организаціи, и подчиненіе новыхъ областей, и перенесеніе столицы къ подошвѣ Балканскихъ горъ. Импозантная фигура Омортага весьма много выигрываетъ при свѣтѣ вновь открываемыхъ національныхъ памятниковъ, которые далеко оставляютъ за собой недостаточныя, пристрастныя и лишь случайно брошенныя замѣтки византійской лѣтописи». Повидимому, Омортагъ не оставилъ въ запустѣніи и своей старой столицы Плиски, но счелъ необходимымъ перенести военный центръ государства въ болѣе безопасное мѣсто, на р. Камчию, гдѣ въ 822 году былъ основанъ городъ Прѣславъ съ чисто славянскимъ названіемъ. Плиска продолжала развиваться, застраиваться и украшаться и послѣ крещенія Бориса, когда одно изъ языческихъ капищъ ея было превращено въ громадный христіанскій храмъ, занимавшій 2920 кв. м. ²⁾). вмѣстѣ съ тѣмъ Омортагъ былъ ревнителемъ старины: онъ поддерживалъ старый родовой аристократическій строй Болгаріи, крѣпко блюлъ языческіе обряды при жертвоприношеніяхъ и заключеніи договоровъ, преслѣдовалъ христіанъ. Прологъ рассказываетъ, будто Омортагъ запретилъ христіанамъ его ханства исповѣдывать христіанскую вѣру и казнилъ за отпаденіе въ христіанство, кромѣ отдѣльныхъ знатнѣйшихъ лицъ, еще 377 другихъ христіанъ. По другому источнику (Феофилактъ), этотъ ханъ заключилъ въ темницу своего любимца, плѣннаго грека, когда ему не удалось отвлечь этого послѣдняго отъ христіанства. Такимъ образомъ, передъ нами достаточно опредѣленная и сознательная политика; ненарушимый миръ съ Византіей (съ 816 года), сосредоточеніе всего вниманія на защитѣ сѣверныхъ границъ отъ все надвигающихся новыхъ племенъ и отъ притязаній каролинговъ, консервативная политика внутри страны, имѣющая цѣлью охранять болгарское ядро отъ

¹⁾ См. «Матеріалы для болгарскихъ древностей. Абоба-Плиска». Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ. Т. X. (1905). Кромѣ того, К. Я. Гротъ. «Моравія и мадыры съ половины IX до начала X вѣка», 1881.—В. Златарскій. «Клятва у языческихъ болгаръ», 1907.—Х. Лопаревъ. «Двѣ замѣтки по древней болгарской исторіи». Записки рус. археол. общ. т. III.

²⁾ Ср. С. п. Ганевъ. «Единъ пзлетъ въ Источна България». Българска Сборка, 1909, № 9.

сліянія съ христіанскими подданными и отъ вліяній иноземной культуры. Послѣ Омортага Болгарія уже крѣпко стоитъ на границѣ между западнымъ и восточнымъ мірами. Который изъ нихъ перетянетъ ее на свою сторону?

Вопросъ о преемникахъ Омортага до сихъ поръ довольно теменъ, такъ какъ византійскіе историки мало интересуются Болгаріей, когда она не воюетъ съ имперіей или не задѣваетъ непосредственно византійскихъ интересовъ ¹⁾. Этотъ промежутокъ охватываетъ два десятилѣтія, отъ смерти Омортага въ 831 или 832 году до вступленія на престолъ Михаила-Бориса въ 852 г. Писатель конца XI вѣка, Теофилактъ, сообщаетъ, что послѣ Омортага, котораго онъ называетъ Омвритагомъ, остались три его сына, Евравота, Звоница и Малломиръ; послѣднему и досталась отцовская власть. Первые два имени неизвѣстны изъ другихъ источниковъ, но послѣднее сохранилось на нѣсколькихъ греческихъ надписяхъ, гдѣ оно читается Маламиръ (*Μαλαμυρ*).

На одной изъ нихъ къ этому имени прибавленъ титулъ: Божьей милостью господявъ (*ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων*), т.-е. титулъ христіанскій. Между тѣмъ Теофилактъ сообщаетъ о преслѣдованіи христіанъ при этомъ ханѣ, такъ что указанный титулъ можно понять лишь въ томъ смыслѣ, что формы византійской канцеляріи проникли и въ Болгарію; однако, литературный греческій языкъ былъ здѣсь плохо усвоенъ, и надписи преисполнены грубѣйшихъ ошибокъ; варварь-болгаринъ высѣкалъ ихъ, соображаясь съ собственнымъ произношеніемъ (*хан, Омортаг*) безъ окончанія—*ης*, которое далъ бы болѣе образованный грекъ. Традиціи отца продолжались при Маламирѣ: укрѣплялась и снабжалась водопроводомъ столица Абоба-Плиска, поддерживались аристократическія традиціи болгарскихъ вельможъ, старались парализовать вліяніе грековъ и обезпечить дружбу съ франками, къ которымъ въ 832 году, т.-е. почти сейчасъ же послѣ вступленія Маламира на престолъ, посылаютъ дары и привѣтъ. Не прекратилось и враждебное отношеніе къ христіанству: Евравота, братъ хана, принявъ христіанство, заплатилъ за это головой. Наконецъ, при немъ же произошло событіе, о которомъ источники повѣствуютъ нѣсколько различно: именно, греки, поселенные Крумомъ въ 813 году за Дунаемъ, воспользовались случаемъ, чтобы вернуться на родину. Опредѣлить точно годъ этого событія (837 или 838—9) едва ли возможно; болгарскій князь, при которомъ совер-

¹⁾ В. Н. Златарски. «Преемникѣ на Омортага». Периодическо Списание, т. 54 (1896) и его-же «Извѣстията за българитѣ въ хрониката на Симеона Мелитфраста и Логовета». Историко-критическо изслѣдане. Сборникъ Мин. Нар. Просв., т. 24 (1908).

УЧЕБНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
"Видоубскі дзювоуаѣм университет"
Имя П. М. Манастира
1871

шилось это событіе, называется ошибочно Владимиромъ (Валдімер); это имя, повиданому, было вполсѣдствіи смѣшано съ правильнымъ, Маламиромъ, такъ какъ оно было хорошо извѣстно грекамъ со времени ихъ ознакомленія съ русскими князьями. При какой обстановкѣ произошло выселеніе,—былъ ли болгарскій ханъ занятъ войной и потому безсилень помѣшать эмиграціи грековъ, или же онъ не имѣлъ въ виду помѣшать этому событію,—врядъ ли можно рѣшить при состояннй нашихъ источниковъ. Характерно, во всякомъ случаѣ, что плѣнники вернулись безъ ненависти къ болгарамъ; въ ихъ числѣ находился и будущій императоръ Василій Македонянинъ, попавшій въ плѣнъ годовалымъ ребенкомъ и вернувшійся зрѣлымъ юношей.

Маламира смѣнилъ Пресіянъ, княжившій до 852 года. Имя этого хана гласитъ въ одной изъ рукописей Іоанна Скилицы, хрониста конца XI вѣка, *Пресіаносъ* ¹⁾; у Константина же Багрянороднаго оно передано въ формѣ *Пресіамъ* (*Пресіаръ*). Можетъ быть, имя хана произносилось *Прѣсіянъ* (съ *ѣ*, близкимъ къ своему болгарскому двугласному произношенію, какъ и въ передачѣ племенного имени *Смолѣне* черезъ *Σρολεανοςъ* или *Σρολενοςъ*, см. у И. Иванова ⁶⁾) и означало *Пресвѣтлый*; въ такомъ случаѣ, это уже не было болгарское имя, какъ и *Маламиръ*, встрѣчающееся и среди готскихъ именъ. Дѣятельность этого хана сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: въ 847 году закончился срокъ мирнаго договора съ Византіей, заключеннаго еще Крумомъ; у Пресіана были развязаны руки, и, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ въ Пелопоннесѣ, потребовавшимъ отъ имперіи напряженія военныхъ силъ въ этой части государства, болгарскій ханъ направилъ свои усилія на завоеваніе Македоніи и двинулся въ ея восточную часть, въ область западныхъ отроговъ Родопы. Походъ, руководимый кавханомъ Исвуломъ, имя и титулъ котораго засвидѣтельствованы надписью, оказался удачнымъ, и болгарскіе отряды дошли на югъ почти до морского берега и подчинили себѣ славянское племя *смолѣнъ*, которое жило по среднему теченію рѣки *Месты* и къ востоку отъ него. Задачей царградскаго правительства, встревоженнаго быстрыми успѣхами болгаръ, сдѣлалось перенесеніе арены военныхъ дѣйствій во Фракію, для чего требовалось перейти отъ оборонительной политики къ наступательной. Этотъ маневръ удался, и болгарамъ пришлось самимъ защищаться, пока въ 849 или 850 году не были возстановлены мирныя отношенія между двумя государствами въ границахъ, установленныхъ еще при Крумѣ. ~~Такъ же неудачны въ своемъ конечномъ результатѣ были военныя дѣйствія Пресіана.~~

1) *Praktik*. «Die Zusätze» der Handschrift des Johannes Skylitzes, 1906.

Сербіи, направленные на подчинение сербских племенъ. Завоевательныя стремленія Крумовичей все чаще приводили ихъ къ конфликтамъ съ другими народностями Балканскаго полуострова; въ Сербіи начинались попытки образованія національнаго государства, македонскіе славяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохраняли почти полную независимость; Болгарія, которая захватила всю восточную часть полуострова, сталкиваясь и съ наступающими мадьярами и съ Византіей, должна была перейти къ новымъ формамъ существованія, чтобы уцѣлѣть какъ государство. Между тѣмъ, энергическая дѣятельность ея хановъ, о которой свидѣлствуютъ остатки ихъ столицъ, значительное число надписей, развалины громаднхъ сооружений и т. п., приобрѣтала твердую основу лишь при условіи сближенія съ европейскими нормами жизни, т.-е. принятія христіанства, и при умѣнн опереться на основное, славянское населеніе. Переходъ къ такой политикѣ не могъ совершиться самъ собой, безъ коренной реформы. Мы знаемъ, что родовая аристократія въ Болгаріи, потомство тѣхъ племенныхъ вождей, которые пришли на берега Дуная изъ восточной Россіи, представляла громадную силу. Число всевозможныхъ болгарскихъ титуловъ, засвидѣлствованныхъ надписями, значительно; своеобразіе національной болгарской культуры, отражавшееся и въ особой системѣ счета, до сихъ поръ не разобранной (таково числительное ше го р а л е м ѣ и др.), препятствовало сближенію ея съ византійской или западно-европейской. Но, во всякомъ случаѣ, изъ Византіи приходили въ ханство и обычаи (надписи на плохомъ греческомъ языкѣ представляютъ подражаніе тому, что практиковалось въ восточно-римской имперіи) и культурныя вліянія, тогда какъ сношенія съ франками имѣли лишь дипломатическій характеръ. Шуть въ Цареградъ былъ предудказанъ самымъ положеніемъ Болгаріи, но для того, чтобы совершить первый шагъ на этомъ пути, приходилось сдѣлать переворотъ, вырвать власть у тѣхъ элементовъ, которымъ былъ выгоденъ старый языческій и аристократическій строй. Такимъ образомъ, революція висѣла въ воздухѣ, когда послѣ смерти Пресіяна на престолъ вступилъ его сынъ Богорисъ (Борисъ). Революцію же эту можно было провести, только исходя изъ противоположности этнографическихъ элементовъ въ ханствѣ. Въ исторіи принятія христіанства Борисомъ она обнаружилась съ полной очевидностью. По справедливому замѣчанію Ѳ. И. Успенскаго, «съ полной увѣренностью этой противоположности этнографическихъ элементовъ слѣдуетъ приписать тѣ смуты, которыя происходили въ IX вѣкѣ и которыя закончились полнымъ пораженіемъ притязаній родовыхъ старшинъ на верховную власть и восстановленіемъ наследственной ханско-княжеской власти. Движеніе и недовольство противъ Бориса, по случаю принятія имъ христіанства, должно быть

разсматриваемо, какъ бунтъ вельможъ, которые возбудили народъ противъ князя и, съ цѣлью умертвить его, собрали вокругъ дворца его десять комитатовъ. Борисъ нашелъ опору въ другой части населенія Болгаріи и предалъ казни главныхъ бунтовщиковъ въ числѣ 52 чело-вѣкъ. Съ этого времени получаютъ преобладаніе въ государственной и частной жизни славянскіе этнографическіе элементы». Процессъ, подготавливавшійся уже давно, требовалъ внѣшняго стимула, чтобы разразиться въ полной мѣрѣ.

ГЛАВА II.

Борисъ и Симеонъ.

Когда Борисъ вступилъ на престолъ, борьба между франками и все болѣе усиливавшимся моравскимъ княжествомъ достигала наибольшаго напряженія. Людовикъ Нѣмецкій, рассчитывая всецѣло подчинить своему вліянію мораванъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы на престолѣ Моравіи посадить своего ставленника, племянника свергнутого имъ князя Моймира, Ростислава. Это случилось въ 846 году. Однако, Людовикъ ошибся въ своихъ расчетахъ. «Славянское княжество мало-по-малу совершенно вышло изъ-подъ опеки Франкской державы, и этимъ оно обязано, съ одной стороны, особенно благоприятно сложившимся обстоятельствамъ и условіямъ внутренней жизни, съ другой стороны, личнымъ качествамъ своего умнаго и энергическаго правителя, сумѣвшаго освободить свою страну отъ тяжелой зависимости въ церковномъ отношеніи и создать самостоятельную народную церковь. Надежды, которыя питалъ Людовикъ, возводя на престолъ новаго князя, нисколько не оправдались: въ лицѣ послѣдняго франки сами себѣ приготовили рѣшительнаго противника и мужественнаго борца за свободу и интересы своего народа». (Гротъ. «Моравія и мадьяры»). При такихъ условіяхъ оба противника нуждались въ помощи сильнаго болгарскаго хана. Борисъ, какъ кажется, хотѣлъ соблюсти нейтралитетъ: при вступленіи своемъ на престолъ онъ отправилъ ко двору Людовика посольство, состоявшее изъ «болгаръ и славянъ», какъ считаетъ нужнымъ отмѣтить лѣтописецъ. Но уже въ слѣдующемъ году «болгары вмѣстѣ со славянами» воюютъ съ Людовикомъ. Эта война была для нихъ неудачна, и вслѣдъ затѣмъ Борисъ уже не выступаетъ съ враждебными дѣйствіями противъ франковъ. Ростиславъ Моравскій въ своей отчаянной борьбѣ съ ними не только не встрѣ-

часть поддержки со стороны болгаръ, но даже наоборотъ, оказывается вынужденъ воевать со своими недавними союзниками: такъ, въ 863 году Людовикъ опирался именно на содѣйствіе болгаръ, желая подавить возстаніе своего сына Карломана, который вступилъ въ союзъ съ Ростиславомъ, а въ 864 между королемъ и Борисомъ былъ заключенъ союзъ, продержавшійся въ силѣ до конца IX вѣка.

Такимъ образомъ, съ сѣвера безопасность Болгаріи была гарантирована, и ханъ могъ двинуться въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ по тому пути, который былъ намѣченъ естественнымъ влеченіемъ государей-собирателей, къ объединенію славянъ и къ выходу въ теплое Эгейское море. Давнишнія попытки завоевать Македонію были возобновлены Борисомъ. Отъ императора, который хорошо былъ освѣдомленъ о болгарскихъ настроеніяхъ отъ своихъ шпионовъ, не могли укрыться затѣи Бориса. Повидимому, съ цѣлью предупредить его и однимъ ударомъ разрушить его планы, онъ воспользовался тяжелымъ положеніемъ, господствовавшимъ внутри страны, и неожиданно двинулся въ походъ на Болгарію. Въ приверженцахъ Византіи здѣсь не было недостатка: тѣ православные христіане, которые уже давно подготовляли почву для перехода Болгаріи въ христіанство и встрѣчались съ репрессіями хановъ, были, конечно, на сторонѣ императоровъ. По справедливому замѣчанію одного изъ историковъ Болгаріи, христіане составляли въ ханствѣ, особенно въ его юго-западной части, уже издавна довольно многочисленный классъ, выработавшій опредѣленные воззрѣнія въ области церковной практики и требовавшій разъясненій по поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ этихъ вопросахъ. Борисъ находился подъ вліяніемъ этихъ сферъ, и послѣ своего крещенія онъ обратилъ особенное вниманіе именно на этотъ край Болгаріи, здѣсь строилъ храмы и учреждалъ каѳедры ¹⁾. Съ другой же стороны, и папы не могли отказаться отъ страны, на которую Византія привыкла смотрѣть, какъ на будущее завоеваніе своей церкви. Въдъ въ Моравіи уже нѣсколько десятилѣтій господствовало латинское богослуженіе, а Болгарія связала себя прочнымъ союзомъ съ католическимъ государствомъ. Еще въ 864 году папѣ было сообщено, что болгарскій князь обѣщаль обратиться въ христіанство; на то же надѣялся король Людовикъ: поэтому тому, кто хотѣлъ подчинить Болгарію своему церковному господству, слѣдовало торопиться. Установить точно, каковы были политическія обстоятельства, обусловившія рѣшеніе Бориса кре-

¹⁾ М. Соколовъ. «Изъ древней исторіи болгаръ», 1879. Для времени князя Бориса важны сочиненія: Н. А. Начовъ. «Врѣме и животь на св. Борисъ-Михаиль», 1901.—В. Н. Златарски. «Извѣстията за българитѣ въ хрониката на Симеона Метафраста и Логовета», 1908.—К. Я. Гротъ. «Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X в.», 1881.

ститься, врядъ ли возможно, такъ какъ источники даютъ противорѣчивыя свѣдѣнія: по однимъ изъ нихъ (продолжателю Георгія Амартола, Генесію, Симеону и др.) императоръ, пользуясь голодомъ въ Болгаріи, быстро двинулся въ походъ противъ Бориса и согласился на заключеніе мира лишь при условіи принятія имъ православія; по другимъ, именно по свидѣтельству болгарскаго архіепископа Теофилакта, самъ Борисъ по собственному побужденію обѣщалъ креститься, надѣясь этимъ шагомъ обезпечить себѣ византійскую помощь въ случаѣ новыхъ нападеній все болѣе тѣснившихъ его франковъ. Какъ бы то ни было, политическія условія страны были таковы, что тѣснѣйшее единеніе съ имперіей диктовалось необходимостью.

Не могла не повліять на рѣшеніе князя и проповѣдь Кирилла и Меодія въ Моравіи съ 863 года. Привезъ ли Кириллъ книги изъ Россіи ¹⁾, или онъ составилъ ихъ на языкѣ солунскихъ славянъ, или въ предѣлахъ своей проповѣди, во всякомъ случаѣ, это были книги на языкѣ основного населенія Болгаріи, на томъ или другомъ изъ еще близкихъ тогда славянскихъ нарѣчій. «Просвѣщеніе болгарскаго рода и переложеніе божественнаго писанія съ греческаго языка на болгарскій» относится такимъ позднимъ свидѣтельствомъ, какъ постановленіе Терновскаго собора 1211 года, къ 855 году. Въ такомъ случаѣ оно предшествовало бы переходу моравскаго князя въ православіе, а это представляется невѣроятнымъ уже въ виду того, что первая проповѣдь славянскаго богослуженія относится, несомнѣнно, къ Моравіи. Возможно предположить, что изобрѣтенная первоучителями славянская азбука основывалась на македонскомъ нарѣчій болгарскаго языка, и что, дѣйствительно, «переложеніе» Св. Писанія на болгарскій языкъ предшествовало проповѣди въ Моравіи, но «просвѣщеніе болгарскаго рода» относится, несомнѣнно, къ болѣе позднему времени. Впрочемъ, и этотъ фактъ «переложенія» книгъ въ 855 году представляется легендой. Непосредственное участіе славянскихъ первоучителей въ дѣлѣ обращенія Бориса не подтверждается достовѣрными свидѣтельствами; только легендой признаются позднѣйшіе рассказы о картинѣ, которую «художникъ Меодій» показалъ Борису, чтобы испугать его образомъ страшнаго суда ²⁾.

¹⁾ См. В. И. Ламанскій. «Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ». Журн. Мин. Нар. Просв. 1903—1904. П. А. Лавровъ, на основаніи одного сборника, изученнаго имъ, полагаетъ, что буквы были изобрѣтены въ 862 г., т.-е. въ годъ обращенія Ростислава въ Константинополь. «Юбилейный сборникъ въ честь В. Ягича», 1908.

²⁾ Ср. сводъ мнѣній въ чешской книгѣ проф. Пастрнека: «*Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda*», 1902 (здѣсь и литература; разборъ этой книги Журн. Мин. Нар. Просв., 1902, № 8).

Такъ какъ окончательный разрывъ между католической и православной церквями еще не произошелъ, то дальнѣйшія колебанія болгарскаго государя между Римомъ и Константинополемъ были совершенно естественны. Въ награду за обращеніе болгарскій князь получилъ извѣстныя земельныя пріобрѣтенія, именно, область Загору, которая лежала на прежней границѣ между ханствомъ и имперіей. Такимъ образомъ, теперь предѣлы болгарскаго княжества передвинулись далеко на югъ, и этимъ самымъ княжество вошло еще больше прежняго въ сферу византійскаго вліянія. Допуская приращеніе болгарской территоріи, императоръ не могъ, однако, согласиться на такія уступки въ области церковной жизни новообращеннаго народа, которыя давали ему религіозную самостоятельность. Поэтому намѣреніе Бориса учредить независимое болгарское патріаршество встрѣтило прямой отказъ въ Константинополѣ. Выпустить изъ своихъ рукъ новообращеннаго болгарскаго князя патріарху и императору казалось невозможнымъ: патріархъ Фотій спѣшилъ назвать Бориса своимъ возлюбленнымъ сыномъ, поручаетъ ему заботиться о дальнѣйшемъ распространеніи христіанства въ странѣ. Но за всѣми тѣми льстивыми обращеніями къ князю, которыми осыпаетъ его патріархъ въ своемъ письмѣ, чувствуется опредѣленное требованіе на признаніе за Константинополемъ права на руководство духовной жизнью Болгаріи. Однако на это именно Борисъ и не соглашался. Въ отместку Византіи, а можетъ-быть, и просто переставъ нуждаться въ императорѣ послѣ пріобрѣтенія области, подходившей къ самому Бургаскому заливу, Борисъ рѣшилъ завязать сношенія съ католическимъ міромъ. Подъ 866 и 867 годами въ Фульдской лѣтописи записаны два интересныхъ свидѣтельства объ этихъ сношеніяхъ. «Болгарскіе послы пришли къ королю въ Реймсъ, говоря, что царь (гех) ихъ съ немалымъ числомъ народа обратился ко Христу, и вмѣстѣ съ тѣмъ прося, чтобы король не отказался прислать къ нимъ способныхъ проповѣдниковъ христіанской вѣры». Такъ гласитъ запись, помѣщенная подъ 866 годомъ, а въ слѣдующемъ году, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, «король Людовикъ, удовлетворяя просьбу болгаръ, сварядилъ къ названному народу для распространенія католической вѣры епископа Ерменриха со священниками и діаконами. Но когда они пришли туда, епископы, посланные римскимъ первосвященникомъ, наполнили уже всю эту страну, проповѣдая и крестя. Поэтому, получивши позволеніе короля, они возвратились домой». Другая лѣтопись помѣщаетъ подъ 868 годомъ еще болѣе категорическое свидѣтельство объ успѣхахъ римской проповѣди въ Болгаріи. «Въ то время, какъ Господь посѣщаль свой народъ,—болгарскій народъ, до сихъ поръ почитавшій пустыхъ идоловъ, обратился къ католической вѣрѣ, при знаменіяхъ и чудесахъ среди народа, посылаемыхъ гремящимъ свыше. Когда верховный перво-

священникъ и вселенскій папа города Рима, Николай, отправилъ апостольскихъ мужей, они восприняли слово Господа нашего Иисуса Христа и были крещены». Верхній слой народа получилъ крещеніе изъ Византии: сначала были крещены бояре Бориса, потомъ онъ самъ; въ честь своего крестнаго отца, императора Михаила, болгарскій князь, принялъ при крещеніи его имя. Этимъ отношеніемъ верховной власти къ православію парализовались успѣхи католичества, и Борисъ очень скоро выдалъ тайную мысль, которая составляла подкладку его заигриваній съ Римомъ. Бертинская лѣтопись утверждаетъ, что Борисъ отправилъ въ Римъ своего сына и многихъ бояръ; они понесли дары папѣ Николаю и должны были предложить ему рядъ вопросовъ «о таинствахъ вѣры». Какъ вопросы эти, такъ и отвѣты папы сохранились. Они показываютъ, что новообращенные никакъ не могли разобраться въ существенномъ и маловажномъ, боялись отступить отъ буквы обрядовъ и не знали, какъ надо совершать ихъ. Вопросы о томъ, можно ли христіанину носить штаны (*femogalia*) или ѣсть мясо животнаго, убитаго евъухомъ, стоятъ рядомъ съ недоумѣніями относительно правильнаго стоянія въ церкви (въ шапкахъ ли или нѣтъ, какъ нужно скрещивать руки, нужно ли причащаться, непременно препоясавшись и т. д.), съ просьбой разъяснить требованія морали, вытекающія изъ новой вѣры, и т. п. Судя по этимъ вопросамъ, можно замѣтить, что культура высшаго класса болгарскаго народа носила восточныя, тюркскія черты: употребленіе конскаго хвоста въ видѣ военнаго знамени, клятвы на мечъ, носеніе амулетовъ на шеѣ. Отвѣты на подобные вопросы не могли затруднять папу: въ концѣ концовъ, ему было безразлично, будутъ ли болгары допускать тѣ или другія мелкія отступленія отъ буквы обряда, разъ они останутся вѣрны своему послушанію Риму. Вотъ въ этой области папа не допускалъ никакихъ изъятій: такъ, онъ рѣшительно запрещалъ производить мірской судъ надъ духовнымъ лицомъ, обзаводиться богослужебными книгами (онѣ должны быть только у епископа), а главное, онъ противился намѣренію Бориса учредить у себя патріаршество и старался втолковать ему, что константинопольскій патріархъ не совѣмъ законно носить этотъ титулъ и по своему рангу уступаетъ папѣ. На вопросъ о патріаршествѣ папа Николай отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ никогда не было патріарха или архіепископа, онъ долженъ быть поставленъ старшимъ (*a majore*); потомъ, въ силу своего сана, онъ ставитъ епископовъ, которые и избираютъ ему преемника. Вы требуете, чтобы поставленъ былъ патріархъ, архіепископъ или епископъ; всего приличнѣе вамъ желать, чтобы онъ поставленъ былъ вамъ первосвященникомъ престола св. Петра, отъ котораго и епископство и апостольство получили свое начало». Такимъ образомъ, въ самостоятелно-

сти болгарской церкви папа отказывалъ осторожно и мягко, но рѣшительно. Болѣе того: и епископа онъ обѣщалъ дать болгарамъ лишь послѣ того, какъ папскіе легаты убѣдятся въ значительности и твердости христіанства въ Болгаріи. Борисъ, казалось, подчинился такому рѣшенію, клялся въ преданности и покорности папскому престолу, но одновременно съ этимъ повелъ совершенно противоположную политику. Изъ-за Болгаріи между царградскимъ и римскимъ духовенствомъ началась новая борьба, которая не прекратилась и тогда, когда другіе спорные вопросы, казалось, приходили къ благополучному разрѣшенію. Папа держалъ себя уклончиво, императоръ же осыпалъ Бориса дарами и привлекалъ его на свою сторону, что было для болгарскаго князя тѣмъ важнѣе, что на престолѣ Византіи находился человекъ выдающійся, а на нѣмцевъ трудно было рассчитывать въ случаѣ столкновенія съ нимъ: моравское княжество было сломлено, и очередь была за Болгаріей. Опереться на Византію во всѣхъ отношеніяхъ было выгоднѣе, чѣмъ продолжать двусмысленную игру съ франками и съ папой. Въ началѣ 870 года вопросъ, поставленный болгарами: «какой церкви они должны подчиняться?», былъ поднятъ въ Константинополѣ на совѣщаніи іерарховъ восточной и западной церквей. Послы папы приводили въ основаніе его притязаній на господство въ Болгаріи рядъ догматическихъ соображеній и слѣдующій весьма важный историческій фактъ: «Такъ какъ болгары, подчинившіе себѣ по праву международному страну и вотъ уже столько лѣтъ владѣющіе тѣмъ, что захватили, поручили себя спеціально покровительству и управленію апостольскаго престола, то по справедливости они должны подчиняться намъ, которыхъ они сами добровольно избрали своими учителями. Святой апостольскій престолъ, по распоряженію святѣйшаго папы Николая, какъ черезъ нѣкоторыхъ изъ насъ здѣсь находящихся, посвятившихъ тамъ много церквей и поставившихъ многихъ священниковъ, такъ и черезъ почтеннѣйшихъ епископовъ Павла, Доминика, Леонарда и Формоза, равно какъ и нашего епископа Гримоальда, который, по собственному сознанію находящихся здѣсь болгаръ, остается и теперь у нихъ со многими священниками, приводя съ великимъ трудомъ, при руководствѣ благодати Божіей, отъ различныхъ заблужденій къ истинѣ католической вѣры,—этихъ самыхъ болгаръ вотъ уже больше трехъ лѣтъ удерживалъ, удерживаетъ, управляетъ и располагаетъ; поэтому, непослѣдовательно, чтобы безъ согласія верховнаго первосвященника церковь римская была обнажена отъ тѣхъ, которыми теперь оказывается облеченною». Восточные іерархи не остались въ долгу и постановили, чтобы «отечество болгарское, бывши, какъ извѣстно, во власти грековъ, имѣвши греческихъ священниковъ, вслѣдствіе введенія христіанства, возвращено было св. константинопольской

дерзави, отъ которой отошло, благодаря язычеству». Такимъ образомъ, рѣчь шла объ очень старыхъ вещахъ, о первыхъ временахъ распространенія христіанства на Балканскомъ полуостровѣ, причемъ католики ссылались на свой приоритетъ въ этомъ отношеніи, православные же отстаивали свой. Характерно при этомъ, что католики ссылались на новѣйшую христіанскую проповѣдь среди современныхъ имъ болгаръ, тогда какъ Византія не пользовалась этимъ аргументомъ, казалось бы, такимъ сильнымъ, а ограничивалась туманными ссылками на «болгарское отечество», т.-е. на территорию, которая нѣкогда принадлежала восточно-римской имперіи, а теперь была занята болгарями. Не указываетъ ли это на слабость фактическихъ правъ византійскаго духовенства въ Болгаріи, на то, что главную работу совершило здѣсь не оно, а католическіе священники. Какъ бы то ни было, Борисъ сталъ на сторону православія. Онъ призналъ вмѣстѣ съ православными іерархами рѣшеніе этого съѣзда за постановленіе вселенскаго собора. Отъ Цареграда Болгарія получила, наконецъ, то, чего она такъ тщетно добивалась отъ Рима, — самостоятельнаго архіепископа: въ 870 году патріархъ посвятилъ для этой церкви архіепископа и низшее духовенство, которое и заняло мѣсто католическаго. Когда въ 866 году болгарскіе послы просили у папы Николая прислать имъ «свѣтскіе законы» (*leges mundanae*), папа согласился исполнить эту просьбу, но лишь въ такомъ видѣ, что для временнаго пользованія, не надолго онъ прислалъ имъ какой-то кодексъ. Въ отвѣтахъ папы этотъ послѣдній называется *Venebandae romanorum leges* или *institutionum liber*. Очевидно, имѣлся въ виду какой-то сокращенный и приспособленный для нуждъ варварскихъ народовъ сводъ римскихъ институцій. По предположенію извѣстнаго хорватскаго юриста, историка древне-славянскаго права Богишича, къ которому примкнулъ и проф. С. С. Бобчевъ, это былъ *Breviarium Alaricanum* (*Lex romana, Liber legum*, какъ онъ называется во многихъ рукописяхъ), — составленное въ 506 году, по приказанію вестготскаго короля Алариха II, извлеченіе изъ римскихъ кодексовъ. Впрочемъ, значеніе этого законодательства въ древне-болгарской жизни не могло быть велико уже потому, что и папа не хотѣлъ оставить бревіарія въ рукахъ болгаръ, и самъ Борисъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ вступилъ въ сношенія съ Константинополемъ. Только самый фактъ ознакомленія съ юридическими нормами западной культурной жизни не могъ пройти безслѣдно въ процессѣ освоенія Болгаріи съ христіанской цивилизаціей.

Историческая судьба болгарскаго народа была рѣшена: онъ примкнулъ къ восточной православной культурѣ такъ же рѣшительно, какъ это сдѣлалъ съ сербскимъ народомъ Стефанъ Нѣманя. «Главное мировое значеніе этого факта, говоритъ проф. Соколовъ, состоитъ въ томъ, что,

благодаря ему, оказалось возможнымъ быстрое развитіе славянскаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, остався Борисъ долѣе, если не навсегда, вѣрнымъ сыномъ римской церкви, кто знаетъ, нашло ли бы великое дѣло Кирилла и Меоодія благопріятную среду для своего развитія. Удаленіе греко-славянскаго духовенства изъ Моравіи и Панноніи едва ли бы могло имѣть тѣ же послѣдствія, едва ли былъ бы оказанъ ему тотъ же пріемъ въ Болгаріи, какой оно нашло у Бориса, государя, имѣвшаго теперь свою автокефальную церковь. Ни отъ папы Николая, ни отъ папы Адріана Борисъ не встрѣтилъ уступчивости; едва ли оказалъ бы ее и Іоаннъ III: вѣдь онъ потому и сдѣлалъ нѣкоторыя уступки въ Панноніи и Моравіи, что потеряна была Болгарія». Въ этихъ словахъ правильно указана сущность того переворота, который совершилъ болгарскій князь: книги, полученные имъ, были славянскія, просвѣщеніе народа совершалось отнынѣ только на языкѣ мѣстнаго, основного населенія, которое, такимъ образомъ, становилось носителемъ государственной идеи Болгаріи. Само собою разумѣется, что болгарская тюркская аристократія не могла быть довольна такимъ оборотомъ вещей; она возмущалась, но возстаніе ея было подавлено, и, такимъ образомъ, эта новая побѣда окончательно упрочила торжество славянства въ ханствѣ, которое теперь превращалось въ славянское княжество. По свидѣтельству Бертинской лѣтописи, сообщающей о чудесахъ при усмиреніи возстанія, Борисъ предалъ смертной казни болѣе пятидесяти бояръ, тогда какъ простыхъ людей, примкнувшихъ къ нимъ, отпустилъ безнаказанно. Уже этотъ фактъ указываетъ на направленіе, въ которомъ велъ свою политику князь. Съ паденіемъ аристократіи и усиленіемъ славянскихъ элементовъ въ Болгаріи долженъ быть связанъ и переходъ на сторону восточнаго православія, признававшего за мѣстными языками право на участіе въ богослуженіи. Тѣмъ не менѣе, борьба между Византіей и Римомъ изъ-за Болгаріи еще долго не прекращалась: еще десять лѣтъ спустя, въ 880 году, папа добивается отправки въ Римъ посольства. «Мы удивляемся, что по минованіи такого большого срока вы не отправили пословъ къ святой Римской церкви, вашей матери». Но въ эту пору вопросъ о соперничествѣ двухъ церквей изъ-за гегемоніи въ Болгаріи былъ уже давно рѣшенъ. Новый архіепископъ поставилъ для нея много епископовъ, на что жалуется папа Адріанъ въ 871 году, а въ 879 году на соборѣ въ Константинополѣ присутствовали уже четыре болгарскіе епископа, столица же самого архіепископа находилась въ Абобѣ, гдѣ найдены развалины громадной церкви. Особенно крупное значеніе въ исторіи болгарскаго христіанскаго просвѣщенія временъ Бориса имѣло перенесеніе мѣста славянской проповѣди изъ Моравіи въ Болгарію. Послѣ смерти Меоодія, въ 885 году, вѣмедская католическая партія въ Моравскомъ княжествѣ взяла верхъ надъ славянскою; преем-

никъ Мееодія, нѣмецъ Вихингъ, началъ гоненія противъ учениковъ его и особенно духовенства, посвященнаго имъ. Подчинившись настояніямъ Вихинга, Святополкъ изгналъ изъ своего княжества и ближайшихъ учениковъ славянскихъ первоучителей, Климента, Горазда, Наума, Ангелярія и Саву. Нѣкоторые изъ нихъ были славянами; по словамъ греческаго житія св. Климента, Гораздъ былъ родомъ изъ Моравіи и хорошо зналъ оба языка, славянскій и греческій; что же касается самого Климента, то, кажется, онъ былъ болгаринномъ, притомъ изъ Македоніи, гдѣ впослѣдствіи и протекала его главная дѣятельность ¹⁾. Послѣ долгихъ страданій и заключенія въ темницѣ, Климентъ, Наумъ и Ангелярій добрались до Дуная, черезъ который и переправились послѣ новыхъ чудесныхъ приключеній на плоту. Переплывъ на ту сторону, они оказались въ Болгаріи. Здѣсь они пришли въ Бѣлградъ, «знаменитѣйшій изъ всѣхъ придунайскихъ городовъ», и явились къ Боритакаву, на мѣстнику Бориса. Боритаканъ (т. е. Борита-ханъ) отправилъ пришельцевъ къ Борису, такъ какъ зналъ, что тотъ «жаденъ на такихъ людей». Онъ не ошибся: Борисъ принялъ съ восторгомъ учениковъ Мееодіевыхъ, вельможи его оказали имъ самое широкое гостепріимство, но только Климентъ продолжалъ свою работу въ Болгаріи. Ангелярій вскорѣ умеръ, Наума мы совсѣмъ теряемъ изъ виду. Конечно, эта дѣятельность Климента, перваго славянскаго епископа въ Болгаріи, была въ извѣстной степени пораженіемъ какъ для византійскаго епископа, упускавшаго изъ своихъ рукъ новообращенную страну, такъ и для болгарской національной партіи. Но сила вещей была такъ велика, что лишь въ этомъ славянскомъ направленіи могла развиваться болгарская церковь: при князѣ Борисѣ Климентъ оставался въ роли скромнаго «учителя Кутмичивицы» (въ Охридской области), гдѣ массами обращалъ жителей въ христіанство, и лишь при Симеонѣ, около 900 года, былъ посвященъ въ санъ епископа Величскаго (можетъ быть, названнаго такъ по рѣкѣ Великой Моравѣ). Въ этой должности онъ оставался до своей смерти, въ 916 году, уча народъ и сочиняя проповѣди, похвалы и поученія на славянскомъ языкѣ, число которыхъ достигаетъ 12.

Такимъ образомъ, при Борисѣ начинается и старо-болгарская письменность. Были ли при немъ сдѣланы попытки въ области законодательства? Какъ мы знаемъ уже, потребность въ законодательствѣ чув-

¹⁾ О Климентѣ см. указанное сочиненіе Пастрянска, стр. 147—150, гдѣ приведена и новѣйшая литература, а также труды П. А. Лаврова «Климентъ, епископъ словѣнскій, трудъ В. М. Ундольскаго». Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Москва, 1895. Г. В а л а с ъ е в а. «Климентъ, Епископъ Словѣнски», София, 1898.

етвовалась Борисомъ такъ настоятельно, что онъ обратился за законами въ Римъ. Но Римъ не удовлетворилъ этой потребности въ достаточной мѣрѣ, и на славянскій языкъ былъ переведенъ византійскій сборникъ законовъ «Номоканонъ, рекше законуправило», или, какъ онъ назывался иначе, Кормчая книга. Переводъ этого сборника Паннонскимъ житіемъ св. Меѳодія приписывается самому первоучителю. Древнѣйшій самостоятельный трудъ по кодификаціи болгарскаго права былъ составленъ уже при преемникѣ Бориса, царѣ Симеонѣ. Это былъ «Законъ судный людемъ», представлявшій собраніе законовъ и постановленій, основанныхъ на византійскомъ правѣ, но приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ ¹⁾. Въ своей совокупности эти сочиненія давали то, что было особенно нужно для народа, вступавшаго въ среду христіанскихъ націй. «Законъ Судный людемъ»—передѣлка «эклоги» Льва Исаврійскаго и Константина Копронома; онъ содержалъ въ себѣ законы уголовные, но въ значительной степени смягчалъ наказанія, употреблявшіяся въ византійскомъ правѣ, а именно: вмѣсто членовредительства онъ вводилъ кое-гдѣ въ видѣ наказаній штрафы. Однако, кромѣ уголовного законодательства, эта компиляція содержала и общія указанія, въ родѣ того, въ какомъ настроеніи надо выходить «къ супостатамъ на брань» и какъ дѣлить полученную добычу. «Кормчая» являлась церковно-каноническимъ сочиненіемъ, опредѣляла тѣ качества, какими долженъ обладать добродѣтельный человекъ и хорошій государь и, какъ таковая, имѣла большое цивилизующее вліяніе на среду людей, жаждущихъ получить отъ новой вѣры не только общія основы христіанской морали, но и практическія указанія, какъ надо поступать въ томъ или другомъ спеціальному случаѣ. И это было тѣмъ важнѣе, что еще недавно Борисъ обращался съ подобными же запросами въ Римъ и что въ составленіи этой кормчей книги, какъ полагають, весьма значительное участіе принялъ патріархъ Фотій,—тотъ Фотій, благодаря которому между патріаршимъ престоломъ и папой разгорѣлась ожесточенная распря изъ-за Болгаріи.

Культурное значеніе княженія Бориса было очень велико: долгимъ миромъ съ Византійей, гдѣ царствовалъ мудрый Василій Македонянинъ, научившійся цѣвить болгаръ, еще будучи однимъ изъ колонистовъ въ

¹⁾ Литература вопроса и самые тексты у С. С. Бобчева. «Старобългарски правни ламетници». Часть I. 1903. Ср. его же изслѣдованіе «Царь Борисовата епоха отъ държавно-правно гледище» въ журналѣ «Юридически Прѣгледъ», 1907 г.—Г. Данаиловъ. «Единъ ламетникъ на старото българско право». Сборн. (болгар.) Мин. Нар. Просв., т. 18.—Т. Флоринскій. «Древнѣйшій ламетникъ болгарскаго права». (Сборникъ статей по исторіи права, посвященныхъ проф. Владимірскому-Буданову).—С. С. Бобчевъ. «История на старобългарското право», 1910, гдѣ подробно разсмотрѣна литература вопроса.

сѣверной Болгаріи, Борисъ доставилъ своей странѣ возможность спокойнаго развитія; его столкновенія съ сѣверными сосѣдями носили случайный характеръ, такъ что съ этой стороны Болгарія не встрѣчала большихъ помѣхъ для своего развитія. Крещеніе народа, передвиженіе въ немъ центра тяжести отъ болгаръ къ славянамъ и созданіе славянской литературы какъ церковной, такъ и юридической—все это дало Болгаріи за одно царствованіе мощь и культурную силу, о которыхъ нельзя было и мечтать лѣтъ за сорокъ до этого. Владѣнія Бориса были очень велики: они обнимали всю область распространенія теперешняго болгарскаго языка (включая сюда и Македонію) и заходили даже въ область сербскаго языка (Бѣлградъ); и въ теперешней Румыніи, по ту сторону Дуная, простирались земли, входившія въ составъ тогдашней Болгаріи. Какой титулъ носилъ Борисъ? Болгары его называли ханомъ, греки—архонтомъ, латинскіе писатели—*г е х*, славяне же давали ему титулъ князя, потому что титулъ царя болгарами былъ замѣстованъ лишь съ принятіемъ христіанства. Достигнувъ глубокой старости, Борисъ-Михаилъ отрелся отъ престола въ пользу своего старшаго сына Владиміра (въ 888 году) и удалился въ одинъ изъ основанныхъ имъ монастырей. «Но когда сынъ его, поступая легкомысленно, захотѣлъ возвратиться къ язычеству, князь снова взялъ военный поясъ и княжескія регаліи; преслѣдуя сына, онъ захватилъ его и, выколовши ему глаза, заключилъ въ тюрьму. Затѣмъ, поставивъ на княжество младшаго сына, снова принявъ священную одежду и въ ней остался до конца жизни». Такъ рассказываетъ объ этомъ латинскій лѣтописецъ. Греческій историкъ, архіепископъ Болгарскій Теофилактъ, совѣмъ умалчиваетъ о происшествіи, нарушившемъ миръ въ княжеской семьѣ. Онъ ограничивается указаніемъ на то, что спустя четыре года послѣ вступленія Владиміра на престолъ «приглашается къ участию въ дѣлахъ правленія младшій братъ его, Симеонъ». Передавъ власть Симеону, стоявшему на высотѣ задачи, и побѣдивъ такимъ образомъ уже во второй разъ языческую реакцію, Борисъ окончательно отказался отъ міра, принявъ схиму и умеръ въ 907 году, въ глубокой старости. Мѣсто, гдѣ провелъ свои монашескіе годы Борисъ, какъ и мѣсто его погребенія, доселѣ не могутъ быть опредѣлены съ точностью. Но имя его было очень популярно въ народѣ, и черезъ двѣсти-триста лѣтъ послѣ его смерти сложилась легенда, что Борисъ только ждетъ, когда настанетъ назначенное ему Богомъ время, чтобы воскреснуть и повести рать на освобожденіе народа отъ враговъ. А біографъ его, Теофилактъ, рассказываетъ, что кости «прославленнаго Богомъ» перваго христіанскаго князя Болгаріи совершали исцѣленія и чуда.

Царствованіе Симеона представляетъ одно изъ самыхъ значитель-

ныхъ явленій въ исторіи Болгаріи. За эти сорокъ лѣтъ царство Симеона достигло такихъ размѣровъ, какихъ впоследствии Болгарія уже не имѣла; культурный подъемъ страны сдѣлалъ возможнымъ появленіе обширной книжности, наконецъ, царскій титулъ, котораго еще не носилъ Борисъ-Михаилъ, явился вѣнцомъ всего этого дѣла культурныхъ и политическихъ завоеваній ¹⁾. Особенно важно было то, что въ лицѣ Симеона на болгарскій престолъ вступилъ государь, стоявшій на высотѣ тогдашней образованности: Это не былъ только что просвѣщенный языческій князь. Симеонъ получилъ образованіе въ Константинополѣ, обладалъ большой библіотекой, «любознательно перечитывалъ книги древнихъ», какъ говорить о немъ патріархъ Николай Мистикъ, хорошо знавшій Симеона; въ своей личной жизни онъ отличался умѣренностью и непрерывной дѣятельностью: видимо, это былъ человекъ, охваченный одной идеею и для нея только жившій. Конечно, такая натура не могла удовольствоваться миромъ съ сосѣдями, который такъ упорно хранилъ его отецъ. Онъ долженъ былъ стремиться къ завоеваніямъ, къ борьбѣ. Почти одновременно сошли со сцены оба государя, такъ долго хранившіе «глубокій» миръ: въ 886 году умеръ Василій Македонянинъ, котораго смѣнилъ увлекающійся и безхарактерный Левъ Философъ, въ 888 отрекся отъ престола Борисъ, которому наследовалъ Владиміръ, вскорѣ смѣщенный отцомъ, и въ 892 году мы видимъ на болгарскомъ престолѣ Симеона. Года два спустя между нимъ и Византіей уже кипитъ война. Она возникла на почвѣ экономическихъ отношеній. Дѣло въ томъ, что Болгарія представляла въ это время важнѣйшій рынокъ, въ которомъ сходились западные и восточные товары. Она сохраняла такое значеніе и позже, при русскомъ князѣ Святославѣ, который восхищался богатствами Болгаріи, хотя въ это время эта послѣдняя находилась уже въ упадкѣ. Черезъ Болгарію проходилъ торговый путь изъ Западной Европы въ Константинополь, гдѣ товары, шедшіе изъ этой страны, продавались на особомъ рынкѣ. Въ силу личныхъ связей съ отцомъ любовницы императора, Зои, два ростовщика-грека откупили таможенный сборъ, получавшійся византійской казною отъ обложенія этихъ товаровъ, и для того, чтобы уйти подальше отъ контроля правительства, перенесли и самый рынокъ изъ Константинополя въ Солунь. «Нѣтъ сомнѣній», справедливо замѣчаетъ проф. Златарскій, «что при перенесеніи рынка въ Солунь Болгарія теряла свое значеніе и въ транзитной торговлѣ, такъ какъ болгарскіе торговцы лишались возможности непосредственнаго

¹⁾ Лучшимъ сочиненіемъ о симеоновой эпохѣ является до сихъ поръ изслѣдованіе М. С. Д р и н о в а, «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ», 1875. Другія пособія см. ниже. Новую хронологію даетъ З л а т а р с к і й.

обмѣна товарами, а вслѣдствіе этого и заграничныя произведенія могли направляться въ Цареградъ помимо Болгаріи».

Симеонъ вступился за поправные интересы своей страны и во второй половинѣ 894 года двинулся противъ Византіи; императоръ со своей стороны выслалъ войско; битва произошла, согласно славянскому переводу Симеона Логоета, въ Македоніи; греки были разбиты, и Симеонъ, въ поруганіе имъ, велѣлъ отрѣзать плѣнникамъ руки и носы и такъ отпустить ихъ на родину. На этомъ и кончился первый актъ войны. Византія прибѣгла къ многократно испытанному ею средству; она рѣшила напустить на своихъ враговъ мадьяръ, какъ впоследствии призывала противъ сербовъ турокъ-османовъ, погубившихъ въ концѣ концовъ свободу самой имперіи. Левъ Философъ, «разгнѣвавшись, послалъ Никиту, по прозвищу Склира, съ ладьями на рѣку Дунай дать дары уграмъ и подвигнуть ихъ на брань на Симеона». Это извѣстіе Логоета подтверждаетъ и Константинъ Багрянородный, но самъ Левъ приписываетъ вмѣшательство мадьяръ въ войну грековъ съ болгарами исключительно Божьему промыслу, который «вмѣсто ромеевъ ополчилъ турокъ (мадьяръ) противъ болгаръ». Эта задача удалась исполнѣ: мадьяры были перевезены на византійскихъ судахъ на другой берегъ Дуная и совершили неожиданный набѣгъ на Болгарію; какъ рассказываетъ одинъ болгарскій источникъ, прославляющій чудеса св. Георгія, населеніе страны бѣжало и спасалось, гдѣ могло, отъ свирѣпыхъ мадьярскихъ всадниковъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Симеонъ попробовалъ оказать сопротивленіе, но въ нѣсколькихъ стычкахъ былъ разбитъ, и тогда былъ принужденъ затвориться въ Доростолѣ (Силистріи), а мадьяры, разграбивъ страну и забравъ полонъ, вернулись домой. По ихъ просьбѣ, императоръ купилъ у нихъ болгарскихъ плѣнниковъ. Съ юга Симеону грозила другая опасность, на него надвигался съ суши Никифоръ Фока съ большимъ войскомъ. Но какъ ни велика была опасность, грозившая Симеону, планъ, направленный на разгромъ Болгаріи, не удался; войско Фоки не вошло въ эту страну, и императоръ отправилъ къ Симеону квестора для веденія переговоровъ о мирѣ, въ то время какъ къ устью Дуная былъ отправленъ византійскій флотъ. Произошло ли это отъ обычной нерѣшительности Льва Философа, какъ полагаетъ И. Кузнецовъ ¹⁾, или вслѣдствіе коварства императора, желавшаго отвлечь вниманіе Симеона отъ флота, надвигавшагося съ сѣвера, неизвѣстно, но, какъ показываютъ позднѣйшія ироническія замѣчанія Симеона о проникательности и всевѣдннн Льва, онъ не попался въ просакъ, а принялъ свои

¹⁾ Очень интересна статья его «Писмата на Льва Магистра и Романа Лакапина». (Сборникъ Болг. Мин. Нар. Просв. т. 16), 1900.

мѣры и арестовалъ парламентаря, а самъ двинулся противъ мадьяръ. Какъ уже выше было сказано, эти дѣйствія Симеона оказались неудачными, и ему пришлось замкнуться въ Доростолѣ. Время все-таки было выиграно; императоръ ждалъ возвращенія Константинаки, а флотъ ему былъ нуженъ для защиты отъ сарацинъ. Поэтому, когда Симеонъ со своей стороны предложилъ начать переговоры о мирѣ, императоръ поспѣшилъ вернуть флотъ домой, а въ Болгарію отправилъ другого посла, Льва Хирсфакта, но онъ подвергся такой же участи, какъ и его предшественникъ. Освободившись отъ немедленной опасности, Симеонъ имѣлъ въ виду, прежде всего, показать мадьярамъ свою силу и отбить у нихъ охоту къ поздаѣйшимъ вмѣшательствамъ въ греко-болгарскія отношенія, а потомъ поставить Византіи такія условія мира, которыя были ему наиболѣе выгодны. На это и были направлены усилія Симеона, который, съ одной стороны, оттягивалъ окончательное рѣшеніе вопроса объ обмѣнѣ военноплѣнными, а съ другой велъ переговоры съ печенѣгами о взаимныхъ дѣйствіяхъ противъ мадьяръ. Къ этому времени относится любопытная переписка между болгарскимъ княземъ и византійскимъ посломъ, всего 14 писемъ, которыя показываютъ въ блестящемъ свѣтѣ дипломатическія способности Симеона. Въ концѣ концовъ, ему удалось добиться всего, чего онъ хотѣлъ: мадьяры были разбиты, императоръ поставленъ въ необходимость вернуть всѣхъ болгарскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые были взяты мадьярами и куплены византійскими работорогцами. Левъ VI спѣшилъ развязать себѣ руки, такъ какъ ему угрожали арабы, и заключилъ съ Болгаріей письменный мирный договоръ. Но Симеонъ не удовольствовался такимъ исходомъ борьбы, такъ какъ онъ стремился къ Константинополю не меньше, чѣмъ четверста лѣтъ спустя сербскій царь Стефанъ Душанъ. Подъ предлогомъ, что ему возвращены не всѣ плѣнные, онъ началъ новую войну съ Византіей (лѣтомъ 896 года). На дорогѣ между Адрианополемъ и Константинополемъ, при мѣстечкѣ Будгарофигонъ (Бѣгство болгаръ), греческое войско потерпѣло полное пораженіе и, по сообщенію одного арабскаго историка, подступило къ стѣнамъ самой столицы. На этотъ разъ уже самому Льву пришлось просить мира, но Симеонъ гордо отказалъ ему, сославшись на свои историческія права на Византію, и заявивъ, что онъ не уйдетъ отъ Константинополя, пока одинъ изъ нихъ не побѣдитъ другого. Однако, дѣло такъ далеко не зашло; мирный договоръ былъ заключенъ и на этотъ разъ, причемъ, какъ извѣстно изъ одного письма Николая Мистика къ Симеону, условія его заключались въ томъ, что во-первыхъ, императоръ присягалъ не предпринимать никакихъ враждебныхъ мѣръ противъ болгаръ, во-вторыхъ, онъ обязывался ежегодно доставлять въ пограничный городъ Девельтъ богатые дары для князя и,

въ-третьихъ, можетъ быть, Симеонъ получилъ известную территориальную уступку, область между Чернымъ моремъ и Странджей-планиной. Но хотя послѣ этого мира до самой смерти Льва отношенія между Болгаріей и Византіей были дружжелюбныя, однако, это не мѣшало Симеону пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для увеличенія своихъ владѣній. Такой случай представился въ 904 году, когда съ помощью Болгаріи Солунь была спасена отъ арабовъ. Этотъ городъ, имѣвшій такое громадное значеніе для имперіи, легко могъ перейти въ руки болгарскаго князя, и вотъ для удовлетворенія его пришлось пожертвовать другими землями. Воздвигнутый въ 904 году пограничный столбъ между Болгаріей и Византіей ¹⁾ является указаніемъ на то, какъ далеко уже заходили въ это время владѣнія Симеона, который названъ здѣсь «Божьей милостью архонтомъ болгаръ». Эта надпись говоритъ слѣдующее: «Въ годъ отъ созданія міра 412, индиктъ 7-й. Граница между ромеями и болгарамъ; во время Симеона, отъ Бога князя болгаръ, при огултарханѣ (блѹоу трахаѹоѹ) Теодорѣ и при комитѣ Дристрѣ». Титулъ «огултарханъ», встрѣчающійся въ этой надписи, тюркскаго происхожденія; онъ найденъ въ одной древне-турской надписи въ формѣ огул-тарканъ. Перестановка согласныхъ ²⁾ въ словахъ тарханъ и огул представляетъ особенность говора. Проф. Златарскій, который изслѣдовалъ греко-болгарскія отношенія первой половины Симеонова царствованія, такъ опредѣляетъ значеніе надписи: «договоръ отъ 904 года имѣетъ въ нашей исторіи важное значеніе; по этому акту всѣ славянскія земли въ теперешней южной Македоніи и южной Албаніи, которыя до того времени все еще находились подъ властью византійскаго императора, теперь перешли къ болгарской державѣ; другими словами, этимъ актомъ Симеонъ завершилъ объединеніе на Балканскомъ полуостровѣ подъ скипетромъ болгарскаго государя тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя дали окончательную фizioномію болгарской народности».

Въ продолженіе десяти лѣтъ послѣ этого мы не знаемъ ни о какихъ агрессивныхъ дѣйствіяхъ Болгаріи противъ Византіи, но въ 913 году соблазнъ былъ слишкомъ великъ для Симеона: Левъ Философъ еще въ прошломъ году умеръ, на престолѣ сидѣлъ его семилѣтній сынъ, Константинъ Багрянородный, котораго далеко не всѣ признавали законнымъ наследникомъ императора. Отсутствіе законной власти, борьба партій, наконецъ, обида, нанесенная посольству Симеона безразсуднымъ регентомъ,—все это заставило болгарскаго князя взяться за оружіе и,

¹⁾ О. И. Успенскій. «Пограничный столбъ между Византіей и Болгаріей при Симеонѣ». Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, т. III (1898).—И. Ивановъ. «Български старини», стр. 9.

вѣроятно, давнишняя мысль занять престолъ Византіи вдохновляла его и теперь. Тогда одинъ изъ регентовъ, Николай Мистикъ, патріархъ, знавшій лично Симеона и составившій его характеристику, какъ идеально благочестиваго человѣка, обратился къ нему съ посланіемъ¹⁾, увѣщавая его не поддаваться лукавому демону зависти, не желать перемѣнить свой титулъ князя на названіе тирана и не похищать чужого царства, не принадлежащаго его роду. При этомъ онъ предупреждалъ, что безъ кровопролитія дѣло не обойдется, если Симеонъ потребуетъ большаго, нежели выполненія старыхъ условій относительно дани. Но болгарскій князь воспользовался намекомъ, заключавшимся въ письмѣ, и задалъ патріарху коварный вопросъ: «значить, съ помощью кровопролитія я могу получить желаемое?» И въ томъ же году онъ началъ активно стремиться въ этому желаемому, осадивъ Константинополь, гдѣ регенты находились въ большой тревогѣ. По неизвѣстной намъ причинѣ онъ не довелъ, однако, своей осады до конца, но ограничился какими-то предложеніями, чрезвычайно обрадовавшими патріарха, который и отправился въ лагерь Симеона для окончательныхъ переговоровъ. Предполагалъ ли болгарскій князь породниться съ императоромъ, женивъ его на одной изъ своихъ дочерей (какъ думаютъ Дриновъ и Златарскій), или ограничивался денежнымъ выкупомъ (какъ полагаетъ Кузнецовъ), для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ достаточнаго основанія. Во всякомъ случаѣ, надолго болгарскій князь не могъ отказаться отъ своихъ намѣреній: вѣдь именно теперь онъ убѣдился въ безпомощности Византіи и въ своей силѣ. Трудно было придавать особенную вѣру его общанію утвердить «между греками и болгарамъ миръ доподлинно прочный, какого доселѣ не бывало и какого не знали прежнія поколѣнія». Скрѣпить такую дружбу могли брачныя узы, и съ этой цѣлью Симеонъ предложилъ отдать свою дочь за маленькаго императора, но мать его Зоя, прежде удаленная отъ правленія, а теперь снова захватившая въ свои руки власть, съ гнѣвомъ отвергла предложеніе болгарскаго князя. Глубоко оскорбленный отказомъ, Симеонъ началъ войну, сразу атаковавъ грековъ съ трехъ фронтовъ въ Адрианополѣ, Солуни и Драчѣ (Дураццо). Онъ старался привлечь на свою сторону и печенѣговъ, но византійцамъ удалось деньгами парализовать интриги Симеона. Планъ борьбы съ болгарамъ, составленный на военномъ совѣтѣ въ Константинополь, оказался невыполнимымъ: сербы, на помощь которыхъ противъ Симеона рассчитывали, не двинулись, печенѣги перессорились съ визан-

¹⁾ Посланія Николая Мистика изслѣдованы Дриновымъ въ упомянутомъ сочиненіи, а также проф. Златарскимъ (Болгар.—Сборн. Мпн. Нар. Просв. т. 10—12) и И. Кузнецовымъ въ назв. статьѣ.

тійскими полководцами и не поддержали ихъ, такъ что грекамъ пришлось сражаться съ огромными войсками Симеона безъ всякой помощи, и они потерпѣли полное пораженіе. Опять патріархъ старается умиловать грознаго болгарскаго князя, но получаетъ съ его стороны рѣзкую отвѣдь. Болгарскіе отряды появились подъ самыми стѣнами Константинополя и здѣсь нанесли еще одно пораженіе византійскому войску; перебрались они и на азіатскій берегъ Дарданеллъ, гдѣ произвели большія опустошенія. Въ самомъ Царградѣ всѣ эти событія вызвали новый дворцовый переворотъ, въ результатъ котораго одинъ изъ полководцевъ, Романъ Лакапинъ, сдѣлался въ концѣ 919 года соправителемъ и вторымъ императоромъ, а вскорѣ послѣ того и совсѣмъ отодвинулъ на задній планъ Константина Багрянороднаго. Начались новые заговоры, дворцовая борьба и т. п., и естественнымъ образомъ среди претендентовъ на престолъ не менѣе другихъ законнымъ и для многихъ желательнымъ являлся могучій болгарскій князь. И самъ онъ теперь рѣшительно претендовалъ на византійскій тронъ; «движимый скиескимъ безуміемъ, требовалъ, чтобы римляне признали его императоромъ» — надменно замѣчаетъ Левъ Діаконъ. Съ чрезвычайной настойчивостью Симеонъ шелъ къ своей цѣли; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ поражаетъ византійское владычество во всѣ уязвимыя мѣста: такъ, въ 920 году онъ вызываетъ движеніе среди подвластныхъ Византіи славянъ въ Пелопоннесѣ, въ 921 подходит къ Иракліи и Селимбріи, въ 922 къ самой столицѣ, предавая пламени загородные дворцы; въ 923 году былъ изморомъ взятъ Адрианополь. Напрасно предлагали теперь Симеону породниться съ императорскою семьей, напрасно вызывался ѣхать къ нему для совѣщанія о мирѣ самъ патріархъ: болгарскій князь былъ неумолимъ.

Недавно произведенныя раскопки древне-болгарскаго храма близъ д. Аобы показали, какъ далеко заходили притязанія Симеона. Онъ не довольствовался тѣмъ, что принялъ титулъ царя Болгаръ и Ромеевъ, основывая свои права на этотъ титулъ завоеваніемъ большинства городовъ, принадлежавшихъ имперіи; онъ хотѣлъ взять самый Константинополь и готовилъ союзъ противъ Византіи изъ русскихъ (Рѡс), печенѣговъ, аланъ и мадьяръ. Завоевавъ цѣлый рядъ ервасійскихъ городовъ, Симеонъ поспѣшилъ увѣковѣчить свое пріобрѣтеніе занесеніемъ названій отнятыхъ у имперіи городовъ на колонны, воздвигнутыя въ храмѣ. Всего сохранилось 9 такихъ названій, изъ которыхъ 7 отмѣчены именно, какъ *кастра* (лат. *castra*, крѣпости). Это нынѣшніе города Родосто (на Мраморномъ морѣ), Эски-баба, Димотика (на Марицѣ, на линіи сообщеній между Константинополемъ и Адрианополемъ), Виза (близъ двухъ предыдущихъ городовъ), Люле-Бургасъ (между Визой и Димотикой), Си-

зеболу (на Бургасскомъ заливѣ), Месемврія, Скутари и Сересъ¹⁾, т. е. города, лежавшіе или на старой греко-болгарской границѣ, или на приморьѣ, которое составляло предметъ постоянныхъ раздоровъ между Византіей и Болгаріей. Имперія чувствовала себя въ большой опасности, патриархъ добился примиренія съ Римомъ, и папа, который еще во времена Зои послалъ Симеону согопам imperii et patriarchalem benedictionem (императорскую корону и архипастырское благословеніе), теперь готовъ былъ перейти на сторону Византіи. Между тѣмъ Симеономъ овладѣла одна идея, къ осуществленію которой онъ шелъ съ желѣзной энергіей, не брезгуя рѣшительно никакими средствами. Онъ не ограничивался подготовкой союза изъ невѣрныхъ полудикихъ народовъ; онъ обратился даже къ арабскому халифу Сѣверной Африки съ предложеніемъ совместно осадить Константинополь, раздѣлить разграбленную добычу пополамъ, но ставилъ условіемъ, чтобы самая столица досталась Болгаріи. Императоръ Романъ Лакапинъ пробовалъ усовѣститъ болгарскаго царя: «Скажи мнѣ,—писалъ онъ Симеону,—какая тебѣ прибыль писаться царемъ Болгарь и Ромеевъ, когда Богу это не угодно? И что тебѣ за выгода отъ того, что ты насиліемъ захватилъ нашу землю? Какіе съ нея имѣешь доходы, какія собираешь дани? Если внимательно подумать, то послѣ столькихъ убійствъ и грабежей нашего у тебя ничего не остается въ рукахъ, кромѣ кастровъ, и только ихъ однихъ, да и отъ нихъ тебѣ не мало хлопотъ, такъ какъ ихъ нужно продовольствовать и вооружать, а военная сила въ нихъ гибнетъ». Если императоръ обращался къ разсудку Симеона, думая заставить его такими софистическими соображеніями вернуть взятые города, то патриархъ Николай Мистикъ взывалъ къ его сердцу, не щадя ласковыхъ словъ, льстивыхъ похвалъ и напоминаній о преклонномъ возрастѣ царя и будущемъ загробномъ судѣ. Но на письма патриарха Симеонъ отвѣчалъ грубо и насмѣшливо; совѣтъ не подѣйствовало на него и посланіе папы, который ограничился письмомъ, такъ какъ патриархъ, опасавшійся усиленія римскаго вліянія въ Болгаріи, отсовѣтовалъ папѣ посылать къ Симеону уполномоченныхъ: вѣдь болгарскій князь задерживаетъ пословъ, «чего не дѣлаетъ ни одинъ другой народъ, даже невѣрный». Такимъ образомъ, Симеонъ продолжалъ военныя дѣйствія противъ Византіи; въ 924 году сдался Адрианополь; кромѣ Константинополя, Солуни и нѣсколькихъ приморскихъ городовъ, вся Фракія и Македонія были въ рукахъ болгаръ. Теперь всѣ помыслы Симеона сосредоточились на взятіи Константинополя, и онъ не разставался съ ними до самой своей смерти, хотя инныя событія отвлекали его вниманіе. Такъ, возни-

¹⁾ См. выше изданіе «Абоба-Плиска».

кавшее сербское государство все время вырывалось изъ власти Симеона, вело за его спиной переговоры съ Византіей и начинало уже угрожать Болгаріи. Посланное противъ сербовъ войско было разбито, и головы болгарскихъ вождей отправлены въ Константинополь, осажденный съ суши Симеономъ. Тогда этотъ постѣдній рѣшилъ на время прекратить войну съ Византіей и заняться сербскими дѣлами. На происшедшемъ 5 сент. 924 г. свиданіи царя съ императоромъ шла рѣчь о мирѣ, но былъ ли онъ заключенъ, неизвѣстно. Кедренъ сообщаетъ, что Симеонъ получилъ въ видѣ задатка извѣстную сумму денегъ, а въ письмѣ патріарха упоминается заявленіе болгарскаго царя, что «отнынѣ прекратятся убійства и войны, и ромей и болгары вернутся въ свое прежнее благополучное существованіе». Но все это были одни слова. Симеонъ и не думалъ о мирѣ. Въ совершенномъ отчаяніи Николай Мистикъ пишетъ ему слѣдующія строки: «Весь сенатъ и вся столица, да что говорить о столицѣ: все подданные императора волнуются и говорятъ, что не могутъ больше смотрѣть равнодушно на несчастія своихъ домочадцевъ и родныхъ, на оккупацию имперіи. Лучше имъ умереть, нежели терпѣть такую надменность. Будь увѣренъ, что все войны, все, у кого есть руки, выйдутъ противъ васъ, если ты будешь еще упорствовать и желаешь продолжать бѣдствія войны». Союзъ съ арабами удалось предотвратить, арабскіе посланники, ѣхавшіе къ Симеону, были перехвачены по дорогѣ и привезены въ Константинополь. Здѣсь удалось ихъ переманить съ помощью золота на сторону Византіи. Но, конечно, опасность для имперіи отъ этого только уменьшалась, но не прекращалась. Наступила очередь Солуни. Македонскіе славяне напали на этотъ городъ (926), греческое прибрежное населеніе бѣжало на острова. Среди всѣхъ этихъ предпріятій Симеонъ умеръ (27 мая 927 года). Суевѣрные византійцы вѣрили, что эта смерть была чудесная: какой-то астрономъ посоветовалъ отрубить голову статуѣ, стоявшей на площади, потому что она изображала будто бы болгарскаго царя. Такъ и сдѣлали, и въ ту же ночь Симеонъ скончался, и Византія избавилась отъ одного изъ самыхъ опасныхъ враговъ, какихъ она имѣла когда-либо за свою долгую исторію.

Время Симеона нельзя назвать временемъ внутреннихъ реформъ въ Болгарскомъ царствѣ. Вниманіе его слишкомъ поглощали внѣшнія событія, чтобы онъ могъ съ одинаковой энергіей отдаваться преобразовательной дѣятельности, но распространеніе византійской образованности не могло не продолжаться при царѣ, который самъ былъ большимъ любителемъ книжной мудрости. Если одни памятники законодательнаго характера, въ родѣ Кормчей книги, должны быть съ большимъ правомъ отнесены къ эпохѣ Бориса, особенно горячо интересовавшагося

нормами правовой жизни, то другіе (какъ указано раньше, напр., «Законы судный людемъ») были переведены и передѣланы, вѣроятно, при Симеонѣ, а произведенія историческія и учительныя, несомнѣнно, переводились въ большемъ числѣ. По мнѣнію акад. Шахматова, за это время, не позже 920 года, была составлена даже обширная переводная энциклопедія, обнимавшая хроники Іоанна Малалы и Георгія Амартола, Александрію, рядъ апокрифовъ и религиозныхъ легендъ, ветхозавѣтныя книги и дѣянія апостоловъ. «Такая энциклопедія могла занимать тома три или четыре, и составленіе ея, конечно, было возможно только благодаря щедрости царя Симеона»¹⁾. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ этотъ переводъ былъ вставленъ самостоятельный перечень болгарскихъ князей древнѣйшихъ временъ. «Понятно (замѣчаетъ Шахматовъ), что перечень этотъ, написанный наполовину на непонятномъ для другого славянина языкѣ, могъ быть вставленъ въ историческую компиляцію только въ Болгаріи, гдѣ еще въ IX вѣкѣ понимали древній языкъ тюркскихъ болгаръ». Можно думать, что тюркская струя еще не изсякла и позже, при Симеонѣ. Еще сохранился старый титулъ, бывший въ ходу при Омортагѣ, тарханъ; значеніе бояръ, родовой аристократіи, о которой говорятъ и упомянутый перечень хановъ и надписи второй половины IX вѣка, если и было подорвано принятіемъ крещенія, то все же пережило царствованіе Симеона. Боярство ждало только случая, чтобы вернуть себѣ утраченную позицію, и при сынѣ могучаго царя достигло значенія, котораго оно не могло имѣть при Борисѣ и Симеонѣ. Но тюркскій элементъ, лишенный прилива свѣжихъ силъ и отодвинутый съ пути, по которому развивалась культурная жизнь государства, все болѣе растворялся въ славянствѣ. Правда, онъ внесъ нѣчто свое въ духовное существованіе болгарскаго народа, можетъ-быть, тюркскому элементу и древней религіи его обязано упроченіе богомилства въ Болгаріи, но государственное положеніе ему не могла вернуть и начавшаяся послѣ Симеона реакція.

¹⁾ А. А. Шахматовъ. «Древне-болгарская энциклопедія X вѣка». Византійскій временникъ. 1899.

Г Л А В А ШЕ.

Отъ смерти Симеона до паденія перваго болгарскаго царства.

Преемникъ царя Симеона, выбранный имъ на престолъ помимо старшаго сына, отличался отъ отца склонностью къ отшельнической жизни, монашескимъ подвигамъ и аскетизму. Онъ чуждался войны, не умѣлъ приказывать, и послѣ смерти былъ присоединенъ къ лику «преподобныхъ отцовъ». Къ тому же онъ вступилъ на престолъ еще слишкомъ молодымъ человѣкомъ, чтобы умѣть разобраться въ сложныхъ политическихъ отношеніяхъ Балканскаго полуострова, такъ что отецъ счелъ нужнымъ дать ему въ помощники дядю по матери, Георгія Сурсовула. Этотъ послѣдній забралъ въ свои руки молодого царя и повелъ политику въ томъ направленіи, въ какомъ дѣйствовалъ Симеонъ ¹⁾. Война съ Византіей должна была продолжаться, болгарскія войска снова вошли въ Адрианопольскую область, но вдругъ военныя дѣйствія прекратились, и императору Роману Лакапину было отправлено письмо съ предложеніемъ мира и союза. Начались переговоры, которые велись въ большой тайнѣ, и въ октябрѣ 927 года Петръ женился на дочери третьяго византійскаго императора Христофора, который вскорѣ былъ провозглашенъ вторымъ императоромъ, отстранивъ еще дальше Константина Багрянороднаго. Пероднившись съ династіей, Петръ имѣлъ право рассчитывать на то, что самъ императоръ постарается возвысить возможно больше своего зятя. И дѣйствительно, около этого времени Византія признала царскій титулъ за болгарскимъ государемъ. Въ 968 году послу вѣмецкаго императора, Лютпранду, который былъ обиженъ предпочтеніемъ, оказаннымъ послу Петра, объяснили, что при бракосочетаніи послѣдняго имперія обязалась ставить болгарскаго государя выше всѣхъ остальныхъ европейскихъ монарховъ. При этомъ Петръ былъ названъ болгарскимъ царемъ, съ титуломъ котораго онъ уже не связывалъ притязаній на византійскій престолъ. Въ силу этого было признано и болгарское патріаршество, учрежденное еще Симеономъ послѣ принятія царскаго титула. Вѣдь теперь прямая выгода Византіи заключалась въ томъ, чтобы признать болгарское царство, потому что царь болгарскій,

¹⁾ Эпоха царя Петра наилучшимъ образомъ изложена въ сочиненіи Дринова: «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ».

не претендуя на византійскій престолъ, являлся лишь болгарскимъ царемъ, а вовсе не императоромъ болгаръ и ромеевъ, какъ титуловалъ себя Симеонъ. Съ установленіемъ новыхъ отношеній Болгарія заняла на Балканскомъ полуостровѣ почетное положеніе, и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ миръ не нарушался, хотя на всякій случай византійская дипломатія не упускала возможности ослабить вліяніе Болгаріи и своими совѣтами подрывала ея значеніе на полуостровѣ.

По справедливому замѣчанію Дринова, «подъ шумокъ торжественныхъ заявленій своей дружбы къ правительству Петра, Византія, пользуясь тѣмъ, что эти заявленія открывали ей всѣ государственныя тайны этого правительства, дѣятельно работала надъ разложеніемъ могущества Болгарскаго царства, надѣясь такимъ образомъ возвратить себѣ современемъ сдѣланныя этому царству уступки». Первое, на что надѣялись Петръ и его помощникъ Сурсовулъ, заключалось въ поддержкѣ ихъ передъ боярствомъ, взявшимъ силу послѣ смерти Симеона и недовольнымъ излишнимъ сближеніемъ съ Византіей. Не было спокойно и низшее населеніе, которое не встрѣчало со стороны представителей новой религіи поддержки своихъ интересовъ. Напротивъ, масса духовенства представляла большое зло для этого населенія. Болгарія была раздѣлена на 40 епископствъ, при каждомъ изъ епископовъ состоялъ цѣлый штатъ чиновниковъ и клириковъ, такъ что содержаніе всей этой толпы жадныхъ и развращенныхъ людей ложилось тяжелымъ бременемъ на плечи народа. При такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ искать какого-нибудь выхода: этимъ и объясняется быстрое развитіе богомилства въ Болгаріи. Въ этой странѣ сталкивались самыя разнообразныя вліянія: здѣсь боролись католичество съ православіемъ, здѣсь крѣпко утвердилось іудейство, представителей котораго, евреевъ, въ Болгаріи было много, и мусульманство, армянская монофизитская ересь и павликіанство; оставались еще во времена царя Симеона и славяне-язычники, о которыхъ упоминаетъ его сотрудникъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, возставая въ одномъ изъ своихъ сочиненій противъ «всѣхъ поганыхъ (т.-е. языческихъ) славянъ и всѣхъ народовъ зловѣрныхъ». И уже этотъ проповѣдникъ призываетъ небесныя громы противъ «скверныхъ манихеевъ» или павликіанъ, которые, дѣйствительно, въ эту пору вели особенно энергическую пропаганду среди новообращеннаго народа. Въ 868 году они рѣшили послать своихъ проповѣдниковъ въ Болгарію, чтобы отвратить народъ отъ истинной (католической) церкви и привести его въ ихъ вѣру¹⁾. Эта задача еще об-

¹⁾ О богомилствѣ въ Болгаріи см. F. Rački. «Bogomili i Pataveni». Rad. Jugoslav. Akademije VII (1868), VIII, X.—В. Лев и ц к і й. «Богомилство». Христіанское чтеніе, 1870 (и литературу, приводимую дальше).—Преоув. Порфирій, «Исторія Аеоиа», ч. III. См. главу о богомилахъ.

легчилась послѣ того, какъ значительная часть Фракіи, гдѣ особенно крѣпко пустили корни приверженцы этой секты, перешла во власть Симеона. Какъ свидѣтельствуетъ писатель конца X вѣка, Козьма-пресвитерь, эта ересь подверглась въ Болгаріи извѣстной переработкѣ, совершенной именно при Петрѣ. Такъ какъ «вселудавый врагъ нашъ», говорится въ синодикѣ, переведенномъ въ 1210 году съ греческаго языка, «по всей болгарской землѣ манихейскую ересь разсѣялъ, смѣсивъ ее съ мавсалианской, то попу Богомилу, который при Петрѣ, царѣ Болгарскомъ, воспріялъ эту манихейскую ересь и разсѣялъ ее въ болгарской землѣ, анаома». Это показаніе совершенно согласуется съ заявленіемъ пресвитера Козьмы, что «въ лѣта православнаго царя Петра былъ поплъ, по имени Богомилъ, а по истинѣ Богу не милъ, такъ какъ онъ первый началъ учить ереси въ болгарской землѣ». Особенно значительнаго распространенія, а повидимому, и теоретической выработки ученія, богомилство достигло лишь въ XI столѣтіи. То же, что разсказываетъ объ этой ереси Козьма, указываетъ на ея не только религіозное, но и мірское значеніе. Опираясь на языческія дуалистическія вѣрованія, еще жившія въ народѣ, Богомилъ (или поплъ Іеремія) рисовалъ картину борьбы двухъ началъ въ сотвореніи міра. Пересказывая ее, Козьма, вѣроятно, слишкомъ подчеркивалъ слабыя стороны, доводя ее до абсурда. Такимъ абсурдомъ представляется его заявленіе, будто богомилы учили, что все движущееся на землѣ, одухотворенное или бездушное, создано дьяволомъ. Задача Козьмы заключалась именно въ томъ, чтобы представить эту ересь въ самомъ отвратительномъ видѣ, и потому его свидѣтельство необходимо дополнить иными, которыя, однако, относятся къ болѣе позднему времени. Поэтому здѣсь я отмѣчу лишь то, что относится къ эпохѣ царя Петра. Важно прежде всего, что проповѣдь Богомила носила противогосударственный характеръ, что подтверждается болѣе позднимъ извѣстіемъ о цѣломъ рядѣ богомилскихъ общинъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, которыя хранили относительную независимость. «Они учатъ своихъ приверженцевъ,—обвиняетъ Козьма еретиковъ,—не повиноваться своимъ властямъ, хулить богатыхъ, ненавидѣть царя, бранить старѣйшинъ, укорять бояръ: они считаютъ мерзкими тѣхъ, кто работаетъ на пользу царя, а рабамъ не велятъ служить своимъ господамъ». При такихъ условіяхъ богомилская ересь являлась факторомъ разложенія молодого государства, которое едва было образовано при Симеонѣ. Съ другой же стороны подкапывало его все усиливавшееся боярство. Какъ видно изъ болгарскаго придворнаго церемоніала, приводимаго Константиномъ Вагрянороднымъ, боярство занимало при царѣ Петрѣ такое видное положеніе, что составляло необходимую часть правительства. Спросивъ о здоровьѣ царской семьи, посланникъ долженъ былъ задавать такой вопросъ: «Какъ здравствуютъ шестеро

великихъ бояръ (болядовъ), какъ здравствуютъ и прочіе внутренніе и вѣшніе бояре?» Въ этомъ вопросѣ характерно точное числовое обозначеніе великихъ бояръ безъ указанія на число иныхъ. Это раздѣленіе должно было корениться въ томъ, что шестеро бояръ великихъ составляли какую-то постоянную организацію, можетъ-быть, постоянный царскій совѣтъ, какъ полагаютъ Дриновъ и др. ученые ¹⁾, а остальные бояре—чиновную іерархію, причѣмъ ихъ функціи распредѣлялись между службой въ столицѣ и службой внѣ ея. Если при Крумѣ еще соблюдалось дѣленіе боярства по его народному происхожденію, т.-е. славянскіе жупаны держались особнякомъ отъ болгарскихъ тархановъ и только при извѣстныхъ торжествахъ сидѣли съ ними вмѣстѣ, то уже при Симеонѣ, еще не выведшемъ изъ употребленія титула тархана, нѣтъ никакихъ указаній на неравенство бояръ по ихъ происхожденію. Впрочемъ, вопросъ о числѣ этой группы бояръ и о сословныхъ правахъ потомства древнѣйшихъ родовъ еще не можетъ быть теперь рѣшенъ съ достовѣрностью. Раскопки въ Абобѣ, открывшія колонны съ родовыми именами вельможъ Симеона, позволяютъ надѣяться, что когда-нибудь раскроется и эта темная область древней болгарской исторіи.

При царѣ Петрѣ вельможи нѣсколько разъ поднимаются противъ государя. Въ первый разъ заговоръ устраиваютъ вельможи прежняго царя, Симеона, которые стремились къ низложенію Петра и возведенію на престолъ его меньшого брата, Іоанна. Планъ этотъ не удался; заговоръ былъ подавленъ съ большой жестокостью, а Іоаннъ отправленъ въ Константинополь, гдѣ императоръ Романъ долженъ былъ постричь его въ монахи и заключить въ монастырь. Но, разумѣется, онъ этого не сдѣлалъ: что могло быть выгоднѣе для Византіи, какъ имѣть на всякій случай въ своихъ рукахъ противника болгарскаго царя? Новое движеніе вспыхнуло года два-три спустя. Оно имѣло характеръ возстанія, подготовленнаго на границахъ государства съ цѣлью династическаго переворота. Недовольство Петромъ выдвинуло на этотъ разъ его старшаго брата, Михаила, который былъ насильно постриженъ въ монахи. Онъ быстро сталъ во главѣ возставшихъ и съ запада двинулся къ Прѣславѣ. Неожиданно судьба улыбнулась Петру: его врагъ Михаилъ умеръ, и тогда возставшіе, не имѣя главы, обратились къ грабегамъ византійскихъ владѣній. Ихъ удалось успокоить, водворивъ въ Эпирѣ, значить, опять призвавъ враговъ болгарскаго правительства въ предѣлахъ имперіи. Послѣ этого лѣтъ тридцать ничего неизвѣстно о движеніяхъ противъ Петра, но за эти годы процессъ разложенія того государства, единство

¹⁾ См. книгу Занетова, «Българското население въ срѣднитѣ вѣкове», 1902, и рецензію на нее Вобчева въ «Періодич. Списание», кн. 63.

котораго Симеонъ поддерживалъ желѣзной рукой, продолжался, и, наконецъ, въ 963 году онъ привелъ къ новому возстанію, вышедшему съ юго-запада. Шишмавъ, комесъ (κόμης), вѣроятно, глава одного изъ македонскихъ племенъ, добился того, что власть Петра въ западной части Болгаріи была уничтожена. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Дриновъ, первый, обратившій на это вниманіе, «за пять или за шесть лѣтъ до смерти Петра обширное болгарское царство распалось на двѣ части, изъ коихъ одна, восточныя области, осталась вѣрной старой династіи, другая же образовала изъ себя особенное самостоятельное государство, провозгласивъ своимъ царемъ Шишмана». Этотъ выводъ опирается, впрочемъ, больше на догадки, чѣмъ на опредѣленные историческія указанія, которыхъ мы почти лишены, говоря о Петрѣ. Трудно даже сказать съ точностью, что именно вызвало столько возстаній противъ этого кроткаго царя, принявшаго передъ смертью монашество и причисленнаго къ лику преподобныхъ отцовъ.

Болгарія представляла въ это время большую притягательную силу для ея враговъ. Столица ея, которой сдѣлалась Великая Прѣслава, расположенная близъ балканскихъ ущельевъ и представлявшая поэтому въ стратегическомъ отношеніи весьма важный пунктъ, называлась издавна «Прѣславной», или, какъ переводили греки, *ὑπέρφρων* (на древне-болгарской надписи). Она славилась своимъ богатствомъ, а дворъ болгарскаго царя отличался не меньшей пышностью, чѣмъ византійскій, и церемоніалъ здѣсь былъ введенъ со времени заключенія родственныхъ связей между императорами и болгарскими царями самый строгій, также не уступавшій византійскому этикету. Но этотъ блескъ столицы плохо гармонировалъ съ тѣмъ состояніемъ внутренняго разложенія, которое представляло Болгарское царство подъ конецъ правленія Петра. Послѣ возстанія Шишмана Византія рѣшила болѣе не церемониться съ Болгаріей, и въ 966 году она первая нарушила долгій миръ, существовавшій между этими государствами. Никифоръ Фока сумѣлъ направить на дунайскіе города Болгарскаго царства русскаго князя Святослава, а самъ велъ войну съ арабами. Русскіе князья издавна хорошо знали Болгарію, и потому съ помощью червонцевъ не трудно было соблазнить ихъ двинуться въ походъ противъ царя Петра¹⁾, который не ждалъ войны и не готовился къ ней. Немногочисленное болгарское войско, наспѣхъ высланное противъ Святослава, потерпѣло пораженіе и заперлось въ Доростолѣ (Силистріи), а русская рать продолжала свои завоеванія;

¹⁾ Специальное изслѣдованіе по этому вопросу Черткова, «Описание войны великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ», 1843.

такъ, Святославъ взялъ въ самой дунайской долині Малую Прѣславу (Переяславецъ русской лѣтописи), а затѣмъ множество селъ (около 80 городовъ, по извѣстію нашей лѣтописи) по Дунаю, которыми онъ сталъ править изъ новой столицы своей, Переяславца, такъ понравившагося ему, что онъ готовъ былъ совсѣмъ промѣнять этотъ городъ на Кіевъ.

Несообразность относительно такого большого числа городовъ, завоеванныхъ Святославомъ, надо такъ или иначе исправить: возможно, какъ полагаетъ Дриновъ, что извѣстіе Прокопія о 80 укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ на Дунаѣ императоромъ Юстиніаномъ, дошло до составителя нашей начальной лѣтописи и было имъ обобщено и на завоеванія русскаго князя. Какъ бы то ни было, сѣверная часть Болгаріи находилась въ рукахъ Святослава, западная досталась Шишману, положеніе царя Петра было тяжелое. Но самъ императоръ, который чуть не погубилъ Болгаріи, явился ея спасителемъ. Дѣло въ томъ, что вельможа императора Никифора, которому было поручено вести противоболгарскую политику со Святославомъ, пошелъ въ своихъ козняхъ дальше, чѣмъ этого хотѣлъ императоръ. Онъ завелъ сношенія съ русскимъ княземъ для того, чтобы занять престолъ въ Константинополѣ, и тогда Никифору не оставалось ничего другого, какъ соединиться съ Петромъ противъ Святослава. Онъ самъ предложилъ заключить союзъ съ нимъ и просилъ царя прислать въ Константинополь двѣицъ царскаго рода, чтобы выдать ихъ замужъ за сыновей императора Романа и этимъ бракомъ закрѣпить военный союзъ съ Болгаріей. Однако, извѣстное нападеніе печенѣговъ на Кіевъ заставило русскаго князя вернуться домой, а царь Петръ въ скоромъ времени скончался (въ 968 году). На престолѣ его замѣнилъ его сынъ, царь Борисъ, которому пришлось начать свое царствованіе войной со Святославомъ, снова явившимся на Дунай и осадившимъ Переяславецъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія этотъ городъ былъ взятъ, и русскія войска двинулись далѣе: они взяли столицу царства, Великую Прѣславу, и въ ней самого Бориса съ его семьей, подчинили себѣ всю Болгарію между Дунаемъ и Балканскими горами, а весною 970 года Святославъ перешелъ черезъ Балканы и взялъ Филиппополь, гдѣ варварски расправился съ плѣнниками. Такимъ образомъ, русскія войска стояли на самой границѣ между Болгаріей и Византіей, гдѣ на престолѣ сидѣлъ послѣ дворцовой революціи, происшедшей въ декабрѣ 969 года, Іоаннъ Цимисхій. Около Адрианополя произошла битва между греками и русскими, къ которымъ присоединились мадьяры и даже—частью добровольно, частью противъ воли—болгары. Исходъ битвы, повидимому, былъ благопріятенъ для Святослава, такъ какъ послѣ нея онъ предалъ разграбленію окрестности Адрианополя и начиналъ угрожать уже самому

Цареграду; какъ говорить начальная лѣтопись, онъ «поиде ко граду, воюя и города разбивая; за маломъ бѣ не дошелъ Царяграда». Дарамъ и общаніями византійской дипломатіи удалось склонить Святослава къ заключенію мира. На самомъ же дѣлѣ, Цимисхій готовился нанести неожиданный рѣшительный ударъ русскому князю: быстрымъ нападеніемъ на Прѣславу онъ поставилъ русскаго воеводу Свѣнелда въ отчаянное положеніе. Городъ былъ взятъ, Свѣнелдъ съ немногими войнами бѣжалъ въ Доростолъ, гдѣ тогда былъ Святославъ. Царь Борисъ былъ освобожденъ отъ плѣна, и Цимисхій заявилъ ему, что «пришелъ наказать скивовъ за нанесенныя ими обиды болгарамъ». Съ такими же завѣреніями онъ выступалъ и позже, во все время войны съ руссами, когда ему было необходимо имѣть за своей спиной дружественное населеніе, смотрѣвшее на него, какъ на спасителя болгаръ отъ варварски свирѣпаго Святослава. Но когда война кончилась благопріятно для Византіи, Цимисхій сразу перемѣнилъ тонъ, объявилъ взятые его войсками области владѣніями имперіи; онъ назначилъ здѣсь византійскихъ губернаторовъ и оставилъ греческое войско, чтобы держать въ повиновеніи населеніе. Чтобы довершить дѣло завоеванія, Цимисхій переименовалъ главные болгарскіе города въ Юваннополь (Прѣславу) и Феодорополь (Силистрію) и вернулся въ Цареградъ, захвативъ съ собою всю болгарскую династію. Западная Болгарія, не тронутая войсками Святослава и не освобожденная отъ нихъ византійскими, оставалась во власти Шишмана. Здѣсь было восстановлено и болгарское патріаршество, уничтоженное Цимисхіемъ, который низложилъ болгарскаго патріарха и объявилъ Болгарію подчиненной константинопольскому патріарху. Немедленно послѣ этого восстанавливается патріаршество въ западной Болгаріи, которая оказывается, такимъ образомъ, совершенно внѣ политической зависимости отъ событій, связанныхъ съ русско-византійской войной. Престолъ новаго патріарха находился сначала въ Софіи, потомъ въ другихъ западно-болгарскихъ городахъ, и, наконецъ, онъ утвердился на нѣсколько столѣтій въ Охридѣ (въ Македоніи).

Подчиненіе Болгаріи Цареграду продолжалось только до смерти Цимисхія. Въ 976 году онъ умеръ, въ Византіи начались политическія волненія, дѣла имперіи находились, вообще, въ опасномъ положеніи, и, пользуясь этимъ, болгары немедленно возстали. Во главѣ движенія сталъ сынъ «могучаго комиса Николая», Самуиль, который въ продолженіе многихъ лѣтъ держалъ въ страхѣ имперію и на время восстановилъ могущество болгарскаго царства. Въ найденной въ 1888 году надписи на славянскомъ языкѣ (при постройкѣ церкви въ селѣ Германѣ въ Прѣснянскомъ округѣ) Самуиль упоминаетъ объ отцѣ

своемъ «могучемъ комисѣ Николаѣ и матери Рипсимии». Надпись относится въ 993 году и въ настоящее время всесторонне изслѣдована ¹⁾).

Насколько сильно было движеніе, видно изъ того, что четыре года спустя въ рукахъ болгаръ оказываются уже Фессалія и Эллада, что войска ихъ стараются проникнуть и въ Пелопоннесъ. По словамъ историка XI вѣка, Іоанна Скилиція, около 980 года «Самуилъ, удлучивъ удобный случай, разорилъ весь Западъ, не только Фракію, Македонію и окрестности Солуни, но и Фессалію, Элладу, самый Пелопоннесъ. Онъ взялъ много укрѣпленныхъ городовъ, въ числѣ коихъ главнымъ была Ларисса. Жителей ея цѣлыми родами и полнымъ домою онъ переселилъ во внутреннюю Болгарію и, зачисливъ ихъ въ свои воинскіе списки, пользовался ихъ содѣйствіемъ противъ грековъ».

Успѣхъ дѣятельности Самуила въ эти первые же годы долженъ объясняться въ значительной степени его личностью, его умѣніемъ поставить дѣло народа выше личныхъ интересовъ. Арабскій историкъ XI в., Яхъя Антиохійскій, оставилъ драгоцѣнное свидѣтельство о самоотверженности Самуила. Именно, въ 976 году, когда въ Византіи начались смуты, болгарскіе царевици Борисъ и Романъ, сыновья Петра Симеоновича, жившіе въ заключеніи во дворцѣ Іоанна Цимисхія, бѣжали на родину. Но въ горахъ одинъ изъ братьевъ былъ случайно убитъ, другой же, Романъ, объявилъ, что онъ, и болгары, охранявшіе перевалы отъ разбойниковъ и убившіе по ошибкѣ Борнса, «увели его и сдѣлали своимъ царемъ». Призналъ царскую власть Романа и Самуилъ, который доказалъ свою преданность народному дѣлу и тѣмъ, что убилъ своего родного брата Аарона, «который, какъ говорятъ, былъ на сторонѣ ромеевъ» (Кедренъ, компиляторъ Скилиція). Яхъя утверждаетъ, что «у Романа былъ рабъ, извѣстный подъ именемъ Комитопула, и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ, и собрались къ нему болгары и воевали страны грековъ». Этотъ «рабъ» и былъ Самуилъ, сынъ Комита.

Итакъ, въ 980 году во главѣ западно-болгарскаго царства стоитъ Самуилъ, котораго византійскіе источники характеризуютъ, какъ человѣка

¹⁾ См. изслѣдованія о ней О. И. Успенскаго, Т. Д. Флоринскаго и Л. Милетича въ «Извѣстіяхъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ», IV (Софія 1899), Г. Иванова въ «Български старини». Общій обзоръ дѣятельности Самуила, исчерпывающій всѣ извѣстные въ то время источники, принадлежитъ А. Л. Липовскому въ статьѣ «Изъ исторіи греко-болгарской борьбы въ X—XI вв.» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г. № 11), См. также В. Е. Васильевскаго «Совѣты и рассказы византійскаго боярина XI вѣка» (1881) и его же статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, № 3. Изъ болѣе старыхъ работъ надо назвать статью хорватскаго ученаго Рачкаго «Ворба južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku (Rad. Ingoslav. Akad. 1873 т. 24) и Дринова «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ».

неутомимаго и неустрашимаго. Онъ въ значительной мѣрѣ возстановилъ блескъ болгарскаго царства. Ядромъ его государства послужили, какъ это доказываетъ Дриновъ, области, лежавшія къ западу отъ Доспатскихъ горъ, Средней Горы и рѣки Искры, такъ что въ предѣлы его царства входили какъ Софія и Видинъ, такъ и Бѣлградъ на Дунаѣ. Резиденціи свои Самуилъ нѣсколько разъ мѣнялъ: сначала это былъ городъ Воденъ, потомъ Преспа, лежавшая на островѣ среди большого озера; наконецъ, столица и резиденція патріарха были перенесены въ Охридѣ. Византія, поглощенная войнами съ восточными народами, долго не могла оказать серьезнаго сопротивленія все возрастающему могуществу новаго Болгарскаго царства. Но въ 981 году императоръ Василій предпринялъ походъ въ Болгарію, направившись изъ Филиппополя по направленію къ Софіи. Здѣсь онъ потерпѣлъ полное пораженіе и самъ принужденъ былъ бѣжать, такъ что Самуилъ могъ продолжать свою политику завоеваній, которая теперь направилась на западъ, къ сербскому приморью. Въ теченіе короткаго промежутка времени онъ завоевалъ рядъ городовъ на этомъ приморьѣ, въ томъ числѣ Дураццо (Драчъ) и Лешъ (Alessio) на р. Дринѣ. Затѣмъ Самуилъ напалъ на Дулянская землю, которую покорилъ почти безъ сопротивленія; за этимъ послѣдовало завоеваніе Травунья, Захлумья, части Босніи и Сербіи, и все это въ какіе-нибудь два года. Въ 984 году относится извѣстіе латинскаго агіографа Никона объ опасеніяхъ византійскихъ властей въ Коринѣ по поводу предполагаемаго вторженія болгаръ. «Прошла молва, что этотъ народъ постепенно изъ Эпира направляетъ войска на Элладу и Пелопоннесъ». Въ 985 году Самуилъ взялъ уже и Нишъ. Тогда императоръ Василій рѣшилъ выступить противъ болгарскаго царя со всеми силами, какими онъ располагалъ. Какъ говоритъ армянскій историкъ XII в., Матвѣй Эдесскій, «Василій собралъ войска со всего государства и въ гнѣвѣ выступилъ противъ болгаръ, все въ ихъ странѣ опустошая и полоня. Произошла большая битва. Царь болгарскій одержалъ верхъ, обратилъ въ бѣгство Василія и преслѣдовалъ его до Константинополя. Болгары захватили у грековъ огромную добычу и множество плѣнныхъ». Это извѣстіе, достоверность котораго подтверждается и греческими источниками, относится къ операціямъ византійскихъ войскъ въ 986 году, когда самъ императоръ осадилъ Софію (Срѣдецъ), но долженъ былъ поспѣшно снять осаду и бѣжать. Результатомъ этой неудачи для императора было возстаніе одного изъ его полководцевъ, которое по необходимости отвлекло вниманіе императора Василія II отъ болгарскихъ нашествій. Это происходило въ 989 году. По свидѣтельству нѣсколькихъ источниковъ, Самуилъ использовалъ трудное положеніе Византіи въ своихъ видахъ и за время съ апрѣля по октябрь 989 года болгары «вторгались въ страну гре-

ковъ нѣсколько разъ и опустошали ее до города Салоникъ и дѣлали набѣги на тѣ области грековъ, которыя на западѣ» (Яхъя). Осада Солуни является лишь однимъ звеномъ въ цѣломъ планѣ завоеванія Македоніи, предпринятомъ Самуиломъ. Именно, какъ мы знаемъ эполю достоверно, въ 989 году онъ взялъ македонскую крѣпость Верреку (теперь турецкая Караферія), господствовавшую надъ выходомъ изъ долины рѣки Быстрицы, и тогда уже угрожалъ Солуни, осаду которой началъ въ 991 году и продолжалъ безуспѣшно четыре года. Между тѣмъ въ Константинополѣ Василій II одержалъ верхъ надъ своими противниками и достигъ успокоенія. Теперь можно было приступить къ систематическимъ дѣйствіямъ, чтобы расправиться съ болгарами. Съ 991 года начинается вторая греко-болгарская война. Императоръ вступаетъ съ войскомъ въ самую Болгарію и здѣсь, какъ говоритъ арабъ Яхъя, «встрѣтилъ болгаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ въ плѣнъ царя ихъ и возвратилъ его въ темницу, изъ которой онъ бѣжалъ». Рѣчь идетъ, конечно, о Романѣ, который юридически признавался болгарскимъ царемъ, хотя власть принадлежала Самуилу, его «рабу», по терминологіи арабскаго историка. Василій оставался въ Болгаріи четыре года и велъ очень удачныя военныя операціи: онъ взялъ нѣсколько болгарскихъ крѣпостей, изъ которыхъ часть занялъ своими гарнизонами, а другую часть разрушилъ. Среди разрушенныхъ оказалась и Софія. Болгарамъ пришлось плохо. «Византійскій императоръ уводилъ въ плѣнъ весьма многихъ и жегъ, и набиралъ добычу» (Яхъя). Наконецъ, судьба улыбнулась Самуилу: въ Малой Азіи начались волненія, и императоръ Василій посѣшилъ въ Антиохію, оставивъ при войскѣ, дѣйствовавшемъ въ Болгаріи, одного изъ своихъ полководцевъ, армянина Григорія Тиронита. Однако, тотъ попалъ въ ловушку, устроенную Самуиломъ, и потерпѣлъ пораженіе. Новый византійскій военачальникъ Уранъ дѣйствовалъ счастливѣе. Онъ столкнулся съ Комитоцумомъ (сыномъ Комита, т. е. Самуиломъ), вождемъ болгаръ, и побѣдилъ ихъ, и убилъ изъ болгаръ великое множество, и привезъ въ Константинополь тысячу головъ и 12 тысячъ плѣнниковъ». Самуилъ былъ готовъ просить мира, но въ это время болгарскій царь Романъ умеръ въ Константинополѣ; Самуилъ провозглашаетъ себя болгарскимъ царемъ и въ 996 году совершаетъ удачный походъ въ Целопоннесъ. Но и на этотъ разъ успѣхъ оказывается непрочнымъ: противъ Самуила отправляется съ войскомъ Никифоръ Уранъ, уже ранѣе нанесшій страшное пораженіе болгарамъ, и близъ Термопилъ, на берегу сильно разлившейся рѣки Сперхея, произошла встрѣча болгарскаго и византійскаго войскъ, которыя были раздѣлены только рѣкой. Ночью греки нашли бродъ, переправились черезъ рѣку и неожиданно напали на болгарскій лагерь, который былъ совершенно уничтоженъ.

Самуилъ съ трудомъ спасся и бѣжалъ въ свой замокъ на островѣ озера Преспы. Вскорѣ послѣ того Самуила постигла другая неудача: его дочь, вышедшая за молодого плѣнника, родомъ армянина, сына Григорія Тиронита, Ашота, который былъ назначенъ управителемъ въ Драчѣ, измѣнила отцу и вмѣстѣ съ мужемъ передала этотъ городъ Византіи. Такимъ образомъ, одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей Болгаріи на западѣ полуострова оказалась въ рукахъ враговъ. Дѣла Самуила быстро пошли подъ гору: изъ года въ годъ императоръ Василій Болгаробойца все глубже проникалъ въ Болгарію; въ 1002 году палъ Видинъ, вслѣдъ затѣмъ Скоплье, которымъ владѣлъ въ ту пору болгарскій царь.

Если бы Византія не была поглощена войнами съ другими врагами, державъ Самуила могъ бы быть нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ непоправимый ударъ, такъ какъ и безъ того во владѣніи его остались только западная Македонія, Албанія и плоскогорье около Софіи; но на счастье Болгаріи вниманіе императора Василія было поглощено борьбой съ арабами и Грузіей. Однако въ 1006—1007 году относятся извѣстія армянскаго историка Матвѣя Эдесскаго о «страшной войнѣ», которую византійскій императоръ велъ въ Болгаріи, и о томъ, что «Василій, покоривъ болгаръ и сдѣлавшись господиномъ ихъ страны, вернулся въ Константинополь». До 1014 года, по словамъ Скилиція, «императоръ не переставалъ ежегодно нападать на болгаръ, подчиняя себѣ и опустошая все, встрѣчающееся на пути».

Въ 1014 году военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ возобновились съ необычайнымъ ожесточеніемъ; и опять перевѣсъ былъ на сторонѣ Византіи. Въ одномъ сраженіи, на плоскогоріи (планинѣ) Вѣласицѣ, болгары были обойдены сзади и застигнуты врасплохъ; они были разбиты, а самъ Самуилъ едва спасся бѣгствомъ. Съ плѣнными императоръ поступилъ крайне жестоко; онъ ослѣпилъ 14,000 человекъ и отпустилъ ихъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ, у которыхъ выкололи по одному глазу. Увидѣвъ эту толпу обезображенныхъ людей, Самуилъ лишился чувствъ и черезъ два дня умеръ отъ потрясенія (14 сент. 1014 г.).

Послѣ смерти мужественнаго и энергичнаго болгарскаго царя, который въ продолженіе болѣе 25 лѣтъ стоялъ на стражѣ независимости Болгаріи, полный упадокъ царства не заставилъ себя долго ждать.

Преемникомъ Самуила былъ его сынъ Гаврилъ, которому пришлось все короткое время своего царствованія провести въ войнѣ съ императоромъ Василіемъ, продолжавшимъ свои завоеванія въ Македоніи. Не ограничиваясь этой прямой войной, византійцы дѣйствовали и съ помощью интригъ: не безъ участія императора, одинъ изъ Пашмановичей, сынъ какого-то Аарона, Иоаннъ-Владиславъ, выступилъ претендентомъ на

болгарскій престолъ и предательски убилъ на охотѣ Гавріила, а потомъ и его жену; сына царя онъ ослѣпилъ, а зятя, сербскаго князя Владимира, заманилъ къ себѣ и тоже приказалъ убить. Такимъ образомъ, истребивъ конкурентовъ, Іоаннъ-Владиславъ самъ сдѣлался болгарскимъ царемъ и вовсе не собирався продолжать войну съ Византіей. Однако, оппозиція бояръ принудила его прекратить переговоры, и Іоаннъ приступилъ къ осадѣ Драча, изъ-за котораго столько разъ велась борьба между славянами и Византіей. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Болгарія и Македонія были ареной военныхъ дѣйствій, въ которыхъ императоръ Василій не имѣлъ особеннаго успѣха, на сторонѣ же болгаръ стояли печенѣги. Борьба сосредоточивалась около Софіи, а также около нѣсколькихъ македонскихъ городовъ, но главнымъ пунктомъ, на который были направлены усилія противниковъ, оставался Драчъ. Здѣсь и былъ убитъ кѣмъ-то изъ своихъ воиновъ послѣдній изъ царей этого перваго Болгарскаго царства, Іоаннъ-Владиславъ (1018). Послѣ этого война пошла быстро; въ болгарскомъ лагерѣ была сильная партія, настаивавшая на полномъ отказѣ отъ борьбы и подчиненіи грекамъ; другая партія требовала продолженія войны, но она была малочисленна. При такомъ разногласіи вождей трудно было надѣяться на одержаніе побѣды, и, дѣйствительно, македонскіе города начали сдаваться одинъ за другимъ. Безпрепятственно императоръ Василій Болгаробойца достигъ Охриды, гдѣ ему представились царица и весь уцѣлѣвшій родъ Шишмана. Бояре, настаивавшіе на сдачѣ, получили византійскіе титулы; ихъ прежнія привилегіи были подтверждены. Партія недовольныхъ бѣжала въ горы, но и она боролась недолго: одни сдались сами и получили пощаду и награды, другіе были переловлены. Главари національнаго движенія, заставившіи и Іоанна-Владислава выступить съ враждебными дѣйствіями противъ императора Василя, бояринъ Ивацъ, былъ хитростью завлеченъ къ Охридскому стратегу и здѣсь убитъ. Такимъ образомъ, въ 1018 году первое болгарское царство перестало существовать. Арабскій историкъ Яхья сообщаетъ объ этомъ событіи въ слѣдующихъ строкахъ: «Пошелъ царь въ Болгарію 20 марта 1018 года, и вышли ему навстрѣчу всѣ тамошніе вожди, и были также выведены жена Аарона, царя болгарскаго, и дѣти его. И принялъ онъ ихъ крѣпости и оказалъ имъ милости. И оставилъ онъ себѣ сильныя крѣпости и назначилъ надъ ними правителей изъ грековъ и срылъ остальные. И устроилъ дѣла Болгаріи. И назначилъ туда василиковъ, т. е. управляющихъ всѣми дѣлами и имуществами. И стало государство болгарское присоединеннымъ къ государству грековъ и сдѣлано было катепанатомъ (губернаторствомъ). И было это въ 44 году его царствованія. И вернулся онъ въ Константинополь». Независимость Болгаріи, сохранявшаяся въ продолженіе 350 лѣтъ, была уничтожена. Болгарія пала отъ того, что

не могла въ этотъ первый періодъ своей исторіи разрѣшить національную проблему, которая состояла въ этническомъ разобщеніи между верхнимъ слоемъ, еще не утратившимъ своихъ тюркскихъ особенностей, традицій и династическихъ правъ, съ которыми начальники колѣнъ пришли вмѣстѣ съ Аспарухомъ на Балканскій полуостровъ, и между народной славянской массой. Кромѣ этихъ этническихъ и сословныхъ преградъ, раздѣлявшихъ населеніе Болгаріи, рознь вносила въ него и религіозная борьба между православіемъ и богомильствомъ, все болѣе распространявшимся.

Г Л А В А IV.

Богомильство и внутреннее положеніе Болгаріи въ XI—XII вѣкахъ ¹⁾.

Борьба между православіемъ и католичествомъ на Балканскомъ полуостровѣ, значительные пережитки язычества среди новообращеннаго славянскаго населенія, особенно во Фракіи и Македоніи, соприкосновеніе съ еретическими колонистами, расселенными густой массой около Филиппополя, испорченность православнаго духовенства и другія причины содѣйствовали тому, что возникшая въ IX вѣкѣ дуалистическая ересь Богомила нашла множество приверженцевъ сначала въ Болгаріи, потомъ въ Сербіи и Босніи, откуда она мало-по-малу распространилась и въ Западной Европѣ. Попытки бороться съ ней, предпринятія болгарской церковью уже въ концѣ X вѣка, не увѣнчались успѣхомъ; въ половинѣ XI вѣка появляется виднѣйшій проповѣдникъ богомильства, Василій, который послѣ пятидесятилѣтней проповѣди былъ, наконецъ, изобличенъ и сожженъ въ Константинополѣ въ 1111 году. Но и эти репрессіи, направленные противъ богомиловъ, не остановили распространенія ереси, и до конца XII вѣка она продолжала пользоваться громаднымъ вліяніемъ

¹⁾ Изъ литературы о богомильствѣ: Ф. Раѣки. «Bogomilii i Patareni» (Раѣ. за 1868 г.); С. Н. Палаузовъ. «Синодикъ царя Бориса». (Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей. М., 1855); М. Г. Попруженко. «Синодикъ царя Бориса. I». Текстъ. Одесса. 1897; С. Н. Палаузовъ. «Богомильство». (Православн. Обзор. 1873, іюль); «Весѣда Козьмы пресвитера на богомиловъ» (Православ. Собесѣдникъ. 1864, кн. 1 и 2); К. Радченко. «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ» (Кіевъ. 1898); К. Радченко. «Малоизвѣстное сочиненіе Евеміа Зигабена, трактующее о богомилахъ» (1902); О. Успенскій. «Очерки по исторіи византійской образованности». 1891; Еп. Порфирій Успенскій. «Востокъ Христіанскій». (Августъ, т. III, 1892); М. Панчовъ. «Богомилитѣ». Библиотека на Славянска Весѣда. 1907.

въ Болгаріи, оставивъ слѣды этого вліянія и на значительно болѣе позднее время. Такимъ образомъ, необходимо рассмотреть это важнѣйшее явленіе въ религиозной жизни Болгаріи, одно изъ первыхъ проявленій славянскаго творчества въ области церковнаго ригоризма. Въ грубой, еще полужыческой формѣ славянство Болгаріи бьется надъ тѣмъ же вопросомъ очищенія народной церковной жизни, который нѣсколько вѣковъ спустя старался разрѣшить въ Чехіи Гусъ. Что богомилство заключало въ себѣ какіе-то элементы, обнаруживавшіе искреннее стремленіе къ чистотѣ вѣры и жизни, показываетъ уже самое распространеніе его среди западно-европейскихъ католиковъ, притомъ въ самыхъ культурныхъ мѣстностяхъ (въ Провансѣ и др.). Вѣроученіе богомиловъ извѣстно намъ только въ изложеніи враговъ его, сначала пресвитера Козьмы, потомъ, въ XI и XII вѣкахъ, Евоемія Зигабена, а кромѣ нихъ, по отдѣльнымъ отрывочнымъ замѣчаніямъ и по проклятіямъ, которымъ предавалось это вѣроученіе въ Синодикѣ въ недѣлю православія. Въ силу этого догматическая сторона ереси представлена пристрастно, противорѣчиво и сбивчиво; по важнѣйшимъ вопросамъ ея нельзя установить опредѣленной точки зрѣнія: такъ, напр., трудно установить съ точностью, какъ смотрѣли богомилы на ученіе о Троицѣ. Всякій изъ писателей, полемизировавшихъ съ богомилствомъ, долженъ былъ брать изъ этого ученія то, что ему казалось особенно страннымъ и нелѣпымъ, и на это, по психологіи вѣхъ оппонентовъ, особенно накирала. Такъ, богомилы ставили въ вину греческому и болгарскому духовенству его испорченность. Что же отвѣчаетъ на это Козьма? Онъ раздражается упреками богомиламъ по поводу того, что они дерзаютъ осуждать духовенство: «Ты-то кто такой, что смѣешь его судить и осуждать раньше Божьяго суда? Если и грѣшенъ священникъ (жрецъ), то, по крайней мѣрѣ, не еретикъ; потому что нѣтъ грѣха хуже еретичества. И евреи (жиды) на плоть Христову плевали, еретики же плюютъ на божество его, но эти плевки падаютъ на ихъ собственные лица; такимъ образомъ, еретики грѣшнѣе самихъ евреевъ, распявшихъ Христа, потому что они похулили тѣло, а эти божество». Придирки борцовъ противъ богомиловъ имѣютъ типическій характеръ обвиненій, которыя должны быть предъявлены во всякомъ случаѣ: если бы приверженцы этой секты одѣвались въ пестрыя одежды, пировали и лѣнились, то въ рукахъ обвинителей было бы легкое оружіе противъ богомиловъ. Но они поступали обратно: «на видъ эти еретики», сообщаетъ самъ Козьма, «похожи кротостью и смиреніемъ на овецъ, молчаливы, блѣдны (подумать, что отъ лицемѣрнаго поста), не скажутъ лишняго слова, не смѣются громко, не проявляютъ лишняго любопытства, хоронятся отъ нескромнаго взора и на видъ все дѣлаютъ такъ, что ихъ и не отличить отъ правовѣрныхъ христіанъ». Но все это они дѣлаютъ

на видѣ,—говорить обличитель. «Внутри же они волки и хищники, какъ сказалъ Господь». Совершенно голословное обвиненіе, ничѣмъ не подтвержденное въ дальнѣйшемъ изложеніи. Тѣ же обвиненія предъявлялись къ первымъ христіанамъ. Когда въ началѣ XII вѣка врачъ Василій, ересіархъ богомилства, появился въ Константинополѣ, передъ нами опять благочестіе, которое принимается врагами за лицемеріе.

Извѣстно, что проповѣдь Василія имѣла громадный успѣхъ у женщинъ, и что нѣкоторые изъ нихъ сопровождали его. Этого достаточно, чтобы въ глазахъ ненавистниковъ богомилства онѣ оказались развратными женщинами, а одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, епископъ Порфирій, который тоже не можетъ освободиться отъ полемическаго гнѣва, говоря о ереси, превращаетъ ихъ даже въ «женщинъ крайне развратнаго поведенія». Между тѣмъ, личность Василія даже при чрезвычайно пристрастномъ тонѣ повѣствователей производитъ впечатлѣніе сильной, искренно вѣрующей личности, готовой пожертвовать своей жизнью ради убѣжденій и отрицавшей всякую обрядность именно ради чистоты своей вѣры. «Богомилы признаютъ одну только молитву, переданную намъ Господомъ въ Евангеліяхъ, именно: Отче Нашъ», свидѣтельствуешь Зигабень, ученый монахъ, которому императоръ Алексѣй Комненъ, втершійся въ довѣріе къ Василію и вырвавшій у него признаніе его вѣры, поручилъ составить изложеніе богомилства. «Богомилы отвергаютъ таинственное и страшное священнодѣйствіе, причастіе тѣла и крови Господней, это святое причастіе называя жертвою демоновъ, обитающихъ въ храмахъ,—говоритъ тотъ же писатель,—они презираютъ божественный крестъ, какъ умертвителя Спасителя нашего, въ то время, какъ скорѣе, въ этомъ отношеніи, должно его чтить, какъ истребителя дьявола». Далѣе, какъ передаетъ Зигабень, они отрицали чудодѣйственную силу мощей. На вопросъ о мощахъ Василій, «раскрывъ окаянныя уста свои, былъ способенъ изрыгнуть одно только сквернословіе»; вмѣстѣ съ тѣмъ «іерарховъ и отцовъ церкви они отвергаютъ всѣхъ безъ исключенія, какъ идолопоклонниковъ, за то, что они чтутъ иконы; сами они не чтутъ святыхъ иконъ, называя ихъ языческими идолами, серебромъ и золотомъ, произведеніями рукъ человѣческихъ». Совершаемое въ христіанской церкви крещеніе водою богомилы называютъ крещеніемъ Іоанна, свое же крещеніе, какъ крещеніе духомъ, они называютъ Христовымъ крещеніемъ. О храмахъ эти еретики говорили еще рѣзче: «церкве распутья мнѣть суща», по выраженію пресвитера Козьмы.

Уже изъ этихъ извлеченій изъ обличительныхъ сочиненій Зигабена и Козьмы, отдѣленныхъ двумя вѣками, но сообщающихъ объ этихъ сторонахъ обряда, видно, что богомилское ученіе было построено на началахъ рационализма, и что оно исходило только изъ Евангелія, которое

толковало не въ связи съ преданіями отцовъ церкви, а рaціoналистиче-скимъ образомъ. Какъ очень многіе изъ позднѣйшихъ христіанскихъ религіозныхъ мыслителей, богомилы отрицали иконы, причастіе, храмы, богослуженіе и въ своемъ религіозномъ ригоризмѣ требовали отъ духовенства чистоты жизни, а отъ мірянъ большого аскетизма. И эти черты вѣроученія богомиловъ, это ихъ стремленіе «опроститься» и жить только по Евангелію придали ереси общечеловѣческое значеніе и обезпечили ей самое широкое распространеніе въ Европѣ подъ именемъ bogres и ката-ровъ (отсюда Ketzler, еретики).

Однако, стремленія богомилства къ чистотѣ религіознаго ученія и церковнаго обряда могли развиваться только на почвѣ возрѣвнѣй, доступныхъ славянскому населенію IX вѣка. Поэтому здѣсь необходимо выдѣлить различные элементы и вліянія, обусловившіе распространеніе еретическихъ взглядовъ богомиловъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить народную стихію въ ихъ легендахъ и возрѣвнѣяхъ, а затѣмъ вліянія византійской престонародной образованности и восточнаго дуализма. При этомъ, конечно, на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, отдѣляющихъ зародыши богомилства отъ его полнаго развитія въ болгарскомъ мистицизмѣ XIV вѣка, происходила эволюція этихъ возрѣвнѣй, за которой невозможно прослѣдить по недостатку матеріаловъ. Такъ, въ XIV вѣкѣ здѣсь наблюдается заимствованное изъ мессаліанской ереси созерцательное направленіе, которое, кажется, было чуждо первоначальному богомилству. Виѣстѣ съ тѣмъ, при болѣе позднемъ развитіи этой секты должны были отпадать тѣ элементы, которые были основаны на невѣжественномъ толкованіи явленій природы, наивномъ объясненіи Св. Писанія и т. д. Такимъ образомъ, въ настоящей главѣ я ограничусь эпохой, когда богомилство, еще близко сросшееся съ народными возрѣвнѣями и съ первоначальными религіозными вліяніями, не превратилось въ философскую секту. Въ эту пору, по опредѣленію епископа Порфирія, «богомилство въ существѣ дѣла вовсе не походило на стремленія древнихъ гностическо-манихейскихъ сектъ, въ основу которыхъ легли уже довольно развитыя философія представленія Востока. и Греціи, которыя (секты) видѣли въ толпѣ вѣрующихъ недостаточное пониманіе истинъ вѣры, изложенныхъ въ Новомъ Завѣтѣ, и старались дополнить, исправить, осмыслить ихъ своими философскими соображеніями: Библія у нихъ отходила на задній планъ, ученіе апостоловъ требуетъ поправокъ и дополненій; философія вытѣсняла религію. Ничего подобнаго не представляетъ богомилство. Совершенствованіе жизни, нравственности сообразно идеалу апостольскаго христіанства, которое теперь въ церкви утратило свой чистый характеръ, затемнилось ложными преданіями,—вотъ основная тенденція богомиловъ». Возмущаясь

лицемѣріемъ богомилскихъ учителей и охотно передавая сплетни враговъ богомилства о развращенности его приверженцевъ, о томъ, что они причащаются тѣломъ закланнаго младенца и т. п., тотъ же писатель все-таки считаетъ нужнымъ прибавить: «Безъ сомнѣнія, отзывы о крайней безнравственности еретиковъ значительно преувеличены. Послѣдніе на дѣлѣ умѣли доказать, что нравственность ихъ была выше ученія, привлекая къ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, соблазнявшихся именно строго-нравственнымъ образомъ ихъ жизни».

На счетъ языческихъ вѣрованій славянскаго населенія Болгаріи, примкнувшаго прежде всего къ богомилству, надо отнести тотъ успѣхъ, который имѣла здѣсь проповѣдь дуализма. Повидимому, вѣра въ два начала, устрояющія міръ и борющіяся изъ-за обладанія имъ, доброе и злое начала,—какія бы названія они ни носили въ малоразвитой славянской мѣологіи,—эта вѣра составляла одну изъ древнѣйшихъ основъ религіознаго міровоззрѣнія славянства. Богомилство развило на этой основѣ большую и сложную картину борьбы двухъ божественныхъ существъ, уснащая ее подробностями, которыя могли быть заимствованы только изъ мѣологіи славянства или еще дальше, изъ мѣологіи азіатскихъ народовъ. А уму новообращенныхъ въ христіанство славянъ и болгаръ, которые съ такой поспѣшностью засыпали папу вопросами о религіи и настоящей справедливости, каноническія книги Св. Писанія, конечно, не давали отвѣта на множество вопросовъ о началѣ и концѣ міра, богомилство же рисовало яркія и полныя картины, удовлетворяло любопытство вплоть до того, почему именно змѣя созданіе дьявола. Правда, въ различныхъ толкахъ этой секты давались объясненія, не во всемъ совпадавшія, но это разногласіе заключалось уже въ болѣе высокихъ вопросахъ, не для всѣхъ понятныхъ и доступныхъ. Такъ, не было, кажется, полнаго единства и въ пониманіи Сатанаила, какъ назывался соперникъ Бога добраго. По разсказу Зигабена, «демонъ, названный Спасителемъ сатанюю, есть старшій братъ Іисуса, первородный сынъ Отца, именуемый Сатанаилъ. Какъ домоправитель, второй по достоинству послѣ Отца, онъ сидитъ одесную Отца въ одинаковомъ съ нимъ одѣяніи. Упоенный своею славою, онъ возмечталъ объ отпаденіи, коварнымъ образомъ убѣдилъ нѣкоторыхъ подчиненныхъ ангеловъ свернуть вмѣстѣ съ нимъ иго зависимости отъ Отца. Для доказательства этого событія богомилы приводятъ притчу о «неправильномъ домоправителѣ» (Лука XVI, 1). Ангелы, въ надеждѣ освободиться отъ подчиненнаго положенія и соблазнившись великими обѣщаніями Сатанаила, послѣдовали его наветамъ. Замѣтивъ это, Богъ низвергъ всѣхъ ихъ съ неба». Козьма же сообщаетъ объ этомъ основномъ догматѣ богомилловъ иначе, но и онъ связываетъ его происхожденіе съ истиннымъ церковнымъ вѣро-

ученіемъ: но его словамъ, богомилы «слышали» въ Евангеліи притчу о двухъ сыновьяхъ: и «Христа сдѣлали (творятъ) старшимъ сыномъ, а меньшаго, который обманулъ отца, считаютъ (мѣняютъ) дьяволомъ; они называли его Мамоной и признаютъ его творцомъ и строителемъ земныхъ вещей, и утверждаютъ, что онъ повелѣлъ людямъ брать женъ, и ѣсть мясо, и пить вино». Съ этимъ они связывали и свой аскетизмъ: «людей, женящихся и живущихъ въ міру» богомилы называли слугами Мамоны. Наконецъ, третій писатель, сообщающій о богомилствѣ, передаетъ его догматъ о Сатанайлѣ опять-таки нѣсколько иначе; по его свидѣтельству, богомилы признавали одного Бога и «старья и новья начала», двухъ сыновей Бога, изъ которыхъ младшій владѣетъ небеснымъ міромъ, а старшій земнымъ. Такимъ образомъ, здѣсь элементъ борьбы, противодѣйствія Божьимъ планамъ совсѣмъ отпалъ. Напротивъ, два сына Бога когда-нибудь опять соединятся, происходя отъ одного Отца. Во всякомъ случаѣ, теперь на землѣ господствуетъ Сатанайлъ, творецъ всего земного. Этому учили и апокрифы, которые посвящали особое вниманіе легендамъ о сотвореніи міра. Таковы были, напр., «Вопросы Іоанна Богослова», согласно которымъ Сатана признавался до своего паденія подобнымъ Отцу и управителемъ небесныхъ силъ, Іисусъ же сидѣлъ рядомъ съ Отцомъ. Впослѣдствіи, рассказываетъ этотъ апокрифъ, сатана устроилъ землю, создалъ мѣсяцъ и солнце, пресмыкающихся, скотовъ, деревья и травы, птицъ и рыбъ; наконецъ, сатана создалъ человѣческое тѣло, но душу человѣку далъ Богъ, а дьяволъ, соблазнивъ Еву, ввелъ на землю грѣхъ. Громадное множество легендъ всѣхъ народовъ построено на дуалистическомъ принципѣ, часть ихъ легла въ основаніе богомилской исторіи мірозданія и была соотвѣтственнымъ образомъ переработана. По мнѣнію акад. А. Н. Веселовскаго, «въ тѣхъ легендахъ, которыя, направлясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ», надо видѣть именно христіанско-богомилскую окраску ¹⁾. По ученію богомиловъ, «Сатанайлъ, низверженный съ неба, не могъ основать свое жилище на водахъ; земля была невидима и неустроена. Божественный образъ, одѣяніе и творческая сила остались, между тѣмъ, при немъ. И вотъ онъ собираетъ падшихъ вмѣстѣ съ нимъ ангеловъ, ободряетъ ихъ и говоритъ: Богъ сотворилъ небо и землю, а я, другой богъ, устрою второе небо и все прочее по порядку. Сатанайлъ сказалъ: «да будетъ твердь»—и стала твердь. Далѣе онъ продолжалъ твореніе въ томъ порядкѣ, какъ оно описано въ книгѣ Бытія: украсилъ второе небо, отдѣлилъ воду отъ земли, произвелъ растенія и животныхъ. Это второе твореніе онъ назначилъ

¹⁾ Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. Вып. 5-й. XI Дуалистическія повѣрія о мірозданіи. 1889.

жилищемъ для себя и для подвластныхъ ему духовъ. Затѣмъ онъ образовалъ тѣло Адама изъ земли и воды и поставилъ его въ прямомъ положеніи. При этомъ какая-то влага потекла изъ Адама въ правую ногу и черезъ большой палецъ извилами ушла въ землю, образовавъ фигуру змія. Собразъ свое дыханіе, Сатанаилъ вдунулъ въ образованное имъ тѣло жизнь. Но этотъ духъ, пролившись черезъ пористую массу тѣла въ правую ногу, попалъ черезъ большой палецъ въ извилистую струю; она тотчасъ получила жизнь и, отдѣлившись отъ пальца, стала змѣемъ и поползла. Потому змій и отличается хитростью, что его оживляетъ душа Сатанаила. Замѣтивъ, что усилія его ни къ чему не ведутъ, этотъ новый творецъ черезъ посольство обратился къ благому Отцу и просилъ ниспослать Своего духа, обѣщая, что человѣкъ будетъ принадлежать имъ обоимъ, если будетъ оживленъ, и что племя его восполнить мѣста на небѣ, оставленныя падшими ангелами. Богъ, по благодти своей, исполнилъ просьбу діавола, вдунулъ въ созданіе Сатанаила дыханіе жизни. Тотчасъ явился человѣкъ съ живою душою, которая просвѣтила его и сообщила ему разнообразныя прелести. Когда же затѣмъ изъ тѣла Адама была создана Ева и получила тотъ же блескъ, Сатанаилъ воспламенился завистью; онъ перемѣнилъ свой планъ и сталъ злоумышлять противъ своего созданія; подъ видомъ змія онъ обманомъ соблазнилъ Еву къ сожитію съ нимъ, для того, чтобы его сѣмя, вошедши въ тѣло Евы прежде Адамова сѣмени, возымѣло надъ нимъ господство и всячески препятствовало ему расти и множиться. Скоро Ева въ болѣзни родовъ родила, отъ сожитія съ Сатанаиломъ, Каина и подобную ему сестру-близнеца, по имени Каломелу. Движимый ревностію, Адамъ также сошелся съ Евою и родилъ Авеля, но его тотчасъ убилъ Каинъ и внесъ этимъ смертоубійство въ міръ. Посему и апостоль говоритъ, что Каинъ былъ отъ лукаваго. Черезъ преступленіе съ Евою подъ образомъ змія Сатанаилъ лишился образа Божія, одѣянія, творческой жизни и божескаго имени. Потерявъ все это, Сатанаилъ сталъ темнымъ и для всѣхъ ненавистнымъ. Но благой Отецъ, смягчивъ свой гнѣвъ, дозволилъ ему остаться міроправителемъ и владыкою всего, созданнаго имъ послѣ своего паденія.

Въ основныхъ своихъ чертахъ эта исторія, гдѣ все такъ тѣсно соединено логической связью, построена на основѣ, заимствованной изъ гностической ереси, повидимому, черезъ павликіанъ, поселенныхъ въ половинѣ VIII вѣка во Фракіи и имѣвшихъ ближайшія отношенія къ богомиламъ. Но, вѣроятно, разработка легенды принадлежитъ самимъ богомилскимъ вѣроучителямъ, а грубый матеріализмъ ея и наивныя толкованія указываютъ на очень низкій уровень философской мысли въ этой сектѣ, сила которой заключалась не въ догматикѣ, а въ стремленіи къ нравственному очищенію. Несомнѣнна также связь богомилства съ иконо-

борчествомъ, что опять-таки указываетъ на логическую необходимость возникновенія его въ новообращенномъ народѣ, еще плохо разбиравшемся въ христіанствѣ, еще не искавшемъ въ немъ отвѣта на всѣ тайны міроздавія, но уже смущенномъ испорченностью и корыстолюбіемъ духовенства ¹⁾. Въ дальнѣйшей исторіи человѣчества, какъ понимали ее богومیлы, также много подробностей, восходящихъ отчасти къ первоисточникамъ восточнаго дуализма, отчасти къ самостоятельной мысли богомильскихъ основоположниковъ. Такъ, согласно съ легендой о первородномъ грѣхѣ, и богومیлы учили, по словамъ «Синодика царя Бориса» (начало XIII в.), что «жена зачинаетъ во чревѣ дѣйствіемъ (содѣлованіемъ) сатанинскимъ, и съ этого времени сатана пребываетъ здѣсь неотступно до самаго рожденія младенца; святымъ крещеніемъ отогнать его нельзя, но только молитвой и постомъ». При такой силѣ дьявола надъ человѣкомъ надо было найти какую-нибудь свѣтлую точку, чтобы не вовсе потерять охоту жить. Богомилство давало выходъ изъ пессимизма въ ученіи объ Иисусѣ Христѣ, которое сильно напоминало воззрѣнія на конецъ міра, изложенныя въ богословской зороастрійской литературѣ Ирана ²⁾. Во многихъ деталяхъ оно повторяетъ ходячія мѣста тогдашней богословской литературы: такъ, напр., у вѣрующихъ, привыкшихъ понимать вещи очень матеріально, не могъ не возникнуть вопросъ о зачатіи Иисуса Христа, зачатіи непорочномъ и необыкновенномъ. Чтобы объяснить его, припомнили, что Иисусъ Христосъ—Богъ Слово («Бога Слова родшю»). А какъ же проникаетъ слово? Разумѣется, черезъ ухо, какъ метафорически говорятъ это и Евангеліе отъ Луки (I, 26—38). Отсюда въ цѣломъ рядѣ памятниковъ—литургическихъ и учительныхъ, латинскихъ и греческихъ—увѣренность, что Христосъ «вошелъ черезъ ухо Дѣвы». Въ связи съ этимъ и богومیлы учили, что, «сойдя съ неба, онъ вошелъ въ правое ухо Дѣвы и облекся въ плоть, которая только по внѣшности состояла изъ матеріи и походила на человѣческое тѣло, на самомъ же дѣлѣ была невещественна и божественна». Самая философія спасенія человѣческаго рода изложена въ слѣдующемъ разказѣ: «Люди жестоко страдали и гибли подъ властію демоновъ. Только немногіе стали удѣломъ Отца и перешли въ чинъ ангеловъ: именно, упоминаемые въ генеалогіяхъ Матеея и Луки. Отецъ замѣтилъ, наконецъ, что онъ обманутъ и обиженъ. Онъ далъ человѣку лучшую часть, при твореніи надѣлилъ его разными совершен-

¹⁾ См. объ этомъ М. Г. Попруженко. «Синодикъ царя Бориса». Извѣстія Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ, т. V (стр. 122 и дал.).
 О. Успенскій. «Очерки». Стр. 210 и дал.

²⁾ См. о нихъ А. Л. Погодинъ. «Религія Зороастра». 1902 г. (изданіе Поповой, «Образовательная бібліотека», сер. V, кн. 2).

ствами и, между тѣмъ, лишился большей части человѣческаго рода. Онъ сжалился надъ душою, которую онъ самъ вдохнулъ и которая страдала въ тяжеломъ рабствѣ, и для отпущенія за нее изрыгнулъ изъ своего сердца въ 5500 году Слово, т.-е. Сына и Бога (Псалом. 45, 1). Этотъ Сынъ и Слово есть архангелъ Михайлъ (Исаія 9, 6). Излагая исторію Іисуса Христа, богомилы утверждали, что «призрачно распятый, умершій и воскресшій, онъ снялъ съ себя внѣшній видъ, посрамилъ отступника и въ тяжкихъ узахъ заключилъ его въ бездну. Отъ имени Сатанаила онъ отнялъ прилегающійся къ ангеламъ слогъ «илъ» и назвалъ его теперь Сатанюю. Совершивъ предназначенное ему дѣло, Христосъ снова возвратился къ Отцу и сълъ одесную Его на престолѣ, съ котораго былъ низверженъ Сатанаилъ. Затѣмъ онъ снова возвратился туда, откуда вышелъ, разрѣшившись въ Отца, въ утробѣ котораго онъ былъ заключенъ».

Ученіе о Сатанаилѣ было центральнымъ пунктомъ богомилства, и все-таки даже въ этой области не было достигнуто, повидимому, вполне выработаннаго, опредѣленнаго ученія. Такъ, въ посланіи Евѣмія Зигабена, относящемся къ 80-ымъ годамъ XI вѣка, богомилы представлены почитателями дьявола въ гораздо большей степени, чѣмъ въ его же окончательномъ сочиненіи «Всеоружіе», составленномъ въ началѣ XII столѣтія. Изъ этого послѣдняго и были приведены вышеизложенныя легенды; что же касается культа Сатаны по посланію, то, по его свидѣтельству, богомилы «дьявола называютъ Отцомъ, Сына же называютъ сыномъ гибели и Духъ дыханіемъ злобности». Самъ Козьма передавалъ двойное ученіе богомилловъ о Сатанѣ: «одни, говоритъ онъ, дьявола считали творцомъ людей и всей Божьей твари, другіе—неправеднымъ міроправителемъ (экономомъ)». Синодикъ 1211 года соединяетъ оба эти воззрѣнія въ одно: «Которые сатану нарицають творцомъ видимой твари и управителемъ дождя и града (иконома нарицающихъ дождеви и граду) и всего, исходящаго отъ земли, анаема». Такая неустойчивость ученія въ самыхъ основныхъ вопросахъ указываетъ на то, что богомилство было распространено въ видѣ нѣсколькихъ толковъ и что не эта сторона его привлекала главнымъ образомъ людей. Согласованность ученія съ разсужденіями разума, хотя бы еще не освободившагося отъ путъ первобытнаго наивнаго матеріализма, и согласованность ученія съ жизнью,—вотъ на чемъ была построена проповѣдь и зиждился успѣхъ богомилства. Богомилы придавали очень мало значенія внѣшности и обрядамъ, издѣвались надъ тѣми, кто поклонялся мощамъ, иконамъ, кресту, кто причащался и ходилъ въ храмъ. Они старались, исходя изъ собственнаго пониманія Св. Писанія, дѣлать логическіе выводы и примѣнять ихъ къ жизни: такъ, они помнили заповѣдь Христа о любви къ врагамъ своимъ и стремились понять, кого же надо понимать подъ врагами и кого слѣдуетъ любить.

Подъ врагомъ надо подразумѣвать дьявола. «Это мѣсто убѣждаетъ», говоритъ Зигабенъ, «что нужно заискивать его расположенія, служить ему (дьяволу) поклоненіемъ, для того, чтобы онъ не предалъ насъ Отцу въ день суда на погибель».

Таковы основныя черты богомилства. Онъ оказали громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ религіозной мысли человѣчества: безчисленные слѣды богомилства уцѣлѣли донинѣ въ народныхъ легендахъ о мірозданіи, а душевная потребность, породившая богомилство, представляетъ общечеловѣческую жажду чистой и разумной вѣры. Въ этомъ и была его сила. Конечно, свѣтъ знанія сдѣлалъ невозможнымъ для позднѣйшихъ поколѣній повторять вслѣдъ за богомилами ихъ наивные взгляды на природу міра; «не въ пламени костровъ погибла ересь; возникши изъ мрака невѣжества, она сама собою должна была исчезнуть посреди свѣта христіанской цивилизаціи» (Успенскій). Она исчезла, какъ богомилство, но возродилась, какъ гуситство, лютеранство, какъ множество другихъ сектъ, ересей, вѣроученій, основанныхъ на томъ же самомъ стремленіи мыслить о Богѣ, вѣрить и жить чисто и согласно съ вѣрой.

Благодаря этому основному стремленію своему, богомилство получило очень широкое распространеніе. Число «совершенныхъ», т.-е. живущихъ согласно аскетическимъ предписаніямъ богомилства, было, конечно, сравнительно невелико: среди сотенъ тысячъ приверженцевъ секты ихъ насчитывали всего нѣсколько тысячъ. Имъ воздавались особыя почести, ихъ словомъ толпы дорожили чрезвычайно. Но власть рано начала преслѣдовать богомилство. Уже Козьмѣ пришлось доказывать православнымъ, что не всякое страданіе за вѣру есть мученичество; «многіе же не знаютъ, что это ересь, и думаютъ, что они страдаютъ за правду, и за это, за узы и за темницу, получаютъ награду отъ Бога». «Но, прибавляетъ Козьма, хотя бы они страдали десятками тысячъ (тымами), какъ они хотятъ быть угодными Богу, когда дьявола называютъ творцомъ людей и всей Божьей твари?» Очевидно, въ это время преслѣдованія носили массовый характеръ; основывались же они, повидимому, не столько на религіозномъ ученіи богомиловъ, сколько на ихъ революціонномъ настроеніи, которое Козьма опредѣлялъ, какъ проповѣдь неповиновенія властямъ. Самуилъ, поселившій въ Болгаріи массу македонскихъ армянъ-массаиотовъ, не могъ относиться враждебно къ богомилству, какъ къ сектѣ. При самомъ дворѣ его гнѣздилась эта ересь: одинъ изъ сыновей царя вмѣстѣ съ женой были ревностными богомилами. Секта распространялась все дальше: въ XI вѣкѣ она проникла въ предѣлы сербскихъ жупъ, въ началѣ XII вѣка Македонія, около Филиппополя, кишѣла всякими сектами, родственными гностицизму, и среди нихъ видное мѣсто занимало богомилство. Въ эту же пору оно появляется и

въ самомъ Константинополѣ, гдѣ вызываетъ извѣстныя репрессіи со стороны императора Алексѣя Комнена противъ врача Василія, богомилскихъ «апостоловъ» и простыхъ сектантовъ. Но и это не помогло дѣлу: векорѣ было доказано, что къ ереси присоединились еще три епископа, и они были судимы и наказаны. Въ Болгаріи указывается въ XII вѣкѣ нѣсколько богомилскихъ церквей: одна изъ нихъ была въ городѣ Меленикѣ на рѣкѣ Струмѣ, затѣмъ много еретиковъ жило около Охридскаго озера, около города Моглена, лежавшаго между Охридой и Солунью; епископъ Иларіонъ въ половинѣ XII столѣтія нашелъ преобладаніе среди населенія приверженцевъ ереси, которая была «манихейская и армянская, а еще же богомилская».

Одинъ изъ толковъ богомилства, въ которомъ уже въ концѣ X вѣка не было полного единенія относительно пониманія догмата о Сатанайлѣ и его первоначальномъ или послѣдующемъ появленіи въ процессѣ мірозданія,—одинъ изъ толковъ распространился въ XII вѣкѣ и за границей. Во второй половинѣ XII столѣтія секта «была распространена отъ Босфора и Балканъ до Пиринеевъ, отъ Дуная и Марицы до Гаронны и Рейна. Фракія, Болгарія и Македонія на востокѣ, верхняя Италия и южная Франція на западѣ были въ эту пору ея главными пристанищами. На западѣ границы ея распространенія достигали Бонна и Кельна, гдѣ около 1163 года старѣйшиной былъ нѣкій Арнольдъ» (Рачкій). Позже, въ началѣ XIII вѣка, царь болгарскій Борилъ (Борисъ) увидѣлъ себя вынужденнымъ созвать въ Терновѣ специальныйъ соборъ для осужденія ересей, достигшихъ чрезвычайнаго распространенія въ Болгаріи; главной и опаснѣйшей изъ нихъ было богомилство. Отчетъ объ этомъ соборѣ, бывшемъ, вѣроятно, въ 1211 году, въ «Синодикѣ Борила» называется объ этомъ событіи такъ ¹⁾: возникла, точно какая-то сорная трава (тръніе злое), треклятая и богомерзкая богомилская ересь. Разжегшись божественнымъ желаніемъ, благочестивѣйшій царь Борилъ рѣшилъ собрать богомиловъ со всей своей земли; вѣдь они, какъ волки, нещадно расхищали Христова стадо, за которое Христосъ пролилъ свою пречистую кровь. «Якоже нѣкыя плевели въ снопы», онъ хотѣлъ собрать вибѣстѣ всѣхъ богомиловъ и велѣлъ съѣхаться на соборъ всѣмъ архіереямъ, священникамъ и инокамъ, а также всѣмъ боярамъ и «многому множеству прочаго народа». Сектанты, которымъ царь велѣлъ, оставивъ страхъ, смѣло отстаивать свое ученіе, были уловлены съ великой хитростью; отъ увѣщаній соборъ перешелъ къ угрозамъ, съ помощью которыхъ

¹⁾ По мнѣнію Радченки, эта часть «Синодика» относится къ XIV вѣку и сводится къ тѣмъ постановленіямъ противъ богомиловъ, которые были приняты на Терновскомъ соборѣ.

многіе обольщенные «паки притекоша къ соборной церкви»; тѣ же, кто упорствовалъ въ ереси, были преданы различнымъ казнямъ и заточенію. Казалось, теперь-то ересь уничтожена; главные учителя богомилства, перечисленные поименно въ Синодикѣ, были преданы анаемѣ. Прокляты были и отдѣльные пункты ученія, но богомилство не исчезло: и въ XIV вѣкѣ оно въ своеобразной формѣ, выработанной въ Византіи, волновало Болгарію, гдѣ религиозный мистицизмъ имѣлъ много приверженцевъ. Эта живая религиозная дѣятельность придавала болгарской церкви особенный отпечатокъ стремленія къ развитію: въ то время, какъ въ Сербіи удалось однимъ ударомъ нанести полное пораженіе богомиламъ (въ концѣ XII вѣка ¹⁾), въ Болгаріи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи и благодаря смѣшанному составу ея населенія, борьба ересей, толковъ, философскихъ направленій не прекращается и приводитъ уже въ XIV вѣкѣ къ широкимъ попыткамъ исправленія церковной жизни въ рамкахъ православія.

Вышеизложенная исторія богомилства показываетъ, что за это время, съ половины X до XIII вѣка, здѣсь произошли чрезвычайно существенныя внутреннія измѣненія: богомилство касалось не только религиозной стороны человѣческой жизни, оно переворачивало все міровоззрѣніе чловѣка, учило его относиться по новому и къ своему мѣсту въ общественномъ укладѣ страны, и къ власти. Отразились ли эти перемѣны въ тѣхъ матеріалахъ, которые мы имѣемъ за это время для сужденія о юридическомъ и общественномъ бытѣ Болгаріи? При отсутствіи всякихъ болгарскихъ юридическихъ памятниковъ, относящихся къ этому времени, этотъ вопросъ не поддается рѣшенію; сербскія и византійскія отношенія переносить и на Болгарію, какъ это дѣлаютъ иногда историки болгарскаго права, врядъ ли возможно при скудости нашихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, приходится ограничиваться лишь самыми общими положеніями: именно, мы знаемъ, что по мѣрѣ ослабленія царской власти развивались полунезависимыя боярскія владѣнія, которыя, однако, мы не можемъ прямо отождествлять съ западно-европейскими феодальными владѣніями. Изъ среды такихъ бояръ вышли въ концѣ XII вѣка возстановители болгарскаго царства Асѣны. Во время господства своего надъ Болгаріей византійцы ввели и здѣсь институтъ проніи ²⁾ (стараній, проноса), который заключался въ пожалованіи за военныя услуги помѣстій, соответствующихъ по своему юридическому положенію бене-

¹⁾ А. Погодинъ. «Исторія Сербіи». 1909 г., стр. 38.

²⁾ О. Успенскій. «Значеніе византійской и юго-славянской проніи». Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, изданный учениками В. И. Ламанскаго. 1883.

фиціямъ и ленамъ. Онъ создавалъ классъ вліятельныхъ помѣщиковъ, который уцѣлѣлъ не только до покоренія Болгаріи турками, но пережилъ и это событіе, причемъ христіане-проніары уступили свое мѣсто мусульманамъ. По мѣрѣ того, какъ усиливался высшій классъ, долженъ былъ ослабляться и падать крестьянскій. Но опять-таки мы не знаемъ точно, вводили ли византіицы, владѣя Болгаріей, здѣсь свое аграрное право, можно ли то, что относится къ византійскимъ епикамъ (ἐπίκοι, классъ свободныхъ земледѣльцевъ) и парикамъ (παρίκοι, земледѣльцы, прикрѣпленные къ землѣ, но лично свободные), принимать безъ дальнѣйшихъ словъ къ болгарскимъ отношеніямъ. Эта область болгарской исторіи очень темна, и врядъ ли при отсутствіи данныхъ когда-нибудь разъяснится. Во всякомъ случаѣ, въ половинѣ XIV вѣка въ Болгаріи еще дѣлалось юридическое различіе между отроками и париками; слѣдовательно, эти послѣдніе не были сравнены въ своемъ положеніи съ рабами. Не могло измѣниться это состояніе и за тѣ немногіе годы, которые отдѣляютъ время царствованія Іоанна-Александра отъ паденія болгарской независимости. Такимъ образомъ, приходится констатировать все возрастающее значеніе мѣстной аристократіи и официальныхъ представителей ея, комитовъ, съ одной стороны, а съ другой, паденіе свободного земледѣльческаго сословія, которое все же не успѣло дойти до полнаго рабства, такъ какъ процессъ былъ задержанъ завоеваніемъ Болгаріи. Византійское законодательство было переведено на болгарскій языкъ, но соответствовали ли его нормы цѣликомъ болгарскимъ, это подлежитъ еще изслѣдованію, хотя терминологія византійскихъ памятниковъ и болгарскихъ хрисовуль нерѣдко оказывается близкой. Совершенною независимостью отъ государства пользовалось духовенство, имѣвшее свои земли и другія имущества; ни одинъ изъ гражданскихъ чиновниковъ не могъ съ монастырями судиться, брать съ нихъ штрафы, наказывать монаховъ иными способами. Это право опредѣленно подтверждается по отношенію къ отдѣльнымъ монастырямъ хрисовулами болгарскихъ царей.

Общее отношеніе византійской администраціи и церкви къ Болгаріи за это время подчиненія ея имперіи (1018—1185) освѣщается въ нѣкоторыхъ литературныхъ греческихъ памятникахъ этой эпохи. Впрочемъ, свѣтъ, который они бросаютъ на это темное время болгарской исторіи, весьма скуденъ; онъ не позволяетъ составить сколько-нибудь детальной картины жизни этой провинціи почти за два столѣтія, но даетъ общія очертанія. На первомъ мѣстѣ по ихъ значенію надо поставить письма болгарскаго архіепископа Теофилакта, надменнаго грека, который относился къ окружающему славянскому населенію съ высоко-мѣрнымъ презрѣніемъ и старался въ своей глуши не запускать связей съ константинопольскими вліятельными сферами. Поэтому онъ поддер-

живаль съ ними оживленную переписку, жаловался имъ на свою горькую участь среди варваровъ, сообщалъ о бѣдствіяхъ, постигающихъ его, какъ главу церкви, чуждаго духовенству этой послѣдней. Такимъ образомъ, письма его намѣренно окрашены въ извѣстный цвѣтъ и не выходятъ изъ предѣловъ личныхъ переживаній архіепископа, которыя не могли быть веселыми уже вслѣдствіе того ложнаго положенія, въ которомъ онъ находился. Самостоятельность болгарской церкви не была уничтожена съ завоеваніемъ Болгаріи, и самъ Теофилактъ не разъ ратуетъ за нее, но на должности архіепископовъ, съ уничтоженіемъ патриаршества, назначались лица самимъ императоромъ, почти всегда греки. Начало избирательное, господствовавшее въ старое время, было замѣнено назначеніемъ, и такимъ образомъ архіепископъ, навязанный населенію и служившій видамъ враждебнаго правительства, являлся выразителемъ насильственной политики Византіи по отношенію къ Болгаріи.

Теофилактъ былъ назначенъ архіепископомъ болгарскимъ, резиденція котораго находилась въ Охридѣ, въ 1091 году ¹⁾, послѣ того уже, какъ болгарское возстаніе 1040 года было давнымъ давно усмирено и, казалось, съ стремленіями болгарскаго народа къ политическому возрожденію было покончено. Теофилактъ ѣхалъ въ Болгарію безъ всякой мысли о томъ, что его политическое положеніе непрочно; напротивъ, онъ старался увеличить имущество болгарскаго епископа и распоряжался въ Болгаріи, какъ въ одной изъ провинцій имперіи, навѣки соединенной съ ней неразрывными узами. Не опасеніе, но чувства вражды и брезгливости везъ въ Охриду надменный византиецъ. «Не каждый ли охридянинъ есть безголовое существо, не вѣдающее ни Бога чтить, ни челоуѣка? Съ такими-то чудовищами обреченъ я имѣть сношенія, и что всего хуже, нѣтъ никакой надежды при помощи какихъ-либо злѣдущихъ силъ приставить головы къ этимъ шеямъ, подобно тому, какъ у агригентскаго мудреца любовь соединяетъ въ энтелію несовершенныя головы. Но для меня совсѣмъ невозможны добрыя надежды. Орель, что на скиптрѣ Зевса, по землѣ ходитъ и увы! держится въ навозѣ и выносить жизнь съ лягушками, а онѣ, замышляя нѣчто несообразное со своимъ жребіемъ, забавляются надъ птицей Бога и скачутъ на ея спину, грязныя и вонючія, и, размѣстившись тамъ, заводятъ свое неприятное и нестройное кваканье! И чего ждать отъ болот-

¹⁾ См. о Теофилактѣ и другихъ писателяхъ этого періода *Θ. Успенскій*. «Образованіе второго болгарскаго царства». 1879 (критическій разборъ этого сочиненія, весьма важный по своимъ новымъ выводамъ, акад. В. Г. Васильевскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв.), а также Рачки въ хорватскомъ журналѣ «Rad» (*Borba južnih slovena za državnu neodvisnost* и *XI stoljeću. Rad.* т. 25, 27, 31).

ной твари? Онѣ думаютъ пѣть побѣдный пеанъ, но не наступило еще время; не притупились еще клювъ и острые когти, есть еще чѣмъ щипать и унести мясо! Считая же ниже своего достоинства защищаться или мстить имъ за обиду, орелъ внимательно и открыто смотритъ на лучи солнца во всѣ глаза». Дальнѣйшій текстъ письма раскрываетъ достаточно опредѣленно эту символику: орелъ—самъ Теофилактъ, солнце—императоръ; что же касается лягушекъ, внушающихъ такое отвращеніе архіепископу, то это его паства, болгары, повидимому, все еще не оставившіе помысловъ, несообразныхъ съ ихъ участью. Въ другомъ письмѣ эта паства характеризуется, какъ «грязные рабы-варвары, отъ которыхъ несетъ несимымъ запахомъ бараньей кожи, которые весьма жалки по удобствамъ жизни и богаты развѣ злонравіемъ». Проживъ много лѣтъ въ Болгаріи, гдѣ Теофилактъ оставался до 1108 года, т. е. 17 лѣтъ, онъ жаловался, что одичалъ среди болгаръ, что для него, «который уже давно въ Болгаріи, деревенщина сдѣлалась спутницей и соотрапезницей».

Задачи византійскаго правительства въ эту пору сводились къ укрѣпленію въ Болгаріи чужеземнаго вліянія, къ окончательному подчиненію Болгаріи, къ введенію этой страны въ централизованную систему управленія имперіей. Поэтому нападки на сепаративныя стремленія болгаръ должны были встрѣчать въ Константинополѣ сочувственный приемъ: вѣдь онѣ оправдывали нарушеніе того основного закона, который гарантировалъ Болгаріи при ея завоеваніи извѣстную автономію, а ея вышнимъ классамъ права, дарованныя еще болгарскими царями. Населеніе подвергалось такимъ притѣсненіямъ, что поселяне оставляли свои жилища и укрывались въ густыхъ лѣсахъ. Эти притѣсненія, отъ которыхъ страдали и земли самого епископа (иначе онъ врядъ-ли и говорилъ бы о нихъ), заключались въ тяжести налоговъ и въ хищничествѣ администраціи. По сообщенію одного изъ историковъ Византіи, Кедрена, каждый болгаринъ, владѣвшій парой воловъ, долженъ былъ давать ежегодно мѣру пшеницы, проса и сосудъ вина. Но этой податью врядъ-ли ограничивалась налоговая тяжесть, которую несло населеніе: по сѣтованіямъ Теофилакта, «клириковъ обнажаютъ и бичуютъ, париковъ пересчитываютъ и тщательно обыскиваютъ, землю размѣряютъ скачками блохи; берутъ взятки и, получивъ, сердятся и стращаютъ тѣхъ, которые сдѣлали привошеніе, чтобы продолжали постоянно давать, и выходятъ изъ себя, получая отказъ. И знать не хотятъ, что епископъ можетъ быть бѣденъ» и т. д. При такомъ положеніи вещей иначе и не могло быть, какъ по словамъ того же лица: «кто держитъ власть, у того передъ глазами всегда стоятъ образы войны». Какое отчужденіе между архіепископомъ и населеніемъ существовало въ это время, видно

изъ борьбы Теофилакта съ какимъ-то церковнымъ парикомъ Лазаремъ, человѣкомъ свободолюбиваго образа мыслей, замышлявшимъ освободиться отъ «ярма паракіи». Повидимому, Теофилактъ въ своемъ корыстолюбіи и деспотизмѣ зашелъ слишкомъ далеко, несправедливо наказывалъ, принуждалъ людей работать на своей пашнѣ и виноградникахъ. Лазарь жаловался даже на то, что архіепископъ произвелъ у него пожаръ, «хотя никто не поджигалъ его, да и нѣтъ у него имущества, которое онъ могъ бы потерять», сѣтуеть духовный отецъ охридьянъ. Не даромъ онъ жалуется, что болгарская натура—кормилица всякой злобы. Жалобы Лазаря дошли до императора и вызвали какія-то неприятности для Теофилакта, и онъ спѣшилъ принести со своей стороны жалобы на обидчиковъ, сборщиковъ податей. Изъ этихъ lamentацій видно, что хозяйство крестьянъ было обложено высоко: за мельницу, рыбныя ловли, слабый и крѣпкій скотъ (т. е., вѣроятно, крупный и мелкій), за всякія угоды приходилось платить въ казну. А клириковъ, жалуется Теофилактъ, облагаютъ еще больше, да населеніе огорчаетъ благочестиваго архипастыря: оно не позволяетъ ему даже ловить рыбу въ Охридскомъ озерѣ. Страна страдала въ это время отъ набѣговъ враговъ, но что ему были эти бѣдствія населенія въ сравненіи съ его собственной борьбой со сборщиками податей или съ мѣстными славянами, его паствой. «Команы (половцы) дѣлаютъ набѣги? Но это ничто въ сравненіи съ охридьянами, дѣлающими на насъ набѣги изъ столицы. Одолѣваютъ военные поселенцы? Но это дѣти въ сравненіи съ нашими болгарскими поселенцами (*χαστρηνοί*)» и т. п.

Эта безразличность Теофилакта по отношенію ко всему болгарскому отвѣчала взглядамъ правительства; византійскіе писатели даже имя Болгаріи упоминали довольно рѣдко, возстановляя такія архаическія названія, какъ Мазія или Загорье, и называя мѣстное населеніе уже не болгарскимъ, а влашскимъ, по имени разсѣянныхъ въ странѣ потомковъ древнихъ еракійцевъ, латинизированныхъ румынъ или влаховъ. «Къ концу XII вѣка на Болгарію греки смотрѣли уже, какъ на часть одного и того же тѣла имперіи. Стремленіе болгаръ основать независимое государство казалось не болѣе, какъ дерзкимъ увлеченіемъ со стороны немногихъ непокойныхъ, въ виду чего и первые удары направлены были противъ лицъ, а не противъ оставшей страны. Болгарія не по природѣ, говорили, враждебна грекамъ, но въ ней производятъ смуты нѣкоторые отступники» (Ф. Успенскій). Для того, чтобы парализовать всѣ усилія мѣстнаго населенія подняться, объединившись на почвѣ общаго недовольства византійскимъ режимомъ, императоры во второй половинѣ XI вѣка охотно отводятъ поселенія въ Болгаріи различнымъ тюркскимъ племенамъ, печенѣгамъ, узамъ, туркамъ и др. Между

собою эти племена враждовали и этимъ мѣшали опасному для имперіи процессу объединенія недовольныхъ. Евстацій, бывший въ послѣдней четверти XII столѣтія митрополитомъ солунскимъ и оставившій сочиненіе «Объ исправленіи монашеской жизни», съ массой замѣчаній политическаго характера, восхищается мудростью императора, «который переехалъ въ ромейское государство, ради защиты его, безчисленное множество людей, издавна враждебныхъ намъ, привилъ къ ихъ дикости нашу мягкость» и пр. Но все это зданіе византійскаго могущества въ Болгаріи было построено на пескѣ: сама Византія шла къ кризису, ея система управленія возбуждала въ нокоренномъ населеніи самую глубокую ненависть, народы, введенные ради политическихъ цѣлей въ среду славянъ, скоро и сами приняли участіе въ ихъ движеніи, и въ результатъ созрѣло движеніе, направленное противъ имперіи и приведшее къ возстановленію болгарской независимости. Нельзя отрицать, однако, что близкое общеніе съ византійской жизнью оказало извѣстное цивилизующее вліяніе на болгарь.

Г Л А В А V.

Возстановленіе независимости и второе болгарское царство.

Первая попытка болгарь стряхнуть съ себя ненавистное иго относится къ 1040 году, когда заволновались и другіе славянскіе подданные имперіи. Болгарскій народъ не пересталъ «сильно любить свободу», какъ говорятъ источники, а воспоминаніе о независимости, утраченной всего 20 лѣтъ назадъ, было еще слишкомъ ярко. Да, кромѣ того, еще могли оставаться въ живыхъ сыновья послѣдняго болгарскаго царя; однимъ изъ нихъ былъ, вѣроятно, Петръ Делянъ, который во время волненія сербовъ въ Зетѣ бѣжалъ изъ Цареграда въ Бѣлградъ и оттуда призвалъ народъ подъ знамя возстанія. Болгары съ радостными кликами встрѣчали его, какъ царя, всюду, гдѣ онъ появлялся, и Петръ Делянъ прошелъ освободителемъ изъ области Моравы, отъ города Ниша, къ верхнему теченію Вардара, въ Скоплье, «столицу Болгаріи». Дѣло въ томъ, что при византійскомъ владычествѣ Болгарія была раздѣлена на рядъ областей («ѳемъ»), во главѣ которыхъ были поставлены стратиги или архонты. Главнымъ начальникомъ всей Болгаріи, намѣстникомъ императора, былъ воевода (ѳих, доѳѣ), жившій въ Скопльѣ. Въ то же время вспыхнулъ бунтъ еще въ одной византійской славянской области, на драчскомъ приморьѣ, и если бы повстанцы-сербы и болгары дѣй-

ствовали согласно, можетъ быть, наступилъ бы конецъ византійскому владычеству въ сѣверной части Балканскаго полуострова. Но согласія не было: въ драчской области возстаніе сосредоточилось около другого главы, нѣкоего Тихомира. Делянъ готовъ былъ уступить ему всю власть, хотя онъ, какъ потомокъ царя Самуила, имѣлъ больше правъ на титулъ болгарскаго царя, и это самоотверженіе его такъ подѣйствовало на толпу, присутствовавшую при свиданіи соперниковъ, что она камнями убила Тихомира. Послѣ этого возстаніе приняло громадныя размѣры; войска, посланныя Деляномъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ, на Драчь и противъ имперіи, дѣйствовали успѣшно и распространяли все дальше освободительное движеніе; въ скоромъ времени Драчь былъ въ рукахъ Петра Деляна, а возстаніе охватило всю славянскую территорію отъ Адриатическаго до Іонійскаго морей и подходило къ самому Эгейскому, въ самомъ же Константинополѣ происходили обычные беспорядки, и дѣлались попытки совершить дворцовый переворотъ. Императоръ Михаилъ IV вернулся въ Константинополь, а его придворный, Мануилъ Иваць, вѣроятно, родомъ болгаринъ, которому императоръ поручилъ доставить въ столицу драгоценности, перешелъ на сторону враговъ. Война сосредоточилась около Солуни; но именно раздѣленіе властей погубило болгарское возстаніе; болгарскій царевичъ, Алузіанъ, жившій въ Константинополѣ и озлобленный по личнымъ счетамъ на правительство, явился къ Петру съ предложеніемъ своей помощи. Тотъ успѣшилъ для устраненія династической распри признать его соправителемъ и дать ему власть и войско для осады Солуни. Но Алузіанъ оказался плохимъ полководцемъ, и съ помощью хитрости, неожиданнѣмъ нападеніемъ, императорскія войска почти совершенно уничтожили болгарскія, такъ что едва четвертая часть ихъ спаслась отъ пораженія. Воодушевленіе упало, войска для продолженія дѣла, пока окончательно оно не было погублено, не оказалось, а хуже всего: между соправителями, Петромъ и Алузіаномъ, началась борьба изъ-за власти, Алузіанъ заманилъ къ себѣ Петра, напоилъ его и во время пира выкололъ ему глаза, а самъ бѣжалъ въ Мосинополь, въ станъ императора, собиравшаго войска, чтобы нанести послѣдній ударъ болгарскому возстанію. Михаилъ принявъ перебѣжчика съ большой радостью и двинулся отъ Мосинополя къ Солуни и городу Острову, гдѣ находился главный штабъ возстанія. Этотъ походъ имѣлъ характеръ триумфальнаго шествія: въ болгарскомъ народѣ не было уже надежды на спасеніе, и Петръ не могъ воодушевить его и вести въ бой; Петръ былъ схваченъ и отосланъ въ Солунь; сопротивленіе, которое было оказано остатками болгарскаго войска подъ начальствомъ Мануила Иваца около Прилѣва, оказалось безсильнымъ устоять противъ громаднаго перевѣса византійской арміи; схватки около Софіи и на границѣ

Зеты также не могли задержать византийскій напоръ, и уже въ 1041 году Михайлъ вернулся въ Цариградъ новымъ завоевателемъ Болгаріи, ведя съ собою главныхъ дѣятелей возстанія и самого Петра Деляна. Послѣ этого въ страну были посланы византийскіе чиновники,—возстаніемъ Болгаріи оправдывалось, вѣроятно, уничтоженіе ея автономіи. Въ связи съ нимъ должна была стоять и другая предохранительная мѣра, предпринятая правительствомъ: надо было разрѣдить болгарское населеніе чужеродными элементами, которые были привлечены самой византийской властью и, какъ прежде казалось, не грозили возстаніемъ.

Вышло однако иначе. Въ исторіи Болгаріи печенѣги и половцы, а затѣмъ норманны сыграли громадную роль. По нѣсколько преувеличенному замѣчанію Макушева, въ XI в. за Византіей осталась одна тѣнь власти въ болгарскихъ земляхъ. Въ концѣ XI в. сынъ сербскаго короля Михаила, Бодинъ, носитъ титулъ болгарскаго царя. Но это были эфемерныя притязанія. Гораздо большей опасностью владычеству Византіи грозили тюркскія племена, бродившія въ сѣверной части Балканскаго полуострова и въ южной Россіи ¹⁾: такъ, въ 1048 году восемьсотъ тысячъ печенѣговъ перешло по льду черезъ Дунай и поселилось въ Болгаріи, но отъ неумѣреннаго употребленія вина и меда между печенѣгами началась страшная смертность, и они добровольно подчинились Византіи и были размѣщены около Софіи, Ниша и въ другихъ мѣстахъ среди славянъ. Однако, вскорѣ вся эта орда возмутилась и принялась грабить Фракію и Македонію. Такъ продолжалось до 1059 г., когда правительство наконецъ справилось съ ними. Изъ позднѣйшихъ вторженій тюркскихъ племенъ въ Болгарію въ XI в. необходимо отмѣтить слѣдующія: въ 1064 г. сюда вторглись 600 тысячъ узовъ; «это было настоящее переселеніе: цѣлое племя со всемъ своимъ имуществомъ и скарбомъ толпилось на лѣвомъ берегу рѣки... Болгары и греки, которые хотѣли удержать ихъ, были разбиты... Дунайская равнина была во власти страшной орды... Въ опустошенной еще печенѣгами Болгаріи многочисленныя толпы узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Въмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ, они стремились все впередъ. Македонія и Фракія пострадали подобно Солунской области» (В. Г. Васильевскій). Въ 1079 г. печенѣги дѣйствуютъ заодно съ половцами и завладѣваютъ страной между Балканами и Дунаемъ, при чемъ ихъ горячо поддерживаютъ болгарскіе богомилы. Въ 1087 и 1088 гг. опять южныя провинціи имперіи оказываются въ рукахъ печенѣговъ и половцевъ, и императоръ Алексѣй Комненъ

¹⁾ См. В. Васильевскій. «Византія и печенѣги». Журн. Мин. Нар. Пров., 1871, № 11 и 12.

заклинаеть Европу спасти Константинополь отъ турокъ и печенѣговъ. Пусть лучше его возьмутъ латины. Только внеся раздоръ въ отношенія печенѣговъ и половцевъ, императоръ спасъ себя отъ ихъ завоеванія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается другой старый этнической элементъ полуострова, влахи (румыны), которые приняли самое видное участіе въ борьбѣ за освобожденіе страны, начавшееся въ концѣ XI вѣка. Ближайшій періодъ болгарской исторіи можно было бы просто назвать влашко-болгарскимъ; вожди новаго движенія, Петръ и Асѣнь, которые, можетъ быть, происходили изъ рода Самуила, т.-е. были потомками прежнихъ болгарскихъ царей ¹⁾, выросли въ такой мѣстности Болгаріи, гдѣ влашское населеніе преобладало. «Они могли считаться и валахами, и болгарами, могли обращаться къ тѣмъ и другимъ, какъ къ своимъ родичамъ. Въ лицѣ вождей воплощалось именно то сліяніе двухъ національностей, болгарской и валашской въ одно цѣлое, которое дѣйствительно обнаруживается во веѣхъ разсказахъ о борьбѣ за освобожденіе и которое отмѣчено новыми историками» (Васильевскій). Въ восьмидесятихъ годахъ XII столѣтія Византія переживала какъ внутреннія, такъ и внѣшнія затрудненія, проистекавшія отъ обычныхъ въ ней дворцовыхъ переворотовъ и отъ разнородности этническихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ имперіи. Съ императорской властью борются какъ богатые феодалы, такъ и отдѣльные города и острова, стремясь добиться самостоятельности. Какъ свидѣтельствуєтъ одинъ изъ современниковъ, представители знатныхъ родовъ, не тратя силъ на образование и приготовленіе къ общественной дѣятельности, съ завистью посматривали на царскія украшенія, соображая время, когда и имъ можно будетъ протянуть за ними руку. Нѣкоторые же, сговорившись съ иноземцами, наводили на отечество пиратовъ, разбойниковъ, утѣснителей и грабителей. Императоры рѣдко доживали на престолѣ до конца своихъ дней: послѣдній изъ Комненовъ, Андроникъ, былъ свергнутъ недовольнымъ дворянствомъ, возмущеннымъ попытками императора устроить гражданскій бытъ на болѣе справедливыхъ и равныхъ началахъ. Это произошло въ 1185 году, а десять лѣтъ спустя былъ низложенъ и глава тогдашняго переворота, Исаакъ Ангелъ. Внутреннія неурядицы такъ же ослабляли имперію, какъ и войны съ внѣшними врагами, норманнами и другими. При такихъ условіяхъ Византійскому правительству становилось уже совсѣмъ не подъ силу

¹⁾ Самое имя Асѣня или, какъ оно передается византійскими писателями, Асана, встрѣчается и у волжскихъ болгаръ: въ 1370 г. русская лѣтопись знаетъ о болгарскомъ князѣ Асанѣ. См. Н. И. Ашмаринъ. «Болгары и чуваша» (Извѣстія общества археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. Унив., т. XVIII., 1902), стр. 28.

сдерживать разрозненныя части имперіи; оно оказывается вынужденнымъ признать почти полную независимость Сербіи при Стефанѣ Нѣманѣ, и въ то же время поднимается возстаніе въ Болгаріи. Причиной его было, конечно, глубокое недовольство византійскимъ режимомъ въ населеніи, которое ждало только возможности, чтобы подняться противъ завоевателей. Поводы къ возстанію могли быть по внѣшности совсѣмъ ничтожны; по указаніямъ нашихъ источниковъ, «поднялись мизійцы и влахи; влахи были пастухи, у пастуховъ отогнали стада и тѣмъ раздражили пастушеское населеніе». Зачѣмъ понадобилось обижать пастуховъ, и кто былъ виновникомъ этой обиды? Намъ сообщаютъ, что сборщики податей отогнали стада скота у пастуховъ, потому что византійское правитель-ство нуждалось въ большомъ количествѣ мяса, чтобы отпраздновать бракъ императора съ дочерью венгерскаго короля, Маргаритой. Это событіе произошло въ январѣ 1186 года, такъ что и время болгарскаго движенія опредѣляется съ извѣстной точностью. Уже вскорѣ послѣ свадьбы императора одинъ изъ панегиристовъ его, Михаилъ Акоминать, произнесъ похвальное слово, въ которомъ говорится вполнѣ опредѣленно о воз-станіи «отпавшаго лукаваго раба Петра». Противъ него былъ отправленъ любимый императоромъ полководецъ Врана. Мятежъ, во главѣ котораго стали два брата, Асѣнь и Петръ, происходившіе, по свидѣтельству цаны (въ письмѣ отъ 1204 года къ венгерскому королю), отъ стараго царскаго рода, сосредоточился въ Балканскихъ горахъ, въ пещерахъ, за рвами, непроходимой чащей и скалистыми утесами. Съ самаго начала въ этомъ движеніи приняли участіе два этническихъ элемента, валахи и болгары, жившіе въ Загорьѣ, подъ которымъ тогда подразумѣвались юж-ные склоны Балканъ между Сливномъ и Бургасомъ; валахи считались самыми надежными проводниками по балканскимъ горнымъ тропамъ и были необходимы для поддержки возстанія въ этихъ горахъ. Братья Асѣнь и Петръ были связаны съ ними особенно тѣсными узами, гово-рили по-валашски и т. п., но въ своемъ стремленіи къ освобожденію отечества отъ Византіи преслѣдовали цѣли возстановленія именно болгарскаго царства и основывали свои права на престолъ происхожде-ніемъ отъ болгарской царской династіи. Эти ихъ права, повидимому, и объединили вокругъ нихъ населеніе; они же послужили поводомъ къ возстанію. Дѣло въ томъ, что раньше Асѣнь и Петръ ежегодно явля-лись къ византійскому двору съ даромъ, заключавшимся въ табунѣ лошадей; въ 1186 году, послѣ тѣхъ обидъ, которыя такъ возмутили болгарскихъ и валашскихъ пастуховъ, они прибыли къ императорскому двору въ городъ Кипселу (теп. Ипеала, въ южной Фракіи). Какъ гово-ритъ историкъ, «вожди болгаръ, Петръ и Асѣнь, просили зачислить ихъ въ военное званіе и домогались за то небольшого помѣстья около Бал-

канскихъ горъ; не получивъ желаемого, они начали войну съ императоромъ Исаакомъ».

Дальнѣйшій ходъ событій, не вполне еще выясненный, рисуется (согласно акад. Васильевскому) въ слѣдующихъ чертахъ: болгарское движеніе началось въ первые зимніе мѣсяцы 1186 года, а весною для усмиренія его былъ посланъ полководецъ Врана, который въ ноябрѣ минувшаго года разбилъ норманское войско. Врана измѣнилъ императору и двинулся со своимъ войскомъ подъ стѣны Константинополя, гдѣ на дуэли съ Конрадомъ Монферратскимъ, недавно женившимся на сестрѣ Исаака Ангела, былъ убитъ. Тогда императоръ лично двинулся въ походъ противъ инсургентовъ, которые успѣли разжечь пламя возстанія довольно широко. Какими средствами они пользовались для этого, обнаруживается въ одномъ изъ сообщеній историка Никиты Хониата: «Влахи сначала медлили и отворачивались отъ возстанія, въ которое были завлекаемы Петромъ и Асѣнемъ, подозрѣвая серьезность задуманнаго. Желая вывести своихъ единоплеменниковъ изъ состоянія такой робости, братья выстроили молитвенный домъ во имя великомученика Дмитрія и, собравъ въ него изъ того и другого племени множество бѣсноватыхъ съ налитыми кровью и блуждающими глазами, съ распушенными волосами и, вообще, со всѣми признаками людей, одержимыхъ злыми духами, внушили этимъ изступленнымъ провозглашать такія слова, что будто Богъ благоволилъ даровать свободу племени болгаръ и валаховъ и соизволилъ на сверженіе долговременнаго ига, будто ради этого и мученикъ Христовъ Дмитрій оставилъ митропольный городъ Солунъ и тамошній храмъ, и вообще отказался отъ жительства съ ромеями, а перешелъ къ намъ, чтобы быть ихъ помощникомъ и сотрудникомъ въ этомъ дѣлѣ». Первая удача повстанцевъ окрылила ихъ смѣлостью и дала имъ силу перенести и послѣдующее пораженіе; лѣтомъ они были разбиты, и оба брата бѣжали за Дунай, намѣреваясь обратиться за помощію къ половцамъ, а императоръ, полагая, что возстаніе усмирено, вернулся съ главными силами домой. Этимъ и воспользовались гавари движенія. Какъ сообщаетъ участникъ перваго византійскаго похода противъ инсургентовъ, историкъ Никита, составившій «извѣстительное посланіе къ патриарху и синоду» и представляющій въ немъ Петра въ видѣ одержимаго бѣсомъ,—Петръ отправился къ свинообразнымъ людямъ—скиѣамъ (половцамъ) и, ссылаясь на отсутствіе византійскихъ войскъ, приглашалъ половцевъ помочь ему. При этомъ кочевникамъ, всегда готовымъ принять участіе въ грабежѣ, предоставлялась одна крѣпость около Балканскихъ горъ и право переправиться съ помощію болгарскихъ проводниковъ черезъ горы, совершить набѣгъ на византійскіе города и села и грабить все, что они захотятъ. На основаніи этого соглашенія половцы

приступили къ дѣйствіямъ; съ чрезвычайной быстротой они разсѣялись по Фракіи, достигли Адрианополя и появились въ окрестностяхъ самой столицы. Навстрѣчу половцамъ вышелъ самъ императоръ и въ битвѣ, происшедшей на дорогѣ изъ Адрианополя въ Верою (теп. Эска-Загра), половцы были въ концѣ концовъ отбиты, хотя потерпѣли незначительныя потери и не были вынуждены вернуть всѣхъ плѣнниковъ и все награбленное. Исаакъ Ангелъ вернулся въ Адрианополь, инсургенты и половцы попрежнему владѣли южнымъ склономъ Балканъ, въ рукахъ Асѣней находился восточный уголъ забалканской Болгаріи. Весной 1187 года императоръ задумалъ «снова отправиться въ Загорье и во что бы то ни стало смирить болгаръ», но и на этотъ разъ задача оказалась невыполненной; перейдя черезъ Балканскія горы (вѣроятно, черезъ Этропольскій проходъ), византійскія войска осадили Ловчу, но послѣ трехъ мѣсяцевъ безуспѣшной осады императоръ рѣшилъ вернуться въ Константинополь, заключивъ съ Асѣнями какой-то договоръ и получивъ въ качествѣ заложника ихъ младшаго брата, Юанна. Петръ уже раньше принялъ царскій титулъ и облаченіе, теперь, повидимому, съ нимъ и съ Асѣнемъ начали считаться уже не только Византія, но и Западная Европа, замышлявшая новый крестовый походъ и со вниманіемъ слѣдившая за перемѣнами, происходившими въ Сербіи и Болгаріи. Такимъ образомъ, пока византійскіе чиновники высасывали всѣ соки изъ болгарскаго населенія Македоніи и средней Болгаріи, считая его окончательно усмирненнымъ, на сѣверѣ, въ глухихъ балканскихъ трупщобахъ, произошло возстаніе, которое въ два года вырвало изъ-подъ ногъ византійскаго владычества почву, а впереди грозило еще болѣе серьезными осложненіями. Возстаніе разрослось и крѣпло и приводило Византію къ одному пораженію за другимъ. Третій крестовый походъ 1189 года еще усилитъ болгарское движеніе, такъ какъ намѣренія императора Фридриха Барбароссы, направленные противъ Византіи, совпадали въ этомъ отношеніи со стремленіями славянъ полуострова; съ Барбароссой вступаетъ въ сношенія Стефанъ Нѣманя, ему выражаютъ сочувствіе и обѣщаютъ помощь и болгары. Славянскіе государи настаиваютъ при этомъ на одномъ: чтобы германскій императоръ призналъ новый порядокъ вещей на полуостровѣ, согласился считать Болгарію безспорнымъ владѣніемъ Асѣней, а за сербами призналъ право на Далмацію и на земли, которыя они отнимутъ у Византійской имперіи. Фридрихъ не далъ, повидимому, окончательнаго отвѣта, но отношенія между крестоносцами и славянами продолжались, такъ какъ обѣ стороны нуждались другъ въ другѣ, особенно послѣ того, какъ разрывъ крестоносныхъ вождей съ Византіей сталъ весной 1190 года неминуемымъ фактомъ. Петръ обѣщалъ выставить на помощь Фридриху

сорокатысячный отрядъ изъ валаховъ и половцевъ, но требовалъ за это «имперію и императорскую корону греческаго царства», т.-е. домогался признанія за нимъ титула, который носилъ еще Симеонъ. По словамъ Ансберта, главнаго источника для изученія третьяго крестоваго похода, «императоръ благосклонно отослалъ отъ себя на время этого посла и написалъ любезное письмо Кало-Петру». Фридрихъ не имѣлъ надобности воспользоваться услугами войскъ, собранныхъ сербами и болгарами, но войска были собраны и дѣйствовали противъ Византіи, ослабляя своего исконнаго врага и поддерживая единеніе между славянами полуострова. Рядомъ съ Сербіей и Болгаріей на Балканскомъ полуостровѣ возникаетъ и еще одно независимое славянское государство, въ Македоніи. Князь его Стръзь извѣстенъ и въ сербской исторіи, какъ лицо, доставившее много тревогъ сербскому жупану и игравшее какую-то странную роль. Во всякомъ случаѣ, за пять лѣтъ борьбы болгары вернули себѣ права на самостоятельное существованіе.

Событія европейской политической жизни благоприятствовали имъ. Но могли ли уцѣлѣть Асѣни въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, когда у Византіи были развязаны руки для борьбы съ возмущившимися болгарами? Жизнь отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно уже въ 1190 году, когда крестоносцы, наконецъ, перебрались въ Малую Азію. Императоръ провозгласилъ новый походъ въ Болгарію. Панегиристы заранѣе прославляли его: «Пропонтида покроется военными судами, и рѣка Дунай, разсѣкаемая римскими веслами, понесетъ стоны и крики враговъ. Ты уже совершилъ много военныхъ подвиговъ, но гораздо величественнѣе тѣ, что ожидаютъ тебя впереди». Планъ похода былъ выбранъ старый: флотъ долженъ былъ перерѣзать сообщеніе между двумя берегами Дуная, войска шли сухимъ путемъ на Варну. Такъ велись походы противъ болгаръ уже пятьсотъ лѣтъ назадъ. Но теперешніе болгары были уже не прежнимъ варварскимъ племенемъ, неспособнымъ выдержать напоръ регулярной арміи. Греки встрѣтили въ Болгаріи уврѣженія, которыхъ они не ожидали и осада которыхъ требовала большого напряженія, и до нихъ дошло извѣстіе, что куманы (половцы) переправляются черезъ Дунай, направляясь на помощь болгарамъ.

Опасаясь быть отрѣзанными отъ южной Болгаріи и отъ столицы, начальники византійской арміи рѣшили вернуться обратно и для сокращенія пути выбрали не восточный проходъ на Анхіалъ, а западный, который нѣкоторыми отождествляется со знаменитымъ въ лѣтописяхъ русско-турецкой войны Шипкинскимъ проходомъ, хотя характеръ мѣстности не соответствуетъ описанію, данному византійскимъ историкомъ: собственно, тѣснины на Шипкѣ нѣтъ, дорога почти все время извиается по краю обрыва, но съ другой стороны тянутся

не отвѣсныя скалы, а горныя возвышенности, такъ что лишь въ немногихъ мѣстахъ можно говорить,—да и то не совсѣмъ точно,—о тѣснинахъ. Шипка, въ сущности, не проходъ, а горный переходъ. Здѣсь императоръ со своимъ войскомъ попалъ въ засаду. «Авангардъ прошелъ спокойно, не встрѣтивъ въ тѣснинахъ сопротивленія со стороны влаховъ (болгаръ), которые разсудили за лучшее позволить первымъ перевалить переходъ, напереть же и ударить на фалангу, въ которой были императоръ и его свита и сановные родственники его. Разсчетъ былъ вѣренъ. Когда императоръ довольно далеко уже прошелъ по страшной тѣснинѣ, варвары сдѣлали на него нападеніе. Но и римская пѣхота не была застигнута врасплохъ. Чтобы не быть совсѣмъ запертыми, римляне сами бросались на окружающія вершины и задержали спускавшихся варваровъ, хотя и терпѣли при этомъ большой уронъ. Но стѣсненные возрастающимъ числомъ враговъ и терпя отъ скатываемыхъ съ вершинъ горъ камней, они обратились, наконецъ, въ бѣгство,—сначала осмотрительное, сдержанное и не въ большомъ количествѣ. Враги же все возрастали въ числѣ, и съ большей отвагой дѣлали нападенія; тогда началось безпорядочное бѣгство отряда. Въ это время, когда всякій заботился лишь о собственномъ спасеніи, враги окружали отрядъ и избили его, какъ скотъ, запертый въ хлѣвъ». Самъ императоръ спасся съ большимъ трудомъ, пролагая себѣ путь оружіемъ черезъ собственное войско. Болгары почувствовали себя господами положенія, они стали неудержимы; по свидѣтельству лѣтописца, они не довольствовались уже опустошеніемъ селъ, но нападали и на укрѣпленные города ¹⁾: такъ, они завладѣли Анхіаломъ и Варной, разрушили большую часть Срѣдца (Софіи), увели много людей и скота изъ Ниша. Съ большимъ трудомъ имперіи удалось вернуть и укрѣпить заново нѣкоторые изъ этихъ городовъ. Повидимому, въ этихъ военныхъ предпріятіяхъ болгары дѣйствовали согласно и совмѣстно съ сербами. Въ самомъ Константинополѣ происходили обычные придворныя интриги: одинъ отъ опаснѣйшихъ враговъ болгаръ, двоюродный братъ императора, Константинъ, который въ качествѣ правителя Филиппопольской области сильно задерживалъ болгарское движеніе, задумалъ совершить дворцовый переворотъ въ свою пользу и провозгласилъ себя императоромъ. Но приверженцы выдали его императору Исааку Ангелу, который ослѣпилъ Константина и тѣмъ обезвредилъ его для болгаръ, которые стали подходить уже къ самому Адрианополу (1194). Нѣсколько

¹⁾ Ср. подлинную цитату изъ Никиты Акомината у Макушева, «Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка». Варш. Универс. Извѣстія, 1872 г., № 3.

дальнѣйшихъ попытокъ справиться съ болгарскимъ возстаніемъ оказались также неудачны, и въ 1195 году были сдѣланы обширныя приготовленія для большого похода противъ болгаръ, но какъ разъ въ это время въ сборномъ пунктѣ войскъ въ Ипеалѣ братъ императора, Алексѣй Комнень, низложилъ Исаака, ослѣпилъ его и заключилъ въ монастырь, а самъ поспѣшилъ вернуться въ столицу, чтобы укрѣпить свою власть и короноваться. Ему было не до болгаръ, и онъ хотѣлъ заключить миръ съ Асѣнями, но эти послѣдніе предлагали неприемлемыя условія. Между тѣмъ, славянство Балканскаго полуострова, еще недавно признававшее власть имперіи, волновалось повсюду и вездѣ стремилось къ образованію независимыхъ государствъ; кромѣ Асѣней, направлявшихъ болгарскіе и половецкіе набѣды въ самую глубь Македоніи, до Сереса, въ юго-западной Болгаріи появляются самостоятельные славянскіе государи, такъ что Византія старалась поддерживать разнь между ними и на этой почвѣ кое-какъ улаживать свои дѣла. Съ другой же стороны, въ Византіи прибѣгаютъ къ многократно испытанному средству въ борьбѣ съ варварскими государами: пользуются недовольствомъ въ окружающей ихъ средѣ, наняютъ или иными средствами добываютъ убійцъ и устраняютъ слишкомъ опасныхъ государей. Увидя свое безсиліе справиться вооруженной рукой съ болгарскимъ возстаніемъ, правительство постаралось избавиться отъ Асѣней иначе. Въ семьѣ Асѣня произошли распри на почвѣ чести и чистоты домашняго очага; виновникъ ихъ, одинъ изъ приближенныхъ царя, Иванко, которому грозила кара, кинжаломъ убилъ Асѣня и бѣжалъ со своими единомышленниками. Имъ удалось привлечь на свою сторону городъ Терново. По свидѣтельству самихъ византійцевъ, это убійство имѣло лишь предлогомъ своимъ романическую исторію; на самомъ же дѣлѣ, оно было подготовлено въ Константинополѣ. Другой братъ, Петръ, началъ осаждать Терново, гдѣ засѣлъ узурпаторъ. Изъ Константинополя на помощь Иванку два раза отправлялись войска, но всякій разъ приближеніе къ границамъ Болгаріи вызывало въ нихъ панику. Такимъ образомъ, Иванко былъ представленъ самому себѣ: онъ не могъ удержаться и бѣжалъ въ Царградъ, гдѣ былъ любезно принятъ императоромъ, а Терново сдалось Петру. Но, нѣкоторое время спустя, и онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, и съ 1196 года на престолѣ Болгаріи воцарился третій братъ, Иванъ (Калоянъ), который въ молодости жилъ въ Константинополѣ въ качествѣ заложника и хорошо зналъ его нравы.

Но Византія имѣла на своей сторонѣ одного изъ самыхъ сильныхъ противниковъ Асѣней, боярина Ивана или Иванку, котораго старались привлечь ласковымъ обращеніемъ и обѣщаніями. А тотъ, какъ истинный варваръ, почувствовавшій себя господиномъ положенія, ломался и

требовалъ все новыхъ почестей и наградъ, и въ то же время подготавливалъ измѣну. Когда же онъ женился на племянницѣ императора, то и императорская корона уже не представлялась ему недосягаемымъ величіемъ. Пользуясь своимъ положеніемъ правителя Филиппопольской области, онъ воздвигъ на Балканахъ новыя крѣпости, переманилъ подкупамъ на свою сторону военачальниковъ и неожиданно объявилъ войну Византіи. Эта послѣдняя ничего не могла подѣлать съ Иваномъ силой, и послѣ нѣсколькихъ совершенно неудачныхъ попытокъ покорить его прибѣгла къ коварству: обѣщаніемъ признать за нимъ нѣсколько взятыхъ имъ фракійскихъ городовъ его заманили въ императорскій лагерь, но здѣсь схватили и заковали. Такимъ образомъ, лишь къ 1200 году Византія избавилась отъ этого сильнаго и вѣроломнаго врага. Но у нея были и другіе непріатели такого же пошиба, стремившіеся, подобно Ивану, къ независимости въ той или другой славянской области. Одновременно съ Иваномъ куеть ковы противъ Византіи извѣстный и въ сербской исторіи полу-независимый македонскій князь Стрѣзь (или Хризъ), завладѣвшій горными крѣпостями Струмицей и Просѣкомъ, продержавшійся здѣсь до 1200 года и позже доставившій еще много заботъ и сербамъ и грекамъ. Эти вспышки, распространявшія пламя возстанія на ту или другую область Македоніи, Сербіи или Болгаріи, составляли лишь отдѣльныя проявленія общеславянскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ, движенія, которое охватывало уже всю Македонію и отзывалось въ Албаніи, Фессаліи и собственной Греціи. Это общее броженіе оставляетъ въ тѣни дѣятельность Калояна въ первые годы его царствованія, но оно объясняетъ какъ направленіе его дѣятельности, такъ и чрезвычайные успѣхи его борьбы съ Византіей. Положеніе имперіи въ ея войнахъ со славянами затруднялось еще тѣмъ, что даже на своихъ полководцевъ императоры не всегда могли положиться: мы говорили уже объ измѣнѣ Враны, нѣсколько лѣтъ спустя перешелъ на сторону славянъ вліятельный вельможа имперіи, протостраторъ Мануиль Камиза. Этотъ послѣдній поступалъ согласно указаніямъ, полученнымъ отъ Болгаріи, или, какъ утверждаетъ въ своей рѣчи, произнесенной въ 1201 году, Никита Акоминатъ, «принявъ на себя видъ Моисея, онъ получалъ повелѣнія отъ того варвара на Балканѣ, какъ заповѣди на горѣ Синаѣ, и, руководствуясь исходящими оттуда наставленіями и объясненіями, мечталъ о самой широкой демагогіи». Наконецъ, совмѣстно съ болгарями дѣлали вторженія въ византійскія владѣнія половцы, нѣсколько лѣтъ подрядъ опустошавшіе Фракію и Македонію и встрѣчавшіе сопротивление только въ лицѣ русскихъ князей (Романа Галичскаго), которые «частью по собственному побужденію, частью уступая мольбамъ своего архипастыря, показали въ высшей степени замѣчательную го-

товность помочь ромеямъ, негодую на то, что народъ христіанскій терпитъ всякое зло отъ варваровъ и нѣсколько разъ въ годъ подвергается уводу въ плѣвъ и продажѣ въ рабство народамъ не-христіанскимъ».

При такихъ условіяхъ Византія была совершенно не въ силахъ оказать какое-нибудь серьезное сопротивленіе Болгаріи, и Калоянъ могъ выждать только удобный случай, чтобы выступить агрессивно противъ имперіи. Пока же онъ подготавливалъ почву для такого нападенія и, подобно Стефану Первовѣнчанному, который въ это же самое время велъ съ Римомъ переговоры о королевской коронѣ, Калоянъ вступаетъ по этому предмету въ сношенія съ папой, тѣмъ болѣе необходимыя для него, что на его владѣнія выставляются притязанія Венгрія, ссылаясь на то, что отецъ короля Бела III далъ ихъ въ приданое своей сестрѣ, когда она выходила замужъ за Исаака Ангела. Приблизительно по той же причинѣ обратился за помощью къ главѣ католическаго міра и сербскій король. Иоаннъ въ теченіе пяти лѣтъ ведетъ переговоры съ куріей; онъ отправляетъ за время съ 1197 по 1203 годъ три посольства въ Римъ, хотя лишь послѣднему удалось добраться до этого города; съ 1199 года папа Иннокентій III рѣшительно приступаетъ къ осуществленію широкаго плана возвращенія Болгаріи въ лоно католической церкви. Переписка между Калояномъ и папой представляетъ любопытную картину сношеній двухъ дипломатовъ, которые преслѣдуютъ каждый свои собственныя, совершенно расходящіяся цѣли и не доверяютъ другъ другу. Цѣль болгарскаго царя получить отъ папы корону. Задача папы дать королю корону, лишь гарантировавъ подчиненіе болгарской церкви Риму; оба боятся попасть впросакъ, и за ихъ комплиментами слышится глухая вражда. Вотъ тотъ языкъ, на которомъ говорятъ корреспонденты. «Прежде всего мы просимъ отъ матери нашей, римской церкви, корону и достоинство, какія имѣли наши древніе цари, Петръ, Самуилъ и другіе ихъ предшественники, какъ значится въ нашихъ книгахъ». Такъ говорить, не обвиняя, болгарскій царь, а папа отвѣчаетъ на это слѣдующее: «Ты насъ просилъ, чтобы римская церковь даровала тебѣ корону по примѣру твоихъ предковъ—Петра, Самуила и другихъ, и мы, дабы болѣе въ этомъ увѣриться, приказали внимательно просмотрѣть наши книги, изъ коихъ очевидно узнали, что въ странѣ, тебѣ подчиненной, были коронованы многіе цари». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій III узналъ, что послѣ всѣхъ переговоровъ съ Римомъ объ архіепископѣ «болгары, соблазвившись дарами грековъ и прельстившись обѣщаніями, прогнавъ римскихъ, приняли греческихъ священниковъ». Поэтому, папа ограничивался пока разсмотрѣніемъ по «древнимъ болгарскимъ книгамъ и другимъ документамъ» историческихъ правъ Асѣней на корону и велѣлъ донести ему всю истину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, папа рекомендовалъ

назначенному имъ болгарскому примасу повиноваться посланному имъ легату и оставаться вѣрнымъ римско-католической церкви. Самая просьба Калояна о коронѣ какъ-то ступшеывалась въ глазахъ папы передъ важною присоединенія Болгаріи къ истинной католической церкви. Калоянъ смотрѣлъ на событія съ противоположной точки зрѣнія: онъ добивался назначенія въ Болгарію патріарха и коронаціи императорской короной и ставилъ папѣ на видъ, что все это ему уже предлагаютъ въ Константинополѣ, но онъ желаетъ остаться вѣрнымъ Риму. Пока тянулись переговоры, событія на Балканскомъ полуостровѣ привяли со-всѣмъ новый оборотъ. Въ 1202 году Калоянъ перешелъ къ открытой борьбѣ съ имперіей и взялъ Варну и Констанцію, которая лежала на большой дорогѣ между Филиппополемъ и Адрианополемъ; императоръ Алексѣй Комненъ былъ принужденъ заключить миръ съ Болгаріей, признавъ ея завоеванія. Два года спустя Константинополь находился уже въ рукахъ крестоносцевъ, и политическія отношенія на Балканскомъ полуостровѣ надо было устроить заново. Теперь уже было необходимо опереться на папу и признать зависимость Болгаріи отъ Рима; папа опять-таки заботился именно о церковной сторонѣ этого подчиненія и спѣшилъ наградить архіепископа терновскаго палліемъ, возвести его и другихъ епископовъ въ высшія церковныя должности римско-католической церкви; тогда какъ вся забота Калояна сводилась къ скорѣйшему полученію короны и къ утверженію патріаршества въ его царствѣ. Объ этомъ онъ и пишетъ папѣ въ письмѣ, которое дышитъ нетерпѣніемъ: «Прошу и умоляю твое святѣйшество, да будетъ исполнено желаніе царства моего (т. е. моего величества): пошли жезлъ пастырскій для собиранія разсѣянныхъ овецъ и другое, что обычно имѣть патріарху, и возведи настоящаго примаса въ патріархи. И да имѣетъ церковь терновская, и по смерти его, патріарха во вѣки. И какъ по причинѣ дальняго пути и бывающихъ войнъ затруднительно по смерти каждаго патріарха прибѣгать къ римской церкви, то да будетъ предоставлено церкви терновской право избирать и посвящать себѣ патріарха, дабы въ отсутствіи его не осталась земля наша безъ благословенія, и не было бы грѣха на твоей святости».

«Еще просимъ, чтобы въ великой и святой церкви города Тернова было освящаемо мѣро, ибо когда узнаютъ въ Константинополѣ, что мы сносимся съ твоей святостью, откажутъ намъ въ мѣрѣ. Прошу также, пошли къ царству моему кардинала и дай діадему и свипетръ, по благословленію апостольскаго престола, и прикажи приготовить золотую грамоту на эти привилегіи, чтобы экземпляръ ея сохранялся во вѣки въ церкви терновской. Если все это будетъ исполнено, то я съ потомствомъ моимъ я со всѣми грядущими поколѣніями болгаръ и вала-

ховъ буду считать себя возлюбленнымъ сыномъ святой римской церкви». Послѣ этого письма стороны приступили къ окончательному обмѣну: «посылаемъ тебѣ скипетръ и королевскій вѣнецъ», писалъ папа Калояну: «со своей же стороны ты дашь клятвенную запись, что останешься преданнымъ и послушнымъ римской церкви и сохранишь въ подчиненіи святому апостольскому престолу все земли и народы, подчиненные твоей имперіи. По просьбѣ епископа браничевскаго Власія, твоего посла, разрешаемъ тебѣ чеканить монету съ твоимъ изображеніемъ. Достопочтенному брату нашему, архіепископу терновскому, жалуетъ привилегію приматіи надо всеми землями твоей державы («эти два имени — примасъ и патріархъ означаютъ почти одно и то же и имѣютъ одинаковое достоинство» — лукаво прибавлялъ папа). Онъ и его преемники нашею апостольскою властью будутъ короновать твоихъ преемниковъ». Принявъ корону и знамя, которыя были присланы изъ Рима, и давъ письменное обязательство подчиняться со всемъ своимъ духовенствомъ папѣ и присоединять къ католицизму все земли, которыя будутъ въ послѣдствіи пріобрѣтены Болгаріей, Калоянъ продолжалъ, однако, въ своемъ посланіи въ Римъ титуловать себя императоромъ, а примаса патріархомъ. Такимъ образомъ, въ ноябрѣ 1204 года унія между Болгаріей и Римомъ сдѣлалась совершившимся фактомъ. Развязавъ себѣ руки на сѣверѣ, Калоянъ могъ спокойно обратиться на югъ. Насколько важна была ему унія, видно изъ инцидента, происшедшаго въ октябрѣ того же года, когда венгерскій король Эмерикъ, занявшій весьма враждебное положеніе по отношенію къ Болгаріи, былъ вынужденъ оставить болгаръ въ покоѣ подъ угрозой папскаго отлученія отъ церкви. И отъ латинянъ, занявшихъ Константинополь, Іоаннъ просилъ защиты у папы же, при чемъ, чувствуя уже свою силу, болгарскій царь прибавлялъ, что въ противномъ случаѣ пусть его не винятъ за могущія произойти послѣдствія. Дѣйствительно, между крестоносцами и Калояномъ лежало яблоко раздора. Оно заключалось въ той области, на которую искони изъявляли притязанія государи Болгаріи и владѣтели Константинополя, кто бы они ни были по своей народности. Эта область — Македонія.

Послѣ раздѣленія имперіи между различными крестоносными государами, участвовавшими въ четвертомъ походѣ, и избранія въ императоры фландрскаго графа Балдуина, города Македоніи перешли въ власть рыцарей. Города Фракіи и Македоніи признали власть латинскаго царства, Константинополь сдѣлался его столицей. По свидѣтельству современника, царь болгарскій Іоаннъ «боялся высокомѣрныхъ замысловъ латинянъ и опасался ихъ копья, какъ меча огненнаго. Ибо въ отвѣтъ на его дружеское посольство они повелѣвали ему относиться къ нимъ не какъ царю къ равнымъ себѣ, но какъ рабу къ господамъ, грозя въ противномъ

случаѣ поднять противъ него оружіе и опустошить Болгарію, которую онъ владѣлъ не по праву, возставъ на повелителей своихъ, грековъ, и обратитъ его въ прежнее состояніе. Посему онъ отпускаетъ перешедшихъ къ нему грековъ, каждаго въ отечественный его городъ, приказавъ имъ всѣми средствами подготавливать движеніе и вредить, сколько можно, латинянамъ, пока онъ самъ приметъ свое рѣшеніе. Возвратившись на родину, при содѣйствіи болгарскаго населенія, они успѣли поднять Фракію и Македонію. Слѣдствіемъ этого было, что латиняне, занявшіе эти мѣста, большею частью были истреблены или принуждены искать спасенія въ Константинополѣ. Такъ случилось съ владѣтелями Димотики и Адрианополя». Противъ дѣйствій Калояна и выступили крестоносцы, которые, какъ оказывается, опирались въ этомъ случаѣ на сочувствіе мѣстнаго греческаго населенія. Повидимому, изъ двухъ золь, подчиненія болгарскому царю или латинскому императору, оно предпочитало послѣднее: такъ отнеслось къ латинянамъ населеніе Солуни и Димотики, но уже иначе встрѣтили ихъ въ Филиппополѣ, гдѣ была сильная болгарская, вѣроятно, богомилская партія. Точно также предпочитали господство Іоанна и пелопонесскіе греки, которые отправили къ нему посольство изъ «всѣхъ городовъ страны» (*de toutes les cités de la terre*, по свидѣтельству Вильгардуена), предлагая ему императорскую корону и обѣщая избить всѣхъ франковъ. Въ связи съ этимъ фактомъ и стояло вскорѣ послѣдовавшее возстаніе грековъ сначала въ Димотикѣ, потомъ въ Адрианополѣ и другихъ городахъ. Спасаясь бѣгствомъ отъ возстанія, латиняне укрылись въ Аркадіополѣ, но не надолго: сюда подходили войска Калояна, болгары, валахи и половцы; оставалось бѣжать въ Константинополь. Въ Филиппополѣ дѣло кончилось еще хуже для латинянъ: владѣтели его съ рыцарями бѣжали въ Константинополь, но были по дорогѣ перехвачены и почти поголовно перебиты. Около Адрианополя, благодаря военной хитрости половцевъ, не только былъ перебитъ цвѣтъ латинскаго рыцарства, но попалъ въ плѣнъ и самъ императоръ Балдуинъ (въ апрѣлѣ 1205 года), котораго отвели въ столицу болгарскаго царя, въ Терново.

На этотъ разъ уже рыцарямъ пришлось обратиться къ заступничеству папы, котораго они просили объявить новый крестовый походъ «*in auxilium nostrum*», а предлогомъ для такого похода могъ быть союзъ Калояна съ язычниками половцами (*cum Turcis et aliis Crucis Christi inimicis*). Но, въ дѣйствительности, опасность для латинской имперіи заключалась не въ этомъ эфемерномъ союзѣ, но въ тѣхъ сношеніяхъ, которыя начались между болгарскимъ царемъ и основателемъ малоазіатской Никейской имперіи, Θεодоромъ Ласкарисомъ. Послѣ пораженія Балдуина крестоносцы не могли не видѣть, что только вооруженная помощь, оказанная

изъ Западной Европы, можетъ сохранить латинскую имперію, если союзъ Ласкариса съ Калояномъ станетъ прочнымъ. Разрушить этотъ союзъ слѣдовало во что бы то ни стало, хотя бы съ отказомъ отъ притязаній на земли, гдѣ была возстановлена греческая имперія. Латвиянамъ представлялись ихъ завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ въ постоянной борьбѣ съ болгарами они неминуемо должны были истощить свои силы. Папа грозилъ Калояну нашествіемъ венгровъ и крестоносцевъ, но въ то же время совѣтовалъ обѣимъ сторонамъ поддерживать обѣимъ имъ полезныя дружелюбныя отношенія. Но эти уговоры мало дѣйствовали на болгаръ; въ соединеніи съ половцами они совершали набѣги на греческіе города Тракіи и Македоніи, не щадя одинаково грековъ и латинянъ. Очевидно, Калоянъ мало довѣрялъ готовности грековъ признать его своимъ царемъ и сѣвшилъ излить на нихъ всю накопившуюся за долгіе годы греко-болгарской распри ненависть. Такимъ образомъ, Калоянъ оказался настоящимъ «грекобойцей», какъ императоръ Василій былъ «болгарбойцей». Какъ говоритъ Ѡ. И. Успенскій, «соединенныя болгарскія и куманскія войска наводнили Тракію и Македонію, куманскіе (половецкіе) отряды доходили почти до Константинополя. Одинаково страшными бѣдствіями сопровождались эти набѣги для греческаго населенія и для латинянъ. Самъ болгарскій царь, уступая вѣками накопившейся ненависти славянъ къ грекамъ, далъ полную волю чувству мести, обращая въ развалины греческіе города и селенія между Адрианополемъ и Константинополемъ. Куда не доходили или что падали болгары, то въ свою очередь уничтожали латиняне—за коварную измѣну, за сочувствіе къ болгарамъ и возстаніе. Между мѣрами, которыя были приняты болгарскимъ царемъ противъ грековъ, слѣдуетъ замѣтить одну неумолимую мѣру возмездія. Мы знаемъ, что, подчинивъ Болгарію, византійское правительство употребляло искусственныя средства, чтобы ослабить славянское населеніе въ южной Болгаріи. Теперь болгарскій царь, въ свою очередь, находилъ полезнымъ дать мѣсто болгарамъ въ Македоніи и Тракіи, для чего переселилъ на сѣверъ къ Дунаю огромныя массы греческаго населенія и перенесъ разрушенныя на югѣ города, села и деревни въ самое сердце Болгаріи».

Подъ ударами болгаръ палъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ македонскихъ городовъ, Сересъ, Солунъ, Охрида и, наконецъ, Филиппополь, который былъ сданъ Калояну тамошними богومیлами. Съ латинской партіей этого города болгарскій царь поступилъ очень жестоко; казнивъ архіепископа и многихъ знатныхъ жителей этого города, Калоянъ разрушилъ Филиппополь до основанія, а вслѣдъ за тѣмъ подвергъ той же участи еще много городовъ близъ Константинополя; императора Болдуина болгарскій царь казнилъ жестокимъ образомъ. Война между ла-

тивянами и болгарами продолжалась съ переменнымъ счастьемъ: то латинскіе рыцари вторгались въ Болгарію, грабя страну и увозя въ плѣнъ тысячи мирныхъ жителей, то болгары и половцы разоряли города. Между тѣмъ, дѣла латинской имперіи въ Константинополѣ шли все хуже: никейскій императоръ, Теодоръ Ласкарисъ, началъ войну съ имперіей, а Калоянъ съ валахами, болгарами и половцами осадилъ Адрианополь. Тогда новый латинскій императоръ, братъ Балдуина, Генрихъ, поспѣшилъ заключить перемиріе съ никейскимъ императоромъ и двинулся на освобожденіе Адрианополя, который уже едва держался послѣ мѣсячной осады. Но незадолго до прибытія Генриха Калоянъ оказался вынужденнымъ прекратить осаду, такъ какъ половцы, достаточно набравивъ въ окрестностяхъ города, покинули болгарскаго царя. Латинскій императоръ двинулся въ Болгарію вслѣдъ за отступавшими войсками Калояна, но здѣсь его постигли новыя несчастія, войска его были разбиты въ горныхъ ущельяхъ, самъ Генрихъ съ трудомъ добрался до Константинополя, а одинъ изъ его полководцевъ, герцогъ Монферратскій, попалъ въ плѣнъ и лишился головы. «И эта неудача (*mésaventure*) произошла въ годъ воплощенія Іисуса Христа 1207», говоритъ современный французскій лѣтописецъ. Однако, и теперь жажда мщенія и завоеваній не оставила Калояна. Онъ осадилъ Солунь, въ которомъ заперлась жена герцога Монферратскаго, но здѣсь, какъ рассказываетъ легенда, царю явился патронъ города св. Дмитрій и пронзилъ ему своимъ копьемъ сердце, сказавъ: «стой, пора поставить предѣлъ честолюбивымъ притязаніямъ!» Иоаннъ умеръ отъ удара или былъ убитъ однимъ изъ бояръ. Ненавидя его, греческіе историки (Г. Акрополита) прозвали его ромеобойцемъ, а его имя Калоянъ передѣляли въ Скилоянъ, т.-е. Иоаннъ-Собака. Создавъ своему государству внѣшнее могущество, которое напоминаетъ лучшія времена царя Симеона, и идя по историческому пути болгарскихъ притязаній на Македонію и Константинополь, Калоянъ, подобно своимъ великимъ предшественникамъ, не создалъ прочной государственной организаціи. Онъ устроилъ войско, способное вести сраженія не только въ горахъ, но и на равнинѣ; онъ укрѣплялъ свое царство и завелъ хорошую артиллерію, разрушавшую до основанія непріятельскія стѣны. Но при всемъ томъ объединенія, внутренне укрѣпляющаго государство, Калоянъ не добился, и послѣ его смерти въ Болгаріи немедленно начались раздоры.

Преемникомъ Калояна былъ сынъ его сестры, Борилъ, женившійся на вдовѣ покойнаго царя Калояна и вступившій на престолъ его помимо законнаго наследника, сына Асѣня. Какъ узурпатаръ, какъ ставленникъ одной изъ партій, Борилъ долженъ былъ искать опоры среди своихъ приверженцевъ и сильной защиты за границей. Удерживать

единство болгарскаго царства становилось все болѣе трудно: феодальныя отношенія, господствовавшія въ латинской имперіи, такъ же вліяли на внутренно-болгарскія отношенія, какъ въ послѣдствіи византійская борьба вельможъ и династій перекинулась въ сербское царство. Съ помощью сербовъ вельможа Стръвъ, который въ послѣдствіи оказался врагомъ и своего покровителя, Стефана Первовѣнчаннаго, добился самостоятельности въ своихъ владѣніяхъ на рѣкѣ Вардарѣ, въ городѣ Просѣкѣ, а двоюродный братъ Борила, вельможа Славъ, основалъ независимое княжество въ южной части Болгаріи, въ Родопѣ. Въ самой Болгаріи, бывшей подъ властью Борила, господствовала секта богомиловъ, отрицавшая царскую власть и представлявшая постоянную угрозу соціальному и политическому положенію вещей. Такимъ образомъ, распадавшееся и разлагавшееся внутри царство нуждалось въ сильной рукѣ, которая могла бы сдержать его въ цѣлости. Бориль не могъ это сдѣлать безъ посторонней помощи. Его усилія продолжать внѣшнюю политику Калояна оказались совсѣмъ неудачными: въ битвѣ подъ Филиппополемъ въ 1208 году большое войско болгарскаго царя было разбито всего двумя тысячами латинскихъ рыцарей. Императоръ Генрихъ милостиво принялъ отдѣлившася отъ болгарскаго царства вельможу Слава, который просилъ принять его въ вассалы имперіи; онъ согласился выдать за Слава свою дочь и обѣщалъ дать ему въ приданое не только завоеванныя болгарскія земли, но и «Великую Валахію» (*la grande Vlaquie*), т.-е. едва ли не всю Болгарію. Положеніе Борила становилось все болѣе тяжелымъ, но его спасли затрудненія, въ которыхъ находилась сама латинская имперія. Изъ трехъ враговъ ея, болгарскаго царя, никейскаго императора и эпирскаго деспота, теперь опаснѣйшимъ былъ послѣдній, и именно онъ усиливался по мѣрѣ ослабленія Борила. Такимъ образомъ, сама собой выяснялась необходимость поддержать болгарскаго царя, враждебныя отношенія прекратились, и самъ латинскій императоръ сталъ искать способа примириться съ болгарями, не дававшими ему покоя въ то время, когда ему приходилось сосредоточить всѣ усилія для борьбы съ опаснѣйшими врагами. Бароны Генриха посовѣтовали ему просить руки дочери болгарскаго царя, которая славилась своей красотой. Какъ ни былъ неровенъ этотъ бракъ въ глазахъ гордаго императора, братъ котораго погибъ въ варварской Болгаріи, въ одной изъ башенъ Тернова, сохранившейся до сихъ поръ, онъ былъ необходимъ для него, и болгарская и латинская династіи породнились между собой. Благодаря этому, Бориль держался на престолѣ до самой смерти Генриха.

Чувствуя себя достаточно сильнымъ, благодаря внѣшнимъ отношеніямъ, болгарскій царь успѣшилъ справиться съ оппозиціей внутри страны. Ему необходимо было прекратить распространеніе богомильства,

и съ этой цѣлью въ 1211 году былъ собранъ извѣстный церковный соборъ, осудившій ересь и воздвигшій гоненія на еретиковъ. Какъ извѣстно, впрочемъ, богомилство въ Болгаріи не прекратилось и продолжало служить партійнымъ цѣлямъ. Преемникъ и врагъ Борила, Асѣнь II, опирался именно на богомиловъ 1). Немедленно послѣ собора, создававшего въ странѣ религиозную войну, законные наслѣдники престола, Иванъ и Александръ Асѣневичи, бѣжавшіе въ Россію, приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Они осадили съ помощью русской дружины Терновскую крѣпость и послѣ долгой осады принудили Борила бѣжать. По дорогѣ царь былъ схваченъ и ослѣпленъ (1218). Какъ опредѣляетъ новѣйшій историкъ Болгаріи, проф. В. Н. Златарскій, «послѣ низложенія Бориса Болгарія находилась въ крайне неблагопріятномъ положеніи. Урѣзанная территориально, внутри она разрывалась на части междоусобіями, а во внѣшнихъ отношеніяхъ ей постоянно угрожали враждебно настроенныя къ ней сосѣднія державы, готовыя при первомъ удобномъ случаѣ броситься на нее: съ одной стороны, сербы, подстрекаемые мадьярскимъ королемъ, не переставали претендовать на болгарскія области, съ другой стороны, эпирскій деспотъ, который расширилъ границы далеко на югъ и сѣверо-западъ по берегу Адриатическаго моря, какъ единственный представитель эллинизма въ Европѣ, всегда готовъ былъ отомстить болгарамъ за жестокость Калояна къ греческому населенію, и, наконецъ, латиняне, хотя они и находились въ мирѣ съ болгарскимъ царемъ, не могли считать себя совершенно гарантированными со стороны болгаръ и всегда смотрѣли косо на свою сѣверную сосѣдку». 2)

Таковы были трудности, стоявшія на пути новаго болгарскаго царя, Іоанна Асѣня II, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей старой Болгаріи. Подобно царю Спмеону, онъ явился носителемъ идеи велико-болгарскаго царства, которому, казалось, было суждено объединить православное населеніе Балканскаго полуострова и столицей его сдѣлать Цареградъ. Уже одна эта идея не позволила ему продолжать заигрыванія съ папскимъ престоломъ, отъ которыхъ не были свободны ни Калоянъ, ни Бориль, поддерживавшій связи съ папой черезъ специальнаго посла изъ Рима, кардинала. Напротивъ, Іоаннъ Асѣнь II неуклонно шелъ къ возстановленію патріаршества и добился этого въ 1235 году. И въ своихъ отношеніяхъ къ грекамъ онъ держался советѣмъ иной политики, чѣмъ его предшественники: греческій историкъ, почти современникъ событій, Акрополита, характеризуетъ царствованіе Асѣня II, замѣчаегь,

1) Д-ръ М. Пячовъ. «Богомилитѣ». Библиотека на Славянска Весѣда. 1907, кн. 3.

2) «Международнитѣ отношенія на Българія при първитѣ Асѣнйовци». Библиотека на Славянска Весѣда. 1908, кн. 3.

что онъ не запятналъ себя рѣзною ромеевъ (грековъ), что его одинаково любили болгары и греки. Стремленіе къ мирнымъ культурнымъ отношеніямъ, вообще, характерно для этого царя; отъ него осталась жалованная грамота дубровницкимъ купцамъ, предоставлявшая имъ свободу торговли въ земляхъ болгарскаго царства. Но слишкомъ были испорчены отношенія между греками и болгарами, и одного кроткаго и мудраго царствованія не хватило на то, чтобы сгладить пропасть, углубленную вѣками вражды и соперничества. Тѣмъ болѣе, что греческое населеніе полуострова уже нашло для себя центръ, къ которому оно устремило свои надежды на восстановленіе независимости Константинополя: это былъ уже не болгарскій царь, какъ во времена Калояна, но эпирскій деспотъ, Теодоръ Комнень, энергичный и способный дѣятель, котораго горячо поддерживали греческіе епископы, въ то время, какъ патріархъ поддерживалъ никейскаго императора. На этомъ соперничествѣ двухъ греческихъ претендентовъ на Константинополь и на непорядкахъ, господствовавшихъ въ самой латинской имперіи, и строилъ свои расчеты Іоаннъ Асѣнь II. О первыхъ годахъ его царствованія мы знаемъ мало; мы видимъ только, что съ начала двадцатыхъ годовъ борьба, сосредоточившаяся около обладанія Константинополемъ, все болѣе втягиваетъ его въ свой водоворотъ. Десять лѣтъ спустя послѣ завладѣнія престоломъ, Асѣнь переходитъ отъ пассивной наблюдательной политики къ дѣйствіямъ. Въ борьбѣ эпирскаго деспота съ никейскимъ императоромъ болгарскій царь стоялъ на сторонѣ перваго; на побочной дочери Асѣня былъ женатъ братъ Теодора Комнена, Мануилъ. Но въ 1228 году событія приняли такой оборотъ, что Асѣнь и Теодоръ оказались соперниками: дѣло въ томъ, что со смертью императора Роберта Де-Бургенэ престолъ латинской имперіи переходилъ къ его одиннадцатилѣтнему брату, Балдуину II. При томъ значеніи, какое имѣли въ средніе вѣка брачные договоры между государями, вопросъ о невѣстѣ для малолѣтняго императора представлялъ большую важность. Баронамъ предстояло выбрать невѣсту, и они остановились на дочери Іоанна Асѣня, Еленѣ, которая тоже была еще ребенкомъ. Болгарскій царь съ радостью принялъ предложеніе и со своей стороны обѣщавъ латинянамъ свою помощь для возвращенія земель, утерянныхъ ими на западѣ. Рѣчь шла, разумѣется, о владѣніямъ эпирскаго деспота, который въ 1222 году короновался солунскимъ императоромъ. Брачный договоръ былъ скрѣпленъ клятвами, и Асѣнь смотрѣлъ на себя, какъ на владѣтеля Константинополя. Съ какой гордостью онъ заявилъ объ этомъ въ надписи, украшавшей одну изъ колоннъ Терновской церкви, храма Сорока мучениковъ. Другой претендентъ на Константинополь, Теодоръ Комнень, еще такъ недавно коронованный солунскимъ императоромъ, не могъ вынести тор-

жество своего соперника и съ войсками, состоявшими изъ грековъ и франкскихъ наемниковъ, двинулся во Фракію. Здѣсь, при селѣ Клокотницѣ (теперь Семидже), между Филиппополемъ и Адрианополемъ, произошла битва, въ которой Теодоръ былъ не только побѣжденъ, но даже взятъ въ плѣнъ. Послѣ этого Іоаннъ Асѣнь безъ боя занялъ Адрианополь и почти всю Македонію и Албанію до Драча (Дураццо). Эта побѣда открывала передъ болгарскимъ царемъ необычайно широкія перспективы; въ его рукахъ находились города по Дунаю, Бѣлградъ и Браничево, далѣе Нишъ и Кюстендиль, Фракія и Адрианополь, почти вся Македонія и значительная часть Албаніи. Ему принадлежало громадное вліяніе въ Константинополѣ, а сербскій государь, Стефанъ Владиславъ, былъ женатъ на дочери Асѣня. Никогда еще болгарскій царь не пользовался такою властью на Балканскомъ полуостровѣ, — можно прибавить, и такимъ обаяніемъ, — потому что своей кротостью и терпимостью онъ приобрѣлъ большую популярность среди покореннаго населенія. Даже къ своему плѣннику, Теодору Комнѣну, Асѣнь II умѣлъ отнестись съ гуманностью, не совсѣмъ обычною въ средніе вѣка. Только козни и интриги, за которыя опять принялся солунскій императоръ, заставили Асѣня принять круглыя мѣры по отношенію къ Теодору: онъ былъ ослѣпленъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ мы опять застаемъ его въ дружескихъ отношеніяхъ съ болгарскимъ царемъ.

Одержавъ побѣду при Клокотницѣ, Іоаннъ Асѣнь воспѣшилъ закрѣпить результаты ея въ какомъ-нибудь актѣ. Онъ составилъ надпись на бѣлой мраморной колонкѣ, поставленной въ терновской церкви Сорока мучениковъ. Къ тому же времени должна относиться грамота дубровницкимъ купцамъ, въ которой болгарскій царь перечисляетъ свои области. Оба эти памятника рисуютъ чрезвычайно ярко то гордое самосознаніе, которымъ былъ проникнутъ болгарскій царь послѣ блестящей побѣды надъ долготѣннымъ соперникомъ. Вотъ что говорить эта надпись: «Я, Іоаннъ Асѣнь, во Христа Бога вѣрный царь и самодержецъ болгарамъ, сынъ стараго Асѣня царя. Я выстроилъ отъ основанія и писаніемъ (живописью) украсилъ до конца пречестную эту церковь во имя святыхъ 40 мучениковъ, съ помощью которыхъ въ 12-ый годъ моего царствованія, когда украшался писаніемъ этотъ храмъ, я вышелъ на брань въ Романію и разбилъ греческое войско, и самого царя, господина Теодора Комнена, взялъ со всѣми его боярами, и перенялъ всѣ земли отъ Адрианополя до Драча, греческую, а также албанскую и сербскую. Только города окрестъ Цареграда и самый Цареградъ держали датины (фрузи, франки), но и тѣ подчинились рукѣ моего величества, потому что иного царя, кромѣ меня, не имѣли, и, только благодаря мнѣ, они продолжали свое существованіе, ибо такъ Богъ повелѣлъ: безъ Него

же ни слово, ни дѣло не совершается. И Ему слава во вѣки. Аминь». Въ грамотѣ дубровницкимъ купцамъ ¹⁾ предѣлы этого новаго политическаго могущества Болгаріи описываются слѣдующимъ образомъ: «Мое царское величество даетъ этотъ указъ всему дубровницкому народу, любезнымъ вѣрнымъ купцамъ моего царскаго величества, да ходять по всей землѣ моего царскаго величества съ какимъ бы то ни было товаромъ, приносить ли или берутъ или проносятъ какой-либо товаръ и до какой бы то ни было земли или округа дойдутъ, до Видина ли или до Браничева (близъ нын. Пожаревца) и Бѣлграда дойдутъ, или до Тернова и по всему Загорію (Забалканской области) или до Прѣславы, или въ Карвунскую область ²⁾ (къ сѣверу отъ Варны, между городами Кюстенджи и Каварной) придутъ, или въ Кронскую область (во Фракіи, между Чернымъ моремъ и Тунджей), или въ Боруйскую область (бассейнъ р. Марицы съ городомъ Старой Загорой, называвшимся еще въ ХУІІ вѣкѣ Борумь), или въ Одринъ (Адріанополь) и въ Димоть (Димотика), или въ Скопскую область (Скоплье—Ускюбъ), или въ Прилѣпскую (центръ западной Македоніи), или въ Дѣвольскую область (Дѣволь, въ средней Албаніи), или въ землю Албанскую, или въ Солунъ идутъ,—повсюду да покупаютъ и продаютъ свободно безъ всякаго ущерба, да не имѣютъ во всѣхъ земляхъ моего царскаго величества и городахъ и крѣпостяхъ запрещенія, но да ходять и покупаютъ и продаютъ безъ заботы, какъ и всѣ вѣрные, любезные купцы моего царства. Кто же имъ учинитъ вредъ въ томъ въ крѣпости или на базарѣ, или гдѣ бы то ни было, вопреки таможенному уставу, тотъ да знаетъ, что онъ противникъ моего царскаго величества и милости не будетъ имѣть, но потерпитъ мой великій гнѣвъ». При взглядѣ на карту Балканскаго полуострова мы видимъ, что тѣ границы, которыя перечислены въ приведенной грамотѣ, охватываютъ не только всю нынѣшнюю Болгарію по ту и по другую сторону Балканъ, но и всѣ тѣ области, къ которымъ повныѣ стремятся болгары: Адріанопольскій (Одринскій) округъ, Солунъ, Македонію и даже Старую Сербію (Ускюбъ) и часть Албаніи, болѣе того: несомнѣнно сербскіе города по Дунаю. Такимъ образомъ, вся Европейская Турція (кромя Константинополя), почти вся Сербія и вся Болгарія составляли сферу вліянія Асѣня. Ни одинъ изъ славянскихъ государей Балканскаго полуострова не собралъ въ своихъ рукахъ

¹⁾ Изданіе этой грамоты дѣлалось нѣсколько разъ, послѣднее Г. А. Ильинскаго въ «Извѣстіяхъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ», т. VII (1901—1902); переводъ, здѣсь данный, принадлежитъ Макушеву.

²⁾ К. Гирчекъ въ своемъ извѣстномъ описаніи путешествія по Болгаріи (Cesty po Bulharsku. 1838) отождествляетъ Карвуну съ теперешнимъ селеніемъ Бальчиномъ.

такихъ обширныхъ владѣній, даже Стефанъ Душанъ не проникалъ такъ далеко на югъ.

Равновѣсіе силъ было нарушено слишкомъ значительно. Надолго остановиться передъ стѣнами Цареграда, признавая его самостоятельность, но заявляя въ то же время, что франки не имѣютъ другого царя, кромѣ него, болгарскій царь не могъ. Латины спохватились, и усиліямъ римской курии удалось парализовать замыслы Асѣня. Въ то время, когда бракъ его дочери съ молодымъ императоромъ раскрывалъ такія широкія перспективы, въ Константинополѣ повели переговоры съ бывшимъ іерусалимскимъ королемъ, Іоанномъ Де-Бриеномъ, который считался однимъ изъ самыхъ доблестныхъ рыцарей Запада. Онъ былъ уже старъ, но все же на него возлагались большія надежды въ смыслѣ обузданія честолюбивыхъ замысловъ болгарскаго царя. По договору, заключенному съ Де-Бриеномъ, онъ получалъ титулъ императора и управлялъ имперіей до совершеннолѣтія молодого Балдуина II, который долженъ былъ жениться на дочери Іоанна Де-Бриена. Всѣ расчеты Асѣня рушились такимъ образомъ сразу (1231).

Онъ круто повернуть въ другую сторону. Дружелюбныя сношенія съ Римомъ прекратились и возобновились связи съ греками, съ преемникомъ Теодора Комнена, Мануиломъ, который носилъ титулъ уже не императора, а деспота Солунскаго, съ никейскимъ императоромъ Іоанномъ Ватаци и съ константинопольскимъ патріархомъ. Въ 1232 году возникаетъ мысль о коалиціи православныхъ государей, цѣлью которой ставится изгнаніе латинянъ изъ Цареграда; нѣсколько позже внѣшняя связь съ греками закрѣпляется по обычаю семейными узами: сынъ Ватаци объявляется женихомъ болгарской царевны, прежней невѣсты латинскаго императора ¹⁾. Константинопольскій патріархъ и православный соборъ посылаютъ Асѣню благословеніе и поздравленіе; говорится даже о награждѣ свыше, полученной Загорскимъ (Болгарскимъ) царемъ за его благочестіе; прерванныя со времени учрежденія терновскаго архіепископства сношенія съ патріаршимъ престоломъ возстанавливаются. Въ силу договора съ патріархомъ, заключеннаго въ 1232 году, автономія и автокефальность терновскаго архіепископа уничтожились; онъ дѣлался однимъ изъ митрополитовъ, подвластныхъ патріарху, и прежній терновскій архіепископъ отрекся отъ престола. Патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобы новый архіепископъ ѣхалъ къ нему для посвященія, но такъ далеко Іоаннъ Асѣвъ не пошелъ. Уладивъ свои отношенія съ императоромъ и съ патріархатомъ, болгарскій

¹⁾ Исторія этой коалиціи изложена акад. В. Г. Васильевскимъ въ статьѣ «Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1235 году» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1835).

царь сталъ работать какъ разъ въ противоположномъ направленіи, подготавливать полную независимость болгарской церкви путемъ возстановленія патриаршества. Для этой цѣли былъ необходимъ человекъ, получившій посвященіе уже ранѣе и не нуждавшійся въ санкціи константинопольскаго патриарха. На такое лицо, какъ на «прежде освященнаго архіепископа» Іоакима, вполне опредѣленно указываютъ историческіе источники (синодикъ).

Осенью 1233 года начались военныя дѣйствія болгаръ и грековъ противъ латинской имперіи; Бріеннъ, воспользовавшись временнымъ затрудненіемъ императора никейскаго, Іоанна Ватаца, пытался, но неудачно, вернуть городъ Лампсакъ, недавно отнятый греками у франковъ. Это вынудило союзниковъ закрѣпить свои отношенія договоромъ; они имѣли въ виду изгнать латинянъ изъ Константинополя и ихъ владѣнія раздѣлить между собою. вмѣстѣ съ тѣмъ должна была произойти свадьба между сыномъ Ватаца, Теодоромъ, и дочерью Іоанна Асѣня, Еленой. Но болгарскій царь требовалъ возстановленія независимости болгарской церкви, и по его настоянію никейскій императоръ обратился къ вселенскимъ патриархамъ съ просьбой «наречь и даровать терновской церкви Вознесенія Христова, матери церквамъ болгарскаго царства, равнаго ихъ степени патриарха, утвердивъ это назначеніе ихъ рукописаніемъ». Восточные патриархи отвѣтили на это согласно желанію императора, и послѣ бракосочетанія Теодора и Елены, «чтобы еще болѣе возблагодарить болгарскаго правителя Асѣня за родство и дружбу», говоритъ современный историкъ: «по императорскому и соборному опредѣленію, архіерей терновскій, подчиненный константинопольскому патриарху, былъ сдѣланъ автокефальнымъ и провозглашенъ патриархомъ». Послѣ этого союзники двинулись на земли латинской имперіи, взяли Галиполь, вырѣзали его жителей и осадили съ моря Константинополь. Благодаря отчаяннымъ усиліямъ императора Балдуина и помощи Венеціи, франкамъ удалось продержаться въ теченіе 1235 года, а затѣмъ наступило охлажденіе между никейскимъ императоромъ и болгарскимъ царемъ, и Константинополь еще одинъ разъ былъ спасенъ. Для Асѣня эта кампанія принесла очень реальные результаты, ему удалось взять Филиппополь, о которомъ въ болѣе раннихъ документахъ болгарскій царь не упоминалъ. Очевидно, совершенно оригинальное положеніе этого города на пяти скалистыхъ холмахъ, поднимающихся среди равнины, представляло надежную защиту для рыцарей, и, владѣя Одриномъ, болгары еще не имѣли въ своихъ рукахъ Пловдива (Филиппополя). По договору между Ватаца и Асѣнемъ, нижнее теченіе рѣки Марицы должно было служить раздѣльной линіей въ случаѣ дѣлежа латинскихъ владѣній, и завоеваніе Филиппополя позволяло болгарскому царю твердой

ногой стать на берегахъ этой рѣчки. Латинскій міръ встревожился: папа торжественно отлучилъ въ 1236 году Асѣня отъ церкви и призывалъ венгерскаго короля вступить за константинопольскихъ рыцарей. Греческій флотъ, осаждавшій Цареградъ, былъ разбитъ, Балдуинъ отправился странствовать по Европѣ въ поискахъ помощи. Въмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось вліяніе никейскаго императора, въ которомъ Болгарія имѣла по существу гораздо болѣе опаснаго врага, чѣмъ отживавшая свой вѣкъ латинская имперія. Становилось ясно, что въ случаѣ паденія Константинополя болгарскому царю трудно будетъ водворить здѣсь свою власть, да и для самаго завоеванія этого города благоприятный моментъ былъ уже упущенъ. Между тѣмъ, съ сѣвера надвигались монгольскія орды, опустошившія южную Россію, и все болѣе грозное положеніе занималъ католическій Западъ. Какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Златарскій, передъ Асѣнемъ «вставала теперь другая задача, защитить свое обширное царство отъ опасности, которая угрожала ему съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада. Онъ сознавалъ, что союзъ съ никейскимъ императоромъ не принесетъ ему никакой пользы и помощи въ борьбѣ съ новыми страшными врагами, дикими ордами монголовъ-татаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему было ясно, что для успѣшнаго отраженія нападенія этихъ послѣднихъ ему было необходимо прежде всего примиреніе съ латинскимъ императоромъ, которое достаточно гарантировало ему безопасность со стороны венгерскаго короля. Достигнуть же такого примиренія Іоанну Асѣню было очень легко: стоило только показать латинянамъ, что онъ прекратилъ сношенія съ никейскимъ императоромъ и прервалъ союзъ съ нимъ». Такова была психологія болгарскаго царя, заставившая его воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для разрыва съ Ватаци. Какъ разъ въ это время умеръ Іоаннъ де-Бриенъ. Значать, главный соперникъ, ради котораго и была затѣяна коалиція, болѣе не существовалъ. Не для чего было поддерживать и союзъ. Чтобы радикально порвать отношенія, Асѣнь вызвалъ свою дочь Елену въ Адрианополь подъ предлогомъ свиданія съ ней и увезъ ее въ Терново.

Теперь болгарскій царь, быстро повернувъ фронтъ, выступаетъ уже защитникомъ латинскаго императора Балдуина. Изъ союза съ православнымъ міромъ онъ извлекъ все, что ему было нужно: онъ добился патріаршества, а съ сербскимъ духовенствомъ находился въ настолько теплыхъ отношеніяхъ, что самъ св. Савва пришелъ къ нему въ Терново, здѣсь же онъ разболѣлся и умеръ; возвращеніе мощей сербскаго святого королю Владиславу представило Асѣню новый предлогъ показать и свои миролюбивыя чувства, и благочестіе. Но въ то же время болгарскій царь усиленно поддерживалъ сношенія съ папскимъ

престоломъ, къ которому отправилъ письмо съ изъявленіемъ преданности католической церкви и съ просьбой отправить легата для переговоровъ. Это происходило въ 1237 году, въ тотъ роковой годъ, когда Болгарія особенно нуждалась въ мирѣ и безопасности со стороны католическихъ союзѣй. Папа и на этотъ разъ пошелъ навстрѣчу: онъ обѣщалъ Асѣню прощеніе грѣховъ. Какъ полагаетъ Макушевъ, болгарскій царь вель рѣчь и о соединеніи церквей, добываясь византійскаго престола, который онъ брался защищать собственными средствами. Впрочемъ, переговоры кончились довольно скоро: папа Григорій IX велъ ожесточенную борьбу съ еретиками, а Іоаннъ Асѣнь II явно покровительствовалъ богемиламъ, и Болгарія была переполнена ими. Итакъ, вмѣсто дружбы Римъ сталъ проповѣдовать крестовый походъ противъ Болгаріи, призывая на нее венгерскаго короля Белу IV и обѣщая ему за это болгарскій престолъ. Дипломатическому искусству Асѣня удалось и на этотъ разъ разбить замыслы враговъ: Бела не рѣшился дѣйствовать единолично и требовалъ поддержки молодого латинскаго императора Балдуина. Между тѣмъ Асѣнь сталъ играть роль именно защитника этого послѣдняго, воспользовавшись для этого ловкаго оборота своей политики поселеніемъ половцевъ, бѣжавшихъ передъ татарами, на южной границѣ своего царства. Половцы постоянно угрожали Константинополю, и только Асѣнь сдерживалъ ихъ, такъ что совмѣстныя дѣйствія латинскихъ рыцарей съ войсками Белы были невозможны. И напротивъ: съ помощью половцевъ латинская имперія могла надѣяться на освобожденіе отъ постоянной опасности со стороны никейскаго императора. Такимъ образомъ, крестовый походъ противъ Болгаріи не удался, а Асѣнь только укрѣпилъ свое вліяніе въ Константинополѣ и совмѣстно съ латинскими рыцарями открылъ военныя дѣйствія противъ никейцевъ, осадивъ ихъ важнѣйшую европейскую крѣпость Цуруль (теп. Чорлу). Однако, онъ не довелъ осады до конца. Отъ какой то эпидеміи его жена, сынъ и терновскій патріархъ скончались въ это время, и, увидя въ этомъ знаменіе гнѣва Божья, Асѣнь сжегъ стѣнныя машины и поспѣшилъ домой, примирившись съ Ватаци и отпустивъ назадъ свою дочь Елену. Вслѣдъ за тѣмъ онъ примирился и съ другимъ своимъ соперникомъ на Балканскомъ полуостровѣ, солунскимъ деспотомъ. Онъ выпустилъ изъ плѣна Теодора Комнена, помогъ ему вернуть престолъ и женился на его дочери. Отношенія съ латинской имперіей также были мирныя: въ послѣдніе годы своей жизни Асѣнь покровительствовалъ Балдуину и не препятствовалъ ему усилить гарнизонъ Константинополя. Повидимому, имъ руководилъ здѣсь не одинъ политическій расчетъ, но дѣйствительный нравственный ударъ. Примирядя со всѣми, этотъ умный и проницательный государь какъ бы готовился къ

смерти. Его преемникъ былъ молодъ, страну слѣдовало оставить въ мирѣ и покоѣ.

Въ 1241 году Іоаннъ Асѣнь II умеръ; византійскіе и сербскіе источники одинаково восторженно отзываются о немъ.

Послѣ смерти Іоанна Асѣня мы вступаемъ въ одинъ изъ самыхъ темныхъ, мало изслѣдованныхъ періодовъ болгарской исторіи. Блестящая пора второго болгарскаго царства миновала очень скоро, болгарская династія Асѣней прекратилась уже на третьемъ поколѣніи, и только въ Константинополѣ, на службѣ у византійскихъ императоровъ, еще долго тянулась одна изъ линій этой династіи. Преемникомъ болгарскаго царя, наводившаго страхъ и на Константинополь, былъ его маленькій сынъ Коломанъ или Калиманъ, сынъ Асѣня отъ венгерской принцессы. Онъ умеръ уже въ 1246 году; ходила молва, что его отравили. Короткое время его царствованія ознаменовалось лишь тѣмъ, что въ продолженіе всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ императоръ Ватаци отнялъ у Болгаріи все ея македонскія и еракійскія области, завоеванныя Асѣнемъ II; кромѣ того, сильно грабили и разоряли страну татары, возвращавшіеся изъ Хорватіи въ Россію. Никакихъ проявленій личности молодого царя мы не имѣемъ; долго приписывавшаяся ему грамота зографскому монастырю оказалась подложной, сочиненной, вѣроятно, въ XVII вѣкѣ ¹⁾. Послѣ Калимана престолъ перешелъ къ его брату, тоже несовершеннолѣтнему Михаилу Асѣню (1246—1257), который не былъ въ состояніи отстаивать свои владѣнія противъ никейскаго императора и заключилъ съ нимъ миръ, уступивъ ему чуть не половину царства. Въ это время готовилась война между сербскимъ королемъ Стефаномъ Урошемъ I и Дубровникомъ, который, по традиціи еще Іоанна Асѣня, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Болгаріей, и потому заключилъ съ нимъ договоръ относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ Сербіи. Однако, дѣло не дошло до войны. Вскорѣ умеръ старинный врагъ болгарскаго царства, Іоаннъ Ватаци, и Михаилъ думалъ, что пришло время вернуть македонскія провинціи. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ болгарскихъ войскъ, которыя съ помощью славянскаго населенія вернули царству нѣсколько крѣпостей на сѣверныхъ склонахъ Родопскихъ горъ, но вскорѣ все переменялось: болгарскія подкрѣпленія, шедшія изъ Македоніи, бѣжали, полководецъ Драгота погибъ, и греки отобрали назадъ свои города. Въ 1257 году былъ заключенъ миръ, который сдѣлалъ трехлѣтнюю войну совершенно бесполезной. Болгарія лишилась всѣхъ своихъ южныхъ областей,

¹⁾ А. П. Стоиловъ. «Бѣлѣжки по компиляцията на отдаванія хрисовуль на Івана Калимана I, даденъ на Зографския монастырь (1192 г.)». Zbornik u slavu V. Iagića. 1908.

завоеванныхъ отцомъ молодого царя. Благодаря этому, положеніе его стало невыносимымъ. Терновскіе граждане возмутились противъ Михаила, и его двоюродный братъ Калиманъ убилъ царя и завладѣлъ престоломъ. Сербскій король Стефанъ Урошъ, на дочери котораго былъ женатъ Михаилъ Асѣнь, поспѣшилъ въ Болгарію, чтобы спасти дочь, но уже до прибытія его узурпаторъ умеръ. Сынъ Михаила, Іоантъ, во-время спасся въ Константинополь. Такимъ образомъ, болгарское царство, еще недавно такое сильное, было обречено на междуцарствіе и гражданскія войны. Это темный періодъ, о которомъ у насъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній.

Какъ это всегда было въ исторіи балканскихъ славянскихъ государствъ, упадокъ Болгаріи сейчасъ же давалъ перевѣсъ Сербіи и наоборотъ. Іоантъ Асѣнь II распространилъ свое вліяніе на значительную часть сербскихъ земель, теперь наступило обратное явленіе: на опустѣвшій престолъ приходилось выбрать серба. Внукъ Стефана Нѣмани, сынъ Тиха, Константинъ оказался наиболѣе подходящимъ кандидатомъ, владѣнія его подходили къ горѣ Витошъ, у подножья которой лежитъ Софія. Чтобы породниться со старой династіей, онъ женился на внучкѣ Асѣня II, дочери императора Теодора Ласкариса, и принялъ титулъ Асѣня. Въ сохранившейся отъ него жалованной грамотѣ, хрисовулъ одному монастырю, онъ называетъ себя сыномъ святого Симеона Нѣмани, «во Христа благовѣрнымъ царемъ, самодержцемъ болгаръ Асѣнемъ». Какъ еще предшественники Константина въ Сербіи и Болгаріи, онъ находился всецѣло подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи, и, вообще, врядъ ли въ это время въ быту высшихъ слоевъ обоихъ славянскихъ народовъ сохранились какія-либо древнія черты самобытности. Византійское искусство, византійскія юридическія понятія и самый складъ жизни,—все это создавало пропасть между народными массами и аристократіей, которая на византійскій образецъ носила титулы деспотовъ, логоветовъ, севастократоровъ и т. д. Греческія слова во множествѣ входили въ канцелярскій языкъ Болгаріи: даже въ грамотѣ Асѣня II область называется по-гречески х о р о й, здѣсь же мы находимъ слова о р и з м о, ф о р о с ъ, к л и с у р а и т. д. Повидимому, въ Сербіи боролось въ то время съ византійскимъ вліяніемъ западно-европейское, венеціанско-дубровницкое, въ Болгаріи же оно не находило себѣ соперниковъ. Этимъ объясняются и бѣгство Асѣней къ грекамъ, и странное поведеніе новаго болгарскаго царя: «будучи избранъ соборомъ» многочисленныхъ и могущественныхъ болгарскихъ бояръ, Константинъ спѣшилъ показать свою лояльность по отношенію къ Византіи, отправляетъ свою первую жену, какъ залогъ мира, въ Никею, а самъ женится на полуболгаркѣ, полугречанкѣ. Среди грековъ продолжалась борьба между эвирскимъ деспотомъ и никейской имперіей; вскорѣ послѣ вступленія Константина на престолъ она закончилась побѣдой послѣдней, а черезъ два года послѣ

этого (въ 1261 году) никейскій императоръ Михаилъ VIII, основатель династіи Палеологовъ, неожиданнымъ нападеніемъ захватилъ Константинополь. Латинскій императоръ Балдуинъ II бѣжалъ, и греческое господство на Балканскомъ полуостровѣ было возстановлено, не было больше и соперничающихъ династій. Палеологъ сразу вступилъ въ дружескія отношенія съ Болгаріей, у него не могло быть традиціи борьбы съ Асѣвными, и эти послѣдніе сами могли смотрѣть на Михаила VIII, какъ на узурпатора и новаго человѣка. Михаилъ отправляетъ уже въ 1260 году спеціальнаго посланника, историка Акрополиту, въ Терново. Такимъ образомъ, Константину Асѣню съ юга не угрожало никакой опасности; тѣмъ больше энергіи ему приходилось направить на сѣверъ, гдѣ воевода трансильванскій, Стефанъ, заявилъ притязанія на болгарскую корону. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, до 1264 года, Стефанъ предпринялъ пять походовъ на Болгарію, онъ взялъ городъ Видинъ и подходилъ къ стѣнамъ самаго Тернова. Чѣмъ кончилась эта война, мы не знаемъ; въ 1270 году Стефанъ вступилъ на венгерскій престолъ и принялъ въ числѣ другихъ титуловъ «Rex Bulgariae», но никакого реального значенія этотъ титулъ не имѣлъ. Повидимому, всѣ эти венгерскіе набѣги на Болгарію имѣли характеръ мелкихъ нападений съ цѣлью захватить и пограбить, что возможно, которыя были такъ обычны въ средвіе вѣка. Болѣе глубокаго политическаго значенія они не имѣли. Мелкія цѣли преслѣдовалъ и Константинъ Асѣвъ. Того широкаго размаха государственныхъ стремленій, который такъ ярко бросается въ глаза въ политикѣ Симеона, Асѣна II или даже Калояна, у этого болгарскаго царя нѣтъ вовсе. Имъ управляютъ мелкія побужденія и женскія вліянія. Ирина, его жена, дочь никейскаго императора, питала непримиримую ненависть къ узурпатору Михаилу VIII, и подъ ея вліяніемъ болгарскій царь объявилъ Византіи войну, которая для него же кончилась неудачей, отобраніемъ Македоніи и Фракіи, которыя еще такъ недавно были присоединены къ болгарскому царству. Тогда Константинъ схватился за средство, которое столько разъ служило балканскимъ государямъ въ ихъ борьбѣ и которое, въ концѣ концовъ, ихъ погубило. Онъ заключилъ союзъ съ сельджукскимъ султаномъ Изединомъ, который жилъ при впаденіи рѣки Марицы въ море, и съ южно-русскими татарами, и они совершенно опустошили (1265) Фракію и Македонію, населеніе которыхъ было славянское. Къ довершенію всей этой убоицы на Балканскомъ полуостровѣ возобновили свои притязанія на Константинополь латиняне. Бѣжавшій императоръ Балдуинъ II подговаривалъ неаполитанскаго короля, Карла Анжуйскаго, возстановить латинскую имперію, и вотъ между сербами, болгарами и Карломъ начались оживленные переговоры и союзъ съ цѣлью нападенія на Византію. Константинъ Асѣвъ былъ горячимъ привержен-

цель этого союза, хотя послѣ смерти Ирины женился (1270) на родственницѣ императора Михаила, Маріи.

Ловкимъ шагомъ Михаилъ VIII думалъ избавиться отъ угрожавшей ему опасности; онъ объявилъ о своемъ желаніи заключить церковную унію съ Римомъ, а чтобы подорвать престижъ Сербіи и Болгаріи, возстановилъ охридское патриаршество со всеми его правами, которыя уничтожали самостоятельность сербской и болгарской церкви. Однако, въ самомъ Константинополѣ императоръ встрѣтилъ сильную оппозицію; его сестра и вліятельное духовенство стали интриговать противъ уніи. Такъ дѣло тянулось до 1277 года, когда болгарскій царь опасно захворалъ. Во время его болѣзни престоломъ завладѣла его жена Марія, интригантка въ духѣ византійскихъ дворцовыхъ козней. Ей необходимо было обезпечить престолъ за ея малолѣтнимъ сыномъ. Между тѣмъ, имѣлся, повидимому, другой претендентъ на болгарскую корону, полу-самостоятельный болгарскій господарь Яковъ Святославъ, который княжилъ гдѣ-то въ западной части Балканскихъ горъ и уже въ одномъ документѣ 1271 года названъ былъ *imperator Bulgarorum*; самъ онъ считалъ себя потомкомъ русскихъ князей, на что указываетъ и самое имя этого князя. Хитростью царицы Маріи завлекла его въ Терново; она усыновила его во время богослуженія, и вскорѣ послѣ того Святославъ погибъ. Среди бояръ, какъ и среди народа, ненависть къ династіи Асѣней возрастала.

Въ это время съ разныхъ сторонъ смута выдвигаетъ новыхъ претендентовъ на престолъ. Прежде всего было естественно выступить со своими притязаніями настоящимъ потомкамъ старыхъ Асѣней, которые находились въ Константинополѣ ¹⁾. Одинъ изъ нихъ, Иоаннъ Асѣнь, сынъ Мицы, былъ выдвинутъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ; по словамъ историка Пахимера, который рассказываетъ о переговорахъ, происходившихъ при византійскомъ дворѣ по вопросу о «защитникѣ» болгарскаго царства, «Иоанна Асѣня всего болѣе утверждали въ правахъ на обладаніе царствомъ его происхожденіе и связанныя съ тѣмъ преимущества. И большинствомъ было одобрено рѣшеніе принять сына Мицы въ зятя къ царю, чтобы такимъ образомъ, какъ членъ царской семьи, онъ могъ быть поддержанъ и самимъ царемъ—съ одной стороны, изъ вниманія къ правамъ Мицы и въ уваженіе исконнаго расположенія предковъ его, съ другой же стороны, изъ особеннаго объ немъ попеченія царя, какъ тестя къ зятю». Выбѣтъ съ тѣмъ какъ самъ Асѣнь, такъ и его потомство получали титулъ Асѣней (Асановъ)-Палеологовъ, который

¹⁾ О. И. Успенскій. «Болгарскіе Асѣневици на византійской службѣ въ XIII—XV вв.». Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, т. 13, 1908 г.

они и сохраняли въ теченіе XIV и XV вѣковъ до паденія Константинополя. Въ силу формальнаго договора, заключеннаго между болгарскимъ царевичемъ и императоромъ, этотъ послѣдній долженъ былъ оказать ему вооруженную помощь для занятія Тернова, за что Асѣнь обѣщаль оставаться вѣрнымъ вассаломъ Византіи. Въ случаѣ же неудачи царевичъ «вступалъ въ ряды византійской служилой аристократіи, давалъ личную присягу на вѣрность царямъ и лично получалъ отъ нихъ титулъ деспота. Какъ извѣстно, предпріятіе не удалось. Асѣнь, хотя и захватилъ временно власть, но долженъ былъ уступить болѣе сильному сопернику въ лицѣ Тергерія и бѣжать къ своему тестю. Это было въ 1280 году. Съ тѣхъ поръ начинается исторія византійскихъ Асановъ въ лицѣ деспота Іоанна Асѣнія» (Θ. Успенскій). Когда старая династія выставила свои претензіи на престолъ, народъ, которому она была такъ же чужда, какъ и Константинъ Асѣнь, сталъ собираться вокругъ челоуѣка, который вышелъ изъ его среды и долженъ былъ объединить его и избавить отъ невыносимаго положенія, междоусобій, грабежей, постоянныхъ насилій со стороны татаръ, турокъ и грековъ. На сценѣ появляется авантюристъ, нѣкій Ивайло, простой ластухъ, сумѣвшій приобрести въ народѣ большую популярность. Византійцы серьезно взвѣшивали его шансы на удачу, но рѣшили, что у царевича изъ династіи Асѣней болѣе возможности завять болгарскій престолъ и стали поддерживать его. Однако, они ошиблись: Ивайло уже въ концѣ 1278 года называется въ одной припискѣ къ Евангелію царемъ. Въ глазахъ народа онъ и былъ такимъ призваннымъ вождемъ его послѣ того, какъ дважды разбилъ полчища татаръ; на сторону его переходили цѣлыя области. Царь Константинъ Асѣнь былъ убитъ уже въ 1277 году, когда пытался задержать движеніе; жена его Марія заперлась въ Терновѣ, куда и направились оба войска,—греческое, которое должно было водворить на престолѣ Іоанна Асѣнія III, и болгарскія полчища Ивайлы. Городъ безъ боя предался Ивайлѣ, который женился на вдовѣ царя Константина, Маріи, и короновался. Между тѣмъ, Терново осадили непримиримые враги болгаръ,—греки и татары. Положеніе этой крѣпости доннынъ таково, что взять ее не представляется возможнымъ: за городомъ, лежащимъ на извилистыхъ берегахъ быстрой горной рѣчки Янтры, возвышается скалистый полуостровъ, сообщающійся съ материкомъ узкимъ гребнемъ холма и окруженный рѣчной лукой. Теперь этотъ полуостровъ соединенъ съ городомъ сплошной полосой земли, прежде здѣсь былъ глубокій ровъ; и находилась подъемный мостъ, прерывавшій, въ случаѣ надобности, всякій доступъ съ суши. Изъ крѣпости открывается широкій видъ на окрестныя высоты, и при средневѣковыхъ условіяхъ войны эта крѣпость, лежавшая на вершинѣ холма съ крутыми, скалистыми склонами, была со-

вѣсьмъ неприступна. Асѣни, выбравшіе столицей своего царства Терново, обнаружили этимъ большія стратегическія способности: представляя благопріятнѣйшія условія для наблюденія за врагомъ и для неожиданныхъ стремительныхъ нападений на него сверху, Терново позволяло во всякое время укрыться здѣсь въ безопасности и вытерпѣть осаду. Такимъ образомъ, на татарь и на грековъ, осадившихъ городъ, Ивайло своей неустранимостью и безпощадностью наводилъ панической ужасъ. Но послѣ одного сраженія распространился слухъ, что Ивайло убитъ. Повидимому, только этого ждала противная боярская партія, выставившая нѣсколько позже Тертерія. Терновцы сдали крѣпость грекамъ, вывели къ нимъ царицу Марію и приняли въ цари византійскаго кандидата, Іоанна Асѣня. Однако, его торжество продолжалось недолго: въ скоромъ времени подъ стѣнами Тернова появился Ивайло съ новыми войсками, которыя разбили посланныхъ противъ нихъ грековъ. Это лишило Асѣня всякаго престижа, и половецкій бояринъ Тертерія, котораго и раньше боялся этотъ безпомощный царевичъ, сталъ такъ явно стремиться къ престолу, что Іоаннъ Асѣнь почувствовалъ себя въ опасности и бѣжалъ изъ Тернова. Тертерія былъ избранъ царемъ и коронованъ въ концѣ 1280 года. Но Ивайло не сдавался: онъ бросился за помощью къ татарскому хану Ногаю и здѣсь былъ убитъ. Имя его продолжало привлекать народныя массы настолько, что, когда пятнадцать лѣтъ спустя появился авантюристъ, назвавшій себя Ивайломъ и призывавшій народъ къ войнѣ съ малоазіатскими турками, къ нему собралась изъ Фракіи толпа крестьянъ, но онъ былъ схваченъ и заключенъ въ византійской тюрьмѣ. Потомъ онъ бѣжалъ и былъ убитъ турками.

При Георгіи Тертеріи Болгарія не могла подняться. Она была ослаблена долгими междоусобными войнами, владѣнія болгарскихъ царей на югѣ были сильно урѣзаны. Вообще, политическое преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ принадлежало Сербіи, гдѣ царствовалъ проницательный и ловкій Милутинъ, открывшій эру замѣчательнѣйшихъ сербскихъ государей. Въ Болгаріи продолжалась все та же политика момента, заключались договоры для близкихъ цѣлей, имѣвшихъ въ виду ослабленіе того или другого соперника, низверженіе византійскаго императора Михаила VIII и т. п. Но въ 1285 году Болгаріи пришлось вынести бѣдствія татарскаго нашествія; полчища хана Ногая разграбили Фракію и Македонію, и только съ помощью брачныхъ узъ удалось отстрочить потерю независимости; сынъ Ногая, Чока, женился на дочери Тертерія, но и это не спасло Тертерія: нѣсколько лѣтъ спустя, подъ постоянной угрозой новаго татарскаго вторженія, онъ бѣжалъ изъ Тернова и обратился къ византійскому императору Андронику съ просьбой о помощи. Однако, ужасъ, который внушали татары, былъ

такъ великъ, что императоръ не рѣшился помочь бѣглецу, укrywавшемуся около Адрианополя; болѣе того, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ заточеніе. Болгарское царство находилось въ безпорядкѣ; въ Видинѣ правилъ самостоятельно князь Шишманъ, который, подобно Тергерію, происходилъ изъ половцевъ, оставившихъ столько этническихъ слѣдовъ въ болгарскомъ населеніи. На опустѣвшій престолъ татарскій ханъ посадилъ боярина Смилца, который царствовалъ до смерти Ногаи (приблизительно съ 1292 до 1295 года). Сынъ Ногаи, Чока, предъявилъ притязанія на болгарскій престолъ, и Смилецъ добровольно уступилъ ему, но и Чока торжествовалъ недолго: сынъ Тергерія, Святославъ, выросшій въ Никее, сумѣлъ войти въ довѣріе къ татарскому варвару, помогъ ему завладѣть Терновомъ и потомъ, улучивъ минуту, расправился съ Чокоей. Онъ былъ схваченъ и удушенъ. Патріархъ терновскій, Іоакимъ III, который обнаруживалъ слишкомъ большую приверженность къ татарамъ, также поплатился жизнью: его сбросили въ Янтру со скалы, съ которой бросали преступниковъ. Святославъ занялъ болгарскій престолъ и сохранилъ его въ продолженіе 28 лѣтъ, до 1322 года. Даровитый и энергичный царь не могъ добиться, однако, никакихъ прочныхъ результатовъ: съ одной стороны, все возрастало могущество Сербіи, съ другой же, все ближе надвигались турки-османы.

Главнымъ событіемъ его царствованія является продолжительная война его съ греками, о которой рассказываетъ византійскій поэтъ начала XIV вѣка, Мануилъ Филъ, сообщающій кое-какія свѣдѣнія объ исторіи Болгаріи въ своей поэмѣ, посвященной подвигамъ византійскаго полководца Главы 1). Въ Константинополѣ были чрезвычайно недовольны переворотомъ, происшедшимъ въ Терновѣ, и постѣились использовать всѣ силы въ странѣ, чтобы приготовить низверженіе Святослава. Хотя по отношенію къ боярину Смилцу или Смилу, занимавшему болгарскій престолъ короткое время, Византія держалась враждебно, и Филъ восхищается тѣмъ, что онъ хорошо знаетъ византійскаго полководца Главу, однако, именно родней этого князя, безъ вѣсти пропавшаго послѣ воцаренія Чоки, думали воспользоваться, чтобы приготовить паденіе Святослава. Сначала двинули въ Болгарію во главѣ военнаго отряда брата Смилца, Радослава, который былъ разбитъ и ослѣпленъ дядей царя, Эльтимиромъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, мы видимъ во главѣ сражающихся противъ Святослава другого брата Смилца, Войсилу или Восилу. Пробовали также, но опять-таки неудачно, противопоставить династіи половецкой старую Асѣневскую, и для этой цѣли

1) Хр. Лопаревъ. «Византійскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ». СПб. 1891.

воспользовались сыномъ Константина Асѣня, Михаиломъ; но его вторженіе въ Болгарію не дало ему ничего, кромѣ позора. Такимъ образомъ, приходилось или смириться съ водвореніемъ на болгарскомъ престолѣ молодого, энергичнаго царя, или дѣйствовать болѣе рѣшительно.

Въ 1298 году сербскій краль Милутинъ заключилъ съ императоромъ Андроникомъ Старшимъ миръ, въ силу котораго бралъ съ собой пятилѣтнюю дочь императора, Симониду, чтобы впослѣдствіи жениться на ней, а взамѣнъ отсылалъ въ Константинополь свою настоящую жену, сестру болгарскаго царя, для котораго такой шагъ Милутина былъ, конечно, личнымъ оскорбленіемъ. Но этимъ дѣло не кончилось: въ Византіи сестра Святослава сначала вступила въ связь съ деспотомъ Кутруломъ, а потомъ вышла за него замужъ (1301). Узнавъ объ этомъ, императоръ сурово наказалъ Кутрула, его имѣнія были конфискованы, а самъ онъ былъ осужденъ, обвиненный въ государственномъ преступленіи, на вѣчное заключеніе. Это былъ прямой вызовъ болгарскому царю, и онъ отправилъ свои войска въ Грецію, которая была совершенно неподготовлена къ войнѣ. Святославъ взялъ цѣлый рядъ городовъ и крѣпостей около Гема и Бургаса; слѣшно отправленные противъ болгаръ греческія войска подъ начальствомъ протостратора Михаила Главы дѣйствовали неудачно; дважды произошли столкновенія около города Визіи, и болгаръ не удалось остановить. Они подвигались къ Созополю. Тогда-то противъ Святослава направили его соперника, брата Смилца, Восилу, и на время счастье перешло къ грекамъ, но, переправляясь черезъ рѣку Скафидъ, они вмѣстѣ съ мостомъ обрушились въ рѣку. Болгары бросились на нихъ въ моментъ паники, и часть греческой арміи погибла въ рѣкѣ, многіе были изрублены. Болгарское войско двинулось дальше и достигло Адрианополя, такъ что опасность грозила уже самой столицѣ. Императоръ слѣшно набралъ и мобилизовалъ новую армію изъ нѣсколькихъ тысячъ ветерановъ, которая во главѣ съ соимператоромъ Михаиломъ отправилась къ сѣверу и отбѣснила Эльтимира. Впрочемъ, съ этимъ послѣднимъ удалось справиться иначе; съ помощью интригъ его привлекли на свою сторону, такъ что Святославу пришлось задаривать дядю, чтобы обезвредить его, и онъ былъ вынужденъ обратиться къ императору Андронику съ предложеніемъ мира. Тотъ надменно отказался, и тогда Святославъ быстро двинулся на побережье Чернаго моря, занявъ Месемврію, Агатополь и Анхіалъ. Въ византійскомъ лагерѣ тоже не все было благополучно: наемныя войска, состоявшія изъ турокъ и каталанъ, потребовали уплаты имъ жалованья, грозя въ противномъ случаѣ перейти на сторону болгаръ, и каталанскій вождь началъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ Святославомъ. Наконецъ, на помощь ему шли аланы, переселявшіеся въ Болгарію. По-

ложеніе вещей такъ быстро измѣнилось въ пользу болгарскаго царя, что теперь уже не онъ, а императоръ Андроникъ нуждался въ мирѣ, и потому, когда Святославъ предложилъ его, въ Византіи были очень обрадованы. Это происходило въ 1306 году. Съ этого времени до самой смерти царя въ 1322 году Болгарія пользовалась спокойствіемъ, отъ котораго она уже давно отвыкла. Благодаря миру 1306 года, страна приобрѣла новыя владѣнія, но на западѣ, въ Видинѣ, продолжало существовать полусамостоятельное княжество, основанное Шишманомъ и теперь перешедшее къ его сыну Михаилу, который имѣлъ важную поддержку въ лицѣ своего тестя Милутина. Сербскій король оказывалъ все болѣе значительное вліяніе на Болгарію, которое было подкрѣплено его посѣщеніемъ Тернова. Въ концѣ своей жизни Святославъ породнился съ императорскою династіею, женившись на внучкѣ императора Андроника II. Вскорѣ послѣ того, въ 1322 году, онъ умеръ, оставивъ престолъ своему сыну Георгію Тертерію II, который, воспользовавшись династическими распрями въ Константинополѣ, открылъ военныя дѣйствія противъ Византіи и наскорою рукою захватилъ Филиппополь. Удержать въ рукахъ этотъ городъ онъ оказался не въ состояніи. Годъ спустя послѣ Святослава умеръ и этотъ послѣдній потомокъ половецкаго царя. Снова въ Болгаріи наступила анархія. Часть городовъ предалась Византіи, въ другихъ, въ верхнемъ бассейнѣ Тунджи, братъ Смилца, Войсиль, основалъ независимое княжество. Онъ же задумалъ взять Филиппополь, который защищался подъ начальствомъ полководца Тертерія II, Ивана, по происхожденію русскаго. Послѣ четырехмѣсячной неудачной осады Войсиль ушелъ. Дѣйствительно, при тогдашнихъ условіяхъ войны взять Филиппополь было трудно. Городъ былъ построенъ на пяти холмахъ, возвышающихся среди равнины и поднимающихся такъ круто, что взять ихъ приступомъ было невозможно. Можно было взять крѣпость изморомъ, истомить гарнизонъ жаждой, но, очевидно, или болгары имѣли доступъ къ рѣкѣ Марицѣ, или они обладали достаточными запасами пищи и воды. Въ томъ же 1323 году, когда происходили эти событія, бояре положили конецъ этому безначалію, выбравъ на царскій престолъ Михаила Видинскаго, основателя династіи Шишмановичей, послѣдней династіи свободной Болгаріи.

ГЛАВА VI.

Шишмановичи. — Паденіе болгарской независимости.

Михаилъ Видинскій (или Вдинскій) былъ сыномъ Шишмана, одного изъ удѣльныхъ князей Болгарскаго царства. О такихъ князьяхъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ. Нѣкоторые изъ нихъ выдѣлялись самостоятельно, собственными силами, другихъ сажали временные повелители страны: такъ, по мнѣнію Иречека, благодаря венграмъ, устроились въ Мачвѣ русскій князь Ростиславъ, а на Балканахъ тоже русскій, Яковъ Святославъ. Братъ царя Георгія Тертерія, Эльтимиръ, владѣлъ при немъ удѣломъ около теперешняго Казанлыка; братъ Смилца, Войсилъ, обладалъ землями въ бассейнѣ верхней Тунджи и носилъ, съ разрѣшенія императора Андроника младшаго, титулъ Мизійскаго деспота. Князь Смилецъ былъ женатъ на внучкѣ императора Андроника II и владѣлъ землями между Ихтиманомъ и Татаръ-Назарджикомъ, гдѣ до сихъ поръ находятся развалины «Смилцева монастыря», построеннаго, какъ гласила надпись, въ 1286 году княземъ Смилцемъ. Далѣе, въ половинѣ XIV вѣка упоминается въ бассейнѣ рѣки Камчии почти самостоятельный архонтъ Валикъ, а послѣ него въ тѣхъ же мѣстахъ деспотъ Добротичъ, который обладалъ довольно обширною территоріею въ западной части Болгаріи ¹⁾ Такимъ образомъ, Болгарія уже давно не представляла въ политическомъ отношеніи единства; въ болгарскомъ народѣ въ эту пору еще менѣе замѣчается государственнй инстинктъ, чѣмъ въ сербскомъ; не было еще у болгаръ и литературы лѣтописей и историческихъ житій, каковая уже была въ это время у сербовъ. Непрестанныя войны и борьба за существованіе слишкомъ поглощали вниманіе болгарскихъ правителей, а населеніе этой восточной части Балканскаго полуострова гораздо больше, чѣмъ населеніе гористой Сербіи, страдало отъ вторженія восточныхъ кочевниковъ, которымъ на равнинахъ забалканской Болгаріи, а также Тракіи было достаточно простору и поживы. Эти наѣзники крѣпко

¹⁾ П. Сырку. «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Т. I, вып. 1. Время и жизнь патріарха Евѣимія Терновскаго». СПб. 1898.

устраивались на новыхъ мѣстахъ и смѣшивались со славянами: болгары, словцы, татары оставили до-днесь ясные слѣды въ этническомъ типѣ болгарина, который такъ отличается отъ сербскаго. Для того, чтобы выработаться въ нѣчто цѣльное и своеобразное, болгарскому народу пришлось пережить гораздо болѣе тяжелый и длительный процессъ, чѣмъ сербскому. Этимъ до известной степени объясняется тотъ фактъ, что въ XIII и XIV вѣкахъ Болгарія уступаетъ въ своемъ государственномъ развитіи Сербіи, что она такъ и не могла создать прочный государственный порядокъ. Поддѣйствовали здѣсь и нынѣ причины: близость къ Византіи, географическое устройство страны, которую Балканы разсѣкаютъ на двѣ части, связи съ южно-русской равниной.

Положеніе народныхъ массъ было тяжелое. Правда, мы не имѣемъ для ознакомленія съ нимъ такихъ источниковъ, каковыя является для Сербіи «Заковникъ» Стефана Душана, тѣмъ не менѣе, отдѣльныя указанія грамотъ и общая бытовая картина, сохранившаяся лишь съ нѣкоторыми переиѣнами и въ турецкое время, позволяютъ судить, какъ безправенъ и подавленъ былъ народъ въ эпоху второго Болгарскаго царства. Въ силу этого династическая борьба происходила лишь на поверхности народной жизни, нисколько не углубляясь внутрь ея. Государства не было, потому что не было народа, составлявшаго государство. А мелкіе умы и мелкія сердца болгарскихъ государей послѣ Асѣня II не могли создать такого единаго государства. Поэтому, въ первой четверти XIV вѣка въ Болгаріи рядомъ съ царемъ стоятъ удѣльные князья и князьки. Въ Сербіи же въ это время царствовали государи, одинъ замѣчательнѣе другого, и Дечанскаго смѣнилъ его геніальный сынъ Стефанъ Душанъ. Окончательное столкновение между Сербіей и Болгаріей подготовлялось уже давно. Вѣдь и сербскіе крали, и болгарскіе цари одинаково стремились къ Македоніи, къ Константинополю, къ первенству на Балканскомъ полуостровѣ. Соперничество ихъ приняло особенно рѣзкую форму, когда въ самой Византійской имперіи началась борьба изъ-за престола. Два императора, Андроникъ Старшій и Андроникъ Младшій, добивались власти, и каждый изъ нихъ искалъ союзниковъ. Вскорѣ послѣ вступленія Михаила на престолъ Андроникъ Младшій поднялъ противъ дѣда южную Македонію, Эпиръ, Фессалию и Албанію; тогда Михаилъ предложилъ свою помощь старому императору, который съ радостью принялъ ее. Цѣль Михаила была ясна и была разоблачена его врагомъ, Андроникомъ Младшимъ. Именно, болгарскій царь имѣлъ въ виду захватить Константинополь своими дружинами, охранявшими императора, который не довѣрялъ грекамъ. Раскрывъ этотъ планъ, который могъ положить предѣлъ вообще всякимъ греческимъ притязаніямъ на Константинополь, Андроникъ Младшій отиравилъ къ своему дѣду послан-

ника съ предупрежденіемъ объ этомъ. Тогда старый императоръ рѣшился пугать въ стѣны города всего нѣсколько болгарскихъ всадниковъ, которые не могли ничего поддѣлать и были вызваны Михаиломъ обратно. Правда, Андроникъ Младшій самъ воспользовался этимъ временемъ для того, чтобы неожиданно занять столицу и низложить дѣда, тѣмъ же менѣе, для болгаръ Константинополь еще разъ былъ утерянъ. Мечта первыхъ болгарскихъ царствъ — обладать Константинополемъ, мечта, которая вдохновляла Симеона, Калояна, Іоанна Асѣня и Михаила, оказалась на этотъ разъ недостижимой грезой. Всѣ мелкія побѣды, одержанныя Михаиломъ Шишмановичемъ во время этой борьбы между двумя византийскими императорами Андрониками, терялись передъ этимъ великимъ пораженіемъ, отнимавшимъ у нихъ всякое длительное значеніе. Въ своихъ сербскихъ отношеніяхъ царь Михаилъ оказался въ концѣ концовъ такимъ же неудачникомъ. Онъ началъ свое царствованіе съ того, что оскорбилъ сербскаго короля, отославъ свою первую жену Анну, дочь Милутина, и женившись на Святославѣ, дочери Андроника Младшаго. Благодаря усиліямъ сербскаго архіепископа Данила, эта размолвка уладилась, но, новидимому, отношенія между дворами все-таки остались холодныя. И въ распрѣ Андрониковъ они заняли противоположныя позиціи: сербскій король поддерживалъ внука, болгарскій царь дѣда. Наконецъ, въ 1330 году между Сербіей и Болгаріей вспыхнула война, поводомъ къ которой послужила все та же семейная исторія. Михаилъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ надъ Стефаномъ Дечанскимъ и, въ союзѣ съ византийскимъ императоромъ Андроникомъ III (Младшимъ), уже заранѣе распредѣлялъ провинціи сербскаго государства. Побѣда казалась тѣмъ болѣе несомнѣнной, что на сторонѣ союзниковъ находились румыны со своимъ вождемъ Иванкой Басарабой, «черные татары» и ясы или аланы (осетины). На весну 1330 года въ Терновѣ собрались войска болгаръ и союзники, а императоръ Андроникъ поджидалъ въ Македоніи, гдѣ и должно было произойти соединеніе всѣхъ силъ. Сербскій король двинулся имъ навстрѣчу, и войска враговъ сошлись около Вельбужда (теперь Кюстендилъ) на рѣкѣ Струмѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней шли переговоры; между тѣмъ въ болгарскомъ лагерѣ истощались запасы, и солдаты разбрелись въ поискахъ фуража. Этимъ и воспользовались сербы, во главѣ которыхъ стоялъ сыночекъ Стефана Дечанскаго, Душанъ. Сербы неожиданно напали на болгаръ, которые въ паникѣ бросились вразсыпную, несмотря на всѣ усилія Михаила возстановить порядокъ. Болгары были совершенно разбиты, и самъ царь убитъ. Бояре остались въ плѣну, простыхъ воиновъ обезоружили и пустили домой. Болгары до сихъ поръ не любятъ вспоминать объ этомъ своемъ пораженіи сербами и сваливаютъ вину за него на нераспоряди-

тельность и самоуверенность полководцев, но причина его заключалась, вѣроятно, глубже, въ той дезорганизаціи, въ которой издавна находилась Болгарія. Съ гибелью Михаила Шишмановича здѣсь опять не оказалось никого, кто могъ бы поддержать государственную идею. Города Болгаріи, по которымъ совершилъ свое триумфальное шествіе побѣдитель, отдавались ему безъ боя. Стефанъ могъ бы присоединить всю Болгарію къ своему королевству, но онъ ограничился тѣмъ, что занялъ Нишъ, а въ Терновѣ посадилъ свою сестру Неду, изгнанную жену Михаила, и ея сына Шишмана II. Возстановивъ такимъ образомъ права своей сестры, Стефанъ Дечанскій вернулся въ Сербію, но векоръ онъ самъ сдѣлался жертвой дворцовой революціи. Его низложилъ сынъ, Стефанъ Душанъ, и почти одновременно съ этимъ происходитъ аналогичное событіе въ Терновѣ: племянникъ убитаго царя Михайла, одинъ изъ болгарскихъ вельможъ, Александръ, изгоняетъ Неду и Шишмана и занимаетъ болгарскій престолъ. Между Душаномъ и новымъ болгарскимъ царемъ, Іоанномъ Александромъ, который принимаетъ титулъ Асѣнь, дружескія отношенія не прекращаются до конца царствованій ихъ обоихъ ¹⁾.

Эпоха царя Іоанна Александра изучена гораздо лучше, чѣмъ предшествующее столѣтіе. Политическая и литературная исторія этого времени описана довольно обстоятельно въ трудахъ Т. Флоринскаго, К. Радченка, П. Сырку и др. ²⁾. Кромѣ того, сохранилось нѣсколько грамотъ отъ времени этого царя и литературные памятники, написанные для него или въ его время. Смутныя ссылки на существованіе въ Болгаріи какихъ-то лѣтописей и записей относятся уже къ концу XII вѣка, но только при царѣ Іоаннѣ Александрѣ мы находимъ краткую лѣтопись, значительная часть которой была составлена въ эту пору и затѣмъ продолжена, какъ полагаетъ Сырку, въ Румыніи. Благодаря такому относительному обилію свѣдѣній о царствованіи этого государя, картина внутренняго и вѣшняго положенія Болгаріи во второй четверти XIV вѣка представляется болѣе ясно, чѣмъ въ предшествующую эпоху. Впрочемъ,

¹⁾ Противъ принятаго прежде мнѣнія, что Александръ былъ родомъ сербъ, проф. Златарскій выставилъ очень существенныя возраженія. См. его статью: «Вопросъ о происхожденіи болгарскаго царя Івана Александра». «Статьи по славяновѣднію, подъ редакціей акад. В. И. Ламанскаго». Вып. II. 1906.

²⁾ Т. Флоринскій. «Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка». 1882.—К. Радченко. «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ». 1898.—П. Сырку. «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи», т. I, 1898 и его же рецензія на трудъ С. С. Бобчева, «Старобългарски правни паметници», ч. I, 1903, напечатанная въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности имп. акад. наукъ за 1903 г. (т. VIII, кн. 2).

до сихъ поръ здѣсь не мало спорныхъ вопросовъ. Какія отношенія существовали между сербскимъ и болгарскимъ государями? Были ли они независимы, или послѣ Вельбуждской битвы, когда Стефанъ Дечанскій прошелъ триумфальнымъ шествіемъ по Болгаріи, а сынъ его получилъ такое громадное вліяніе на дѣла Балканскаго полуострова, не можетъ быть уже и рѣчи о независимости болгарскаго царя? Оба наши историки, проф. Флоринскій и Радченко, сходятся въ томъ, что при дружескихъ связяхъ, соединявшихъ Іоанна Александра со Стефаномъ Душаномъ, все-таки нѣмезя говорить объ ихъ политической зависимости другъ отъ друга, а проф. Златарскій доказываетъ, что сербскій король очень нуждался въ мирномъ и дружескомъ отношеніи къ нему со стороны болгарскаго царя для проведенія собственныхъ политическихъ замысловъ. По мнѣнію Радченка, «фактическая независимость внѣшней политики Болгаріи отъ Сербіи поставлена внѣ всякаго сомнѣнія извѣстіями современниковъ, византійскихъ историковъ Кантакузена и Григоры. Не только оба государя дѣйствуютъ въ своей внѣшней политикѣ вполне самостоятельно, но нѣрѣдко ихъ интересы расходятся. Иногда Александръ вступаетъ въ союзъ съ одной изъ враждующихъ партій въ Византію, Душанъ—съ другой. Стефанъ провозгласилъ себя царемъ сербовъ и грековъ, Іоаннъ Александръ все время титулуется царемъ болгаръ и грековъ. Византійцы смотрятъ на нихъ не только, какъ на совершенно независимыхъ другъ отъ друга владѣтелей, но и какъ на равноправныхъ и почти въ одинаковой мѣрѣ опасныхъ для имперіи».

Войны съ Византіей составляютъ главное внѣшнее содержаніе царствованія Іоанна Александра, какъ и его предшественниковъ. Борьба сосредоточивается попрежнему около нѣсколькихъ городовъ, которые въ исторіи греко-болгарскихъ отношеній постоянно достаются то одному, то другому побѣдителю. На этотъ разъ зачинщикомъ былъ византійскій императоръ, который воспользовался слабостью Болгаріи послѣ Вельбуждской битвы и захватилъ поморскіе и еракійскіе города,—Анхіаль, Месембрию, Ямболъ и др. Приходилось ихъ отвоевывать, что новый царь и выполнилъ съ успѣхомъ при помощи отрядовъ наемныхъ татаръ, между тѣмъ, какъ императоръ Андроникъ долженъ былъ защищать малоазіатскія провинціи отъ турокъ. Потомъ Андроникъ вернулся и снова занялъ часть городовъ, отобранныхъ болгарскимъ царемъ. При этомъ онъ страшно опустошилъ страну, истребляя даже хлѣбъ въ гумнахъ. На защиту своихъ владѣній послѣдшилъ Александръ, и войска сошлись около Айтоса, такъ что лишь узкій проходъ раздѣлялъ двѣ арміи, болгарская была слабѣе, и Александръ рѣшилъ уклониться отъ битвы. Начались переговоры о мирѣ, въ силу которыхъ болгарскій царь уступалъ императору городъ Анхіаль, а за то получилъ Діамполь (Ямболъ), мѣнялъ, по его выраженію, золото

на мѣдь. По заключеніи договора Андроникъ отпустилъ часть своихъ войскъ домой, тогда какъ въ болгарскій лагерь явились подкрѣпленія изъ татарскихъ отрядовъ. Съ ними онъ и отплатилъ грекамъ за свои неудачи. Начались избиенія греческихъ гарнизоновъ въ болгарскихъ городахъ, занятыхъ Византіей; повсюду положеніе грековъ стало невыносимо, и теперь Болгарія могла заключить миръ уже на иныхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для нея условіяхъ. По этому миру (1332) Александръ получалъ назадъ всѣ утраченные ранѣ города, кромѣ того, предполагалось женить, когда они немного подрастутъ, 9-лѣтняго сына болгарскаго царя, Михаила Асѣня, на 3-лѣтней дочери императора Андроника, Маріи. И, дѣйствительно, шесть лѣтъ спустя этотъ бракъ состоялся, и дочь императора уѣхала въ Терново. По свидѣтельству современнаго историка Николая Григоры, въ «остальное время» между греками и болгарами господствовалъ глубокій миръ. Онъ продолжался нѣсколько лѣтъ и даже пережилъ Андроника, едва не сокрушившись о дальнѣйшія событія. Еще въ 1342 году въ своемъ хрисовулѣ зографскому монастырю болгарскій царьсылался на «истинную и нелицемѣрную любовь, которую сохраняло его величество къ высокому царю греческому, возлюбленному брату и свату его, господину Андронику Палеологу, до самой смерти его, и даже послѣ его смерти не измѣнилась моя любовь», прибавляетъ царь Александръ, ссылаясь на дальнѣйшія отношенія съ сыномъ Андроника, малолѣтнимъ Іоанномъ Палеологомъ. Вскорѣ, однако, отношенія измѣнились. Александръ просто придрался къ случаю, чтобы воспользоваться слабостью Византіи при малолѣтнемъ императорѣ, противъ котораго строилъ козни новый претендентъ на престолъ, великій domestikъ и регентъ Іоаннъ Кантакузенъ. Въ Константинополѣ жилъ сынъ Михаила Бдинскаго, Шишманъ, имѣвшій въ Болгаріи, особенно въ западной части ея, извѣстное число приверженцевъ. Александръ потребовалъ его выдачи, угрожая въ противномъ случаѣ войной. Въ Византіи это требованіе вызвало большой страхъ и растерянность, но и на этотъ разъ ее выручили турки, одинъ изъ князей которыхъ Омеръ-Бей былъ въ дружбѣ съ Кантакузеномъ и готовъ былъ поддержать его своими отрядами. Миръ не былъ нарушенъ до тѣхъ поръ, пока въ Византіи не всыхнули междоусобія. Кантакузенъ объявилъ себя императоромъ, короновался въ Димотикѣ и разослалъ по всей имперіи манифестъ съ приглашеніемъ присоединиться къ нему. Однако, переворотъ не прошёлъ гладко, аристократія примкнула къ новому императору, но чернь волновалась, грабила богатые дома, избивала интеллигенцію. Особенно большихъ размѣровъ беспорядки достигли въ Адрианополь, гдѣ народъ перевязалъ знатныхъ людей и отправилъ ихъ въ Константинополь, а потомъ, испугавшись ответственности передъ Кантакузеномъ,

обратился съ просьбой о защитѣ къ болгарскому царю, которому этого только и было нужно, чтобы вступить въ городъ. Какъ въ инцидентѣ съ бояриномъ Ивановъ, и на этотъ разъ планъ болгарь былъ разгаданъ: Александру не удалось захватить Адрианополи, его не пустили въ крѣпость, и послѣ нѣсколькихъ неудачъ въ столкновеніяхъ съ греческими и турецкими войсками онъ заключилъ миръ съ Кантакузеномъ. Но греки сами вмѣшивали иностранцевъ въ свои дѣла; къ Александру поочередно обращались обѣ враждующія стороны: уходить Кантакузенъ въ Сербію, и его жена принимается за самостоятельную политику, просить помощи у недавняго врага, общается въ награду за нее цѣлый городъ Димотику, и Александръ подъ предлогомъ помощи заранѣе осаждастъ этотъ городъ, пока его не освобождаютъ опять-таки турки Омеръ-бей; затѣмъ къ болгарскому царю обращается глава противной партіи, императрица Анна, которая заранѣе предоставляетъ ему «великій и славный городъ» Филиппополь и рядъ другихъ крѣпостей. Александръ охотно присоединяетъ эти города къ своему государству, но никакой реальной услуги матери Іоанна Палеолога не оказываетъ до тѣхъ поръ, пока турки не удалились въ Азію. Затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1343—1346) Тракія становится ареной междоусобной борьбы, въ которую враждующимъ византійскимъ партіямъ удалось втянуть и царя Душана, и Александра болгарскаго, и смѣлаго авантюриста и разбойника Момчила съ его шайками, и, наконецъ, турокъ. Въ этой борьбѣ, гдѣ перевѣсъ долгое время колебался, одержалъ окончательно верхъ Кантакузенъ, благодаря поддержкѣ турокъ, а Болгарія страшно пострадала отъ османовъ, которые жгли деревни, грабили имущество, а жителей уводили въ плѣнъ. Въ 1347 году борьба династій закончилась, но изъ ихъ борьбы, въ которой Александру пришлось принять такое видное и ненужное участіе, онъ вышелъ ослабленнымъ. Болгарія опять вступила въ періодъ внутреннихъ нестроеній. Блестящій успѣхъ перваго періода этого царствованія былъ успѣхомъ эфемернымъ: онъ не далъ Болгаріи ни новыхъ приобрѣтеній, которыя она могла бы удержать, ни внутренняго спокойствія. Напротивъ, турки все прочнѣ осѣдали на Балканскомъ полуостровѣ, какъ разъ на тѣхъ рѣкахъ, Марицѣ и Тунджѣ, въ бассейнѣ которыхъ жили болгары; они все чаще заходили въ глубь болгарскаго царства, особенно враждебнаго Кантакузену, и опустошали его. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ битва при Марицѣ показала, какое бѣдствіе создала близорукая политика балканскихъ государей. Но теперь, въ сороковыхъ годахъ, это еще не обнаруживалось во всей своей яркости, и болгарскіе книжники, ослѣпленные вѣдшимъ успѣхомъ и значеніемъ своего царя, прославляютъ его въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ, сравнивая, согласно требованіямъ византійскаго льстиваго

краснорѣчія, даже съ Александромъ Македонскимъ и Константиномъ Великимъ.

Основъ у всего этого временнаго величія не было. Хотя въ экономическомъ отношеніи Болгарія при Іоаннѣ Александрѣ находилась въ довольно благополучномъ состояніи, однако, положеніе народныхъ массъ оставалось безправнымъ, и сами онѣ были чужды пониманія своего національнаго единства,—пониманія, которое выработалось впоследствии подъ чужимъ игомъ. При этомъ царь населеніе въ сѣверной Болгаріи считалось густымъ, села отдѣлялись одно отъ другого, по свидѣтельству одного современнаго памятника, небольшими разстояніями. Развивается и финансовая жизнь страны; Александръ оказывается въ состояніи располагать для своихъ политическихъ цѣлей денежными средствами. Онъ дѣлаетъ богатыя пожертвованія монастырямъ, заключаетъ договоры съ иностранными купцами; по его повелѣнію изготовляются роскошныя рукописи. Царь умѣетъ пышно принять, его церемоніаль и дворцовый этикетъ копируютъ византійскіе образцы. И, какъ въ Византіи, духовенство и вельможи играютъ громадную роль, совершенно отгѣсня на задній планъ требованія и нужды народа. «Судьи, бояре и весь церковный причтъ, вельможи и все воинство», «благочестивые цари, боголюбивые вельможи и преподобные иноки»,—такова классификація сильныхъ и привилегированныхъ подданныхъ половины XIV вѣка. Въ своемъ хрисовулѣ 1348 года самъ Іоаннъ Александръ перечисляетъ своихъ бояръ и чиновниковъ въ слѣдующихъ строкахъ: «А отъ всѣхъ болѣе и работниковъ царства ми малыхъ же и великихъ, посылаемыхъ по всѣ времена по всей хорѣ (по всей странѣ) въсприемати дани и сдѣржати въсѣкъ работы царства ми, еже сѣтъ настоящи севастихоры тоа: дѣки, катепани, писци, десѣткаре въсѣции свинии, овчи, пчелныи, винаре же и повари, аподхаторе, крагоуяре и песьяци, градаре, побирчии, изгончии» 1). Здѣсь перечисляются различныя должности и придворныя чины, которые упоминаются и въ позднѣйшей грамотѣ царя Іоанна Шишмана, данной въ 1379 году Рыльскому монастырю. Тамъ, какъ и здѣсь, бояре противопоставляются царскимъ работникамъ, а бояре распределяются на великихъ и малыхъ, какъ это было и въ Румыніи 2). Вообще, хрисовулы даютъ цѣнныя указанія на устройство народной жизни въ Болгаріи въ эпоху второго царства. Ко времени царя Іоанна-Александра относятся пять такихъ грамотъ на болгарскомъ, греческомъ, итальянскомъ и латин-

1) Этотъ хрисовулъ, найденный въ Хилендарскомъ монастырѣ, воспроизведенъ Кончевымъ; вышеприведенныя строки списаны съ этого изданія.

2) Это сопоставленіе и обзоръ классовъ въ древней Болгаріи см. у Сырку въ назв. сочиненіи.

скомъ языкахъ, ко времени Іоанна Шишмана—три. Такимъ образомъ, для исторіи Болгаріи во второй половинѣ XIV вѣка хрисовулы даютъ рядъ важныхъ свѣдѣній. Прежде всего они рисуютъ бюрократическую систему болгарскаго царства, которая была устроена по образцу византійской; число различныхъ должностей, перечисленныхъ въ хрисовулахъ, очень значительно (превышаетъ 30). Рисуется здѣсь и налоговая тяжесть населенія, которая заключалась въ уплатѣ десятка, «глобы», приплаты, дымнины, кошарщины, волоберщины (визант. зевгаротиконъ), местнины, «кумерка» (таможенной пошлины, сошмерсиум). Въ хрисовулахъ перечисляются различные виды имущества, которые называются опять-таки греческимъ именемъ метеха (греч. μετέχαιν, μετοχήν). Въ области уголовного права хрисовулы содержатъ весьма цѣнные указанія на различные преступленія, каравшіяся денежнымъ взысканіемъ или иными наказаніями; кромѣ воровства и убійства, особенно отмѣчаются конокрадство и «гадальство» (чародѣйство¹). Все это указываетъ на развитую іерархію, которая не могла выработаться въ Болгаріи, а была заимствована изъ Византіи. Вѣдь и въ Сербіи въ это время власти, аристократія обладали большимъ вліяніемъ и участвовали въ законодательствѣ; феодалныя отношенія сложились мало-по-малу въ обоихъ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова и были унаслѣдованы позднѣйшими завоевателями, турками, еще болѣе развитыми ленную систему²). Подобно тому, какъ грамоты перечисляютъ различные должности высшихъ классовъ, онѣ знаютъ и спеціальныя названія для низшихъ сословій, находившихся въ зависимомъ состояніи. Среди крѣпостныхъ оказываются и духовныя лица: поповъ жалуютъ съ ихъ дѣтьми, съ ихъ родомъ; въ грамотѣ 1348 г. идетъ рѣчь о попахъ, «которые были среди людей монастырскихъ». Парики (греч. Πάρικος), какъ и у сербовъ, отроки, работники, технитаре, зевгаре и др., составляли крестьянъ, находившихся въ разнаго рода зависимыхъ отношеніяхъ отъ землевладѣльцевъ. Парики не были рабами, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Первоначально, понятіе парикіи (παρικήα) совпадало, какъ полагаетъ Бобчевъ, съ понятіемъ римскаго колоната. Это были поселенцы на новыхъ земляхъ. «Первоначально колонны были зависимы отъ собственника, какъ земледѣльца, но, какъ граждане, оставались членами государства. Однако, позже ихъ положеніе нѣсколько измѣнилось, государство отошло на задній планъ, и колонъ оказался въ полной зависимости отъ своего хозяина». (С. С. Бобчевъ, 306). Въ

¹) Ср. С. С. Бобчевъ. «Исторія на старобългарското право». 1910, стр. 176—191.

²) Л. Милетиць. «Поземелната собственностъ въ свръзка съ леновото право въ Турція». Период. Списание, т. 66 за 1905 г.

эпоху второго болгарскаго царства эта эволюція зашла уже настолько далеко, что едва ли можно говорить о парикахъ, какъ о лично свободныхъ людяхъ, хотя рабами, отроками, они все еще не были.

Такъ, парики владѣютъ своими частками наследственно, но составляютъ крѣпостное населеніе; особая категорія париковъ обозначается и въ византійскихъ документахъ, какъ зевгараты ¹⁾, или зевгаре. Вообще, приведенная терминологія крестьянскихъ отношеній—византійская, и въ византійскомъ правѣ приходится искать ея разъясненія. Но, кромѣ того, положеніе земельныхъ крестьянъ во время турецкаго владычества, не внесшаго ни въ Болгарію, ни въ Сербію существенныхъ переменъ въ аграрныя отношенія земледѣльцевъ, а только переименовавшаго землевладѣльцевъ,—это положеніе можетъ быть перенесено и на Болгарію Шишмановичей. Съ этой точки зрѣнія извѣстныя указанія на бытъ крестьянъ при царѣ Александрѣ даютъ особенности юридическаго положенія болгарскихъ исполдживѣвъ, момковъ и кесимдживѣвъ ²⁾. Исполдживами были крестьяне, арендовавшіе землю помѣщика исполу, сѣявшіе его сѣмена и дѣлившіе жатву пополамъ; момки или ратаи находились въ гораздо худшемъ положеніи: это были батраки, нанимавшіеся на сельскія работы единолично или семьями на извѣстныхъ условіяхъ; землевладѣлецъ платилъ налогъ на землю и получалъ всю жатву, а момки, работавшіе на него со своимъ скотомъ, получали жалованіе натурой, а также «параспуръ» (греч. *παροσπορά*), кусокъ земли, съ котораго момокъ бралъ жатву себѣ; момки были ограничены въ своемъ правѣ перехода отъ одного помѣщика къ другому, но могли имѣть какъ движимую, такъ и недвижимую собственность, и врядъ ли ихъ возможно отнести къ числу крѣпостныхъ людей, какими были представители третьяго класса крестьянъ, кесимджии (названіе турецкое, отъ слова кесимъ—нарѣзъ на полкѣ). Они не являлись землевладѣльцами, но сидѣли наследственно на помѣщичьей землѣ, жили въ собственныхъ домахъ и несли тѣ повинности, какія назначались помѣщикамъ, и на него работали. Права перехода не были лишены и кесимджии, которые, такимъ образомъ, юридически не составляли сословія совершенно безправныхъ рабовъ. Вѣроятно, это древніе парики. Напротивъ, они поль-

¹⁾ Б. А. Панченко («Крестьянская собственность въ Византіи». 1903, стр. 153) говоритъ о зевгаратахъ слѣд.: «Такъ какъ въ дарственной Мануїла опредѣленно высказано, что жалуюмце имъ шесть париковъ зевгаратовъ не записаны въ податныя книги и не имѣютъ никакой земли, то нельзя объяснить этотъ терминъ въ смыслѣ владѣнія участкомъ зевгаратнымъ (двойнымъ) или болѣе высшаго разряда по платежу податей. Значеніе термина еще болѣе запутывается нашимъ документомъ».

²⁾ Объ этихъ классахъ населенія см., кромѣ названнаго изслѣдованія П. А. Сырку, сочиненіе Й. Иванова «Сѣверна Македонія». 1906, гл. 6.

зовались даже нѣкоторыми привилегіями: такъ, напр., помѣщикъ не могъ прогнать кесимджія съ бащины, а самъ онъ могъ въ извѣстныхъ случаяхъ покинуть свой домъ и земельный участокъ, и въ такомъ случаѣ землевладѣлецъ былъ обязанъ вознаградить его за домъ, который оставялъ ему уходившій. Ипречекъ и Сарафовъ, изслѣдовавшіе въ 1880 году положеніе крестьянъ, такъ описываютъ институтъ кесимджій: «Кесимджія обрабатываетъ свою землю (башину) наследственно. Когда отецъ умираетъ, его сыновья дѣлятъ между собой землю, не спрашивая бега, а если имъ мало, распахиваютъ новыя. Бегъ, разбѣжая по селамъ, налагалъ на каждаго изъ такихъ братьевъ новый кесимъ, а о прочемъ не заботился. Кажется, онъ не имѣлъ права прогнать кесимджію съ бащины; по крайней мѣрѣ, крестьяне не могли указать ни одного подобнаго случая. Напротивъ, многіе кесимджіи оставляли добровольно, вслѣдствіе тяжести налоговъ, свои бащины (въ XVII вѣкѣ они не имѣли права дѣлать это). Въ такомъ случаѣ, ага былъ обязанъ заплатить за домъ, который крестьянинъ выстроилъ и, покидая бащину, оставилъ». На ряду съ этими полу-свободными крестьянами древне-болгарскій строй зналъ, вѣроятно, и рабовъ, составлявшихъ полную собственность своего владѣльца, но существовало ли рабство, какъ правовой институтъ, рѣшить трудно при наличности нашихъ источниковъ. С. С. Бобчевъ прямо отрицаетъ это. Правительство Болгаріи имѣло тенденцію видѣть и въ полу-независимыхъ представителяхъ крестьянства людей несвободныхъ, которыхъ можно было жаловать вмѣстѣ съ землей, и потому въ грамотахъ постоянно упоминаются и люди, сидящіе на тѣхъ или другихъ участкахъ земли. Эта тенденція, которая опредѣленно сказывается и въ сербскомъ законодательствѣ XIV вѣка, должна была привести въ Болгаріи къ тѣмъ же результатамъ, что въ Сербіи: она создала глубокую пропасть между высшими и низшими классами населенія.

Могла ли Болгарія при такихъ условіяхъ создать крѣпкій государственный организмъ, который былъ бы въ состояніи уцѣлѣть при столкновеніи съ такимъ воинственнымъ и свѣжимъ врагомъ, какимъ явились турки-османы? Пока борьба совершалась въ предѣлахъ все тѣхъ же давнишнихъ династическихъ соперничествъ и велась между государствами, лишенными, какъ и Болгарія, живыхъ національныхъ основъ, въ сущности, никакой серьезной опасности болгарскому царству не грозило. Сегодня появлялся даровитый государь на престолѣ Сербіи, и онъ успѣвалъ соединить подъ своимъ сѣптромъ спорныя области Македоніи, подходилъ къ самому Константинополю и достигалъ Эгейскаго моря. Но завтра такая же даровитая личность оказывалась въ Болгаріи или Византіи, и картина мѣнялась: завоеванія Сербіи отбирались обратно, и центръ тяжести Балканскаго полуострова передвигался въ другую сто-

рону. Это было своего рода регрессивное движение, и трудно сказать, как завершилась бы эта многовѣковая борьба, если бы изъ Азии на полуостровъ не хлынула новая могучая волна, которая выбросила на берегъ и разбила въ дребезги утлыя суденышки славянскихъ государствъ и самой Византіи. Вторая половина царствованія Іоанна Александра представляетъ картину все ближе надвигающейся бѣды, которую замѣтили слишкомъ поздно. Бѣду накликали они сами, балканскіе государи, продолжавшіе истреблять другъ друга и тогда, когда на полуостровѣ крѣпко усѣлись турки. Въ 1350 году они опустошили Болгарію, хотя были призваны противъ сербовъ, а за годъ передъ тѣмъ, заключая договоръ съ Дубровникомъ, сербскій царь Душанъ включаетъ въ него слѣдующее условіе: «пусть они (дубровницкіе купцы) не носятъ оружія ни въ Болгарію, ни въ землю Басарабы, ни въ Венгрію, ни въ Боснію, ни въ Грецію, ни въ какую-либо иную чужую землю». При этомъ, конечно, Стефанъ Душанъ не помышлялъ о близости той минуты, когда всѣмъ надо будетъ объединиться для борьбы съ общимъ врагомъ. Не сознавалось это и въ 1351 году. Болгарская лѣтопись начала XV вѣка, отражающая народныя взгляды на событія ¹⁾, передаетъ разсказъ о томъ, какъ спохватившійся византійскій императоръ обратился за содѣйствіемъ къ сербскимъ и болгарскимъ государямъ, но повсюду получилъ отпоръ, и тогда сказалъ: «не хотѣли помочь намъ; смотрите, чтобы потомъ не каяться». Лѣтописецъ прибавляетъ, что тѣ не обратили вниманія на его упрекъ и заявили: «когда придутъ къ намъ турки, тогда мы и будемъ защищаться отъ нихъ». Между тѣмъ, и послѣ Марицкой битвы (1352) Болгарія съ великимъ ожесточеніемъ воюетъ съ Византіей: то Александръ вмѣстѣ съ Душаномъ отправляются противъ императора, то наоборотъ, этотъ послѣдній, пользуясь удобной минутой, вторгается въ Болгарію. Въ 1364 году императоръ Іоаннъ Палеологъ осаждаетъ болгарскій городъ Месемврию, беретъ Анхіалъ, потомъ, получивъ деньги въ видѣ уплаты за военныя издержки, возвращается назадъ, не обогативъ своего государства никакими земельными пріобрѣтеніями.

Въ 1365—66 году Іоаннъ Александръ умеръ, не обезопасивъ царства отъ враговъ и не обезпечивъ его единства. Въ юго-западной части Болгаріи, въ бассейнѣ рѣки Камчии, уже съ начала XIV в. были почти независимыми государями сначала архонтъ Баликъ, а потомъ его братъ, деспотъ Добротичъ. Имъ принадлежали владѣнія около Варны, и они зашли въ своемъ сепаратизмѣ такъ далеко, что отдѣлили свои земли отъ управленія терновскаго патріарха и присоединили ихъ къ константинопольскому

¹⁾ Она напечатана въ 13 и 14 томахъ Archiv für slavische Philologie

патріархату. 1) И самъ болгарскій царь продолжалъ политику удѣловъ: такъ, желая оставить престолъ своему младшему сыну Шишману помимо старшаго Срацимира, Александръ хотеть удовлетворить этого послѣдняго Видинскимъ удѣломъ. Не было лада и въ самой царской семьѣ, два старшіе сына царя, Михайлъ Асѣнь и Іоаннь Асѣнь, умерли еще при жизни отца. Съ первой своей женой Александръ насильственно развелся и женился на другой, еврейкѣ, которая плѣнила его своей красотой; перейдя въ православіе, она заботилась о церквахъ и монастыряхъ, и въ литературѣ не осталось къ ней того враждебнаго отношенія, которое, несомнѣнно, существовало къ семьѣ первой жены царя и поддерживало вражду въ династіи. Постоянныя съ половины сороковыхъ годовъ нападенія турокъ совершенно опустошили Тракію и стали все болѣе разорять предбалканскую Болгарію. Результатомъ этого явилось разбойничество, представлявшее опасность даже около большихъ городовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалась рознь на почвѣ религіознаго сектанства. Богомилство, подвергавшееся въ Болгаріи временнымъ репрессіямъ и потомъ опять поднимавшее голову, создало въ XIV вѣкѣ нѣсколько толковъ; ереси, возникшія въ Константинополѣ, Солуни и другихъ центрахъ греческой образованности, широко распространялись въ Болгаріи. Такъ, какой-то монахъ Теодоритъ заставлялъ поклоняться дубу и приносить около него въ жертву овецъ и барашковъ; онъ собиралъ толпы приверженцевъ, и преподобному Теодосію терновскому пришлось упорно бороться съ нимъ, прежде чѣмъ ему удалось «до конца прогнать и покрыть вѣчнымъ стыдомъ окаяннаго льстеца и соблазнителя». Въ 1350 году Болгарія была смущена двумя богомилскими учителями, которые явились сюда изъ Солуни и проповѣдовали расторженіе браковъ, религіозный экстазъ съ половымъ отгѣнкомъ и т. п. Въ концѣ концовъ царю пришлось обратиться къ помощи церковнаго собора, который, поразивъ еретиковъ, главныхъ изъ нихъ осудилъ; царь велѣлъ ихъ заклеить раскаленнымъ желѣзомъ и выгнать изъ Болгаріи. Однако, въ скоромъ времени секта возродилась съ новой силой и въ формахъ, указывающихъ на характеръ религіозной эпидеміи. Это были настоящія сектантскія радѣнія. Преподобный Теодосій перечисляетъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи пять различныхъ ересей, которыя нарушали чистоту религіозной жизни въ его время; часть ихъ пришла изъ Византіи, другія (напр. Згранава ересь) были, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія.

Справиться съ ересями такъ и не удалось. Религіозно-философская жизнь Византіи вліяла на Болгарію слишкомъ непосредственно для того,

1) Ср. Ю. Трифоновъ. «Унищожаването на търновската патриаршия и замѣстянето ѝ съ автономно митрополитство-архиепископство». Сборникъ (болг.) Мин. Нар. Просв. Кн. 22—23 за 1906—1907, стр. 20 статьи.

чтобы можно было запрещеніями и преслѣдованіями здѣсь какъ-нибудь задержать то, что постоянно подкрѣплялось свѣжимъ притокомъ изъ самаго источника. Еще въ XVII вѣкѣ болгарскіе павликіане жили между Филиппополемъ и Адрианополемъ, а въ народномъ быту донинѣ сохранились кое-какія черты еретическихъ культовъ, восходящія къ богомильскому сектантству (Сырку, 256). Чрезвычайно интересную легенду о происхожденіи богомильства, съ полнымъ сочувствіемъ къ нему въ народѣ, записалъ въ городѣ Прилѣвѣ отъ одного сапожника И. Г. Еничеревъ («Въспоминанія и бѣлѣжки». 1906). По этой легендѣ, богомильство было вызвано на свѣтъ происками византійскаго духовенства, которое не желало давать болгарамъ болгарскихъ поповъ и архіереевъ, но желало ихъ эллинизировать съ помощью греческаго духовенства. Тотъ же авторъ приводитъ изъ сборника болгарскихъ пѣсенъ братьевъ Миладиновыхъ нѣсколько отрывковъ, проникнутыхъ богомильскими воззрѣніями. Кромѣ ересей, во время царя Іоанна Александра приходилось бороться еще съ іудейскимъ религіознымъ вліяніемъ, благодаря которому въ Солуни и въ Болгаріи возникла ересь жидовствующихъ, можетъ быть, аналогичная извѣстной русской ереси второй половины XV вѣка. Хотя сама царица, вторая жена Александра, перейдя въ православіе, сдѣлалась горячей покровительницей его, однако, современный болгарскій источникъ, повѣствующій о распространеніи ереси жидовствующихъ въ Болгаріи, объясняетъ этотъ фактъ именно сочувствіемъ, которое евреи находили при дворѣ царицы. Они будто бы осмѣливались издѣваться надъ иконами и Божьей Матерью, хулили храмы, оскорбляли священниковъ и монаховъ. Узнавъ объ этомъ и видя, какое смущеніе въ православномъ населеніи вызываетъ такое поведеніе иновѣрцевъ, преподобный Θεодосій Терновскій отправился въ Терново къ царскому двору. Насколько велико было вліяніе евреевъ въ столицѣ, сказать трудно по неимѣнію данныхъ. Утвержденіе покойнаго Сырку, что евреи «составляли довольно большую общину, которая, нужно полагать, имѣла нѣкоторое вліяніе на внутреннія дѣла столицы»,—это утвержденіе не опирается ни на какія фактическія данныя. Иречевъ въ своемъ описаніи Тернова (Cesty ro Bulharsku, 1888) полагаетъ, что поселеніе евреевъ здѣсь было не велико; слѣды его остались въ пригородѣ Тернова, Трапезицѣ, въ видѣ нѣсколькихъ сохранившихся надгробныхъ памятниковъ, но самихъ евреевъ здѣсь уже давно нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, обиды, которыя терпѣло православіе отъ евреевъ, могли бы вызвать лишь репрессіи по отношенію къ нимъ со стороны правительства, а не какое-нибудь духовное осужденіе. Сама царица не поддерживала евреевъ, и въ синодикѣ царя Бориса, дополненномъ въ XIV вѣкѣ, ее прославляютъ за сохраненіе въ

непорочности благочестивой вѣры, обновленіе многихъ церквей и устройство различныхъ монастырей. Александръ также вовсе не мирволилъ еврейскимъ нападкама на церковь; слушая преподобнаго Феодосія, онъ «во всемъ тщаніея ревности его подражатель быти». Слѣдовательно, оставалось просто обуздать евреевъ. «Къ чему же было созывать соборъ?» справедливо спрашиваетъ Радченко. Очевидно, что дѣло не ограничивалось обидами, чинимыми монастыряма и священникамъ, что рѣчь шла о совращеніи, о пропагандѣ іудейскаго вѣроисповѣданія, противъ чего должна была принять мѣры именно духовная власть. Въ такомъ случаѣ нужно было созвать соборъ, который и сошелся въ 1360 году. Онъ осудилъ и проклялъ «еврейскихъ еретиковъ, злѣ мудрствующихъ», а вмѣстѣ съ ними и «богомераскую богомилскую, сирѣчь масалианскую ересь, и еще же и другую новоявленную, варлаамову и акиндинову ересь и тоя служителие и предстатели». Тогда по отношенію къ совратителяма были примѣнены и гражданскія мѣры; одинъ изъ нихъ поспѣшилъ покаяться, двухъ другихъ присудили къ смертной казни, которую замѣнили тѣлеснымъ наказаніемъ. Озлобленіе въ народѣ противъ евреевъ было такъ велико, что одного изъ осужденныхъ толпа вырвала и растерзала, другому былъ отрѣзанъ языкъ. Выселилась ли послѣ этихъ столкновеній значительная часть евреевъ изъ Тернова, какъ полагаетъ Сырку, неизвѣстно, но не подлежитъ сомнѣнію, что враждебныя отношенія между оставшимися евреями и болгарами продолжались; по преданію, именно еврей сдалъ туркамъ столицу втораго болгарскаго царства.

Несмотря на два собора, осудившіе ереси, нестроенія въ церковной жизни, постоянные спутники смутныхъ временъ въ жизни народовъ, часто указывающіе на глубокій процессъ переоцѣнки цѣнностей, происходящій въ народныхъ массахъ, продолжались. Само православіе въ Болгаріи переживало извѣстный кризисъ, который находился въ связи съ непорядками въ константинопольской церкви. Между Византіей и Болгаріей происходитъ въ половинѣ XIV вѣка церковный разрывъ, который былъ вызванъ борьбой разныхъ толковъ и направленій въ греческомъ православіи. «Достаточно припомнить», замѣчаетъ Дриновъ 1), что съ 1341 по 1347 г. вселенскій патриархъ Іоаннъ Калека подвергалъ жестокимъ гоненіямъ и осужденіямъ Григорія Паламу, главу византійскихъ исихастовъ, и его многочисленныхъ приверженцевъ, пока не былъ низложенъ соборомъ 1347 г., осудившимъ его за притѣсненіе лицъ, оправданныхъ прежними соборами и т. под. Указанныя

1) М. С. Дриновъ. «Разборъ сочиненія П. А. Сырку. «Къ исторіи исповѣданія въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ». СПб. 1900. «Изъ отчета о приженіи Ломоносовской преміи въ 1899 году».

неурядицы византійской церкви, несомнѣнно, должны были нарушить общеніе съ нею болгаръ, тѣмъ болѣе, что эти церковныя неурядицы сопровождались вызванною Іоанномъ Кантакузеномъ въ византійской имперіи междоусобной войной, въ которой принималъ дѣятельное участіе и болгарскій царь Іоаннъ Александръ, иногда въ качествѣ союзника Кантакузена, бывшаго заклятымъ врагомъ патріарха Іоанна Калекси. Но съ 1355 года, когда между византійскимъ и болгарскимъ дворами происходили переговоры о заключеніи родственныхъ узъ, измѣняются и церковныя отношенія, возобновляются связи между вселенскимъ патріархомъ, теперь уже патріархомъ Каллистомъ, и болгарскимъ духовенствомъ, обсуждается вопросъ о нѣкоторыхъ ритуальныхъ отступленіяхъ болгарской церкви. Патріархъ Каллисть послалъ своему другу, іеромонаху Ѳеодосію Терновскому, грамоту съ перечисленіемъ ихъ ¹⁾. Эти отступленія касались обрядовъ крещенія и мѣропомазанія; кромѣ того, болгарскій патріархъ не упоминалъ имени константинопольскаго патріарха, на что претендовалъ этотъ послѣдній, доказывая, что болгарскій патріархъ вовсе не равенъ остальнымъ, ибо ему было даровано «именоватися патріарху болгарскому, а не быть сопричтену прочимъ святѣйшимъ патріархамъ». Такимъ образомъ, Каллисть считалъ возможнымъ заявить, что, если бы у него не было искренней любви къ высочайшему царю Болгаріи, Іоанну Асѣню, то онъ, «какъ вселенскій патріархъ, былъ бы въ правѣ подвергнуть дѣйствія терновскаго патріарха суду и изслѣдовать ихъ предъ священнымъ и великимъ синодомъ константинопольскимъ, какъ до того времени не бывалыя, и затѣмъ или потребовать отъ него исправленія, или осудить, сообразно съ правилами, какъ лвно пренебрегшаго церковью, или, по крайней мѣрѣ, вторично лишить его имени патріарха (намекъ на какой-то фактъ, замѣчаетъ Сырку). Но наша любовь и расположеніе къ этому царю убѣждаютъ насъ оставить это дѣло безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока не увидимъ отъ самого терновскаго патріарха исправленія». Конечно, въ это время было благоразумнѣе всего не вмѣшиваться во внутреннія дѣла автокефальной болгарской церкви. Іоаннъ Александръ былъ большимъ радѣтелемъ ея, и при мирныхъ отношеніяхъ его къ Византіи терновскій патріархъ могъ быть небезполезенъ. Не даромъ хитрый византіецъ, патріархъ Каллисть, отзывается съ такимъ энтузіазмомъ о болгарскомъ царѣ, прославляя самое имя его. По словамъ патріарха, Іоаннъ Александръ милостивъ, богобоязненъ, помогаетъ бѣднымъ, чтитъ добродѣтель и подвиги святыхъ мужей; онъ

¹⁾ Впервые эта грамота напечатана въ славянскомъ переводѣ цѣлкомъ П. А. Сырку «Житіе Григорія Синаита, составленное константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ», 1909 (Памятники древней письменности и искусства, № 172).

приобрѣлъ для своей души вѣчное царство и безконечное блаженство. Особенно же похвальны дѣла болгарскаго царя по отношенію къ монастырямъ. Въ такомъ же духѣ отзываются о немъ и другіе современники, разные монахи, упоминавшіе въ своихъ рукописяхъ и спискахъ св. Писанія о царѣ Александрѣ въ самыхъ высокопарныхъ и восторженныхъ выраженіяхъ. Онъ много заботился о монастыряхъ, не щадя на нихъ средствъ. Такъ же поступалъ въ это время Стефанъ Душанъ, и между славянскими государями происходило нѣчто въ родѣ соревнованія въ украшеніи и обогащеніи аеонскихъ монастырей. Въ грамотѣ 1342 года, данной зографскому монастырю, Александръ называетъ Аеонъ «пристанищемъ спасенію всякой души христіанской, а наипаче православной». По словамъ грамоты, «благочестивые цари, боголюбивые вельможи и преподобные иноки основали множество святыхъ, великихъ и дивныхъ домовъ, украсили ихъ всякаго рода драгоценными камнями, жемчугомъ, золотомъ и серебромъ и обогатили ихъ имѣніями и всякаго рода другимъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ въ изобиліи... чтобы православные, христіолюбивые и приснопамятные цари и прочіе блаженные ктиторы и весь родъ христіанскій были поминаемы, ибо строителями на этомъ святомъ мѣстѣ были не изъ одного только племени или двухъ; но это есть общее мѣсто для ищущихъ спасенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь было общее достояніе благовольтвующихъ. Ради этого здѣсь находятся зданія каждаго племени и народа православнаго, именно на первомъ мѣстѣ стоятъ греки и болгары, а за ними слѣдуютъ сербы, русы, иверы (грузины); каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свою обитель, сообразно со своимъ стараніемъ и усердіемъ». Подобныя грамоты были даны царемъ Александромъ и другимъ монастырямъ; одному изъ нихъ за то, что патронъ монастыря, св. Николай, оказывался неотступнымъ помощникомъ царя во всѣхъ войнахъ. Не ограничиваясь поддержкой мѣстныхъ церквей и монастырей, которыхъ въ Болгаріи къ половинѣ XIV вѣка было множество (перечисленіе ихъ составлено съ поразительнымъ усердіемъ П. А. Сырку въ его изслѣдованіи объ исправленіи книгъ), Іоаннъ Александръ простираетъ свое покровительство и на греческія обители: одну изъ нихъ, Парорійскую, онъ избавляетъ отъ разбойниковъ, за что такъ хвалитъ его вселенскій патріархъ. Болгарскій царь, нося въ своемъ титулѣ прибавку—«и ромеевъ», не могъ не заботиться о привлеченіи на свою сторону греческаго духовенства. Подобно Стефану Душану, который, вступивъ въ Македонію, слѣшилъ облагодѣтельствовать монастырь Іоанна Предтечи на Меникейской горѣ около Сереса, и Александръ одариваетъ монастыри въ спорныхъ городахъ: такъ, сохранилась его грамота на греческомъ языкѣ (отъ 1341 года)

месемврійскому монастырю св. Богородицы Милостивой, который поддерживали и родственники его.

Если народные массы, угнетаемая ужасомъ жестокихъ событій, не дававшихъ человѣку спокойно думать о завтрашнемъ днѣ, не увѣренныя въ томъ, не придуть ли завтра турки, греки или татары и не разграбятъ ли все имущество и не перебьютъ ли всѣхъ домохозяевъ, если эти массы находили исходъ своему неудовлетворенію въ грубомъ сектанствѣ, демонологіи или въ обычномъ монастырскомъ обиходѣ, то натуры болѣе глубокия, критическія и индивидуальныя углублялись въ созерцательный мистицизмъ, который процвѣталъ въ Византіи. Одинъ изъ основателей его, Григорій Синаитъ, собралъ вокругъ себя множество учениковъ изъ сербовъ и болгаръ; въ житіи его сохранился рассказъ о болгарскомъ пастухѣ, который имѣлъ по ночамъ таинственныя видѣнія и для ихъ разъясненія обратился къ этому святому, около котораго онъ и остался. Но самымъ выдающимся представителемъ созерцательнаго мистицизма среди болгаръ былъ Θεодосій, который сначала былъ монахомъ въ одномъ изъ монастырей около Видина, но здѣсь не нашелъ себѣ удовлетворенія и сталъ бродить изъ одной обители въ другую, пока не услышалъ о Григоріи Синаитѣ, который жилъ близъ Адрианополя. Его ученикомъ Θεодосій оставался до самой смерти Григорія, а потомъ онъ посѣтилъ Аеонъ, Содунъ и Месемврію, повсюду распространяя свое ученіе, тогда какъ другіе ученики Синаита дѣлали это въ Сербіи. Вернувшись въ Болгарію, Θεодосій сначала устроился на горѣ Эмовской, а потомъ въ виду опасности отъ разбоевъ переехалъ поближе къ Тернову, гдѣ на горѣ Келифаревѣ поселился съ довольно большимъ числомъ иноковъ, основавъ здѣсь скитъ и ведя упорную борьбу съ различными ересями, волновавшими религіозную жизнь Болгаріи¹⁾. Изъ учениковъ Θεодосія выдвинулись двое: какой-то монахъ Діонисій, большой подвижникъ и постникъ, которому принадлежалъ переводъ многихъ книгъ съ греческаго языка на славянскій, и Евѣмій, впоследствии терновскій патріархъ, пришедшій къ Θεодосію въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда тотъ жилъ въ Келифаревѣ. Это былъ самый выдающійся литературный дѣятель второй половины XIV вѣка, авторъ нѣсколькихъ оригинальныхъ житій, проникнутыхъ мистическо-религіознымъ направленіемъ. Біографія его, заключающаяся въ похвальномъ словѣ его ученика Григорія Цамблака, впоследствии одного изъ іерарховъ русской церкви²⁾, не позволяетъ установить подробности

¹⁾ О древностяхъ этого села см. статью І. П. Георгіева въ «Періодич Списание», т. 67. 1906 г.

²⁾ О Цамблакѣ см. основательное изслѣдованіе А. И. Яцимирскаго «Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности». 1904. Сочиненія Евѣмія см. Kałuzniacki. «Werke des Pat-

жизни Евѳимія потому, что не всегда возможно различить, что въ этой біографіи представляет условныя житійныя прикрасы и преувеличенія и что взято изъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что и этотъ дѣятель болгарской церкви долго скитался внѣ Болгаріи и вернулся на родину уже послѣ смерти Іоанна Александра, въ царствованіе его преемника Іоанна Шишмана. Онъ былъ радушно принятъ въ Болгаріи и поселился въ монастырѣ Св. Троицы около Тернова. Здѣсь главнымъ его занятіемъ сдѣлались переводъ священныхъ книгъ съ греческаго языка и исправленіе уже существовавшихъ переводовъ, совершенно искаженныхъ временемъ. Какъ замѣчаетъ его панегиристъ Константинъ Костенчскій, ко времени Евѳимія «въ тръновскихъ странахъ письмена погнѣбана была суть», самъ же Евѳимій былъ «великимъ художникомъ (зватокомъ) словѣнскихъ писменъ». Это свое литературное пониманіе Евѳимій внесъ въ исправленіе священныхъ книгъ и въ свои оригинальные литературные труды, рядъ житій, составленныхъ отчасти по желанію царя. Онъ слѣдовалъ въ этихъ трудахъ приемамъ тогдашней византійской агиографіи, уснащалъ рассказъ длинными разсужденіями, легендарными подробностями, вводилъ фразы ради фразы и т. д. По словамъ К. Радченка: «что касается характеристики святыхъ, то она, конечно, является блѣдной при общихъ приемахъ въ изображеніи ихъ дѣятельности, усвоенныхъ Евѳиміемъ. Тѣмъ не менѣе, слабыя попытки указать индивидуальныя черты того или иного святого есть и у Евѳимія. Особенно, это замѣтно въ житіяхъ женщинъ, гдѣ авторъ, видимо, старается выставить въ жизни и молитвахъ святыхъ черты, характеристичныя для женщинъ. Не наблюдаемъ мы въ житіяхъ Евѳимія интереса къ природѣ, который такъ характеристиченъ для византійской агиографіи XIV вѣка. Вообще, описаній мѣстностей мы не встрѣчаемъ у Евѳимія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній о природѣ страны, гдѣ подвизался Іоаннъ Рыльскій,—замѣчаній довольно общихъ, хотя и свидѣтельствующихъ о непосредственномъ знакомствѣ съ тѣми мѣстами составителя житія... Одни и тѣ же сопоставленія, образы, сравненія, тотъ же кругъ изреченій изъ св. Писанія, одни и тѣ же обороты и выраженія въ соответственныхъ мѣстахъ сообщаютъ изложенію Евѳимія монотонный характеръ. На немъ лежитъ печать чего-то искусственнаго, заученнаго, шаблоннаго, произведеннаго школой, а не жизнью. Зато нельзя отказать житіямъ Евѳимія въ извѣстной стройности, законченности и закругленности. Житія Евѳимія, какъ ни какъ, имѣютъ не только историческое, но и въ гораздо большей степени литературное значеніе. Къ этой послѣдней цѣли

riarchen von Bulgarien Euthymius» и его же «Aus der panegyrischen Literatur der Südslaven».

преимущественно и стремился Евѣмій, и это стремленіе было новостью въ агіографіи не только Болгаріи, но и Сербіи и Россіи. Образованные современники Евѣмія не довольствовались разсказомъ о жизни святого. Имъ нужно было представить житіе, изложенное изящнымъ, свободнымъ отъ простонародныхъ выраженій, которыя казались грубыми, риторически-образнымъ языкомъ, который услаждалъ бы самъ по себѣ уточненный подъ вліяніемъ изученія греческой письменности слухъ. Здѣсь выразилась и характеристичная для періода гуманизма любовь къ слову. Евѣмій ей постарался удовлетворить. При этомъ церковно-славянской языкъ, своеобразно понятый, сыгралъ почти ту же роль, какую латинскій въ Италіи эпохи Возрожденія. Новое теченіе шло изъ Византіи, гдѣ въ агіографической литературѣ оно съ особенной силой обнаружилось въ произведеніяхъ Константина Акрополиты». Повидимому, вскорѣ послѣ возвращенія домой Евѣмій былъ избранъ въ патріархи на мѣсто скончавшагося Іоаннікія II. Выѣстъ съ нимъ въ Болгарію еще глубже проникло византійское культурное вліяніе. И царь Александръ, какъ показываютъ сохранившіеся портреты его (въ Евангеліи 1356 года и въ переводѣ Манассіиной лѣтописи), былъ по своей одеждѣ и складу чистымъ византійцемъ.

Въ смыслѣ приближенія къ византійскимъ образцамъ и возрѣніямъ эпоха Іоанна Александра и его преемника сдѣлала очень много. Вообще, толчокъ культурному развитію общества былъ данъ сильный, и онъ обнаружился во многихъ направленіяхъ. Такъ, напр., Евѣмію принадлежала, повидимому, реформа правописанія, которое было сильно испорчено неумѣлыми переписчиками старыхъ книгъ, смѣшивавшими буквы (напр., два юса) и забывшими ихъ старое произношеніе (напр., буквы ѣ¹). И въ возрѣніяхъ на царскую власть происходила перемѣна подъ вліяніемъ византійскихъ представленій о самодержавіи. Самъ Александръ смотритъ на себя, какъ на помазанника Божія и наследника первопрестольныхъ царей стола болгарскаго; на иллюстраціяхъ въ рукописяхъ ангелъ возлагаетъ корону на голову болгарскаго царя, литература сопоставляетъ и Александра, и Шпишмана съ Константиномъ Великимъ. Богъ «посади мя на престолъ Българскаго царства еже есть дѣдни и прѣдни царства ми», заявляетъ въ одной грамотѣ Александръ, который называетъ себя въ другой записи (1337) Богомъ избраннымъ и Богомъ вѣнчаннымъ царемъ. Такимъ образомъ, въ самые роковые дни терновскаго царства, когда мечъ уже висѣлъ надъ нимъ, носители власти чувствуютъ себя на са-

¹) По этому вопросу, кромѣ изслѣдованія Радченка, см. Сырк у. «Къ вопросу объ исправленіи книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, июнь) и «Изслѣдованія по русскому языку» т. I. В. Ягича (изд. Акад. Наукъ). Ср. также С. Цанковъ. «Патріархъ Евѣмій». 1906.

мой вершинѣ величія, мишурнаго блеска, за которымъ скрывалось все меньше реальнаго содержанія.

Между тѣмъ терновское царство быстрыми шагами шло къ своему паденію. 1) Смерть Іоанна Александра породила новыя междоусобія: страна была раздѣлена между двумя его сыновьями, Шишманомъ и Срацимомъ, и сыномъ Добротича, Иванкомъ; выставилъ свои притязанія на болгарскій престолъ и сынъ Анны (Неды), Шишманъ, утратившій престолъ векорѣ послѣ Вельбуждской битвы. Терновское царство, которымъ владѣлъ Іоаннъ Шишманъ III, было наиболѣе значительнымъ, и къ нему принадлежали крѣпости Никополь, Орѣхово, Систово, Дрестръ, а также города Софія, Разградъ и т. д. Срацимиръ получилъ видинское царство, которое обнимало теперешній Видинскій округъ, область рѣки Тимока и Неготинскую Крайну до дунайскихъ проходовъ около Орши. Наконецъ, на черноморскомъ побережьѣ, съ городами Варной и Карбоной, сидѣлъ сынъ Добротича. Это раздѣленіе Болгаріи на три самостоятельныхъ государствъ отмѣчено нѣмецкимъ путешественникомъ, современникомъ паденія болгарскаго царства, Іоанномъ Шильтбергеромъ, который въ 1396 году попалъ въ плѣнъ къ туркамъ и впоследствии описалъ свои приключенія. По его словамъ, «есть три Болгаріи: одна изъ нихъ лежитъ на пути изъ Венгріи къ желѣзнымъ воротамъ, ея столица Бдинъ; другая Болгарія лежитъ напротивъ Валахіи, ея столица Терново, а третья тамъ, гдѣ Дунай изливается въ море; столица ея Калиакра». Распаденіемъ Болгаріи не замедлили воспользоваться ея враги, венгры, византійцы и турки. Венгерскій король, Людовикъ Анжу, занялъ Видинъ и взялъ въ плѣнъ Срацимира, который былъ отвезенъ въ Хорватію. Самый городъ былъ переданъ въ управленіе седмиградскому воеводѣ, а въ странѣ предполагалось ввести католичество, для чего изъ Рима были присланы двѣ тысячи монаховъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ третья часть населенія, составлявшая около 200 тысячъ человекъ, приняла католичество, благодаря присутствію венгерскихъ гарнизоновъ, и, чтобы спасти отъ такой же участи внутреннюю Болгарію, Шишманъ рѣшилъ объявить войну Венгріи, «кравлю Латину», о которомъ до сихъ поръ разсказываютъ болгарскія народныя пѣсни. Уже въ это время онъ заключилъ союзъ съ турками, который впоследствии былъ подтвержденъ отдачей замужъ за турецкаго султана царской сестры. И объ этомъ событіи разсказываютъ народныя пѣсни, которыя во множествѣ группируются около послѣднихъ печальныхъ лѣтъ болгарскаго царства. Народная поэзія совершаетъ анахронизмъ, относя бракъ царя Мурада на

1) К. Начовъ. «Послѣдніе дни на Търновското царство». Библиотека на Славянска Бесѣда. Софія, 1908.

«бѣлой болгаркѣ» къ тому времени, когда Константинополь находился уже въ рукахъ турокъ, но въ ней есть и доля правды: идя замужъ за турка, болгарка требуетъ особыхъ привилегій для своей родины, и султанъ соглашается дать ей половину Цареграда. Но она требуетъ большаго, царства и визирства въ столицѣ, и тогда Мурадъ отвѣчаетъ надменной царевнѣ: «Пусть языкъ отсохнетъ у того, кто научилъ тебя, Мара, требовать отъ меня царства, царства и визирства. Царство у меня отчино, визирство—дѣдово. Лучше я голову сложу, чѣмъ отдамъ св. Софію!» Мы знаемъ, что жены султановъ, сербки и болгарки, умѣли иногда добиваться для своихъ странъ облегченій и уступокъ, и память объ этомъ, приравленная національнымъ высокоуміемъ, отразилась въ приведенной пѣснѣ.

Однако, и союзъ съ турками не помогъ Шишману выгнать венгровъ изъ Видина. Также неудачно и бесполезно кончилось другое его предпріятіе: именно, императоръ византійскій, Иоаннъ Палеологъ, отправился въ поиски помощи отъ турокъ за границу и, возвращаясь домой, остановился въ Видинѣ, откуда ему легче всего было проѣхать въ Константинополь. Но болгарскій царь отказалъ ему въ пропускѣ, и вотъ началась нелѣпая война между Болгаріей и Византіей, на сторонѣ которой сражались отборные итальянскіе и французскіе рыцари, собранные племянникомъ императора, графомъ Амادیемъ Савойскимъ. Рыцари взяли Созополь, Анхіалъ и Месемврію и принялись осаждать хорошо укрѣпленную Варну, а императоръ тѣмъ временемъ другимъ путемъ выѣхалъ изъ Видина. Въ результатѣ война окончилась для Болгаріи потерей городовъ. Зато ей удалось отвоевать у венгровъ Видинъ, благодаря тому, что недавній союзникъ этихъ послѣднихъ, больше всего мѣшавшій Шишману, валашскій воевода Владиславъ, перешелъ на его сторону. Но всѣ эти микроскопическія войны и экспедиціи, только губившія людей и средства, отходили на задній планъ передъ грозой тучей, поднимавшейся съ юга надъ Болгаріей. Турки распространяли свои владѣнія все шире: за пять лѣтъ, прошедшихъ со смерти гордаго царя Александра, Болгарія утратила чуть не всѣ свои города по берегу Чернаго моря, вся Фракія, вмѣстѣ съ Филиппополемъ, была въ рукахъ царя Мурада, а послѣ Марицкой битвы (26 сентября 1371 года) турки хлынули и въ Македонію, а болгарскіе государи и въ это время враждовали изъ-за городовъ, которые все равно должны были въ ближайшемъ будущемъ достаться туркамъ. Срацимиръ возсталъ противъ Шишмана, который еще такъ недавно вернулъ ему Видинъ, и отнялъ у своего брата Софію, которая въ 1378 году была опять отвоевана Шишманомъ. Вообще, у сына первой жены царя Александра наблюдается стремленіе отдѣлиться во всѣхъ отношеніяхъ отъ Тернова: такъ, онъ

подчиняетъ Видинъ константинопольскому патриарху, разрывая всякую связь съ терновской церковью. Не прекращаются и раздоры съ Византіей, гдѣ кишѣла, въ свою очередь, борьба между двумя претендентами на престолъ, императоромъ Іоанномъ Палеологомъ и его сыномъ, а видинское царство воевало съ валахами. Между тѣмъ, уже въ 1375 году царь Іоаннъ Шишманъ оъазывается турецкимъ вассаломъ, въ 1382 году послѣ двухлѣтней осады была взята Софія. Гибель сербскаго царства на Косовомъ полѣ (1389) и побѣдоносное шествіе турокъ все впередъ наполняли ужасомъ сердца славянъ, и этими чувствами до сихъ поръ пронизаны народныя пѣсни о турецкомъ завоеваніи. «Жена Мила будить Милу: пробудись, Мило, если ты спишь: протрезвись, если ты пьянъ. Я слышу, какъ поетъ соловей, поетъ соловей, выговариваетъ: турки міръ размѣряютъ, размѣряютъ, раздѣляютъ, старое рубятъ, молодое въ полонъ берутъ, дѣтей - мальчиковъ конями топчутъ». Еще раньше въ 1388 году наступила для болгаръ роковая минута. Большая полчища турокъ двинулись на столицу болгарскаго царства, Терново. Какъ сообщаютъ турецкіе источники, Іоаннъ Шишманъ былъ наказанъ турками за измѣну и за соглашеніе съ Лазаремъ сербскимъ. Турецкій отрядъ въ 30 тыс. человекъ, подъ начальствомъ великаго визиря, вышелъ изъ Адрианополя и двинулся на сѣверъ, къ Тернову. Балканскія горы, именно та часть ихъ, которая называется Старой Планиной, были пересѣчены около Айтоса, и затѣмъ одинъ отдѣлъ турецкаго войска напалъ на Провадію, а другой захватилъ Шумлу. Послѣ этого была осаждена и столица царства, которая въ скоромъ времени капитулировала. Шишманъ во-время скрылся и укрѣпился въ Никополѣ, такъ что главнокомандующій турецкой арміей, Али-паша, былъ вынужденъ обратиться за помощью къ султану Мураду. Приближеніе его съ большой арміей заставило болгарскаго царя просить мира, который былъ данъ ему на условіи уплаты дани за нѣсколько прежнихъ лѣтъ и сдачи крѣпости Дрестра. Но съ уходомъ султана Шишманъ возобновилъ борьбу и отказался сдаться, но не надолго: и Шумла, и Дрестръ были взяты, и царю пришлось у ногъ побѣдителя просить пощады. Султанъ помиловалъ его и даже оставилъ на тронѣ; впрочемъ, по другимъ турецкимъ источникамъ (Сыреу, 592, прим. 4) болгарскій царь былъ брошенъ въ Филиппополѣ въ темницу и тамъ казневъ. Однако, это извѣстіе можетъ относиться только къ болѣе позднему времени; Шильтбергеръ приписываетъ плѣненіе Шишмана (Шусманоса) уже султану Баязету и утверждаетъ, что болгарскій царь умеръ въ темницѣ (въ 1395 году); народныя преданія повѣствуютъ опять-таки иначе: по однимъ изъ нихъ, Шишманъ умеръ отъ разъ, полученныхъ въ битвѣ при Самоковѣ, по

другимъ, онъ былъ обезглавленъ турками и безъ головы добѣжалъ до мѣста, гдѣ погребенъ (около с. Доспей въ Балканскихъ горахъ).

Терново подверглось разграбленію. Въ похвальномъ словѣ патриарху Евѳимію Григорій Цамблакъ сообщаетъ не мало подробностей этого событія, о которомъ рассказываетъ и другой современникъ, видинскій митрополитъ Іоасафъ. Оба они утверждаютъ, что Терново нельзя было взять: такъ хорошо оно было укрѣплено своимъ положеніемъ, а также стѣнами. Какъ, наконецъ, былъ взятъ этотъ городъ, они не сообщаютъ; народное же преданіе приписываетъ его гибель предательству одного еврея, могилу котораго указываютъ до сихъ поръ. Турки жестоко расправились съ тѣми, въ комъ они могли видѣть своихъ заклятыхъ враговъ, прежде всего съ духовенствомъ. «Ереи изъ церквей изгоняются, церкви принимаютъ дѣлателей и учителей нечестія, кивотъ завѣта попадаетъ въ руки иноплемениковъ, Святая Святыхъ дѣлается достояніемъ ассиріянъ, вѣрнѣе сказать, она отдается псамъ», такъ сѣтуетъ Григорій Цамблакъ. Лучшія церкви были обращены въ мечети, многіе изъ жителей города приняли магометанство изъ страха, корысти или «въ душевной простотѣ», т.-е. по невѣжеству. Судя по тому, что въ Босніи особенно охотно переходили въ исламъ богилицы, можно думать, что и въ Болгаріи именно сектанты, которыхъ здѣсь было такъ много, мѣняли свою религію. Благодаря мужественной защитѣ патриарха Евѳимія, султанъ, повидимому, все-таки смягчилъ свои репрессіи; однако, участь жителей описывается Цамблакомъ въ очень мрачныхъ чертахъ. Удаляясь отъ Тернова, султанъ оставилъ своимъ намѣстникомъ «князя», какъ называетъ это должностное лицо болгарскій источникъ. Онъ продолжалъ расправу съ именитыми гражданами: такъ, собравъ больше ста чело-вѣкъ въ одной изъ церквей, приказалъ перерѣзать ихъ. По словамъ Цамблака, они умерли, «соблюдая вѣру», изъ чего можно заключить, что турки требовали отъ знатнѣйшихъ лицъ взятаго города перемѣны религіи. Собирались казнить и патриарха и уже привели на городскую стѣну, но произошло чудо: руки палача онѣмѣли, и мечъ выпалъ изъ нихъ. Такое чудо поразило и турецкаго воеводу и его сонмъ, и они отпустили Евѳимія на свободу, но, повидимому, какъ ни былъ пораженъ терновскій «князь», онъ не успокоился. Добившись разрѣшенія отъ султана, онъ выселилъ часть именитыхъ людей изъ Тернова на востокъ; Евѳимія опредѣлено было сослать на заточеніе въ Македонію, по свидѣтельству Г. Цамблака. Какъ показываетъ открытіе могилы Евѳимія, онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни во Фракіи, близъ Станимаки, и умеръ 4 апрѣля 1404 г. Какое тяжелое впечатлѣніе на современниковъ произвелъ этотъ разгромъ, видно изъ сѣтованій обоихъ современныхъ писателей. «И тогда многіе восклицали: лучше бы солнцу угаснуть,

чѣмъ замолкнуть Евѳиміеву языку!» жалуется видинскій митрополитъ. «То были дни непрерывнаго плача и стenanія», замѣчаетъ другой современникъ, Григорій Цамблакъ¹⁾. Окончательная гибель Тернова относится къ 1393 г. Но болгарскій царь еще жалъ. Во-время покинувъ Терново, онъ готовился къ борьбѣ въ другомъ мѣстѣ. Послѣдній бой произошелъ въ 1395 году, около Самокова, къ югу отъ Софіи. Румынская лѣтопись глухо говоритъ объ этомъ событіи такъ: «и плѣнилъ Баязеть Шишмана, болгарскаго государя, и убилъ его въ 6903 г. Тогда взяли турки всю болгарскую землю». Народныя же преданія болгарскаго народа подробно разработали мотивъ этого послѣдняго боя за независимость и запечатали цѣлый рядъ подробностей, вѣроятно, историческаго характера. При этомъ чуткая народная совѣсть приписываетъ самую гибель болгарскаго царства тому нравственному растлѣнію, въ которомъ находился народъ: болгары не почитали Бога, въ церковь не ходили, оскорбляли святыню; никто не хотѣлъ подчиниться другому, а всякій считалъ самъ себя царемъ. Болгарская пѣсня говоритъ: «Отъ какъ се е свѣтъ задалу, Деди Госпудъ Българину, да царува, да богува Той ни знаи да царува, да богува». За это Богъ и отнялъ у болгаръ ихъ царство (Сырку, 593—599). Но въ другихъ народныхъ пѣсняхъ наблюдается большой подъемъ нравственнаго чувства и національнаго самознанія при воспоминаніи о Самоковской битвѣ. Такъ, въ одной изъ нихъ сынъ обращается къ матери со слѣдующими словами: «Милая моя мама, какъ поднялась на небѣ заря, сейчасъ же нахлынуло войско, конь за конемъ, юнакъ за юнакомъ; сабли у нихъ горятъ, какъ ясное солнце, огонь свѣтитъ черезъ темный лѣсъ, воевода ихъ самъ царь Иванъ Шишманъ. Произносить самъ царь Иванъ Шишманъ: Боже сильный, Боже Создатель, дай намъ силы и юначества! Будемъ биться на Софійскомъ полѣ, будемъ кровь лить за Христово имя, прославимъ христіанскую вѣру!»

Видинское царство просуществовало немного дольше, хотя Срацимиръ былъ уже въ 1395 году турецкимъ вассаломъ. Погубили его

¹⁾ Недавно найдены останки патриарха Евѳимія въ Бачковскомъ монастырѣ; къ гробу была прикрѣплена металлическая пластинка съ надписью, которая читается такъ: «Св(ѣтл)ѣ мощи Евѳиміюу прѣбсенномуу арх(іеи)скопуу в(еликого) гр(ада) Трън(ова) и блъгар(м) патриар(х)», т.-е. «Святые мощи Евѳимія, пресвященнаго архіепископа великаго града Тернова и патриарха болгарскаго». 1404 г. 4-й апрѣль. Начовъ. Н. с. 62. Паденіе Софіи (по турецкимъ источникамъ) см. въ «Извѣстіяхъ на историческото дружество въ София», кн. 2, 1906 г. О погребеніи Евѳимія см., кромѣ названной литературы, статью проф. В. Н. Златарскаго «Дѣ и кога е билъ заточенъ и умрѣлъ българскіятъ патриархъ Евѳимий» (Лѣтопись на Българско книж. дружество, т. VI).

мадьяры. Венгерскій король Сигизмундъ задумалъ въ 1396 году снарядить походъ противъ турокъ и двинулъ на нихъ большое войско, состоявшее изъ рыцарей разныхъ католическихъ народовъ. Срацимиру пришлось выбирать между турками и присоединеніемъ къ этому походу, такъ какъ Сигизмундъ подступилъ къ Видину, какъ къ одному изъ враждебныхъ городовъ. Срацимиръ примкнулъ къ христіанамъ, и тогда рыцари двинулись по Дунаю, на берегахъ котораго произошло сраженіе. Рыцари были разбиты на голову, «бысть сѣраженіе веліе и крѣвопролітіе и паденіе множество властемъ и воемъ», какъ говоритъ болгарская лѣтопись. Вместе съ тѣмъ погибла независимость послѣдняго куска болгарской земли. Видинъ былъ присоединенъ къ Турціи, а Срацимира отвезли въ Бруссу, гдѣ онъ и умеръ.

На 480 лѣтъ прекращается самостоятельная политическая жизнь болгарскаго народа. Но его необыкновенная жизнеспособность сохранила его и возродила его государственный бытъ, хотя участь болгаръ была еще тяжелѣ судьбы сербскаго народа.

Г Л А В А VII.

Болгарія во время турецкаго владычества до конца XVIII вѣка ¹⁾.

Съ потерей своей политической самостоятельности болгарскій народъ вступилъ въ новую эру существованія, которая была далеко не бесполезной въ его внутреннемъ развитіи. Прежде всего наступила эпоха полного внѣшняго спокойствія; вмѣсто непрестанныхъ войнъ, не позволившихъ крестьянину рассчитывать на завтрашній день и надѣяться

¹⁾ Макушевъ. «Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вѣкахъ». Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, т. 163.— П. Сырку. «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго». 1901.— Д. А. Ихчиевъ. «Материали изъ турската архива при Народната библиотека въ София». Период. Списан. 1908 (нѣсколько документовъ XVII—XIX вв.).— Д. А. Ихчиевъ. «Документи за поземелна собственностъ» (нѣсколько документовъ XVII в., одинъ XVIII в.). Пер. Спис. 1907.—Д. А. Ихчиевъ. «Турски документи въ Рилския манастиръ». Пер. Спис. 1907.—Д. А. Ихчиевъ. «Исторически приносъ за «войниганитѣ» при турската войска отъ 1374 год дори до 1339 год». Период. Спис. 66 кн. 1905.—Ст. П. Джанъстзовъ. «Турски документи за нашата исторія». Сборн. за народ. умотв. 1894 (нѣсколько доку-

даже на сборъ хлѣба, который онъ посѣялъ весной; вмѣсто хищническихъ набѣговъ своихъ и чужихъ, вражескихъ войскъ, все опустошавшихъ и грабившихъ,—увѣренность въ могучей защитѣ султанской арміи, которой всѣ боялись. Теперь христіанъ уже не отрывали отъ поля и не забирали въ войско, такъ какъ это послѣднее состояло лишь изъ мусульманъ; теперь уже не было такого рѣзкаго дѣленія народа на вельможъ и чиновниковъ и безправные классы, какое выработалось подъ разлагающимъ вліяніемъ Византіи въ эпоху болгарской самостоятельности. Всѣ христіане, кромѣ нѣсколькихъ привилегированныхъ классовъ были, въ сущности, одинаково безправны, и это ихъ равенство въ несчастіи создало сознаніе національной солидарности, котораго раньше не было. Общество, построенное на аристократическихъ началахъ, подверглось быстрому и сильнѣйшему процессу демократизаціи, свернуло въ своемъ развитіи сразу на совершенно иной путь, болѣе здоровый и согласный съ существомъ народной жизни, еще мало культурной. Правда, помѣщичій классъ былъ или отуреченъ, или замѣненъ мусульманами; правда, турецкое чиновничество не слишкомъ-то считалось съ интересами населенія, но отъ отуреченія дворянства крестьянство не пострадало, такъ какъ крестьянская масса была и раньше чужда помѣщичьему классу; что же касается чиновничества, то лишь съ упадкомъ Турціи въ концѣ XVI вѣка оно могло приблизиться въ своихъ отрицательныхъ чертахъ къ той хищнической толпѣ болгарскихъ чиновниковъ XIV столѣтія, о которой даетъ яркое представленіе грамота Іоанна Шишмана рыльскому монастырю: «никто отъ таковыхъ да не смѣетъ насиліемъ влѣзти въ села и въ люди того монастыря, царства ми святого отца, насиліемъ хлѣба взяти ни курета убити, ни ногою бохма стати на дворѣ ихъ, но вси да отгоними бывають» (правописаніе оригинала не сохранено), т.-е. царь запрещалъ своимъ чиновникамъ насильно вторгаться во владѣнія монастыря, становиться здѣсь на постой, отбирать у крестьянъ хлѣбъ и куръ и разрѣшалъ гонять этихъ чиновниковъ прочь отъ монастырскихъ селъ. Въ отношеніи своихъ правъ народныя массы мало потеряли отъ завоеванія Болгаріи

ментовъ конца XVII и начала XVIII в.).—Ст. П. Джанъсзовъ. «Нѣколко документи дадени отъ турскитѣ султани на Рилския манастиръ». Сборн. за народ. умовъ. 1891.—Л. Милетичъ. «Поземелната собственностъ и войнишкитѣ башини въ турско врѣме». Период. Спис. 1905.—Другая литература приведена выше и въ «Исторія болгарскаго права» С. С. Бобчева, стр. 201—203.—Д. А. Ихчиевъ. «Материяли за исторіята ни подъ турското робство». Извѣстия на историческото дружество въ София. Кн. 1. 1905 г. Кн. 2. 1906 г.—Ср. М. Вукичевичъ. «Српски народ, црква и свещенство у турском царству од 1459—1557 године». 1896 и Гов. Томичъ. «Данак у крви, приложак проучавану историје српског народа у XVI веку». 1898.

турками, а въ первые вѣка турецкаго ига даже выиграли отъ этого; въ смыслѣ углубленія народнаго сознанія, объединенія національныхъ интересовъ, внутренняго созрѣванія народныхъ силъ онѣ несомнѣнно выиграли за это время вынужденной политической бездѣятельности; наконецъ, турецкое владычество дало возможность болгарамъ оправиться матеріально, приобрести большой практической опытъ, и уже съ начала XIX вѣка у нихъ появляется богатая интеллигенція. Передъ паденіемъ своимъ Болгарія раздѣлялась на три самостоятельныя и взаимно-враждующія части, послѣ восстановленія независимости такое дѣленіе стало прямо немыслимымъ: болгарскій народъ, разъединенный по Берлинскому трактату, уже черезъ семь лѣтъ послѣ него достигъ объединенія съ той частью, которая населяетъ Восточную Румелию, а теперь съ такой-же инстинктивной страстью онъ стремится къ объединенію съ болгарами Адрианопольскаго вилайета и Македоніи. Такимъ образомъ, взвѣсившая результаты трехвѣкового рабства, приходится сказать, что за это время Болгарія достигла въ своемъ внутреннемъ развитіи чрезвычайно важныхъ послѣдствій, которыхъ, можетъ-быть, она не достигла бы при сохраненіи своей эфемерной и призрачной независимости и при полномъ подчиненіи Византіи.

Еще до сихъ поръ въ Европѣ есть не мало горячихъ защитниковъ турокъ, и они охотно повторяютъ слова французскаго писателя, Пьера Лоти (въ романѣ «Les Désenchantées»): «Пусть Аллахъ и халифъ сохраняютъ и еще долго обособляютъ турецкій народъ, религиозный и мечтательный, дояльный и добрый, одинъ изъ самыхъ благородныхъ на землѣ, народъ, способный къ проявленіямъ страшной эвергіи и возвышенному героизму на полѣ битвы, если дѣло идетъ о родной землѣ, или если задѣты Исламъ и вѣра»¹⁾. Названіе рыцарей Востока крѣпко утвердилось за турками, и писатели XV—XVII вѣковъ нерѣдко восхищаются ихъ нравственной доблестью. Вотъ что пишетъ въ XVII вѣкѣ дубровчанинъ Степанъ Градичъ князю Фюрстенбергу: «У историковъ, описывающихъ дѣянія турокъ во времена нашихъ дѣдовъ, съ похвалою и удивленіемъ весьма часто упоминается о дисциплинѣ этого народа, о привязанности его къ государямъ, о готовности его умереть за отечество, о настойчивости въ трудахъ, о неустрашимости въ опасностяхъ, о простотѣ жизни и нравовъ, о воинственности и самолюбіи. Турки съ излишкомъ обладаютъ всѣми качествами, которыми достигаются власть и слава. Къ тому же у нихъ самое совершенное правленіе — единодержавное. Изъ всѣхъ султановъ, отъ родоначальника Оттомановъ до Соли-

¹⁾ Ср., напр., Paul Imbert. «La rénovation de l'Empire Ottoman». 1909 или J. Denais. «La Turquie nouvelle et l'ancien régime». 1909 и др.

мана, не было ни одного, котораго нельзя было бы по справедливости сравнить со славными Александромъ, Пирромъ, Сципіономъ и другими героями древности». Такъ писалъ гуманистъ, близкій къ Ватикану и папѣ, человекъ, для котораго имена героевъ древности вовсе не были пустыми звуками, но тутъ же онъ прибавлялъ: «Но вышѣ мѣсто прежней справедливости къ покореннымъ народамъ и воздержанія у турокъ заступили алчность и гордость». Другой дубровницкій писатель конца ХVІ вѣка, Павелъ Джорджичъ, замѣтилъ, что состояніе болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ было самое счастливое. Но, конечно, въ этихъ словахъ было много преувеличенія: именно отъ конца ХVІ вѣка до насъ дошли такія живыя свидѣтельства турецкихъ насилій надъ христианами, какое представляетъ изданное Сырку житіе св. Николая Нового Софійскаго. Но гдѣ въ это время не совершались насилія надъ иновѣрцами и инородцами? Во всякомъ случаѣ, чрезвычайно знаменательно, что въ современныхъ свободныхъ Сербіи и Болгаріи христіанское населеніе не питаетъ никакой вражды къ туркамъ; напротивъ, въ Плевнѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ еще такъ жива память русско-турецкой войны, сохранившіеся турки представляютъ очень мирное, лояльное и трудолюбивое населеніе. То же самое въ Восточной Румелии, которая лежитъ такъ близко отъ владѣній Турецкой имперіи, отъ Адрианополя и Константинополя. «Оттоманскій народъ справедливъ и лояленъ. Онъ искренно сходится со своими согражданами, которые исповѣдуютъ другую религію, и на которыхъ онъ никогда не смотрѣлъ враждебно, по собственному побужденію»: такъ опредѣлялъ турокъ салоникскій младотурецкій комитетъ въ письмѣ 20 сент. 1908 г., посланномъ одному изъ государственныхъ людей Италіи. Дѣйствительно, коранъ требуетъ отъ правовѣрныхъ религіозной терпимости ¹⁾, и въ немъ немало изреченій, въ которыхъ чувствуется уваженіе основателя ислама къ Иисусу Христу. «Союзъ, который мы заключили съ пророками, съ Ноемъ, Авраамомъ, Моисеемъ и Иисусомъ, сыномъ Маріи, долженъ быть ненарушимымъ» (гл. 33). «Скажи, мы вѣримъ въ священныя книги, которыя Моисей, Иисусъ и пророки получили съ Неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы; мы мусульмане» (гл. 3). По ученію Магомета, Иисусъ былъ посланъ Богомъ къ сынамъ Израіля (гл. 3); дѣва Марія—«избранница изъ всѣхъ женщинъ», она сохранила непорочность. «Она и ея сынъ были удивленіемъ вселенной» (гл. 21). Подобныхъ мѣстъ въ коранѣ указывается не мало, и въ исторіи первыхъ вѣковъ владычества турокъ на Балканскомъ полуостровѣ встрѣчаются такіе примѣры терпимости и уваженія къ христіанству, какіе

¹⁾ Объ этомъ см. подробно у Ahmed Riza. «La Crise d'Orient, ses causes et ses remèdes». 1907.

въ Европѣ эпохи религиозныхъ войнъ не могли бы встрѣтить подражанія. Магометъ II, который принималъ высококомѣрно иностранныхъ пословъ, всталъ навстрѣчу константинопольскому патріарху, пошелъ къ нему и посадилъ его рядомъ съ собою; въ своемъ письмѣ папѣ Николаю II онъ писалъ: «Когда моя задача миротворца будетъ осуществлена, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что, просвѣщенный тобой и твоими священниками, чудесами и жизнью Іисуса, я приму твою религію; астрологи предсказали мнѣ это; что же касается меня, то я предоставляю небу вдохновить меня». Это писалъ не мелкій князекъ, который, извиваясь въ дипломатическихъ сѣтяхъ, надѣялся хитрымъ маневромъ приобрести благосклонность Рима, а государь, передъ которымъ трепетала вся Европа. Тѣмъ не менѣе, христіанство было религіей побѣжденныхъ. Не мѣшая ее исповѣдывать покореннымъ рабамъ, гордые османы все-таки чувствовали и къ ней, и къ ея послѣдователямъ нѣкоторое презрѣніе. Это пренебреженіе спасло христіанъ отъ отуреченія: завоевывая страну, турки не помышляли о томъ, чтобы превратить ея населеніе въ турокъ. Задачи ассимиляціи, такъ усложняющія современную завоевательную политику, не входили въ ихъ расчеты. Сербы, болгары, греки могли спокойно оставаться тѣмъ, чѣмъ они были, могли учиться на своемъ языкѣ и сохраняли въ церковномъ отношеніи самобытность и самоуправленіе; напротивъ, турки старались не сближаться съ ними, селились въ городахъ, избѣгая деревень, не допускали въ обычное время христіанъ въ свои войска и т. д.

Таковы были положительныя стороны турецкаго владычества. Но все это существовало до тѣхъ поръ, пока туркамъ, повелителямъ невѣрныхъ, было угодно держаться по отношенію къ райѣ (стаду, такъ называли невѣрныхъ) милостиво и справедливо. Въ сущности, она была внѣ закона, а такъ какъ передъ турецкимъ могуществомъ въ XV и XVI вѣкахъ все склонялось, то и принудить турокъ къ болѣе гуманному отношенію никто не могъ. Напротивъ, чѣмъ враждебнѣе становилась Европа къ Оттоманской имперіи, тѣмъ болѣе портились отношенія между христіанами и турками, которые не могли смотрѣть на своихъ христіанскихъ подданныхъ иначе, какъ на внутреннихъ враговъ, радующихся всякой неудачѣ оттоманскаго оружія и мечтающихъ о гибели Блистательной Порты, о своемъ освобожденіи отъ ея владычества. За султанами, великими воинами и дипломатами послѣдовали люди низкихъ душевныхъ свойствъ (напр., Амуратъ III во второй половинѣ XVI вѣка), которые не заботились о поддержаніи правосудія въ государствѣ. Султаны все болѣе попадали въ руки янычаръ, подкупы стали обычнымъ способомъ приобретенія должностей, и ненависть къ турецкому игу все росла въ христіанскомъ населеніи, которое было лишено теперь самой необ-

ходимой защиты. Положеніе сербскихъ земель было легче, потому что онѣ были дальше отъ Константинополя, а, кромѣ того, въ силу разныхъ условій, сербскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ турецкой канцеляріи, а сербскіе вельможи играли большую роль при дворѣ султановъ. Между тѣмъ, и о Сербіи путешественники XV и XVI вѣка рассказываютъ самыя безотрадныя вещи: деревни здѣсь запустѣли, сербы крестьяне живутъ въ лачугахъ, покрытыхъ хворостомъ и соломой, турки ихъ всячески мучатъ и заставляютъ безъ отдыха работать на себя. Незвѣстный писатель половины XV столѣтія, который самъ побывалъ въ рабствѣ у турокъ, сообщаетъ въ своемъ *Libellus de ritu et moribus Turcorum* (1530) слѣдующее: «Земли нѣкоторыхъ племенъ на сѣверѣ своего великаго царства турокъ завоевалъ уже давно, а нѣкоторыя недавно. Эти послѣднія называются Боснія, *Arnaniaz* (Герцеговина?), Славонія и Албанія, а племена, населяющія эти земли, находятся подъ властью турокъ. Вслѣдствіе ежегодныхъ тяжелыхъ податей и налоговъ и многихъ неудобствъ, которые они терпятъ, они пришли въ такую бѣдность, что едва могутъ питать себя». Другой путешественникъ, Курпешичъ, объѣздившій Боснію въ половинѣ XVI вѣка, повѣствуетъ слѣдующее: «Разъѣзжая по землѣ то туда, то сюда, турки отнимаютъ у христіанъ все, что они имѣютъ, а ничего имъ не платятъ за то, что берутъ; они отнимаютъ у нихъ все, рвутъ просто изо рта, какъ дикіе волки, псы и львы. Отъ этого несчастные люди уходятъ въ горы со всемъ своимъ имѣніемъ, и тамъ обрабатываютъ землю». Еще тяжелѣе было положеніе Болгаріи, о которомъ въ 1595 году дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ представилъ записку трансильванскому князю Сигизмунду Баторію. Въ его описаніи болгары не представляются жалкими, запуганными рабами. Нѣтъ, «они горды и благородны, не сносятъ обидъ, за которыя метятъ смертью; они враги турокъ, - вовсе не друзья грековъ и находятся въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ дубровчанами какъ по причинѣ единства языка, такъ и потому еще, что отъ торговли съ ними получаютъ большія выгоды». На экономическое благосостояніе населенія указывается и въ другомъ мѣстѣ записки: «Прикажите, чтобы ваши военачальники и ваше войско обращались съ болгарами ласково и никоимъ образомъ ихъ не притѣсняли, безъ чего можно весьма легко обойтись, такъ какъ войско будетъ имѣть не на годъ, а на многіе годы въ изобиліи пшеницу, ячмень и скотъ». Однако, юридическое состояніе болгаръ было невыносимо. «Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, повѣствуетъ Джорджичъ, я въ первый разъ прибылъ изъ Италіи въ Турцію, гдѣ прожилъ четыре года, которые я провелъ въ безпрестанныхъ путешествіяхъ по всей турецкой землѣ. Тогда я имѣлъ случай познакомиться отчасти съ Болгаріей, съ состояніемъ христіанъ и съ правами турокъ. Состояніе христіанъ было

весьма счастливо: они пользовались свободой и были богаты; турки, бывшие тогда отличнаго права, не притѣсняли христіанъ и не позволяли, чтобы кто-либо ихъ притѣснялъ; судъ былъ справедливъ. Въ 1590 году я нашелъ христіанъ въ совершенно другомъ состояніи; они были удрученны страшною бѣдностью вслѣдствіе тяжслыхъ податей, вновь на нихъ наложенныхъ, и вслѣдствіе притѣсненій со стороны янычаръ, которыми переполнились всѣ селенія Болгаріи, гдѣ ихъ прежде было мало: такъ, я помню, что въ Правато (Провадіа), гдѣ мнѣ случилось жить, было только 4 янычара, а теперь тамъ ихъ 80, такъ они умножились и въ другихъ мѣстахъ. Янычары отягощаютъ христіанъ процентами въ сто на сто за три мѣсяца; янычарамъ должны служить христіане; мало того, янычаръ отнимаетъ лучшія земли у своего брата, чего прежде не было, ибо прежде они не жили такъ роскошно, не имѣли жезвъ и дѣтей (до половины XVI вѣка янычары не имѣли права жениться), не были столь корыстолюбивы, а теперь было бы вѣрнѣе называть ихъ купцами, чѣмъ войнами. Къ этому присоединились съ начала нынѣшней войны (имѣется въ виду походъ Ст. Баторія въ Молдавію) новыя бѣдствія: янычары и спахи (помѣщики), отправляясь въ походъ, грабятъ христіанъ и насилуютъ дѣтей на глазахъ родителей, чего въ прежнія войны никогда не случалось, и турки, совершающіе такіа злодѣйства, остаются ненаказанными, а судьи не смѣютъ провознести своего приговора. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, какъ искренно расположены болгары къ христіанамъ и какъ ненавидятъ они турокъ. Очевидно, турки имѣютъ въ своемъ домѣ врага... Кромѣ того, турки утратили старую свою доблесть, стали неисправимы, безпорядочны, и всѣ вообще, а въ особенности спахи и янычары, корыстолюбивы». Въ этомъ сообщеніи, надо сказать, вѣскольکو преувеличивается благополучіе болгаръ «пятнадцать лѣтъ тому назадъ»: именно, къ 50-мъ годамъ XVI столѣтія относится картина суда надъ Николаемъ Новымъ (1555 г.), которая въ очень невыгодномъ свѣтѣ рисуетъ турецкое правосудіе. Житіе этого мученика, составленное виднымъ сръдечскимъ (софійскимъ) гражданиномъ во второй половинѣ XVI вѣка и изданное П. А. Сырку, представляетъ, при всей условности его содержанія (исторіи мученичества), драгоцѣнный матеріалъ для изученія взаимоотношеній между турками и болгарамъ въ то время, когда турки начинали относиться уже все болѣе непріязненно къ христіанскимъ подданнымъ имперіи. Мотивъ мученичества—насилъственное обращеніе одного изъ софійскихъ христіанъ, Николая, въ мусульманство и его отказъ присоединиться къ этой религіи и отречься отъ православія, за что онъ былъ судимъ и казненъ, побить каменьями. На фонѣ этой картины развертываются любопытныя бытовыя подробности, и даются указанія на различныя

стороны политической и экономической жизни Софіи въ его время. Такъ, житіе рассказываетъ о переселеніи св. Николая въ Валахію, сообщая при этомъ такія подробности его пребыванія за Дунаемъ, которыя обнаруживаютъ существованіе постоянныхъ сношеній между болгарами и задунайскими странами. Другое произведеніе этой эпохи, житіе Георгія Новаго Софійскаго (самый конецъ XV вѣка), святого, котораго турки хотѣли также обратить въ исламъ и повѣсили за отказъ,—это житіе также знаетъ о сношеніяхъ болгаръ съ румынами. Именно, объ этомъ времени болгарскій историкъ XVIII вѣка, іеросхимонахъ Спиридонъ («Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ Славенскомъ», изд. проф. В. Н. Златарскаго въ 1900 г.), сообщаетъ, какъ о второмъ разореніи Болгаріи. Это несчастіе онъ приписываетъ пропскамъ патріарха Константинопольскаго: «аще хоцеша имѣти царство твое покойно, истреби отъ нихъ (отъ сербовъ и болгаръ, которые еще сохранили свою аристократію) власть и начальство, и всякаго благороднаго и епископовъ да не будетъ отъ языка того». Тогда султанъ пошелъ въ Терново и заявилъ: «всякъ, кто благороднѣй, аще изволитъ примати турецкую вѣру, да будетъ въ первый чинъ свой; аще ли не изволитъ, да возмется отъ него вся богатства и власть, и отечину, и да будетъ яко единъ отъ простихъ людей». Тогда началось страшное преслѣдованіе православной церкви, сожженіе мощей, разореніе храмовъ и т. д. Тогда пострадалъ и Георгій Новый, «и тако вся Болгарія пострада». Николай, искусный сапожникъ, какъ оказывается, отправился за Дунай, не ради какихъ-нибудь вышнихъ цѣлей, а просто ради заработка, и именно это указаніе особенно цѣнно: значитъ, такого рода сношенія были дѣломъ обычнымъ, будничнымъ; для развитія идеи взаимности всѣхъ турецкихъ христіанъ они несомнѣнно имѣли большое значеніе. Съ паденіемъ болгарской независимости, говоритъ А. И. Яцимирскій, «вмѣсто политическихъ связей выступаетъ на сцену интеллектуальная преемственность и вся румынская культура на славянскомъ языкѣ, процвѣтавшая въ богатыхъ придунайскихъ господарствахъ на пространствѣ трехъ вѣковъ, отъ XV до XVII включительно, является въ сущности продолженіемъ и развитіемъ той болгарской культуры, которая достигла высшаго расцвѣта въ царствованіе Іоанна Александра»¹⁾.

Софія (или Срѣдецъ) представлялъ въ то время одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ Турціи и важный религіозный центръ Болгаріи; здѣсь покоились мощи святыхъ Терапонта, Іоанна Рыльскаго, Георгія Новаго

¹⁾ См. статью проф. Богдана: «*Rominii si bulgarii*» 1896 и рефератъ о ней проф. Яцимирскаго: «Къ исторіи румыно-болгарской взаимности». Извѣстія С.-Петербург. Славян. благотвор. общества, 1903, декабрь.

и сербскаго краля Милутина. Отношенія съ турками, которые занимали въ городѣ различныя административныя должности, становились все болѣе тяжелыми: правда, въ кофейняхъ (кафинэ), играющихъ на всемъ мусульманскомъ Востокѣ роль клубовъ, вмѣстѣ съ турками угощались и почетнѣйшіе изъ христіанскихъ жителей города, однако, пріязни между ними не было. Турецкихъ чиновниковъ житіе описываетъ мрачными красками: судья—старикъ, преданный разврату и лихоимству, освобождающій за деньги уголовныхъ преступниковъ и томящій невинныхъ неимущихъ христіанъ; начальникъ тюрьмы, соединенной, кстати сказать, тайнымъ ходомъ съ домомъ вліятельнаго христіанина, оказываетъ за взятки покровительство заключеннымъ и даетъ съ ними свиданія; самое заключеніе въ тюрьмѣ связано со всякими мучаками, судъ обставленъ пытками и т. д. По заключенію Сырку, «вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ у Николая турокъ, всюду они дѣйствуютъ толпами и даже массами (многочисленнымъ турецкое населеніе Софіи не могло быть, если даже, кромѣ чиновниковъ, здѣсь жили и немногіе турецкіе ремесленники; впрочемъ, здѣсь должно было стоять войско) и дѣйствуютъ смѣло, дерзко, всегда съ большими требованіями и претензіями. Между тѣмъ, христіане какъ бы совершенно были подавлены; они въ дѣлѣ Николая безусловно были устранены, не будучи даже подпускаемы къ нему. Если со страдальцемъ и видѣлись нѣкоторые изъ христіанъ, то это дѣлалось скрытно и то только въ удобныя минуты, и притомъ, несомнѣнно, за большую плату; иначе христіане могли видѣться съ нимъ только издали, по условленнымъ заранѣе знакамъ и мѣстамъ, но и при такихъ условіяхъ христіане старались видѣть Николая или обмѣняться съ нимъ взглядами, хотя это сопровождалось страхомъ и боязнью. Только одинъ софійскій христіанинъ имѣлъ смѣлость подойти къ Николаю, когда послѣдняго вели на казнь. Самая казнь указываетъ на страшное озлобленіе турокъ: камнями они размозжили ему голову такъ, что верхняя часть черепа осталась въ фескѣ и отлетѣла далеко въ сторону, тѣло мученика было растерзано на части, пальцы отрѣзаны, и, наконецъ, остатки были сожжены, при чемъ и тутъ не обшлось безъ глумленія надъ трупомъ. Такихъ мучениковъ за вѣру въ Софіи эпохи турецкаго владычества было не мало»¹⁾. Нѣкоторые изъ обнаруженныхъ документовъ рисуютъ отношеніе турокъ къ людямъ, принимавшимъ Исламъ: такъ, въ 1615 году получаетъ свободу рабыня-венгерка, принявшая магометанство (Ихчиевъ, I, 73). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, грамоты, жалованныя

¹⁾ Ср. «Христіанскіе мученики, пострадавшіе на Востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками», въ переводѣ свящ. П. Соловьева, СПб., 1862, и другую литературу, указанную Сырку на стр. 328—329 «Житія св. Николая».

Рильскому монастырю (1514, 1516 г. и др.), гарантируют безопасность монахамъ и монастырскому имуществу.

Самый фактъ подобнаго отношенія къ христіанамъ, какъ описываютъ житія, могъ создаться только на почвѣ полнаго безправія ихъ. Дѣйствительно, писатели, оставившіе описанія турецкаго владычества въ христіанскихъ странахъ Балканскаго полуострова, рисуютъ самыя ужасныя картины рабства, продажи рабовъ на городскихъ площадяхъ и т. д. Ряды рабовъ пополнялись постоянно: «и просто забирали людей въ рабство, и продавали за долги», недоимки государству. Человѣкъ, самъ побывавшій въ Турціи въ такомъ положеніи и описавшій его около 1460 года, рассказываетъ слѣдующее: «Есть спеціальныя торговцы во всемъ царствѣ, которые продаютъ и покупаютъ людей, которые, подобно другимъ купцамъ, имѣютъ отъ султана разрѣшеніе покупать у кого угодно рабовъ, продавать ихъ, гонять съ мѣста на мѣсто и поступать съ ними, какъ имъ будетъ угодно сообразно съ султанскимъ разрѣшеніемъ. Эти торговцы занимаются своимъ дѣломъ не только въ городахъ Турецкой имперіи, но отправляются вмѣстѣ съ войскомъ на поле битвы, забирая съ собою цѣпи и веревки, чтобы закупать плѣнныхъ прямо изъ рукъ забирающихъ ихъ. Вѣдь они (солдаты и разбойники) набираютъ столько плѣнныхъ, что имъ негдѣ ихъ держать и хранить, такъ что они бываютъ готовы продать ихъ тутъ же на мѣстѣ за любую цѣну, которая колеблется въ зависимости отъ числа рабовъ. Иногда этихъ послѣднихъ идетъ на продажу столько, что человѣка, какъ говорили, отдавали за одну шапку. Купленныхъ рабовъ торговцы связываютъ по 10—20 человѣкъ на одну цѣпь и такъ ихъ гонять на базаръ». Другой писатель прибавляетъ, что цѣлую толпу христіанскихъ рабовъ въ 500—600 человѣкъ, привязанныхъ за шею къ цѣпи, гонятъ со связанными руками всего какихъ-нибудь восемь или десять турокъ. Все это дѣлалось на глазахъ у всѣхъ, и сами христіане, черезъ села которыхъ прогоняли этихъ несчастныхъ, не рѣшались сдѣлать попытки освободить ихъ, такъ какъ за это можно было легко заплатить жизнью. Такъ, Куринешичъ записываетъ въ 1530 году слѣдующее: «Сегодня утромъ, въ среду 14 сентября, когда мы вступили въ городъ Врхбосну, мимо насъ прогнали, какъ гонять скотъ, человѣкъ 15—16 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ не могли продать на базарѣ. Да смилуется надъ ними Богъ!». Подобныхъ картинъ рабства сохранилось не мало. На базарѣ рабы должны были стоять нагими, чтобы ихъ легче было осматривать. Ихъ заставляли бѣгать, прыгать, показывать свою силу и жестоко били за непослушаніе; семьи продавали въ розницу: мать безъ грудного младенца, жену отрывали отъ мужа. Въ народной поэзіи болгаръ и сербовъ остались яркія

и ужасныя воспоминаія объ этихъ турецкихъ насиліяхъ. Впрочемъ, и въ Западной Европѣ было немногимъ лучше: и тамъ людей безъ суда держали въ тюрьмахъ, пытали изъ-за пустого подозрѣнія, казнили утонченными казнями. И въ эпоху независимости Болгаріи положеніе народныхъ массъ было невыносимо и вызывало попытки возстанія, какъ движенія Ивайлы и Лже-Ивайлы. Но одинъ видъ мученія прибавился въ турецкую эпоху, и онъ представлялъ для турецкаго христіанства страшное бѣдствіе. Это была подать мальчиками, десятина съ мужского поколѣнія, набиравшаяся черезъ каждыя пять лѣтъ. Такъ дѣлалось первоначально, потомъ и здѣсь наступилъ произволъ. Харачаръ, лицо, на которое возлагалась обязанность произвести наборъ среди мальчиковъ, дѣлалъ себѣ изъ этого выгодный промыселъ: у одного отца онъ бралъ единственнаго сына, у другого оставлялъ нетронутымъ полный домъ сыновей. Мальчиковъ (начиная съ 7-лѣтняго возраста) собирали, осматривали, изъ нихъ выбирали здоровыхъ и способныхъ; этихъ избранниковъ подвергали обрѣзанію, отвозили въ сераи и здѣсь въ строгой дисциплинѣ воспитывали изъ нихъ янычаръ, главную военную опору султановъ въ первые вѣка турецкаго могущества. Изъ янычаръ вышло не мало выдающихся государственныхъ дѣятелей Оттоманской имперіи; славянская рѣчь была широко распространена въ турецкомъ войскѣ, и, благодаря постоянному приливу свѣжихъ славянскихъ соковъ, имперія поддерживала свои силы. Съ того времени, когда въ половинѣ XVІІ вѣка прекратилась эта «дань кровью» (данак у крови, какъ называли ее сербы), Турція стала быстро падать. Но янычары къ тому времени сдѣлались ужь очень опаснымъ элементомъ для спокойствія государства; они хорошо знали свое ремесло и въ военное время были незамѣнны. Султанъ Магометъ II говорилъ, что ему было бы достаточно двухъ губерній (санджаковъ) для завоеванія Рима; христіанскіе писатели восхищаются ихъ отвагой и дисциплиной. «Турокъ, когда идетъ на войну, оставляетъ свои пороки дома, а христіанинъ все беретъ съ собой: въ турецкомъ лагерѣ нѣтъ никакихъ наслажденій, тамъ—только оружіе и необходимый провіантъ, а въ христіанскомъ войскѣ чревоугодіе и сладострастіе; въ немъ больше нецотребныхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ; венгерець разбойничаетъ, испанецъ крадетъ, нѣмецъ пьянствуетъ, итальянецъ предается сладострастію, французъ поетъ или болтаетъ, англичанинъ обжирается, а шотландецъ пожираетъ, бездѣйствуетъ полякъ, буйствуетъ чехъ, такъ что съ трудомъ можно найти настоящаго воина»,—такъ сѣтуетъ неизвѣстный христіанскій авторъ трактата: «Bssortatione efficacissima alli Princip. Christiani contra li Infideli» (XVІ в.).

Но янычары были незамѣнны во время войны, въ мирную пору они дѣлались настоящимъ бичемъ для султановъ и держали престолъ

постоянно въ опасности дворцовыхъ переворотовъ, пока, наконецъ, самый институтъ янычаровъ не былъ отмѣненъ. Но память объ ужасной „кровоавой дани» до сихъ поръ хранится болгарами и сербами. Это была самая тяжелая повинность турецкихъ христіанъ, но далеко не единственная. По словамъ Курпешича, «когда турки завоевывали какую-нибудь христіанскую землю, они начинали съ того, что изъ каждого мѣста брали ежегодно по три, четыре или пять мальчиковъ, и изъ нихъ отбирали самыхъ лучшихъ и здоровыхъ, такъ что, бывало, у одного отца или матери брали и единственное дитя, а у иныхъ, у кого было четверо или пятеро сыновей, ни одного, если они не были пригодны. Затѣмъ они брали каждый годъ съ человѣка, независимо отъ его возраста, особый налогъ въ 30 или 40 аспръ (3 аспра равнялись приблизительно 5 нашимъ копѣйкамъ). Затѣмъ, за всякую голову скота, за всякую пиву, виноградникъ, дугъ, за всякія двери въ домѣ взималось по нѣсколько аспръ, такъ что иногда налоги превосходили всякую мѣру». Подушная подать, о которой говоритъ Курпешичъ, платилась лишь съ 14-лѣтняго возраста, она называлась харачъ; писатели XVI и XVII вѣка рассказываютъ о той безпощадности, съ которой взыскивался харачъ. Барскій архіепископъ, объѣздившій около 1619 года Македонію, Болгарію, Сербію и Герцеговину, описывалъ угнетенное и бѣдственное состояніе христіанъ, которые были такъ отягощены всякими налогами, поборами и военными постоями, что плодоносѣйшія земли едва могли прокормить населеніе. Впрочемъ, говорилось все это съ опредѣленной цѣлью—побудить Европу вступить за христіанъ. Врядъ ли въ дѣйствительности положеніе христіанъ было такъ безконечно бѣдственно, какъ это рисуютъ съ той или иной цѣлью европейскіе путешественники XVI—XVII вѣковъ.

Кромѣ налоговъ государственныхъ, христіане-земледѣльцы платили подати помѣщикамъ, спахіямъ, по большей части десятину отъ продуктовъ сельскаго хозяйства, и должны были работать на нихъ; такая барщина называлась кулукомъ. Земельное устройство было создано по феодальному принципу: востоянное войско состояло изъ 80,000 всадниковъ, спахій, которые за воинскую повинность получали въ кормленіе земли, помѣстья, большихъ (сіаметъ), съ доходомъ отъ 20 до 100 тыс. аспръ, или меньшихъ (тимаръ), съ доходомъ до 20 тыс. аспръ, размѣровъ; въ зависимости отъ ежегоднаго дохода помѣстье выставляло то или другое число спахій: съ дохода въ 3000 аспръ одного всадника, затѣмъ на всякіе 5000 аспръ прибавлялся одинъ конный воинъ. Въ половинѣ XVI в. спарійская конница доходила до 200 тыс. человѣкъ. Мало-по-малу изъ такихъ спахилуковъ развились наследственные вотчины, чифлики, которые подъ конецъ турецкаго владычества въ Болгаріи

стремились вытѣснить помѣстья и которые принадлежали теперь уже не однимъ туркамъ, но и христіанамъ. Въ XVІІ вѣкѣ въ Софійскомъ санджакѣ насчитывалось 337 сіаметовъ и 174 тимара, а всего въ Румелии, въ составъ которой вошли земли прежняго болгарскаго царства, было 1075 сіаметовъ и 8193 тимара.

Европейскіе путешественники, ѣздившіе по христіанскимъ землямъ Турціи, не склонны были видѣть въ ихъ населеніи какую-нибудь дифференціацію, имъ все казались одинаково безправными, замученными и беспомощными. Однако, при ближайшемъ изученіи вопроса дѣло оказывается не совсемъ такъ. Д. А. Ихчievъ, Л. Милетичъ, І. Ивановъ и др., писавшіе по турецкимъ матеріаламъ изслѣдованія о правахъ, привилегіяхъ и обязанностяхъ нѣкоторыхъ классовъ христіанской райи, особенно болгаръ, въ эпоху турецкаго владычества, приходятъ къ убѣжденію, что съ самаго начала завоеванія Балканскаго полуострова, который турки называютъ общимъ именемъ Румили, вожди и государственные мужи ислама смотрѣли далеко впередъ и стремились раздѣлить поработенное христіанское населеніе полуострова на двѣ главныя категоріи: а) на простую, обыкновенную райю, которая была обязана, подобно настоящимъ рабамъ, переносить на своей спинѣ всю тяжесть самаго мрачнаго политико-экономическаго рабства, платить всякіе тяжкіе экстраординарные, ординарные и военные, правительственные и общественные налоги, дани и поборы, нести личный бесплатный физическій трудъ, давать безвозмездно помѣщеніе, отопленіе и содержаніе всѣмъ тѣмъ мусульманскимъ отребьямъ, которые, какъ коршунъ на пададь, пришли изъ полудикихъ странъ Азіи и залили прекрасныя, плодородныя земли и мѣста богатой Алтанъ-Румили, названной такъ турецкими историками, и б) на райю—христіанъ съ правами и привилегіями. Часть этой послѣдней райи была полноправна и почти самостоятельна, неся только извѣстныя обязательства по отношенію къ Османской имперіи и турецкой власти, другая же часть обладала меньшими правами и платила подати, хотя менѣе тяжелыя, чѣмъ первая группа. Благодаря вѣрности, преданности и умѣренности этой привилегированной райи, владычество турокъ въ Европейской Турціи было твердо установлено и широко распространено», говоритъ г. Ихчievъ. Однако, и эти привилегированные классы, число которыхъ названный изслѣдователь опредѣляетъ въ 22, не были оторваны отъ народа; какъ вся Турція была основана на демократическихъ началахъ, такъ и въ Румелии не было мѣста для какихъ-нибудь аристократическихъ претензій, которымъ такой широкій просторъ давало старое византійское вліаніе. И дѣйствительно, какой-нибудь родовой принципъ въ этихъ привилегированныхъ классахъ совершенно отсутствовалъ: сюда входили разносчики

правительственной официальной корреспонденціи, и лица, на обязанности которых лежало разузнавать и доносить о военных дѣйствіяхъ и планахъ непріятелей, и жандармы, охранявшіе горные проходы, и крестьяне, жившіе на собственныхъ султанскихъ земляхъ, и мастера, и угольщики, и рудокопы, и рядомъ съ ними цѣлое сплошное населеніе болгарскаго побережья рѣки Дуная, которое переехало сюда изъ Валахіи и устроилось на постоянное мѣстожителство въ Болгаріи. Такимъ образомъ, это уже не были ни власти, ни боляре, какъ въ старое время, а та же рабочая народная масса.

Едва ли не древнѣйшей изъ такихъ привилегированныхъ организацій является организація военныхъ селъ (войнишки села, какъ ихъ называли болгары, войнигани, войникъ хайманаси, по-турецки). Эти военныя общины были учреждены еще до окончательнаго паденія Болгаріи, въ 1374 году, по мысли главнокомандующаго османскими войсками Тимурташъ-паши, послѣ кровопролитной битвы съ болгарами при Ямболѣ. Онъ былъ въ такомъ восхищеніи отъ героизма болгарскихъ солдатъ, что подалъ султану Мураду докладъ съ предложеніемъ организовать изъ покоренной райи отрядъ вспомогательнаго войска (войникъ-аскери). Тогда же были выработаны правила для учрежденія этого отряда, и султанскимъ ферманомъ установлены какъ права, такъ и обязанности войнигановъ. Имъ предоставлялась автономность во внутреннемъ управленіи и подчиненіе полунезависимому начальнику (войниганъ-бею). Обязанности же этихъ свободныхъ воиновъ заключались въ слѣдующемъ: они должны были участвовать въ турецкихъ войнахъ вмѣстѣ съ султанскими войсками, при чемъ составляли кавалерію; лошадей и вооруженіе они имѣли собственное. Кромѣ того, были пѣшіе войниганы, которые обязаны были сопровождать обозы и султанскихъ коней, идти впереди арміи, поправлять дороги и устраивать въ удобныхъ пунктахъ лагерныя стоянки, избилующія водой и травой. Независимо отъ этого войники несли обязанности и въ мирное время: они должны были въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году (съ 1 апрѣля по 1 октября) ухаживать въ Константинополѣ и Адрианополѣ за султанскими и визирскими конями, косить и собирать въ копны сѣно, чистить лошадей и конюшни и т. д. Въ мирное время уходъ за конями и несеніе конной службы составляли основную обязанность членовъ этихъ свободныхъ христіанскихъ общинъ, которыя пользовались такими же правами, какъ и мусульмане. Какъ войниганъ-бей, такъ и весь служебный штатъ содержался на средства войниковъ, платившихъ извѣстные налоги и подати для этой именно цѣли. Вообще же, они были совершенно освобождены отъ тѣхъ тяжелыхъ поборовъ и непредвидѣнныхъ податей, которые такъ угнетали непривилегированную райю. Какъ мусульманскіе спахи, войники имѣли отъ

правительства извѣстное количество земли для пользованія. Эти земли назывались вотчинами (баштинами), такъ какъ отцы-войниганы оставляли ихъ въ наслѣдство своимъ сыновьямъ, которые должны были нести обязанности отцовъ (баштъ). Землю наслѣдовалъ старшій сынъ, который эту «царскую землю» не смѣлъ ни продавать, ни дѣлить. Съ нея онъ не несъ никакихъ повинностей, но, если онъ обрабатывалъ еще какую-нибудь другую землю, то за эту послѣднюю онъ долженъ былъ нести такіе же палогы, какъ и обыкновенные земледѣльцы, при чемъ дѣло не обходилось безъ притѣсеній и жалобъ. Джаньсзозъ (Сборн. мин. нар. проsv., X, 585—586) напечаталъ любопытный документъ этого рода, относящійся къ 1702 году. Султанъ сталъ на сторону обиженныхъ войнигановъ.

По отношенію къ туркамъ, которые держали въ постоянномъ страхѣ сѣверо-восточную Болгарію, войники вели себя очень свободно и даже надменно (см. статью Милетича, стр. 318); отъ мирнаго болгарскаго населенія они сторонились: такъ, въ д. Вѣлѣ (въ Рущукскомъ округѣ) не-войники носили странное названіе «айникежи» и повиновались своему бѣю, а войники имѣли своего начальника — бѣя. Они не женились на дочеряхъ айникежовъ и не сходились съ этими послѣдними, отличаясь отъ нихъ даже одеждой. Въ другомъ прежде войнишскомъ селѣ Брѣстовицѣ (недалеко отъ Филиппополя) это отсутствіе браковъ между войниками и райей объясняется прямымъ запрещеніемъ, вызваннымъ опасеніемъ запутать имущественныя отношенія, такъ какъ земледѣльціе войниковъ и райи покоилось на различныхъ основаніяхъ.

Институтъ этихъ воинскихъ селъ не былъ турецкимъ изобрѣтеніемъ; онъ существовалъ еще въ эпоху самостоятельности балканскихъ государствъ, и законникъ Стефана Душана упоминаетъ о крайштиникахъ, пограничномъ населеніи, которое несло обязанности по охранѣ государственныхъ границъ и за это пользовалось извѣстными льготами; византійскій писатель Пахимерь сообщаетъ о такой же организаціи въ Виоини, въ предѣлахъ Византійской имперіи. Какъ учрежденіе, весьма удобное для государства, эти организаціи возникали не разъ и впоследствии: и «Военная граница» въ Австріи, и русское казачество представляютъ извѣстныя аналогіи болгарскимъ войникамъ. Турки воспользовались тѣмъ, что уже существовало и въ старой Болгаріи, но только расширили этотъ институтъ. Они предоставили воинскія права не только цѣлому ряду уже существовавшихъ поселеній, но и такимъ, которыя возникали впоследствии: такъ, напр., городокъ Панагюрище (въ Восточной Румелии, къ юго-востоку отъ Софіи) возникъ, по преданію, во второй половинѣ XV вѣка, когда султанъ Магометъ II послѣ взятія Константинополя перевелъ на это мѣсто 200 болгарскихъ домовъ изъ Ямбола и далъ имъ

права войниковъ (Jiresek. Cesty po Bulharsku, 250—254). Много ли вообще было этихъ послѣднихъ, мы до сихъ поръ достоверно не знаемъ. Ихчиевъ (Период. Спис., 66 кн.) утверждаетъ, что число войниковъ въ Румили достигало 3000; по даннымъ Иречека, въ санджакъ Кызылдже (Кызылъ-Агачъ, на р. Тунджѣ) было 198 войнишескихъ семей, въ Чирменскомъ (близъ Казанлыка)—351; по документамъ XVII вѣка, изученнымъ Ихчиевымъ, въ Софійскомъ и Бръзническомъ округахъ было 412 войнишескихъ семействъ, прежде же ихъ было здѣсь больше, 677. Центромъ войниковъ въ Филиппопольскомъ округѣ было Панагюрище, а село Жеравна (прежде называвшееся Башкьой)—центромъ для восточной балканской Болгаріи, гдѣ былъ раскинутъ цѣлый рядъ войнишескихъ селъ (они перечислены Милетичемъ въ названной статѣ). По мѣрѣ того, какъ падало военное могущество Турецкой имперіи, и она прекратила политику завоеваній, все болѣе терялось значеніе этой чисто-военной организаціи; въ ней не было больше надобности; въ горныхъ долинахъ Балканъ, Средней Горы и Родопы не для чего было охранять проходы для турецкой арміи, и войники все болѣе превращаются въ мирныхъ жителей. Они уже не участвуютъ въ турецкихъ походахъ въ качествѣ всадниковъ, вооруженныхъ короткими кобьями (харбами), какихъ видѣлъ одинъ путешественникъ по дорогѣ изъ Ниша въ Темешваръ въ 1555 году. Они переходятъ въ разрядъ султанскихъ конюховъ и лишь по традиціи сохраняютъ извѣстныя бытовыя особенности. Такъ, они вступали въ Константинополь для несенія конюшенной службы цѣлымъ отрядомъ, съ маленькимъ знаменемъ впереди; въ концѣ XVI вѣка, какъ сообщаетъ путешественникъ Герлахъ, они входили въ городъ около пасхальнаго времени, съ музыкой и танцами. Такъ продолжалось до 1839 года, когда «войниклыкъ», вмѣстѣ со многими другими старинными учрежденіями, подвергся уничтоженію; однако, изъ Панагюрпца крестьяне отправлялись служить въ султанскихъ конюшняхъ еще въ 1860-хъ годахъ; они шли въ Константинополь въ числѣ 33 человекъ съ маленькимъ знаменемъ, и это ихъ шествіе вызывало по деревнямъ шутки и веселье. Изъ мѣстности Знеполья (близъ тегерешней сербско-болгарской границы) войники ходили на султанскую «косьбу» до 1876 года. Но, какъ ни упало значеніе войнишескихъ селъ, въ исторіи болгарскаго освобожденія имъ принадлежитъ видная роль: они поддерживали въ народѣ привычку къ военному дѣлу и духъ самостоятельности. Судебные акты, обнародованные Ихчиевымъ, показываютъ, что войники умѣли отстаивать свои права, и что суды съ ними считались. И это отразилось и на послѣдующихъ отношеніяхъ: старое войнишеское село Голямо Конаре, лежащее между Средней Горой и Филиппополемъ, было очагомъ революціоннаго движенія, приведшаго въ 1885 году

къ соединенію Восточной Румелии съ Болгаріей. Въ другомъ большомъ войнишскомъ селѣ, къ сѣверу отъ Панагюрица, въ Копривштицѣ, было не мало богачей, приобрѣвшихъ значительное вліяніе въ Константинополь и въ другихъ городахъ Европейской Турціи, благодаря арендѣ беглика (десятины съ продуктовъ сельскаго хозяйства, поступавшей въ казну). Въ селѣ Жеравнѣ (близъ Сливна) жители до 1876 года посылали въ Константинополь на два мѣсяца по 10—15 «войниковъ», которые должны были нести казенную придворную службу. Но вмѣсто себя болгары нанимали цыганъ, которые славились тѣмъ, что, пася на султанскихъ лугахъ придворныхъ лошадей, играли на волынкахъ; между тѣмъ, жители Жеравны пользовались своими баштинами и значительной юридической независимостью. Такія же преданія о свободахъ, сознание своихъ правъ и духъ самостоятельности сохранились и въ другихъ войнишскихъ центрахъ.

Привилегированнымъ классомъ были также султанскіе сокольники (доганджии, отъ тур. доганъ—соколъ), на обязанности которыхъ лежали участіе въ сраженіяхъ съ помощью дрессированныхъ соколовъ, ихъ обученіе для военныхъ цѣлей и доставка въ дѣйствующую армію и къ султанскому двору молодыхъ соколовъ, орловъ и ястребовъ. Очень подробно права и обязанности «райи доганджіевъ» опредѣляются въ документѣ 1618 г., напечатанномъ Ихчиевымъ (Период. Спис., кн. 69 за 1908 г.). Вотъ что мы читаемъ здѣсь: «Доганджи-баши (т.-е. начальники сокольниковъ) въ докладѣ своемъ сообщилъ мнѣ (говоритъ султанъ Османъ II), что соколари-райа не желали доставить въ мой столичный городъ по сибѣтѣ на 1029 г. (1619 г.) нужное число соколовъ, ссылаясь на отсутствіе необходимыхъ официальныхъ билетовъ, которыми удостоверяется ихъ специальная служба, какъ доганджіевъ. Въ новомъ царскомъ официальномъ реестрѣ эти райа-доганджии записаны, какъ чакърджи и (сокольниковы), юваджи и (разыскиватели соколиныхъ гнѣздъ), кюренджи и (охранители рудниковъ). Сыновья, братья, внуки, племянники и другіе близкіе родственники доганджіевъ не простые райа, а считаются привилегированными, такъ какъ они въ свое время были записаны, какъ сокольниковы, и, какъ таковые, фигурируютъ въ царскихъ спискахъ. Отъ всякаго семейства доганджія взимается въ качествѣ годового налога по 300 акче, если сокольниковы не отнесетъ въ Константинополь императорскому дивану опредѣленное число соколовъ натурой. Кромѣ того, доганджии уплачиваютъ царской казнѣ слѣдующіе налоги: 1) за овецъ, 2) за ульи и пчельники, 3) за право жениться, 4) за право убиванія соколовъ, 5) за право ловить дикихъ соколовъ.... Вблизи мѣсть, которыя служатъ гнѣздами для соколовъ, никакому постороннему лицу не разрѣшается, согласно старымъ законамъ, рубить деревья, стрѣлять изъ ружья, жечь костры, пускать голубей, посыпать порохъ и ловить дичь.

Лица, которыя отправляются на соколиный ловъ, обязаны заплатить своему начальнику (доганджи-баши) въ пользу казны 100 акче; безъ этого соколиный ловъ не допускается» и т. д. Сокольниковъ упоминаются уже во время султана Баязета въ походъ противъ Тимуръ-Ленка (въ 1402 году). За свою службу они пользовались правами свободныхъ гражданъ, избавленныхъ отъ всякихъ тяжелыхъ экстраординарныхъ и военныхъ налоговъ и поборовъ, а также отъ личныхъ работъ (ангарій). Въмѣсто этого, они платили—и то лишь въ томъ случаѣ, если не несли своихъ прямыхъ обязанностей—извѣстную незначительную сумму личной подати. О цѣлыхъ сокольничьихъ поселеніяхъ свѣдѣній не сохранилось, но объ отдѣльныхъ домахъ сокольниковъ въ селахъ есть цѣлый рядъ извѣстій: такъ, деревня Доганова (близъ Тунджи) имѣла 4 сокольничьихъ дома, въ Софіи ихъ было два, въ Бръстовицѣ нѣсколько семей и т. д. Конвоировали почту и содержали почтовые станціи мензилджи, деревни которыхъ лежали вдоль почтовыхъ дорогъ и которые несли взаимныя поручительства за безопасность почты; за эту важную услугу правительству мензилджи, которые, вообще, были свободными гражданами и повиновались собственному начальнику, пользовались не только свободой отъ разныхъ налоговъ и поборовъ, но даже получали денежное вознагражденіе, которое составляло въ концѣ XVII вѣка довольно значительную сумму на каждый домъ (до 300—600 акче ежегодно). За горными проходами, за дорогами, ведшими черезъ горныя вершины, за всякими опасными мѣстами на торговыхъ путяхъ наблюдали дербенджи, которые выставляли часовыхъ отъ одной деревни къ другой и, вообще, исправляли военно-полицейскую службу; отъ нихъ въ значительной мѣрѣ зависѣла безопасность торговли, а также спокойствіе войскъ при прохожденіи въ военное время черезъ горы. Поэтому, султаны уже въ XIV вѣкѣ очень высоко цѣнили заслуги дербенджіевъ и ставили ихъ въ гражданскомъ отношеніи не только наравнѣ съ мусульманами, но иногда и выше: они пользовались даромъ земель, съ которой платили лишь обычную десятину, были освобождены отъ обязанности угощать и даромъ содержать во время путешествій правительственныхъ чиновниковъ и т. д. Различныя натуральныя повинности несли и другіе привилегированные классы райи: одни слѣдили за общественными колодцами, которые турки повсюду заводили въ своихъ владѣніяхъ и которые донынѣ остались памятниками турецкаго господства повсюду, гдѣ были мусульмане (въ Болгаріи, въ Сербіи, даже въ Крыму); другіе были обязаны воздѣлывать рисовыя плантаціи около большихъ рѣкъ и заполнять ихъ водой съ помощью искусственныхъ сооруженій и за то пользовались правами свободныхъ жителей (частькчи или оризосѣятели); третьи денно и ночью охраняли мосты

и чинили ихъ (кюприджии) или заботились о переправахъ черезъ рѣки съ помощью плотовъ (каикчи), или искали и обрабатывали руды въ районѣ своихъ селъ и округовъ (маденджи—тайфаси) и т. д. Какъ видно уже изъ этого перечисленія, охватывающаго лишь немногія изъ цѣлаго ряда натуральныхъ повинностей, раздѣленныхъ между христіанскими жителями имперіи, система привилегій представляла широко и подробно разработанную организацію, которая приносила выгоду обѣимъ сторонамъ: государство было избавлено отъ необходимости содержать кадры рабочихъ и полиціи, райа становилась въ положеніе свободныхъ и почетныхъ гражданъ, равноправныхъ, а иногда и болѣе полноправныхъ гражданъ, чѣмъ сами мусульмане. Относительно участи этихъ послѣднихъ не слѣдуетъ забывать извѣстное замѣчаніе Мустафы Фазильнаши въ его письмѣ султану Абдуль-Азису (въ началѣ пятидесятихъ годовъ): «Европа воображаетъ, что только одни христіане подчинены произволу, страданіямъ и униженіямъ, которые происходятъ отъ угнетенія. Дѣло обстоитъ иначе. Можетъ-быть, именно мусульмане, которыми не интересуется ни одно иностранное государство, подвергаются еще болѣе недостойному грабительству, еще болѣе придавлены гнетомъ». Такимъ образомъ, система привилегій, ставя тысячи христіанской райи въ положеніе свободныхъ, полунезависимыхъ гражданъ имперіи, сохраняла въ населеніи завоеванныхъ провинцій духъ самостоятельности и подготовляла всегда возможное возстаніе. Первое изъ такихъ возстаній произошло въ 1405 году, когда возстали 33 села въ долинѣ рѣки Тимока, но султанъ Сюлейманъ усмирилъ ихъ, «ратію взеть е».

Съ конца XVI вѣка мысль о подготовкѣ возстанія не покидаетъ ни христіанскихъ подданныхъ султана, ни его европейскихъ враговъ, которые замышляютъ союзы для борьбы съ турками. При этомъ растутъ надежды болгаръ и сербовъ на Россію. Съ 70 годовъ XVI столѣтія начинаются совершенно опредѣленные указанія источниковъ на этотъ счетъ. По извѣстію отъ 1575 года, «всѣ народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Морей и Греціи поклоняются имени великаго князя московскаго, такъ какъ они принадлежатъ къ тому же самому греческому вѣроисповѣданію и не надѣются, что ихъ освободитъ отъ турецкаго рабства чья-либо рука, кромѣ его (*non sperano per mano altrui d'esser liberi dalla servitù turchesea, che per le sue*)». Нѣсколько позже другой писатель замѣчаетъ: «по двумъ причинамъ султанъ опасается русскихъ,—во-первыхъ, потому, что у нихъ есть страшная кавалерія въ 400 тысячъ человекъ отважныхъ, сильныхъ и послушныхъ, а, во-вторыхъ, еще потому, что всѣ народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Морей и Греціи весьма преданы московскому великому князю, съ которымъ соединяетъ ихъ единство вѣроисповѣданія, и вполне готовы взяться за оружіе и

возстать, чтобы освободиться отъ турецкаго рабства и подчиниться его власти». Наконецъ, въ 1594 году молодой трансильванскій князь, Сигизмундъ Баторій, открылъ вмѣстѣ съ молдаванами и валахами военныя дѣйствія противъ Турціи: по замерзшему Дунаю войска перешли на турецкую территорію и взяли и разграбили рядъ городовъ по Дунаю; предполагалось, что вспыхнетъ возстаніе въ Болгаріи, гдѣ его подготавливалъ дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ. И, дѣйствительно, въ 1595 году оно началось; въ Терновѣ былъ провозглашенъ царемъ какой-то вымышленный потомокъ Шишмана III, отрядъ гайдуковъ напалъ на Софію, главный городъ Румелии. Одновременно съ этимъ возстали сербы, въ Македоніи и Албаніи население находилось въ большомъ возбужденіи. Однако, турки быстрыми и рѣшительными мѣрами подавили все это движеніе, несмотря на нѣсколько блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ ихъ войсками валахами и трансильванскимъ воеводой. Никакой прочности въ этомъ движеніи не было, не было въ немъ и широкой политической мысли, оно могло дать нѣсколько блестящихъ успѣховъ, но къ освобожденію Балканскаго полуострова не могло привести уже потому, что съ громадной Оттоманскою имперіей боролось нѣсколько ничтожныхъ княжествъ. Поэтому, уже зимой 1595 года райа отчаялась, и начались переселенія ея за Дунай. До 60,000 болгаръ переехало въ Валахію. Послѣ 1599 года, когда болгарскіе гайдуки участвовали въ войнѣ Валахіи съ Трансильваніей, на время все затихаетъ въ Болгаріи. Только гайдуки, тѣ отчаянные люди, которые, оставляя свои дома, шли въ горы бороться и мстить поработителямъ, поддерживали духъ мятежа въ народномъ сознаніи. Но въ продолженіе 50 лѣтъ болгарскій народъ смиренно переноситъ свое рабство; въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія возникаетъ новое движеніе. Турція недавно потерпѣла пораженіе при Хотинѣ отъ польскаго короля Владислава IV, теперь, въ 1645 году, она вела войну съ Венеціей. Болгары замышляютъ вмѣстѣ съ валахами поднять возстаніе и отправляютъ потомка стараго боярскаго рода, Петра Парчевича, къ польскому королю. Онъ возвращается домой съ обѣщаніями поддержки, но въ это время Владиславъ умираетъ (1648). Болгары все-таки не оставили надеждъ на помощь Европы, хотя послѣ только что закончившейся тридцатилѣтней войны на нее трудно было рассчитывать. Тѣмъ не менѣе, Парчевичъ снова отправляется въ Польшу, въ Венецію и къ императору съ заявленіемъ, что болгарскій левъ еще живъ, хотя и дремлетъ. Но только въ Венеціи, которая какъ разъ вела войну съ Турціей, онъ могъ встрѣтить сочувственный пріемъ и согласіе на союзъ; другимъ было не до Болгаріи. Приходилось ждать: къ 1655 году относится тайное соглашеніе между православными народами Балканскаго полуострова, но всѣ попытки Парчевича, который неутомимо до самой

своей смерти въ 1674 году ищетъ поддержки на западѣ и на востокѣ Европы, остаются безплодными. Только послѣ турецкаго пораженія подѣ Вѣной (1683) освобожденіе славянъ казалось близкимъ. Однако, на этотъ разъ явилось новое препятствіе со стороны самихъ славянъ. Это было время ожесточенной борьбы между православіемъ и католичествомъ, борьбы между Россіей и Польшей изъ-за Малороссіи, православное населеніе которой выступило противъ католической польской шляхты; въ самой Болгаріи усиленно совершался процессъ католической пропаганды. И потому, когда Австрія, Польша и Венеція рѣшили соединенными силами вступить за христианъ-славянъ, то ихъ любѣда предвѣщала для этихъ послѣднихъ только новыя бѣдствія преслѣдованій за вѣру. Между тѣмъ съ Москвою отношенія налаживались, и царь московскій становился въ глазахъ всего православнаго Востока призваннымъ защитникомъ и освободителемъ его отъ мусульманъ. Такимъ образомъ, надежды болгаръ, сербовъ, грековъ и румынъ отвратились отъ Запада и устремились на Востокъ ¹⁾. При царевнѣ Софіи и были предприняты два похода въ Турцію, но оба неудачныя.

Въ то же время, однако, въ самой Болгаріи была сдѣлана попытка возстанія, но турки справились и съ ней, въ результатѣ чего были новыя переселенія болгарскихъ бѣглецовъ въ Валахію и Трансильванію. «Къ сожалѣнію, замѣчаетъ Иречекъ, съ этимъ переселеніемъ Болгарія потеряла послѣдніе элементы, которые сохранили воспоминаніе о бывшей независимости, восстановленія которой они такъ горячо желали; при такихъ обстоятельствахъ была опасность, что въ XVIII вѣкѣ болгарская народность совершенно погибнетъ». Говоря это, историкъ Болгаріи имѣлъ въ виду, очевидно, эмиграцію тѣхъ элементовъ, которые, подобно Парчевичу, принадлежали къ аристократіи бывшихъ временъ болгарской самостоятельности и сохранили о ней память, но, какъ было указано выше, система привилегій не давала заглухнуть и среди низшихъ классовъ населенія духу свободы и независимости. Кромѣ того, все болѣе возрастало могущество Россіи, и восточный вопросъ вступилъ въ новую фазу своего развитія при Петрѣ Великомъ, который въ стремленіи къ старому Цареграду живо интересовался соплеменнымъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Горячія надежды славянство возлагало на Прутскій походъ Петра (1711), но онъ кончился такъ неудачно для Россіи, что о какомъ-нибудь облегченіи участи славянъ нечего было и думать. Такимъ образомъ, до конца XVIII вѣка вся борьба съ турецкимъ гнетомъ перешла опять къ гайдукамъ. И въ продолженіе XIX столѣтія все попытки

¹⁾ О посольствахъ Парчевича и т. д. см. у Иречка въ «Исторіи болгаръ» (дополненный болгарскій переводъ 1883, стр. 592—596).

болгарь улучшить свою судьбу кончались неудачами; въ этомъ столѣтїи начинаются и со стороны самой Турціи стремленія стать въ новыя отношенія къ христіанскимъ подданнымъ. Освобожденіе Греціи и Сербїи, русскій протекторатъ надъ православнымъ населеніемъ Оттоманской имперїи и полная неспособность ея продолжать свое политическое существованіе при прежнихъ условїяхъ показали самимъ султанамъ, что они должны дать новыя основы государственному устройству имперїи. Въ 1826 году Турція вступастъ при султанѣ Махмудѣ II въ эпоху реформъ (Танзиматъ), и султанъ торжественно заявляетъ, что «внѣ храмовъ мусульмане, христіане и евреи одинаково его подданные и имѣютъ равное право на его покровительство и отеческую любовь». Это заявленіе осталось, однако, только на бумагѣ. Въ 1839 году преемникъ Махмуда, султанъ Абдуль-Меджидъ, издалъ знаменитый манифестъ, который опять-таки уничтожалъ всякую разницу между христіанами и мусульманами и открывалъ первымъ доступъ ко всякимъ должностямъ; всѣ эти права тоже остались только на бумагѣ, хотя торжественнѣйшимъ образомъ были подтверждены въ 1856 г. Новый султанъ, Абдуль-Азисъ, также не жалѣлъ обѣщаній, но, какъ и у предшественниковъ его, на дѣлѣ положеніе христіанъ оставалось прежнимъ. Въ заявленїи, которое представители державъ подали въ 1875 году султану, они требовали «фактовъ, а не программъ», и возмущались тѣмъ, что, несмотря на всѣ обѣщанія Порты, христіане продолжаютъ чувствовать себя рабами. По этому поводу, младо-турецкій комитетъ, образовавшійся въ Парижѣ около 1867 года, обратился къ державамъ съ заявленіемъ, что единственное спасеніе Турціи заключается въ замѣнѣ деспотическаго правленія конституціоннымъ съ законосовѣщательной палатой, состоящей изъ представителей всѣхъ религій. Какъ извѣстно, конституція и была объявлена въ Константинополь, но это было сдѣлано уже въ то время, когда христіанское населеніе имперїи находилось въ состоянїи возстанїя, когда въ Болгарїи происходили ужасы башибузукскихъ звѣрствъ. Съ помощью русскаго оружія болгарскій народъ добился свободы. Безъ этого онъ находился бы, можетъ-быть, еще долго въ такомъ же положенїи, какъ населеніе Македонїи. Проф. Макушевъ закончилъ свою статью о турецкомъ владычествѣ въ Болгарїи слѣдующими словами, написанными въ 1872 году и хорошо передающими тогдашнее настроеніе русскаго общества: «На глазахъ отцовъ нашихъ совершилось освобожденіе Сербїи и Греціи, на нашихъ глазахъ объединились и устроились Дунайскія княжества, а Болгарїя продолжаетъ рабствовать, и Богъ знаетъ, скоро ли дождется своего освободителя».

Лишенная внѣшней силы, Болгарїя, однако, созрѣвала внутренно для той работы, которая ей предстояла съ эпохой освобожденїя. Въ

этомъ отношеніи ей пришлось преобразовать прежде всего свои церковныя отношенія, избавиться, какъ отъ католическаго, такъ и отъ фанариотскаго гнета. Отличной почвой для католической пропаганды служили приверженцы различныхъ ересей, волновавшихъ старую Болгарію; изъ нихъ же набирались кадры помаковъ, т.-е. потурченныхъ болгаръ. Идея воспользоваться этими еретиками, особенно павликіанами, для цѣлей окатоличенія болгаръ возникла въ 1581 году. Боснійскій францисканецъ Петръ изъ Соли, началъ около 1595 года свою проповѣдь въ южной Болгаріи; папа Клементъ VIII далъ ему титулъ Софійскаго епископа, а резиденціей своей онъ выбралъ маленькій городокъ Кипровацъ въ западной части Балканъ. Этотъ городокъ былъ основанъ когда-то нѣмецкими пришельцами, такъ что католическія традиціи здѣсь были живы; кромѣ того, благодаря привилегіямъ, которыя онъ имѣлъ отъ султановъ, здѣсь легче было укрыться отъ турецкаго надзора. Изъ Кипроваца Петръ Солинатесъ и началъ свою дѣятельность между павликіанами дунайскими, никопольскими и филиппопольскими; проповѣдь его имѣла успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ павликіанъ были отправлено въ Римъ, чтобы приготовиться къ занятію священнической должности; церковная служба совершалась на гумнахъ или въ простыхъ избахъ, массы народа принимали крещеніе, духовенство образовалось постепенно мѣстное, и хотя врядъ ли католичество пріобрѣло много приверженцевъ среди искони православнаго населенія, однако тѣ немногіе, кто утвердился въ католициствѣ, остались ему вѣрны. Такъ, по даннымъ официальной статистики, еще въ 1885 году въ Восточной Румелии насчитывалось до 9¹/₂ тысячъ «болгаро-католиковъ», которые жили слоченной массой въ 10 деревняхъ, образуя 3 общины. Они до сихъ поръ въ народѣ носятъ названіе павликіанъ и не пользуются въ окрестномъ населеніи симпатіей. Прежде всего они въ значительной степени лишены національнаго сознанія, какъ и боснійскіе католики. Въ судѣ на вопросъ: кто онъ такой? болгарскій католикъ отвѣчаетъ: «католикъ» и дальше этого не идетъ; школы въ католическихъ селахъ находятся въ забросѣ, крестьяне въ полномъ духовномъ подчиненіи «доминамъ», т.-е. своимъ священникамъ (см. любопытныя статьи въ болгарской газетѣ «Рѣчь» за 13 и 20 авг. 1909 года).

Такой же процессъ обращенія въ католичество произошелъ и съ павликіанами, которые жили въ деревнѣ Марианополѣ около Тернова. Въ 1635 году 200 семей этихъ павликіанъ или богомиловъ приняли католичество вмѣстѣ со своимъ священникомъ, который теперь сдѣлался католическимъ патеромъ. Это обращеніе произошло, вѣроятно, не безъ содѣйствія дубровчанъ, которые имѣли поселеніе около Тернова и вели оживленную торговлю съ тамошними купцами. Когда греческій митро-

полить воздвигъ гоненіе на новообращенныхъ католиковъ и велѣлъ посадить въ тюрьму ихъ священника и старѣйшинъ, то именно дубровчане и избавили ихъ изъ рукъ турецкаго кади. Однако, здѣсь католичество не удержалось: къ 1685 году изъ 200 семей лишь 30—35 остались въ лоѣ этой религіи, а въ 1708 году, когда въ Маріанополь, или какъ это предмѣстье Тернова называется теперь, Марнополе, явился боснійскій францисканецъ, уже всѣ эти католики приняли православіе (Igrešek, 173—174). Павликіане же обратились въ католичество и около Сиедова, гдѣ до сихъ поръ существуютъ четыре деревни болгаръ-католиковъ, которые, подобно ихъ единовѣрцамъ около Филиппополя, въ народѣ извѣстны подъ именемъ навликіанъ; до начала XVII вѣка они и принадлежали къ богомильской сектѣ. Изъ этихъ данныхъ видно, что католичество не было особенно опаснымъ врагомъ въ Болгаріи временъ турецкаго ига. Правда, оно укрѣпилось здѣсь довольно сильно, во второй половинѣ XVII вѣка софійскій католическій епископъ былъ возвышенъ даже въ рангъ архіепископа, но корней въ народныхъ массахъ католичество имѣло въ Болгаріи еще гораздо меньше, чѣмъ въ Сербіи, которую исторія гораздо болѣе сблизила съ католическимъ западомъ, чѣмъ Болгарію. Эта послѣдняя политически и культурно созрѣла подъ вліяніемъ Византіи, и всѣ заигрыванія съ Римомъ, къ которымъ прибѣгали въ продолженіе XIII вѣка болгарскіе цари, оставались просто дипломатическими кознями, не имѣвшими ни малѣйшаго отношенія къ сознанію народа. Народъ же переживалъ тѣ же колебанія и перевороты въ своей религіозной жизни, что и въ сосѣдней Византійской имперіи, и потерялъ свою политическую независимость въ эпоху сильнѣйшаго разгара православнаго восточнаго сектантства. Въ этомъ отношеніи католическая пропаганда принесла Болгаріи только пользу, она направила на тѣ элементы, которые были чужды православной церкви, и ихъ вернула въ лоно христіанства. Вернула, но не удержала, и богомилы, пройдя черезъ католичество, ассимилировались, въ концѣ концовъ, съ православной средой.

Гораздо тяжелѣе были судьбы православной церкви вслѣдствіе столкновенія съ двумя непріятелями, дѣйствовавшими въ союзѣ: это были турки, которые въ религіозномъ усердіи не разъ пользовались случаемъ для обращенія въ свою вѣру (см. Житіе св. Николая Софійскаго), а съ другой стороны, греки-фанариоты, забравшіе власть надъ всею православною церковью Балканскаго полуострова и стремившіеся къ ея національному обезличенію. Какъ ни настаиваетъ коравъ на вѣротерпимости, проводить въ жизнь ея начала было туркамъ-завоевателямъ не всегда подъ силу. Они гнушались вѣрой покоренныхъ народовъ и издѣвались надъ ихъ храмами. Путешественникъ Харфъ, посѣтившій Турцію въ 1496—1498 годахъ, пишетъ, что изъ христіанскихъ церквей

турки дѣлали звѣринцы, содержа въ нихъ слоновъ, львовъ и другихъ звѣрей. Джорджевичъ упоминаетъ, что христіане не имѣли права реставрировать или заново строить церкви, поврежденные отъ времени или вслѣдствіе какого-нибудь несчастія, а право воздвигнуть новый храмъ могли добыть съ помощью только большихъ денегъ. Другой писатель половины XVI вѣка, генуэзецъ Мернавинъ, рассказываетъ слѣдующее: «Съ церквей турки снимаютъ колокола, ризы и другую утварь уносятъ, а большія и красивыя церкви превращаютъ въ мечети; христіанамъ они оставляютъ только часовни и кое-какія маленькія церкви, въ которыхъ имъ позволяютъ справлять службу, но только не громко, а потихоньку и тайно, такъ, чтобы не было слышно». Отношеніе турокъ къ православнымъ священникамъ и монахамъ становилось съ теченіемъ времени все болѣе грубымъ; турки издѣвались надъ ними, водили нагими по улицамъ и базарамъ, продавали въ рабство. Матеріальное положеніе православнаго духовенства описывается случайными наблюдателями въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; по ихъ словамъ, священники и монахи жили милостыней, которую давали имъ по праздникамъ или воскресеньямъ благочестивые люди. Когда же имъ приходилось очень тяжело, они отправлялись въ горы, рубили дрова, нагружали ихъ на ословъ и продавали ихъ на улицахъ. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ книжное образованіе страшно упало; по характеристикѣ духовенства, сдѣланной Мернавиномъ, священники были полуграмотные люди, которые знали только нѣсколько необходимѣйшихъ молитвъ, употребительныхъ при богослуженіи. «Они умѣли кое-какъ читать и писать, а немало было и такихъ, кто не зналъ и этого, а все-таки они учили народъ, который не зналъ ничего, кромѣ «Отче нашъ», чтобы онъ вѣрилъ въ Бога и Христа и почиталъ свою вѣру». Въ этой поддержкѣ національнаго самосознанія въ эпоху мрачнѣйшаго рабства, когда нигде не свѣтилъ лучъ свободы, заключается громадная историческая заслуга южно-славянскаго духовенства. Въ Сербіи оно находилось все-таки въ болѣе сносныхъ условіяхъ: сербскій языкъ получалъ широкое распространеніе и въ Стамбулѣ, сербское политическое вліяніе не исчезало долго, а литературное охватило и всю западную Болгарію выѣстъ съ Софіей, которая въ турецкое время сдѣлалась столицей Румелии ¹⁾. Но сербское вліяніе не могло обезличить болгарскую книжность. Напротивъ, оно все время напоминало ей о необходимости самостоятельнаго развитія, и въ XVII вѣкѣ появляется первая попытка напечатать книгу на болгарскомъ языкѣ. Это былъ изданный въ Римѣ

¹⁾ См. изслѣдованіе П. Сырку въ предисловіи къ его изданію житія св. Николая Софійскаго, а также рецензію на этотъ трудъ А. И. Яцимирскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 7).

въ 1651 году болгарскій молитвенникъ, предназначенный для никопольскихъ болгарскихъ католиковъ.

Другимъ врагомъ болгарской церкви выступили византийскіе греки-фанариоты. Въ началѣ XV вѣка терновская церковь подчинилась константинопольскому патриарху. Это произошло между 1394 и 1416 годами, когда именно, неизвѣстно. Причина этого подчиненія, которое, какъ справедливо указываетъ Ю. Трифоновъ (см. выше, стр. 114), не могло быть насильственнымъ, такъ какъ Константинополь былъ еще свободенъ и враждебенъ Турціи, заключалась въ полномъ отчаяніи болгаръ, въ ихъ добровольномъ отказѣ отъ всякаго соперничества съ Цареградомъ и нѣкоторой надеждѣ на то, что онъ-то сохранитъ свою свободу. Съ уничтоженіемъ терновскаго патриаршества и съ превращеніемъ его въ архіепископство, подчиненное вселенскому патриарху, болгарская церковь, отъ которой отдѣлялись все новыя области (Софія и Видинъ, признавшія власть охридскаго архіепископства), сохраняла долгое время автономію, хотя ея начальники были константинопольскими греками ¹⁾. Съ подчиненіемъ терновскаго патриаршества Константинополю долгая борьба между константинопольскою и болгарскою церквю вступала въ новый фазисъ развитія. Благодаря своему вліянію при дворѣ султана, греческое духовенство, жившее въ кварталѣ Константинополя, Фанарѣ (отсюда названіе фанариоты), захватило въ свои руки всю власть надъ православною церквю полуострова. Сербамъ удалось на время освободиться отъ этой тяжелой опеки и даже возстановить патриаршество въ Ипекѣ, но болгары не были такъ счастливы, и къ рабству политическому у нихъ присоединилось рабство церковное. Охридская церковь была подчинена Фанаромъ въ половинѣ XVI вѣка, и съ тѣхъ поръ епископами назначались почти исключительно греки, при чемъ самое назначеніе зависѣло вовсе не отъ заслугъ кандидата, а отъ его кошелька и щедрости. Невѣжество самого греческаго духовенства, даже высшаго, было баснословно: митрополиты были едва грамотны, тѣмъ не менѣ весьма кичились своимъ греческимъ происхожденіемъ, а болгары просто не считали за людей. Они стремились грецизировать населеніе, вводили въ немногихъ существовавшихъ учебныхъ заведеніяхъ греческіе буквы и упорно работали надъ уничтоженіемъ двухъ автокефальныхъ церквей. Наконецъ, этой цѣли они добились: въ 1766 году было

¹⁾ Изъ литературы о болгарской церкви, кромѣ сочиненій Голубинскаго и Дринова (см. ниже), ср. еще соч. Трифонова, указанное выше, а также: Лебедевъ. «Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ» и Г. Баласчевъ. «Нови извѣстия за черковно вѣдомство на Видинската и Софійската епархия прѣзъ първитѣ години на тѣхното завладѣване отъ турци» (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. 18 за 1901 г.).

уничтожено патриаршество въ Печѣ (Ипекѣ), а въ слѣдующемъ 1767 году послѣдній автокефальный архіепископъ Охриды, болгаринъ Арсеній, долженъ былъ отречься отъ престола и удалиться на Афонъ, въ Зографскій монастырь. Болгарская церковь была теперь совершенно беззащитна: фанариоты могли объѣзжать епархіи, грабя населеніе и духовенство и воспитывая въ немъ страшную ненависть, не угасшую до сихъ поръ, къ константинопольскимъ грекамъ. Но это только сильнѣе заставляло народъ мечтать о свободѣ. Кромѣ того, занимая высшіе духовные посты, фанариоты брезговали низшими, и приходы, самоуправляющіяся церковныя единицы, оставались очагами народнаго самосознанія.

Такъ, къ концу XVIII вѣка болгарскій народъ, объединенный общей тяжелой судьбой подъ гнетомъ Турціи, все болѣе унадавшей матеріально и морально, потерявшій раздѣлявшія его классовыя различія, забывшій о старыхъ сектахъ и религіозныхъ счетахъ, но свято хранившій воспоминанія о былой славѣ царя Симеона и Асѣвей, начиналъ постепенно подыматься для новой жизни. Приближалась эпоха воскресенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, и на этотъ разъ опять-таки Сербія, болѣе близкая къ западу, оказалась въ болѣе счастливыхъ условіяхъ: съ конца XV III вѣка она непрерывно движется къ освобожденію и, пройдя черезъ автономію, добивается черезъ какія-нибудь 10—15 лѣтъ свободы. Болгарскій народъ долженъ былъ пережить еще много мукъ.

Г Л А В А VIII.

Болгарское возрожденіе и исторія Болгаріи до Берлинскаго конгресса.

Въ своемъ сочиненіи о болгарахъ, которое сыграло такую громадную роль въ исторіи національнаго возрожденія болгарскаго народа, Юрій Венелинъ въ 1829 году характеризовалъ его слѣдующимъ образомъ: «Не имѣя ни правъ, ни законовъ отечественныхъ, Болгаре обезпеченіе жизни и собственности должны ожидать отъ свойствъ и характера областныхъ Пашей, или Комендантовъ крѣпостей. Посему участь гражданскаго ихъ бытія выставлена на произволъ военной необузданности ихъ побѣдителей. Умственное состояніе Болгаръ соотвѣтствуетъ ихъ политическому: будучи рабами, они погружены въ невѣжество, общее не только имъ, но и ихъ господамъ. Можетъ быть, это зло предотвратила бы хорошо устроенная Іерархія, если ужъ Болгарамъ не дозволено

имѣтъ собственныхъ высшихъ сословіи; но и Іерархія, къ несчастію, въ плачевномъ положеніи. Архіерейскія кафедрѣ Турецкимъ правительствомъ сдѣланы продажными и отдаются людямъ болѣе общающимъ, т.-е. болѣе корыстолюбивымъ, которые, подобно Пашамъ, налагаютъ на своихъ подчиненныхъ подати по усмотрѣнію и т. д. О Болгарской Литтературѣ нечего и говорить, ибо она еще не возродилась». Такъ же мрачно смотрѣли на эту эпоху болгарской жизни и другіе писатели, какъ современные, такъ и болѣе поздніе. Извѣстный историкъ болгарской церкви, профессоръ Е. Голубинскій, писавшій въ началѣ 70-хъ годовъ, когда освобожденіе болгарскаго народа казалось (какъ и Макушеву) дѣломъ далекаго будущаго, рисовалъ еще болѣе мрачную картину. По его словамъ выходило, что несчастные болгары были безгласной жертвой эллинизма. «Исторія болгарскаго народа со времени паденія болгарскаго царства и болгарскаго патріархата или вообще со времени ига турецкаго представляетъ собою не что иное, какъ грустную исторію ревностныхъ усилій такъ наз. передовой или высшей части этого народа стрясти съ себя ставшую пустымъ словомъ національность болгарскую и пріобрѣсти реальную національность греческую, или иначе, переродить себя изъ болгаръ въ грековъ. Мы не можемъ сказать, быстро или медленно шло это несчастное перерожденіе, но къ началу реакціи или къ тридцатымъ годамъ настоящаго (XIX) столѣтія оно было совершенно полное. Къ этому времени въ той части болгарскаго народа, для которой существуетъ вопросъ о національности, именно—въ части его городской, на всемъ протяженіи Балканскаго полуострова не оставалось буквально ни одного болгарина, который бы хотѣлъ сознавать и признавать себя за болгарина, а не за эллина и который бы хотѣлъ говорить (и молиться) своимъ роднымъ языкомъ, а не греческимъ. Какъ всегда бываетъ съ несчастными отступниками отъ своей народности, эти мнимые и самозванные эллины хотѣли относиться ко всему болгарскому и славянскому даже гораздо съ большими ненавистью и презрѣніемъ, чѣмъ относятся къ нему настоящіе эллины или греки. Такимъ образомъ, къ тридцатымъ годамъ XIX столѣтія народность болгарская какъ бы совсѣмъ погибла въ болгарскомъ народѣ; она оставалась цѣлой и неотрицаемой единственно въ томъ сельскомъ или деревенскомъ его населеніи, для котораго вовсе не существуетъ вопроса о національности». Задавая себѣ вопросъ, какимъ образомъ совершилось возрожденіе болгарской народности, проф. Голубинскій указываетъ на отдѣльныя попытки болгаръ, жившихъ ввѣ родины, пробудить чувство національности среди соплеменниковъ. Эти попытки начались съ первыхъ годовъ XIX вѣка, усилились въ двадцатыхъ годахъ, но «всѣ онѣ были слишкомъ незначительны и оставались совершенно безплодными и безсильными. Дѣйствительнымъ и почти внезап-

нымъ пробужденіемъ своимъ болгары обязаны призывному голосу пророка, посланнаго къ нимъ со стороны, это именно голосу, долженствующаго быть вѣчно незабвеннымъ для нихъ, Юрія Венелина».

Взглядъ, высказанный такъ рѣзко проф. Голубинскимъ, не вполне соответствуетъ дѣйствительности, но онъ правильно передаетъ господствовавшія въ Европѣ, какъ первой половины XIX столѣтія, такъ отчасти и позже, представленія о возрожденіи болгарскаго народа. Незнакомство Европы съ этимъ послѣднимъ было поразительно: такъ, еще въ 1814 году знаменитый ученый Добровскій считалъ болгарскій языкъ нарѣчіемъ сербскаго; Копитаръ, знавшій хорошо славянскіе языки, ограничивался относительно болгарскаго свѣдѣніями, что въ этомъ языкѣ есть членъ, стоящій послѣ имени существительнаго; Шафарикъ въ 1826 году предполагалъ, что болгары живутъ лишь отъ Дуная до Балканскихъ горъ, и опредѣлялъ ихъ численность въ 600 тысячъ человекъ. Только въ 1822 году наука получила, благодаря труду сербскаго этнографа, Вука Караджича, первую краткую грамматику болгарскаго языка, и лишь съ 50-хъ годовъ начинается въ работахъ Миклошича научное изученіе болгарскаго языка. Такимъ образомъ, вся медленная, постепенная работа пробужденія національнаго самосознанія въ болгарскомъ народѣ прошла незамѣченной для европейскихъ наблюдателей.

Между тѣмъ, къ половинѣ XVIII вѣка въ этомъ отношеніи было сдѣлано уже не мало. Во-первыхъ, наступило почти окончательное объединеніе народа къ религіозномъ отношеніи: уже въ концѣ XVII вѣка положеніе католичества въ Болгаріи было такъ безнадежно, что конгрегация отказалась содержать для нея особенное духовное управленіе и присоединила софійское католическое архіепископство къ боснійскому; большинство болгарскихъ католиковъ разбѣжалось по Валахіи и Трансильваніи. Позже, въ 1728 году былъ назначенъ новый никопольскій епископъ, но онъ даже не рѣшился жить въ Болгаріи, а поселился въ Румыніи; во всей его епархіи были лишь два священника (въ Русчукъ и въ Бѣлянахъ), но и тѣ были не болгары, а хорваты, а послѣ въ 1738 году и тѣ болгары-католики, которые жили въ Валахіи, переехали въ Банатъ, гдѣ поселились въ Вингъ, получивъ въ 1744 г. вѣкоторыя привилегіи отъ императрицы Маріи Терезіи. Нѣкоторые изъ нихъ были пожалованы въ дворянство. Банатскимъ болгарамъ приходилось много терпѣть отъ своихъ сосѣдей, но они не теряли своей народности и еще въ концѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія старались поддерживать сношенія со своими задунайскими соплеменниками. Всѣ усилія католической пропаганды обратить къ Риму болгарское населеніе въ самую тяжкую, въ самую безправную пору его существованія принесли ничтожные результаты: общую численность обращенныхъ въ католиче-

ство Дриновъ насчитываетъ въ 60 тыс. челоуѣкъ, при чемъ большая часть ихъ были богомилами, «которыхъ уже самое беззащитное общественное положеніе могло заставить искать убѣжища въ нѣдрахъ католической пропаганды» ¹⁾. Съ паденіемъ католичества религиозное единство болгарскаго народа было обезпечено настолько крѣпко, что всѣ попытки нѣкоторыхъ политиковъ (Драгана Цанкова и др.) въ XIX вѣкѣ заключить унію съ Римомъ разбились о полное равнодушіе народныхъ массъ къ католичеству. И чѣмъ больше возрастала въ этихъ массахъ вѣра въ Россію, тѣмъ крѣпче онѣ объединялись и въ своемъ національномъ сознаніи. Эта вѣра срослась съ болгарскимъ народомъ еще съ того времени, когда паденіе Византіи перенесло заботы о защитѣ православія на русскій сѣверъ, когда легенда о трехъ Римахъ сдѣлала Москву продолжательницей православныхъ традицій греческаго царства. Въ эту пору болгарскій народъ, изнывавшій подъ мусульманскимъ игомъ, всѣ свои надежды на спасеніе возложилъ на «дѣда Ивана», какъ до сихъ поръ слыветъ Россія въ устахъ болгарскаго народа. Въ народномъ воображеніи представленіе объ этомъ «дѣдѣ Иванѣ» приняло религиозныя черты; сила его, по этому представленію, отъ Бога, отъ честнаго креста и отъ мощей святыхъ; придетъ время, когда дѣдъ Иванъ выгонитъ турокъ въ Анатолію, въ «Смаплову дупку», и воздвигнетъ крестъ на св. Софіи. А съ 1548 года во всѣхъ православныхъ церквахъ Востока во время богослуженія стали возглашать, по приказанію константинопольскаго патріарха Іоасафа: «Подаждь, Господи, многолѣтнее здравіе благовѣрному и благочестивому царю нашему Ивану» ²⁾. И вотъ въ концѣ XVIII вѣка этотъ «дѣдъ Иванъ» приобрѣлъ реальныя права на защиту своихъ православныхъ балканскихъ соплеменниковъ: по Кучукъ-Кайнарджійскому миру (10 іюля 1774 года) Россія обязывала турокъ уважать православную церковь въ провинціяхъ Валахіи и Молдавіи, которыя она возвращала Портѣ, а также на Архипелагѣ. Порта должна была почитать православное духовенство, возвратитъ монастырямъ ихъ владѣнія, прекратить всякія преслѣдованія церквей и райи. Правда, въ этомъ договорѣ не было еще и рѣчи ни о сербахъ, ни о болгарахъ, но громадное значеніе его для этихъ народовъ несомнѣнно: «дѣдъ Иванъ» показалъ, на чьей сторонѣ сила, на кого должны на-

¹⁾ М. Дриновъ. «Исторически прегледъ на българската църква отъ само-то ѣ начало и до днесъ». 1869, стр. 171.—Д. Милети чъ. «Изъ исторіята на българската католишка пропаганда въ XVII вѣкѣ». София, 1894, стр. 62—66.

²⁾ Ср. статью Юрд. Трифонова: «Историческо объясненіе на вѣрата въ «Дѣда Ивана» (Русия) у Българския народъ». Библиотека на Славянска Бесѣда. 1908.

дѣяться его слабые соплеменники, и съ этого времени престижъ Порты былъ подорванъ, и національное возрожденіе сербовъ и болгаръ пошло скорѣе. Въ этой народной работѣ участвовали два элемента: гайдуки, которые боролись за свой народъ и позже, еще во второй половинѣ XIX вѣка, и духовенство, сохранившее за болгарскимъ языкомъ характеръ литературнаго языка.

Этотъ языкъ сохранялся въ переводныхъ произведеніяхъ, получившихъ въ Болгаріи съ половины XVII вѣка болѣе широкое распространеніе. Греческій писатель и проповѣдникъ XVI вѣка, Дамаскинъ Студитъ, издалъ сборникъ поученій и житій, который былъ напечатанъ впервые въ 1528 году и потомъ выдержалъ въ теченіе XVII вѣка еще четыре изданія. «Сокровище» Дамаскина начало быстро распространяться и въ Болгаріи съ первой половины XVII вѣка; до сихъ поръ извѣстно 35 болгарскихъ «дамаскиновъ», какъ стали называть здѣсь эти сборники, получившіе довольно разнообразное содержаніе: къ произведеніямъ Дамаскина стали присоединять и другія сочиненія и статьи такого же характера, короткія поученія, проповѣди, переведенныя на «простой болгарскій языкъ» и т. д. По выраженію Б. Цонева, эти сборники представляли для болгарскаго книжника XVII и XVIII вѣка «единственное поученіе, развлеченіе и науку». Они вырабатывали книжный языкъ, поддерживали среди духовенства и въ зажиточныхъ классахъ народа литературныя потребности и вкусъ къ возвышеннымъ мыслямъ и, такимъ образомъ, подготовили появленіе новыхъ самостоятельныхъ писателей ¹⁾. Хранителемъ этого книжнаго преданія было болгарское духовенство, не потерявшее своего національнаго сознанія при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, созданныхъ фанаріотами. Въ Софіи еще въ половинѣ XVIII вѣка существовало училище, откуда выходила большая часть болгарскихъ священниковъ, получавшая здѣсь начальное образованіе, «простое чтеніе», какъ рассказываетъ въ своей автобіографіи Софроній Врачанскій, родившійся въ 1738 году. Среди этихъ болгарскихъ «грамматиковъ» были люди, славившіеся умѣніемъ быстро и хорошо писать: такъ, въ Трѣвнѣ одинъ грамматикъ ухитрился написать въ недѣлю псалтырь красивыми церковными буквами. Одинъ изъ мемуаристовъ, родившійся въ 1740 году, рассказываетъ, что въ молодости по домамъ ходили учителя, преподававшіе искусство читать и писать «по славяноболгарски». Тоже самое

¹⁾ Б. Цоневъ, «Новобългарска писменость прѣди Паисія», «Български Прѣгледъ», кн. 8 за 1894 годъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ «дамаскиновъ» напечатанъ Л. Милетичемъ въ изданіи «Български старини», кн. 2. «Коприщенски Дамаскинъ, новобългарски паметникъ отъ XVII вѣка». Софія, 1908 (здѣсь въ предисловіи указана и литература вопроса).

происходило въ Македоніи и, вѣроятно, во всей Болгаріи; монастыри Хилендарскій на Аеоиѣ и Рыльскій въ Болгаріи, и другіе монастыри и церкви содержали такія маленькія училища, которыя назывались килийними; до 1750 года ихъ было по всей Болгаріи около 20 ¹⁾. Сильное вліяніе сербскаго языка на эту старую болгарскую письменность не подлежитъ сомнѣнію; въ половинѣ XVIII вѣка начинается и прямое вліяніе возрождавшейся въ Австріи сербской литературы на болгаръ. Именно, въ 1758 году австрійскій сербъ, архимандритъ Раичъ, пріѣхалъ на Аеоиѣ и обратился въ Хилендарскій монастырь въ поискахъ матеріаловъ для своей исторіи. Онъ былъ одушевленъ горячей любовью къ прошлому своего народа и умѣлъ будить въ молодыхъ душахъ національное чувство. Подъ вліяніе Раича попалъ и молодой хилендарскій проигумевъ, Паисій, который рѣшилъ, по примѣру Раича, составить исторію своего народа и ревностно принялся за дѣло, собирая матеріалы какъ въ своихъ путешествіяхъ по Болгаріи и Банату, такъ и въ уже существовавшей исторической литературѣ (сочиненія Мавро Урбина и Баронія, переведенныя на русскій языкъ). Въ 1762 году въ уединенной келіи Зографскаго монастыря былъ готовъ трудъ, который далъ такой сильный толчекъ національному самосознанію болгарскаго народа, — «Исторія Славяно-Болгарская о народахъ, и о царѣхъ, и о святыхъ Болгарскихъ». Это было откровеніе для болгаръ: недаромъ укоряли ихъ греки и сербы, будто вѣтъ у болгаръ своей исторіи, — такъ жаловался въ предисловіи Паисій. Будучи пламеннымъ патріотомъ, онъ старался и въ своихъ соотечественникахъ воспитать то же чувство. «Сколько разъ и видѣлъ, что болгары усваиваютъ чужой языкъ и обычаи, а свой языкъ хулятъ, поэтому, я взялъ и написалъ, и пусть эти отцѣругатели, которые не любятъ святаго языка и народа, знаютъ»... Подобныхъ сѣтованій у Паисія не мало, и нѣкоторыя изъ нихъ должны были попадать не въ бровь, а въ глазъ людямъ, спѣшившимъ отречься отъ своего народа ради вышей, греческой культуры. «Они обращаются къ чужой политикѣ и не радѣютъ о болгарскомъ языкѣ, не учатся читать и говорить по-болгарски, и стыдятся, что называются болгарами. О неразумный, о юродивый! Чего ради ты стыдишься и не читаешь на своемъ языкѣ и не думаешь о немъ? Или болгары не имѣли царства и государства? Но онъ говорить: греки мудрѣе и политичнѣе, а потому лучше пристать къ грекамъ. Посмотри, неразумный, мало ли народовъ славнѣе и мудрѣе грековъ, да развѣ какой-нибудь грекъ оставитъ свой языкъ и ученіе и родъ, какъ ты, безумный, который оставляетъ свое и не получаетъ

¹⁾ П. Ванковъ. «Исторія на учебното дѣло въ България отъ край вѣме до освобождението». 1903.

низякой пользы отъ греческой мудрости и политики», и наконецъ онъ давалъ поученіе: «Ты, болгарине, не прельщайся; знай свой родъ и языкъ и учися по своему языку; боле есть болгарства простота и незлобіе». Съ такой же страстностью болгарскій патриотъ ополчался и на греческое духовенство, стремившееся держать въ духовномъ рабствѣ и невѣжествѣ болгарскій народъ, который «много неправеднаго насилія терпѣлъ отъ греческихъ владыкъ. Но болгары почитаютъ ихъ за архіереевъ и сугубо ушачиваютъ имъ все должное, за это по своей простотѣ и незлобію они воспримутъ отъ Бога мзду свою; такъ и архіереи, которые съ насиліемъ, а не съ архіерейскимъ правиломъ творять болгарамъ великую обиду и насиліе, получаютъ за свои дѣла и безсовѣстность мзду свою отъ Бога».

Идеи Паисія получили широкое распространеніе, его исторія была переписана во множествѣ экземпляровъ, изъ которыхъ нѣкоторые содержатъ дополненія; въ скоромъ времени появились послѣдователи этого отца болгарской исторіи ¹⁾. «Со своей исторіей въ рукахъ, какъ нѣкогда Христовы Апостолы съ крестомъ, онъ пошелъ будить и просвѣщать болгарскую землю и всюду, куда онъ ни проникалъ, онъ зажигалъ сердца живительнымъ пламенемъ». Въ такихъ восторженныхъ словахъ болгарскій историкъ Миларовъ опредѣляетъ значеніе Паисія. И дѣйствительно, пламя, зажженное этимъ энтузіастомъ національнаго возрожденія, не угасло: изъ ближайшихъ учениковъ Паисія двое явились его достойными продолжателями, такими же неутомимыми, упорными, самоотверженными будителями народной души. Это были іеросхимонахъ Спиридонъ, написавшій въ 1792 году «Исторію въ кратцѣ о Болгарскомъ народѣ славенскомъ», и епископъ Врачанскій, Софроній. Историкъ Спиридонъ такъ же охваченъ національной идеей, какъ и его учитель; онъ самъ сознавался, что не былъ очень ученъ, и «не зналъ художество писанію», но «сожелалъ о своемъ народѣ, аще и не ученъ былъ, дерзнути и написать во кратцѣ мало, да не до конца въ забвение будетъ». Подобно своему учителю, Спиридонъ уже подумывалъ о томъ, что когда-нибудь его народъ свергнетъ турецкое иго. Рассказывая о второмъ разореніи Болгаріи, онъ влагаетъ въ уста патриарху слѣдующія гордыя слова, которыя должны были вызвать радостный трепетъ въ сердцахъ его современниковъ. «Вѣси ли, о царю (внушаетъ патриархъ безбожному Селину, наущая его погубить славянскихъ государей), что сеи сотво-

¹⁾ О Паисіи см. статью М. Дринова въ журналѣ «Периодическо Списание» за 1871 г., теперь въ полномъ собраніи его сочиненій, а также М. Маринова въ его «Исторіи на българската литература», 1887 г. и С. Миларова въ «Исторіи на българскій народъ», 1885.

рилъ? Нынѣ ты собралъ еси болгаровъ и сербовъ и взялъ еси Цариградъ, а завтра они сами соберутся на тя и возьмутъ Цариградъ». Такъ могъ говорить въ концѣ XVIII вѣка человекъ, который былъ преданъ своей народной идеѣ до такой степени фанатически, что ему уже казались осуществимыми самыя смѣлыя мечты ¹⁾. Между тѣмъ приближалось время величайшихъ бѣдствій для всего болгарскаго народа, вѣрную картину которыхъ описалъ другой ученикъ Панаіа, епископъ Софроній Врачанскій. Онъ былъ уроженцемъ села Котла, расположеннаго въ узлѣ Малыхъ Балканъ. Въ этой горной мѣстности болгарская народность сохранилась особенно твердо до самыхъ послѣднихъ временъ турецкаго ига. Еще въ изданныхъ во время русско-турецкой войны 1877 года «Матеріалахъ для изученія Болгаріи» дается слѣдующая характеристика (вып. III, стр. 33) болгаръ: «изъ нихъ болѣе горды и независимы тѣ, которые живутъ внутри страны, гдѣ нѣтъ мусульманскаго народонаселенія, и въ уступахъ Балканъ». Изъ этой мѣстности происходилъ и котельскій священникъ Стойко Радославовъ, впоследствии епископъ Софроній. Если и здѣсь приходилось выносить немовѣрныя обиды и гнетъ отъ турокъ и грековъ-фанариотовъ, то что же сказать о равнинахъ, открытыхъ мѣстностяхъ, всегда досугныхъ для неистовствъ янычаръ?

Въ продолженіе двадцати лѣтъ (съ 1762 года) Стойко, посвященный въ священники, училъ болгарскихъ дѣтей грамотѣ и письму, при чемъ въ скоромъ времени, уже въ 1765 году, познакомился съ Панаіемъ, пришедшимъ со своей исторіей въ Котель и произведшимъ громадное впечатлѣніе на молодого учителя. Онъ переписалъ исторію Панаіа и сдѣлался сознательнымъ патриотомъ; по его словамъ, онъ «училъ дѣтей грамотѣ, и, такимъ образомъ, жилъ себѣ хорошо и спокойно». Но спокойствіе не было удѣломъ болгарскаго священника того времени: въ постоянныхъ войнахъ между Турціей и европейскими державами, ближайше заинтересованными въ балканскихъ событіяхъ, сѣверная Болгарія страдала прежде всего. Въ своей автобіографіи Софроній рассказываетъ о злоключеніяхъ, которыя ему пришлось пережить въ эти годы войнъ, и рисуетъ цѣлый рядъ любопытныхъ бытовыхъ картинъ. Корыстолюбіе греческаго духовенства было невѣроятно: архіерей посвящалъ въ священники тѣхъ, кто ему больше платилъ. И Софроній, котораго его односельчане выбрали въ священники, наивно рассказываетъ по поводу того, что другой претендентъ на приходъ перебилъ его: «какъ непріятно

¹⁾ Исторія Спиридона съ обширнымъ ученымъ предисловіемъ издана проф. В. Н. Златарскимъ въ 1900 году. «Жизнь и страданія грѣшнаго Софронія» изданы въ русскомъ переводѣ во 2-мъ томѣ «Славянскаго Сборника».

и жалъ мнѣ стало, тѣмъ болѣе, что я уже было исповѣдывался у духовника, взялъ у него свидѣтельство и приготовилъ все нужное!» Кое-какъ, однако, Софронію удалось добиться посвященія. Начались новыя бѣды: «такъ какъ я зналъ немного читать, повѣствуетъ онъ, другіе званцыники ненавидѣли меня, потому что всѣ въ то время были пахари, а я, по своей безумной гордости, не хотѣлъ покоряться имъ. Они были просты и неучены, и потому клеветали на меня передъ архіереемъ, и онъ много разъ заточалъ и наказывалъ меня». Въ 1768 году, во время русско-турецкой войны, «нерѣдко проѣзжали черезъ наше село наши и заставляли меня писать имъ квартирные листы. Отъ поспѣшности мнѣ некогда было сдѣлать выборъ квартиръ, а пашамъ означенныя въ листахъ квартиры зачастую не нравились, и вотъ нѣсколько разъ за это они прицѣплялись въ меня пистолетами. Разъ случилось, что одинъ изъ нихъ бросилъ въ меня пикой, но, къ счастью, не попалъ».

Въ половинѣ 70-хъ годовъ Софроній попалъ на Аеонъ, гдѣ провель 6 мѣсяцевъ. Вернувшись оттуда, онъ занялся обученіемъ дѣтей грамотѣ, но архіерей сдѣлалъ его своимъ экономомъ, и вотъ, рассказываетъ Софроній, «разстроилъ я богобоязненную свою жизнь, сталъ въ угоду ему, по греческому обычаю, грабить и обижать народъ, будто бы за нарушеніе степеней родства (при бракѣ) и подъ разными другими благовидными предлогами судилъ и ридилъ больше изъ-за денегъ и все въ угоду архіерею». Во время раздора между двумя турецкими претендентами на губернаторскій постъ «назначили сему (архіерею) платить десять кошелековъ (5000 грошей)». Въ видѣ заложниковъ оставили 3 человекъ, въ томъ числѣ Софронія, и когда уплата задержалась, имъ грозили отрубить головы. Много еще разнообразнѣйшихъ бѣдъ испыталъ Софроній. Отъ страха и отъ болѣзней у него выпали въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ всѣ волосы, наконецъ, «напала на меня, рассказываетъ Софроній, какая-то сердечная тоска; удрученный болѣзнию, я никакъ не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ, чтобы сосчитать хоть десять человекъ, но все ходилъ, какъ сумасшедшій, туда и сюда и плакалъ. Казалось, что вотъ-вотъ такъ и вылетитъ душа». Лѣчили его какими-то нашептываніями знахарки, за что духовникъ запретилъ ему служить въ продолженіе трехъ лѣтъ литургію; спустя же три года, сталъ запрещать и архіерей, требуя за разрѣшеніе денегъ, которыхъ у Софронія не было, такъ какъ онъ и его семья совершенно разорились. Много униженія за эти годы пережилъ несчастный Софроній; къ довершенію горя разболѣлась его попадья, пролежала шесть мѣсяцевъ и умерла. Но всѣ эти бѣды были ничѣмъ по сравненію съ тѣмъ громаднымъ несчастьемъ, которое обрушилось на весь болгарскій народъ въ эпоху смуты, терзавшихъ Оттоманскую имперію въ концѣ XVIII и въ началѣ

ХІХ вѣковъ. Въ эту пору, когда имперія распалась на нѣсколько полу-самостоятельныхъ пашалыковъ и еще болѣе мелкихъ единицъ, когда право сильнаго рѣшало все вопросы жизни, положеніе болгаръ было невыносимо. Мемуары Софронія ярко отражаютъ эту невыносимость положенія. Въ разбояхъ кирджалій и другихъ насильниковъ болгары участвовали почти на равныхъ правахъ съ турками; вообще, поднялись все худшіе элементы безъ различія національностей, и вся промышленная и государственная жизнь страны пришла въ полный упадокъ. На грабежи, производимые гайдуками, постоянно жалуются и сами болгары (монастыри, отдѣльныя самостоятельныя лица и т. д.). Такихъ жалобъ не мало среди напечатанныхъ уже документовъ турецкаго времени, и большинство ихъ относится ко второй половинѣ ХVІІІ столѣтія. Болгарія страдала отъ этой неурядицы прежде всехъ, потому что въ богатыхъ краяхъ Фракіи и сѣверной Болгаріи было особенно много простора для всякихъ искателей приключеній. Въ это время все отношенія спутались: вчерашній преступникъ, присужденный султаномъ къ смерти, завтра назначался имъ же начальникомъ пашалыка; губернаторы областей, аены, добивались положенія завоеваніемъ своихъ губерній; православный попъ оказывался среди вѣрныхъ помощниковъ кирджалій и получалъ у нихъ почетное названіе *кабадайи* (буквально «не совсѣмъ готовый юнакъ», въ родѣ пажа), онъ грабилъ болгаръ и турокъ, не разбирая національностей; иной аеникъ, по преданіямъ народа, заботился о болгаряхъ больше, чѣмъ о туркахъ, если можно говорить о заботливости въ эту эпоху совершенной анархіи, когда каждый грабилъ, что могъ ¹⁾. Въ султанскомъ ферманѣ, изданномъ въ 1795 году, справедливо было указано: «Очевидно, если императорская власть моя еще на короткое время допустить развитіе этого ненормальнаго положенія, если

¹⁾ Яркія картины прошлаго далъ П. Р. Славейковъ: «Историческия разсказы отъ минзлитѣ времѣна». Периодическо Списание за 1885 г. Очень важны сообщенія Меріажа: «Notes sur Paswan-Oglu» (1809), напечатанныя въ *Revue Slave*, т. I—II, и въ сербскомъ переводѣ, съ біографіей автора, въ Гласникѣ Земальског музеја у Босни и Херцеговини, т. ХVІІ. 1905. «Турски държавни документи за кърджалиитѣ» (36 документовъ отъ 1793 до 1806 года, собранные Д. Ихчиевымъ и представляющіе матеріалъ первостепенной важности). Сборн. за народни умотвор., наука и книжнина, кн. 22 и 23, София. 1906—07. Далѣе см.: С. Новаковичъ. «Турско Царство пред Српски Устанакъ», 1906.—В. Стояновъ-Веронъ. «Археологически и исторически изслѣдованія». Търново. 1887.—Хр. Константиновъ. «Петко Войвода». 1883.—К. Иречекъ. «Исторія Болгарь», гл. 28.—М. Вукичевичъ. «Караджордже» кн. I (1907), гл. 8.—В. Д. Стояновъ. «Турцитѣ въ Европа» (здѣсь и старая болгарская бібліографія о кирджалияхъ) и Т. Васильовъ. «Кърджалиитѣ въ Тетевенъ». Період. спис. 1882. Иорд.—Н. Георгиевъ. «Кърджалиитѣ и Османъ Пазвантоолу». Търново, 1900.

моя имперія допустить этимъ разбойническимъ волненіямъ спокойно развиваться и въ другихъ частяхъ, придется признать, что въ Румили существуетъ полная анархія, власть уничтожена, законы не имѣютъ силы, страна разорена и порядокъ не можетъ быть возстановленъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что бѣдная райа, живущая въ городахъ, селахъ и поселкахъ и немилосердно притѣсняемая, будетъ вынуждена разбѣгаться по горамъ и плоскогоріямъ, а все остальное будетъ отдано на расхищеніе безбожнымъ врагамъ». Какъ должны были дѣйствовать на настроеніе населенія подобныя ферманы? Они не могли укрѣпить въ немъ уваженіе къ власти.

Войны съ Австріей и Россіей довели Турцію подъ конецъ XVIII вѣка до полного изнеможенія. Центральная власть были обезсилена, казна пуста, и толпы янычаръ кормились грабежами; въ самомъ Константинополѣ они дѣлали, что хотѣли. Съ завоеваніемъ Крыма Россіей въ Турцію переселились мелкіе татарскіе султаны, которые получили помѣстья и вступили въ рангъ турецкихъ спахій, не отказываясь, однако, ни отъ своихъ династическихъ счетовъ, ни отъ деспотическихъ замашекъ, вслѣдствіе чего въ происходившихъ смутахъ они принимали весьма видное участіе. Особенно много такихъ султановъ было въ селахъ около Карнобата, Сливна, Ямбола и Новой Загоры и къ югу-востоку отсюда; къ западу отъ Старой Загоры и въ сѣверной Болгаріи (кромя Върбицы) ихъ не было, но за то здѣсь господствовали кирджалии и разбойники-аены, которые въ своихъ междоусобныхъ войнахъ перестали брезговать помощью христіанъ и привлекали въ свои необузданныя полчища и болгаръ. Въ 1792 году на сцену выступаютъ кирджалии, которые до 1811 года держатъ въ страхѣ всю Болгарію и не оставляютъ ея въ покоѣ и позже, до 1816 года. Съ ними народная пѣсня до сихъ поръ связываетъ самыя ужасныя воспоминанія. Они «старо колать, младо робать, малки деца не оставятъ» (старыхъ колють, молодыхъ въ плѣнъ берутъ, малыхъ дѣтей не оставяютъ). Современныя церковныя записи (напр., въ селѣ Тетевенѣ, лежащемъ въ Балканскихъ горахъ) сообщаютъ, что «пришли кирджалии и сожгли село Тетювене, сialiли церковь, перегубили людей, мужей и женъ и дѣтей половину села» (1801). По преданію, въ эти годы разбойничества кирджалий (какъ ихъ называли по одной изъ турецкихъ областей Кърджалэ въ Восточной Румелии, населенной почти исключительно турками и принявшей чуть не поголовное участіе въ разбояхъ¹⁾ или хайтовъ (какъ ихъ называли въ

¹⁾ Д. Ихчиевъ производитъ слово «кърджали» (въ турецкихъ документахъ «кърджали-огулари», т.-е. сыновья кирджалий) отъ персидскихъ кър (пустыня, необитаемое мѣсто) и чале или джалэ (блестящій, герой и т. д.). Такъ называлось племя, подвластное турецкому господ-

просторѣчи, обозначая этимъ словомъ вообще бродягъ, воровъ и т. п.) въ каждомъ христіанскомъ селѣ женщины по очереди дежурили на самомъ возвышенномъ мѣстѣ селенія и, когда вдали показывались кирджалии, что случалось раза два въ годъ, оповѣщали жителей, и тѣ, забирая свои пожитки, укрывались въ лѣсахъ и горахъ. Здѣсь они просиживали въ укромныхъ мѣстечкахъ цѣлыя недѣли, пока кирджалии не уходили сами или ихъ не проговяли гайдуки, изъ которыхъ нѣкоторые (напр., Ангель Войвода, Петко Войвода) почитаются народной памятью до сихъ поръ. Современные писатели разсказываютъ о возникновеніи кирджалий рядъ подробностей. Такъ, французскій посланникъ, Шуазель Гуфье, передаетъ слѣдующее: «Кирджалии—наемные разбойники, которымъ слабость правительства сдѣлала возможнымъ гибельное вліяніе на судьбы имперіи. Лѣтъ двадцать тому назадъ, жители турецкаго села Кирджъ, въ Болгаріи, перебрались въ горы, возмущившись дурнымъ обращеніемъ ихъ паши. Съ этого времени они начали нападать на караваны и грабить села на равнинахъ. Въ этомъ первомъ отрядѣ ихъ было немного, и всѣ они были мусульманами. Впослѣдствіи они оставили религіозныя стѣсненія и увеличились въ числѣ, привлекая къ себѣ всѣхъ, которые не имѣли пропитанія и крова, или бѣжали отъ какаго-нибудь несчастія и преступленія. Когда они усилились и сдѣлались пугаломъ, ихъ стали принимать на свою службу возмущившіеся старѣйшины. Переходя на сторону то одного, то другого, кто имъ больше платилъ, они во время безпорядковъ, уже давно терзавшихъ Фракію, разграбили почти всѣ города этой области. Нѣкоторые они совсѣмъ разорили, какъ напр., Габрово, болгарскій городъ, лежащій въ одной изъ прекраснѣйшихъ балканскихъ долинъ, Фавію, Кара-Бунаръ и много другихъ, отъ которыхъ не осталось и слѣда». Къ этимъ словамъ, относящимся къ началу 90-хъ годовъ, у сербскаго писателя Вука Караджича мы находимъ не мало дополненій. «Кирджалии говорили между собой чаще всего по-турецки и по-албански, но въ общество свое принимали людей всякой вѣры и народности, а, такъ какъ они вообще не соблюдали религіознаго закона, то никто на это и не обращалъ вниманія. У всѣхъ у нихъ были прекрасные, богато украшенные кони. Носили они обыкновенно голубые шаровары и короткія,

ству и переселенное турками изъ Азіи; оно было обязано платить туркамъ дань за право владѣнія землей. По мнѣнію Ихчѣва, кирджалии были «потомками одного маленькаго, воинственнаго и почти независимаго народа, переселеннаго изъ Азіи въ началѣ турецкаго завоеванія Европейской Турціи къ подножію дѣвственныхъ горъ въ возвышенной мѣстности съ богатыми пастбищами. Единственнымъ занятіемъ этого кирджалийскаго населенія было, прежде всего, разбойничество, грабежъ, кража, избіеніе мирнаго населенія, а затѣмъ скотоводство, какъ это устанавливается рядомъ документовъ, данныхъ турецкими властями».

шитыя золотомъ, куртки, а вокругъ головы обертывали пестрые шелковые платки; оружіе у нихъ было оковано золотомъ и серебромъ; кромѣ пистолетовъ, ножей и сабель, они были вооружены длинными ружьями, которыя своимъ прикладомъ и дорогой оправой отличались отъ иныхъ ружей. Съ собой кирджалии возили молодыхъ рабынь (гевенди); во время боя эти послѣднія, одѣтыя въ мужское платье, держали ихъ коней, во время отдыха играли на гитарахъ. Впослѣдствіи кирджалии и нанимались, и воевали за тѣхъ, кому это было нужно: когда, напр., между собой ссорились два города или враждовали два паши, или два родныхъ брата, они помогали тому, кто болѣе платилъ».

Организація кирджалий представляетъ особенности нерегулярнаго войска, нѣсколько напоминающаго нашихъ казаковъ Сѣчи, хотя совершенно лишеннаго тѣхъ высокихъ идеаловъ, которымъ служили запорьжцы. По словамъ Славейкова, разбойническая шайка кирджалий признавала одного главу, но дѣлилась на двѣ четы или отряда, а впослѣдствіи—на большее число отрядовъ, у которыхъ были свои начальники, назначенные общимъ вождемъ всѣхъ кирджалий. Въ случаѣ какого-нибудь важнаго предпріятія всѣ эти отряды объединялись и дѣйствовали совмѣстно, въ менѣе важныхъ случаяхъ они дѣйствовали каждый отдѣльно, но всегда съ вѣдома главнаго вождя, которому они давали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и вносили приходящуюся ему часть добычи. Сначала каждое отдѣленіе состояло изъ ста человѣкъ, потомъ оно разрослось до 400 и болѣе человѣкъ, а всѣхъ кирджалий было отъ 2000 до 4000 человѣкъ (впослѣдствіи ихъ число поднялось до 25 тыс.). Территоріей, на которой хозяйничали кирджалии, являлась обширная область отъ Чернаго моря до Албаніи; отъ Визы (къ западу отъ Константинополя) до Струмы и Вардара, и отъ Сливна по Балканамъ и за Балканами до Видина и Ниша они не оставили ни одного города, ни одного селенія не разграбленными. Селеніе Копрившица за время съ 1793 по 1800 годъ было разграблено три раза, и жители его эмигрировали въ Валахію и ни за что не хотѣли вернуться назадъ, такъ что еще въ 1810 году оно стояло почти пустое; самое Терново мѣстнымъ жителямъ удалось отстоять, но селеніе Арбанаси близъ него было обращено въ развалины, жители его эмигрировали, и впослѣдствіи это село было занято новыми пришельцами изъ другихъ мѣстъ. Такой же участи подвергся городъ Панагюрище (въ сѣв. Фракіи, между Златицей и Татаръ-Пазарджикомъ). Этотъ городъ славился своимъ скотоводствомъ; по восторженному выраженію его историка, этотъ маленькій городъ украшалъ, подобно расцвѣтшей розѣ, зеленый бархатъ полей на несравнимыхъ по своей красотѣ. Среднихъ горахъ ¹⁾. И вотъ на этотъ богатый и счастливый го-

¹⁾ М. В л а й к о в ъ. «Вдѣлжки върху економическото положение на града Панагюрище прѣди и слѣдъ въстанието (1876 года)». Пловдивъ. 1904.

родовъ ринулись кирджалии, которые заставили жителей города разбѣжаться, а половину опустѣвшаго города сожгли. Цѣлые 12 лѣтъ послѣ этого Панагюрище стояло пустымъ. Въ документахъ, напечатанныхъ Д. Ихчиевымъ, эта картина безпомощности турецкаго правительства встаетъ очень ярко. Въ 1793 году главнокомандующій султанскими войсками, посланными для уничтоженія разбойничьихъ шаекъ, сообщаетъ населенію Софійскаго округа «окончательное царское желаніе, чтобы разбойничьи шайки были кореннымъ образомъ, какимъ бы то ни было способомъ, истреблены»; къ 1797 году относится цѣлый рядъ документовъ, указывающихъ на необычайную для турокъ энергію въ преслѣдованіи кирджалий. Населенію Софіи ставится въ похвалу его содѣйствіе правительству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этого документа (№ 14 въ собраніи Ихчиева) явствуетъ, какъ необходимость обороны спланивала христіанъ, готовящая, такимъ образомъ, будущее возрожденіе ихъ національныхъ стремленій. Именно, здѣсь говорится: «тамошнее, т.-е. софійское населеніе всегда поддерживаетъ тѣсныя отношенія не только съ населеніемъ другихъ округовъ (казъ), но и съ сосѣдними военными постами и съ мѣстными административными властями, чтобы въ случаѣ необходимости оказать сопротивленіе все населеніе могло бы собраться въ одно мѣсто, гдѣ будетъ въ этомъ нужда». Нѣсколько позже (№ 17) сообщается, что шайки кирджалий двинулись въ направленіи къ селамъ, лежащимъ въ Плевненскомъ, Ловечскомъ и Терновскомъ округахъ, а другія къ Никополю, и противъ нихъ предполагается принять крутыя мѣры. Это писалось въ іюнь 1797 года, а въ ноябрѣ султанское правительство уже съ прискорбіемъ отмѣчало (№ 24), что надзоръ за разбойниками оказался слабъ, и что они свободно перешли въ другія мѣста. Жалобы на собственное безсиліе смѣняютъ эти предписанія ловить кирджалий и расправляться съ ними. Въ 1805 году правительство сѣуетъ, что шайки перебрались уже изъ софійскаго округа въ Пловдивскій (Фалиппопольскій), но готово все имъ простить и забыть, если онѣ откажутся отъ разбоевъ. Итакъ, въ продолженіе 1793—1806 все та же картина безсилія и анархіи.

При такихъ условіяхъ нечего было, конечно, и думать о сколько-нибудь правильной гражданской жизни. Епископъ Софроній Врачанскій, назначенный епископомъ въ 1794 году, отправился въ свою епархію Врацу (сѣв.-востокъ отъ Софіи, въ Старой Планинѣ), но въ Плевнѣ узналъ о междоусобной борьбѣ между турецкими агами. Съ большимъ трудомъ Софроній добрался до Врацы. «Пріѣхаль я въ свою епископію,— рассказываетъ онъ,— но и она показалась мнѣ не лучше тюрьмы. Христіане приняли меня съ радостью. Въ воскресенье и праздничные дни я ходилъ по церквамъ, часто говорилъ поученія на нашемъ

болгарскомъ языкѣ, и христіане, не имѣвъ случая слышать такихъ наученій отъ другого архіерея, считали меня философомъ. Ходилъ я и по деревнямъ собирать мирію (владычину), но помощи-милостыни, по обычаю, давали мнѣ очень мало, потому что въ тотъ годъ былъ страшный голодъ по всей Болгаріи». Къ этому голоду въ скоромъ времени присоединилась чума, «не осталось ни одной незараженной ею деревни». Въ епархіи Софронія кипѣла война между кирджалиями Пазванъ-Оглу и турецкими войсками или другими агами, епископъ бывалъ принужденъ или сидѣть безвыходно въ своемъ домѣ, или находится внѣ епархіи, куда его не пропускали кирджалии. Особенно тяжело Софронію было по матеріальнымъ его недостаткамъ, о которыхъ онъ такъ подробно рассказываетъ въ своей автобіографіи. Получивъ епархію за большія деньги, Софроній оказался не въ состояніи платить даже проценты. «Епархія разорена,—жалуется онъ,—ни одной деревни не осталось въ цѣлости, всё были сожжены кирджалиями и гайдучками Пазванджи; жители разбѣжались по Валахія и по другимъ мѣстамъ. Между тѣмъ, синодъ не вѣрить, требуетъ одинаковой миріи, какъ за прежніе годы, и нѣтъ никакой возможности какъ-нибудь покончить съ епархіей и долгомъ». Наконецъ, Софронію удалось съ помощью турецкой протекціи получить отставку, и онъ принялся писать книги на болгарскомъ языкѣ, желая хоть чѣмъ-нибудь быть полезнымъ своему народу.

Пазванджи, о которомъ упоминаетъ Софроній или Пазванъ-оглу (Пазвантъ-оглу), одна изъ интереснѣйшихъ личностей этого времени. Въ рассказѣ Меріажа личность его при всей своей грубости выступаетъ въ довольно симпатичномъ свѣтѣ. Сынъ одного изъ видинскихъ турокъ, разбогатѣвшато насиліями надъ населеніемъ и за то привлеченнаго въ 1787 г. къ ответственности, онъ вмѣстѣ съ отцомъ выдержалъ правильную осаду представителей правосудія, вмѣстѣ съ нимъ прорвался черезъ толпу осаждавшихъ ихъ домъ, но сумѣлъ спастись, между тѣмъ, какъ отецъ его погибъ. Съ этого времени месть врагамъ отца становится главной цѣлью жизни Пазванъ-оглу, который, привлекая на свою сторону кирджалий, добился того, что сталъ господиномъ Видина и расправился со всѣми отцовскими врагами. Исторія его борьбы съ турецкимъ правительствомъ рисуется въ настоящее время довольно ярко на основаніи большого числа документовъ, извлеченныхъ неутомимымъ изслѣдователемъ турецко-болгарскихъ отношеній Д. Ихчиевымъ¹⁾. 9 декабря 1787 г., въ виду появленія разбой-

¹⁾ Они напечатаны имъ въ 24 книгѣ (за 1908 г.) «Сборника за народни умотворения, наука и книжнина». Изъ 106 документовъ 6 относятся къ 1792 г., 8—къ 1793, 8—къ 1794 и 77—къ 1797—1798 годамъ, когда правительство

ничьихъ шаекъ бунтовщиковъ Юмеръ-Пазвантъ-заде и его сына Османа Пазвантъ-оглу, предписывается оказывать имъ всяческое сопротивленіе, въ ноябрѣ 1792 г. Османъ и его товарищи были посланы въ заточеніе въ Карсъ, но помилованы. «Пусть они будутъ покорны, тихи и мирны и останутся въ Видинѣ». Въ случаѣ новыхъ преступленій ихъ предупредили, что дѣло не ограничится ссылкой, а кончится смертною казнью. Конечно, бунтовщики не утомились: уже въ султанскомъ ферманѣ отъ 1 іюня 1793 года рассказывается о новыхъ ихъ преступленіяхъ и предписывается захватить и казнить Пазвантъ-оглу; имущество его назначено въ продажу. Казалось бы, что дѣла Пазвантъ-оглу плохи: однако, уже 21 іюня 1793 года нашлись у него защитники, которые подали прошеніе о помилованіи Пазвантъ-оглу, и 11 декабря того же года состоялось помилованіе. Въ ферманѣ этотъ разбойникъ названъ «славнымъ надъ славными служителями» султана. Послѣ указанія на прежнее постановленіе о смертной казни султанъ заявляетъ: «я узналъ, что уже упомянутый Османъ Пазвантъ-оглу исполнялъ честно и добросовѣстно свою службу, благодаря которой заслужилъ прощеніе прежнихъ своихъ преступленій». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ начальникомъ 31 янычарскаго полка, а 3 декабря 1794 года онъ уже называется главнымъ начальникомъ янычаръ въ Видинскомъ округѣ. На время наши документы оставляютъ Пазвантъ-оглу въ покоѣ. Послѣдній изъ этого ряда, относящійся къ 1794 году, рисуетъ картину страшной бѣдности и задолженности населенія, но увѣряетъ, что янычары нисколько не обижаютъ его.

Уже въ 1795 году вся верхняя Болгарія находилась фактически въ рукахъ Пазвантъ-оглу, и всѣ попытки турецкаго правительства свергнуть его оказывались неудачными. Когда же султанъ Селимъ III, мечтавшій объ уничтоженіи янычаръ и заведеніи постоянного войска (pizam-gedit), возбудилъ противъ себя страшное негодованіе правовѣрныхъ, то во главѣ правовѣрныхъ сталъ видинскій узурпаторъ, который началъ серьезно помышлять о низверженіи либеральнаго султана «гяурина» и захватѣ престола. Въ 1797 году началась упорная борьба съ Пазвантъ-оглу, которая тянулась безуспѣшно для правительства до конца сентября 1798 года, когда часть войска была распущена на зиму. 27 октября 1798 г. султанъ Селимъ III съ отчаяніемъ рассказываетъ о своихъ добрыхъ желаніяхъ ввести порядокъ и миръ, улучшить положеніе насе-

вступило въ рѣшительный бой съ Пазвантъ-оглу. Матеріалы изъ тайнаго архива австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ за время съ 1797 по 1802 годъ напечаталъ Л. И. Поповъ въ той же книгѣ этого журнала. Здѣсь и планъ осады Видина въ 1798 году.

ленія, о грабежахъ янычаръ и т. д.; полное безсиліе власти слышится въ этихъ lamentаціяхъ. На этомъ годѣ документы Ихчиева опять обрываются. Наконецъ, въ 1801 г. отношенія между Портой и Пазвантъ-оглу сложились въ ихъ обоюдному удовольствію, и этотъ послѣдній былъ признанъ официально видинскимъ пашой. Послѣ этого, рассказываетъ Меріажъ, «въ Европейской Турціи, особенно въ Болгаріи и Румыніи, наступили такіе беспорядки, что проѣхать изъ Константинополя въ Валахію стало невозможно; нельзя было проѣхать и черезъ Сербію, гдѣ кипѣло возстаніе». До самой своей смерти, въ 1807 году, Пазвантъ-оглу управлялъ, какъ почти абсолютный государь, территоріей отъ Оршовой до Никополя; турецкихъ колонистовъ, по мнѣнію Меріажа, здѣсь было отъ 15 до 18 тысячъ, остальное населеніе состояло изъ болгаръ. Видинскій паша былъ жадеиъ на деньги, скорѣ на руку, жестокъ, но у него были и достоинства, не слишкомъ частыя у турецкихъ пашей. Если дѣло не касалось его личныхъ выгодъ, онъ могъ быть справедливъ. Правда, стоило ему заподозрѣть, что врачъ хочетъ его отравить, и врачу рубили голову, такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ врачи бѣжали изъ Видина, и Пазвантъ-оглу дѣлился собственными средствами изъ аптеки, которую онъ купилъ гдѣ-то; однако, въ извѣстныхъ случаяхъ этотъ самодуръ умѣлъ показывать свое великодушіе, такъ что, по словамъ нашего французскаго источника, «болгарскіе крестьяне говорили, что Османъ врагъ только туркамъ, и дѣйствительно, турки очень боялись его и, когда Османъ проходилъ по городу, они прятались». Когда Пазвантъ-оглу умеръ (въ январѣ 1807 года), этому порадовался весь городъ, и жители города вмѣстѣ съ янычарами и агами твердо рѣшились не выпускать въ городъ его войско, численность котораго превышала десять тысячъ; послѣ сношеній съ султаномъ, пашей видинскимъ былъ назначенъ одинъ изъ приближенныхъ Османа, Мулапаша, который соблюдалъ полную лояльность по отношенію къ турецкой власти.

Въ то время, какъ верхняя Болгарія была захвачена кирджалиями Пазвантъ-оглу, въ нижней хозяйничалъ другой, почти самостоятельный паша Терсеникъ-оглу (или Трестениклія), который захватилъ въ свою власть земли отъ нижняго Дуная и Никополя до Браилова и получилъ отъ Порты ферманъ, подтверждающій здѣсь его господство. Такимъ же независимымъ отъ султана былъ аенъ въ Янинѣ, и между всѣми этими правителями шла ожесточенная борьба, при чемъ турецкіе паши вовсе не брезгали и христіанскими войнами. И вотъ въ 1796 году между Терсеникомъ и Пазваномъ началась форменная война, и послѣдній въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ осаждалъ по всѣмъ правиламъ искусства Русукуъ, но не взялъ его и удалился, на пути такъ опустошивъ земли:

своего врага, что «около Никополя и до сихъ поръ остались слѣды этой экспедиціи; многихъ сель совсѣмъ не стало», говоритъ Меріажъ. Пострадало прежде всего, конечно, болгарское населеніе, которое къ Терсеникъ-оглу относилось, какъ можно судить по сохранившимся преданіямъ, дружелюбно. Такъ, съ помощью болгарскихъ кирджалий (кабадаи) Терсеникъ завоевалъ Терново и села около этого города, въ числѣ которыхъ находились довольно значительные теперь городки, Габрово, Дръново и др. Въмѣсто того, чтобы запугивать жителей, Терсеникъ-оглу обходилъ дома, подбадривалъ и успокаивалъ христіанъ, угощалъ самыхъ почетныхъ болгаръ и т. д. Въ сношеніяхъ съ хищнымъ греческимъ духовенствомъ онъ явно становился на сторону крестьянъ и, вообще, къ болгарамъ онъ былъ свиходителенъ и милостивъ. Жестоко расправляясь со своими соперниками (напр., съ султаномъ Върбиды, который посягнулъ на владѣнія одного аена, бывшаго подъ покровительствомъ Терсеникъ-Оглу), рущукскій паша сохранялъ лояльность по отношенію къ Константинополю и даже готовился идти на помощь къ султану Селиму, когда былъ убитъ мужемъ женщины, которую онъ забралъ въ свой гаремъ. Это было въ концѣ 1807 или въ началѣ 1808 года, значить, почти одновременно со смертью Пазвантъ-оглу. Два крупнѣйшіе узурпатора, захватившіе въ свои руки сѣверную Болгарію, сошли со сцены; мелкіе владѣтели областей, аены, не представляли большой опасности для государства. Разбой кирджалий, янычаръ и т. п. потеряли всякій характеръ завоеваній, а просто сдѣлались обычными разбойничьими грабежами. Турція, какъ государство, находилась въ состояніи полной анархіи, въ Константинополѣ безъ всякаго удержа хозяйничали янычары, свергнувшіе султана; въ Сербіи шло возстаніе, между Россіей и Турціей съ 1806 года шла война. Въ 1809 году русскія войска взяли Добруджу, годъ спустя они прошли по Балканскому полуострову до Босніи; цѣлый рядъ болгарскихъ городовъ, въ томъ числѣ Терново, Плевна, Видинъ и Никополь находились въ русскихъ рукахъ. Русскіе полководцы, графъ Каменскій и Кутузовъ, думали, что наступило время болгарской свободы. Епископъ Софроній Врачанскій, мирно жившій передъ тѣмъ въ Бухарештѣ и трудившійся надъ своими болгарскими сочиненіями, обратился къ болгарскому народу съ воззваніемъ. «Отечески молиτευую васъ, любезніи чада моя, родъ болгарскій! Христіане, проживайте у Болгарскою землю, здравствуйте! Радуйтесь, понежесега приходитъ радость общая на вся Болгарія: ето сега приближава спасеніе и избавленіе ваши. Ето сега видимъ и гледаме, како прифтаса (явилась) милость божіа на бѣднаго рода вашего, — що е вліялъ Богъ милостьвъ сердце благочестивѣйшему и великому государю императору Александру Павловичъ и повдигналъ его (подвигнулъ), да избави васъ отъ таковое ту-

рецкое варварское мучительство. И ето сега приближава до васъ крестносно его воинство, — ваши христіани братія, да избавятъ васъ отъ толикія бѣди; ето приде оній свѣтлій день, що го чакате (ждете) отъ четири стотинъ години!»¹⁾ Далѣе, Софроній убѣждалъ народъ подняться противъ турокъ и оказать всякое содѣйствіе русскимъ войскамъ. Воззваніе его дышитъ вѣрой въ помощь Европы, которой стали извѣстны мученія болгаръ, и въ успѣхъ русскаго оружія, которому Порта не могла оказать никакого сопротивленія. Со своимъ воззваніемъ престарѣлый іерархъ отправился въ Болгарію и лично распространялъ его въ народѣ, изъ котораго шли добровольцы въ русскую армію. Предводителемъ этой добровольческой дружины былъ юнакъ Георгій Мамарецъ Буюклу изъ мѣстечка Котла, родины Софронія, «и этотъ юнакъ былъ первый, который зажегъ искру свободы у болгаръ XIX вѣка, и болгары очнулись отъ глубокаго рабскаго сна» (X. Стояновъ-Беронъ).

Однако, на этотъ разъ изъ русской освободительной попытки ничего не вышло. Война съ Наполеономъ отвлекла вниманіе Россіи отъ балканскихъ дѣлъ; она была вынуждена заключить миръ съ Турціей, оставивъ на произволъ судьбы Сербію и Болгарію. Вообще, объ этой послѣдней какъ-то забыли. Бухарестскій миръ гарантировалъ Сербіи извѣстный минимумъ національныхъ и политическихъ правъ, который позволялъ ей бороться за лучшее будущее, но о болгарахъ оны ничего не говорилъ. То же случилось и позже, въ 1829 году, когда опять-таки болгарскіе добровольцы, подъ начальствомъ того же Мамарца (или Мамарчиева), приняли участіе въ войнѣ. Это объяснялось стремленіями Россіи спасти Турцію отъ окончательнаго разложенія до тѣхъ поръ, пока не образуется на Балканскомъ полуостровѣ цѣлая сѣть мелкихъ независимыхъ государствъ. По плану, предложенному Каподастріей императору Николаю I въ 1829 г., Болгарія должна была присоединиться вмѣстѣ съ Босніей къ Сербіи²⁾. Пока же Адрианопольскій миръ 14 сент. 1829 г. требовалъ свободы для сербовъ, грековъ и валаховъ, но и оны ни однимъ словомъ не упоминалъ о болгарскомъ народѣ. Между тѣмъ положеніе его подъ властью турокъ, знавшихъ объ его революціонномъ настроеніи, было настолько тяжело и беззащитно, правительство такъ охотно отдавало болгарскія села на разграбленіе дели башіямъ, достойнымъ пресмникамъ кирджалий, что для болгаръ не оставалось иного

¹⁾ Это воззваніе напечатано въ книжкѣ А. Теодорова Балана, «Софроніи Врачански. За стогодишницата на новата българската печатна книга». Българска библиотека № 8. София, 1906.

²⁾ См. документъ, напечатанный Д. Цодовымъ въ «Периодическо Списание», 1909 г. (5—6 вып.).

выхода, кромѣ эмиграціи въ Румынію и Новороссію, куда и бросались десятки тысячъ болгаръ. Въ Одессѣ образовалась довольно большая болгарская колонія, которой принадлежитъ особенно видная роль въ освобожденіи этого народа отъ турецкаго и греческаго гнета и въ пробужденіи его національнаго сознанія.

Но, помимо турокъ, у болгарскаго народа былъ другой врагъ, пожалуй, еще болѣе опасный, такъ какъ онъ угрожалъ самому національному существованію болгаръ. Это были греки, въ рукахъ которыхъ находилась вся высшая церковная іерархія и которые старались взять въ свои руки и все болгарское просвѣщеніе. Характерное явленіе, что потомство епископа Софронія, такого горячаго поборника національнаго дѣла, эллинизировалось; среди его потомковъ мы видимъ и князя Богори, перваго генераль-губернатора Восточной Румелии послѣ Берлинскаго конгресса (см. книгу Теодорова-Базана о Софроніи Врачанскомъ, стр. 47—48). Процессъ эллинизировація былъ очень силенъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, и въ самомъ греческомъ движеніи 20-хъ годовъ болгары приняли видное участіе ¹⁾, хотя за это сильно пострадали отъ турокъ. «По убіеніе Патріарха Григорія у Цариградѣ въ лѣто 1821 отъ Христа у мѣсяца апріля разсвирѣпеющеся агаряни повсюду, начаша и у Болгарію пакость дѣяти неповипвимъ болгарамъ, но прежде собравше и вземше отъ нихъ оружіе, тогда мнози христіани убиваху напрасно и безъ судъ»,—такъ сообщаетъ объ этомъ времени упомянутая лѣтопись. По рассказамъ современниковъ, до этихъ поръ отношенія между болгарами и турками бывали сносныя, на это указываютъ и воспоминанія, относящіяся ко временамъ Пазвантъ-оглу и Терстеникъ-оглу. «Много зла пошло отъ этого заговора (завѣры)», рассказывалъ отецъ П. Кисимова,—«онъ вызвалъ большую вражду у турокъ. До тѣхъ поръ такой вражды не было. До завѣры турки и болгары, при приближеніи разбойниковъ (даалій), хватали ружья на плечи и шли вмѣстѣ на окопы защищать свое мѣстечко, а разбойничьи отряды состояли также изъ болгаръ и турокъ. Однажды, когда Мустафа байрактаръ отправился въ Цареградъ, явился Ахладолу и взялъ нашъ городокъ. Турки и болгары вмѣстѣ вышли къ нему на встрѣчу и задержали его, потомъ его отвели въ Терново и, по приказу аеяина, повѣсили на Кожевennomъ (Табашки) мосту». Старикъ жаловался, что со времени гетерій отношенія измѣнились, что, подъ ихъ вліяніемъ, и болгары задумали возстановить

¹⁾ Рукописная лѣтопись объ этихъ событіяхъ, составленная въ 1822 году, напечатана Болгарскимъ литературнымъ обществомъ (Българското Книжовно Дружество) въ 1884 году подъ заглавіемъ: «Историческия паметници по времето на Завѣрата». Дополненіе къ этой книгѣ даютъ мемуары П. Кисимова (въ журналѣ «Българска Сбирка» за 1899 г.).

свое дарство (а это казалось ему совершенно невыполнимою затѣей). «До того времени намъ и въ голову не приходили подобныя мысли, а у турокъ не было къ намъ никакой вражды; а теперь мы стали кровожадно смотрѣть другъ на друга, какъ бы съѣсть другого, и когда этому наступитъ конецъ, я не знаю. Турки имѣютъ государственную власть, силу, войска, пушки, гдѣ же намъ съ ними мѣряться. Кровь будетъ течь! И да сжалятся Господь надъ христіанами; кто страдалъ, тотъ и будетъ страдать!» Такъ должна была разсуждать послѣ Адрианопольскаго мира болгарская масса. И самый разсказъ, пересыпанный турецкими словами, характеренъ своимъ языкомъ и тономъ безнадежности. Одну надежду на Россію (на дѣда Ивана) еще сохранилъ старикъ, и онъ твердо помнилъ о побѣдахъ Екатерины надъ турками, зналъ пѣсню «Провикпала се московска Кралица, млада вдовица: Бой си имамъ съ Царя, съезъ Везиря!». Помнилъ старикъ и о русскихъ побѣдахъ въ 1829 году, но, говоря о Крымской кампаніи, прибавлялъ: «Сколько русской крови пролилось, а для здѣшнихъ христіанъ ничего не стало лучше, и мы попрежнему остались турецкой райей, и должны страдать».

Это состояніе тупого отчаянія представляло прекрасную почву для стремленій эллинизма. Во множествѣ мемуаровъ, напечатанныхъ въ болгарской литературѣ, прекрасно обрисовывается этотъ упадокъ народнаго духа и торжество грековъ. «Въ половинѣ XIX столѣтія въ Филиппополѣ совершенно угасло сознаніе болгарской народности, тамъ чуть не все дышало греческой жизнью; по-гречески читали въ церкви, по-гречески преподавали въ училищахъ, въ хорошемъ обществѣ говорили по-гречески; всякій хорошій христіанинъ и порядочный гражданинъ, желая имѣть почетъ у владыки въ качествѣ благороднаго и ромеоса, долженъ былъ сдѣлаться грекомъ и презирать большеголовыхъ болгаръ, будь то его родители или родственники», — такъ повѣствуетъ одинъ мемуаристъ, I. Груевъ, а другой, И. Вничеровъ, рисуешь еще болѣе мрачную картину упадка народнаго сознанія: «Эллинизмъ усилился до такой степени, что не только зажиточные торговцы и ремесленники говорили и писали по-гречески, но и самые бѣдные филиппопольскіе садовники и крестьяне мучались и бились надъ тѣмъ, чтобы выразиться по-гречески, и всякій считалъ дѣломъ чести знать два-три греческихъ слова» ¹⁾. Одинъ изъ величайшихъ болгарскихъ патріотовъ, Ив. Селимийски ²⁾, происходившій

¹⁾ См. эти мемуары и др. въ книгѣ Барутчійскаго: «Христо Г. Дановъ». Юбилейнъ сборникъ, Пловдивъ. 1905.

²⁾ Его мемуары и переписка изданы въ 1904 г. болгарскимъ Мин. Нар. Просв. подъ названіемъ: «Библиотека Др. Ив. Селимийски».

изъ Сливна, сообщаетъ о нравственной деморализаціи, которой подвергались въ этихъ греческихъ школахъ болгарскіе юноши. «Всякій не-грекъ—варваръ»,—съ этимъ убѣжденіемъ они выходили въ жизнь и продолжали работать надъ эллинизацией своихъ согражданъ, и вотъ, говоритъ Селиминскій, «ни въ Румыніи, ни въ Болгаріи, ни въ Македоніи, ни въ Албаніи не раздавался и не употреблялся ни въ училищахъ, ни въ церквахъ, ни въ корреспонденціи населенія другой языкъ, кромѣ греческаго, который понимала ничтожная часть нашего народа». Какъ быстро совершился этотъ процессъ, видно уже изъ того, что въ Сливнѣ первое греческое училище было основано лишь въ 1805 году, а къ двадцатымъ годамъ уже были достигнуты такіе значительные результаты въ дѣлѣ эллинизации вышнихъ слоевъ населенія.

Тѣмъ не менѣе, дѣло Софронія Врачанскаго не погибло; ревнители болгарской народности не исчезли окончательно; они укрывались въ монастыряхъ Болгаріи, храня литературную традицію Павсія и «Дамаскиновъ», или переселялись въ болѣе свободныя страны, жили въ Румыніи, Россіи, самомъ Константинополѣ. Уже съ 1814 года іеромонахъ Іоакимъ издаетъ въ Буда-Пештѣ болгарскія книги: «Амарталонъ Сотирія» («Утѣшеніе грѣшнымъ»), «Мытарства» и «Различни поучителни наставленія», а въ 1816 году въ томъ же городѣ появилась книга Пейчиновича на македонскомъ нарѣчій «Огъдало». Но все это были слабыя попытки книжнаго творчества, и только со времени греческаго возстанія начинается болѣе живая литературная дѣятельность. Благодаря усиліямъ болгарскихъ купцовъ въ Бухарештѣ, Браиловѣ и Одессѣ. Въ 1824 году появилась первая печатная учебная книга на болгарскомъ языкѣ. Это былъ «Букварь» Петра Беровича, болгарина, получившаго европейское образованіе (въ Мюнхенѣ) и посвятившаго свои средства на устройство и поддержку учебныхъ заведеній. Въ этомъ учебникѣ Беровичъ вводилъ систему новаго звукового обученія грамотѣ, онъ давалъ статьи для общаго образованія и популяризировалъ естествознаніе («физически сказанія»); въ концѣ букваря была приложена краткая ариметика. Реформа, которую вводилъ Беровичъ своимъ учебникомъ, совершенно перевертывала систему обученія, принятую въ «кнѣляхъ»; тамъ зубрили псалтырь, складывали буквы, учитель не вдавался ни въ какія объясненія по поводу прочитаннаго, и потому новый «Рыбный букварь», какъ называли азбуку Беровича по картинкамъ изъ естественной исторіи, украшавшимъ его, долгое время не вытѣснялъ изъ школы псалтыря, хотя получилъ широкое распространеніе и уже въ 1842 году былъ изданъ вторично, а потомъ послужилъ образцомъ для многихъ позднѣйшихъ составителей азбукъ. Появились въ эти годы (1825—1830) и другія болгарскія книги: такъ, въ 1825 году

В. Неновичъ напечаталъ въ Буда-Пештѣ руководство: «Священная исторія церковна отъ ветхихъ и новихъ завѣтъ», въ 1826 году—«Вукваръ за дѣцата на славено-болгарскіетъ народъ», по которому шло преподаваніе въ устроенномъ Неновичемъ въ Бухарештѣ училищѣ для дѣтей-болгаръ. Въ 1828 году Петръ Салуновъ напечаталъ болгарскій переводъ четырехъ евангелій и т. д. Это пробужденіе болгарской письменности отразилось и на Македоніи, гдѣ архимандритъ Теодосій, присланный въ Солунъ изъ Синайскаго монастыря, убѣдился во время частыхъ путешествій по странѣ, до какой степени народъ нуждается въ книгѣ, понятной для него. Приблизительно въ 1836 году онъ основалъ въ Солуни типографію, въ которой напечаталъ «Начальное оучение съ молитви оутренни Славяно болгарскія и греческія» (1838), «Кратко описание на Святогорскитѣ мѣнастири» (1839) и др. ¹⁾

Но особенный толчокъ пробужденію болгарскаго національнаго сознанія дало появленіе въ 1829 году книги Венелина: «Древніе и нынѣшніе болгаре». По выраженію болгарскаго историка Миларова, она «упала, какъ молнія съ яснаго неба, въ среду болгарскихъ колонистовъ въ Россіи и Валахіи. Эта книга воссѣвала минувшія судьбы нѣкогда славнаго и блестящаго племени, въ противоположность его современному униженію и ничтожеству; она дышала любовью, воодушевленіемъ и поэзіей; она высказывала пророческія надежды на пробужденіе и возрожденіе этого племени и стремилась завоевать ему достойное мѣсто въ кругу братскихъ славянскихъ и другихъ племенъ». Другой писатель болгаринъ опредѣляетъ значеніе книги Венелина слѣдующими словами: «Онъ не создалъ нашей исторіи, но онъ ее воскресилъ; это сочиненіе положило направленіе нашему возрожденію и нашей книжности», и когда Венелинъ преждевременно скончался въ 1839 году, одесскіе болгары поставили на его могилѣ (въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ) памятникъ съ надписью: «Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ и могущественномъ племени болгаръ и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе». Съ 1835 года проф. Голубинскій начинаетъ свою исторію уже несомнѣннаго возрожденія болгарскаго народа. Сначала книга Венелина вызвала недоумѣніе и протесты. «Но тѣмъ сильнѣе былъ порывъ начавшагося вслѣдъ затѣмъ національнаго движенія», говоритъ проф. Голубинскій: «Раздались первые отдѣльные голоса: не хотимъ быть греками, хотимъ быть болгарами, и на ихъ зовъ быстро вставали цѣлыя толпы». У карпатскаго малоросса, вызвавшаго къ новой жизни чуждую ему народность, явились горячіе преверженцы, вышедшіе изъ этого самаго народа. ²⁾ Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были Василій

¹⁾ А. Шоповъ. «Изъ новата исторія на Българитѣ въ Турция». 1895.

²⁾ О значеніи Венелина ср.: В. Н. Златарски. «Ю. П. Венелинъ и зна-

Априловъ, іеромонахъ Неофитъ Рыльскій, Неофитъ Бозвели, Палаузовъ и др. Первый изъ нихъ явился настоящимъ новообращеннымъ. До 1831 года, когда ему впервые попала на глаза книга Венелина, онъ совсѣмъ не думалъ о своемъ болгарскомъ происхожденіи. Да и вообще, съ родной онъ давно порвалъ: еще мальчикомъ онъ былъ вывезенъ въ 1800 году въ Москву, позже въ 1810 году онъ переселился въ Одессу и здѣсь разбогатѣлъ на торговыхъ операціяхъ; онъ чувствовалъ себя грекомъ, жертвовалъ на греческія училища и на греческое возстаніе. Если, какъ полагаетъ акад. Ягичъ, Априловъ не нуждался въ книгѣ Венелина для того, чтобы почувствовать себя болгаринимъ («вѣдь онъ былъ настолько образованъ, что могъ, по крайней мѣрѣ, по извѣстіямъ русскихъ журналовъ, слѣдить за ходомъ славянскаго возрожденія»), то, во всякомъ случаѣ, этотъ интересъ былъ далекъ отъ воодушевленія и не приводилъ Априлова ни къ какимъ политическимъ дѣйствіямъ. Априловъ могъ съ сожалѣніемъ думать о своемъ народѣ, но считать его погибшимъ для національной культуры и политической самостоятельности. Такъ было до ознакомленія съ «Древними и нынѣшними болгарами». Эта книга совершенно перевернула душу Априлова, и онъ превратился въ горячаго патріота, поставивъ своей главной цѣлью распространеніе національнаго просвѣщенія среди соотечественниковъ и созданіе въ родномъ ему городѣ Габровѣ образцоваго училища. Для этого онъ сблизился съ нѣсколькими габровцами, торговавшими въ Одессѣ и Бухарестѣ, между которыми былъ и будущій усерднѣйшій сподвижникъ Априлова, Палаузовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ эти дѣятели очень определенно говорятъ о влияніи, оказанномъ на нихъ Венелинымъ. Такъ, Палаузовъ въ своемъ жизнеописаніи Венелина, изданномъ по-болгарски для широкаго распространенія въ народныхъ массахъ, хвалитъ его за то, что онъ «доказалъ, что болгары древнѣйшіе старожилы Европы, и что царство ихъ было обширно и могущественно. Своимъ огненнымъ словомъ и пламенной любовью онъ разбудилъ нашихъ болгаръ отъ того глубокаго, подобнаго смерти сна, въ которомъ они пребывали столько вѣковъ». Въ своемъ стихотворномъ рыданіи на смерть Венелина В. Априловъ призывалъ всѣхъ болгарскихъ чадъ восплакать: «изгубихме вѣчно Юрія Венелина, нашъ премудрый братъ». Въ своей «Деницѣ Ново-болгарскаго образованія» (1841) этотъ же писатель замѣчаетъ, что трудъ Венелина поощрялъ его къ занятіямъ, «его положенія были тор-

ченнето му за българитѣ». 1903.—Хр. П. Стояновъ. «Дѣйность на Венелина по българския фолклор». Период. Спис. т. 66. 1905. Оцѣнка филологической дѣятельности какъ Венелина, такъ и его болгарскихъ сподвижниковъ и первыхъ болгарскихъ филологовъ въ книгѣ акад. Ягича: «Исторія славянской филологіи». 1910 (одинъ изъ томовъ «Энциклопедіи славянской филологіи»).

жествомъ для всѣхъ болгаръ». Наконецъ, въ 1836 году В. Априловъ и Н. Палаузовъ совмѣстно отправили Венелину письмо, чрезвычайно характерное по признанію: «Хотя мы съ малолѣтства оставили наше отечество (городъ Габрово) и мало помнимъ языкъ свой, занимаясь торговлею въ Россіи; со всѣмъ тѣмъ считаемъ за священный долгъ любить своихъ и послужить по возможности основаніемъ образованія своего народа»¹⁾. Результатомъ такого настроенія явилось намѣреніе его, В. Априлова, устроить въ Габровѣ народное училище по системѣ взаимнаго обученія. Съ конца іюня 1832 года онъ принялся хлопотать надъ осуществленіемъ этой мысли, для чего потребовались довольно значительныя средства. Состоятельные болгары имѣлись, но они были совершенно эллинизованы, и тогда Априловъ сталъ искать сочувствующихъ среди габровцевъ одесскихъ и бухарештскихъ. Съ ихъ помощью, но главнымъ образомъ на средства самого Априлова и Н. С. Палаузова удалось собрать нужныя средства для открытія школы; экзархъ Болгаріи, митрополитъ Иларіонъ (повидимому, исключеніе изъ іерарховъ того времени, самъ Априловъ даетъ ему такую характеристику: «пастыръ истинный, человѣкъ ученый и имѣвшій великія способности, хотя былъ не болгаринъ, но много пекся объ образованіи и просвѣщеніи болгаръ; народъ считалъ его настоящимъ отцомъ и плакалъ, когда на его мѣсто возвели другого митрополита, но былъ внѣ себя отъ радости, когда общее желаніе болгаръ возвратило его на прежнюю кафедру»),—Иларіонъ оказалъ матеріальную поддержку школѣ и самъ положилъ первый камень ея. Онъ же выискалъ учителя для будущей школы, Неофита Рыльскаго, и отправилъ его въ Бухарештъ для ознакомленія съ ланкастерской системой взаимнаго обученія. 2 января 1835 года габровская школа открылась²⁾, и болгарская литература стала быстро обогащаться книгами, особенно въ то время нужными, т.-е. учебниками. Самъ Неофитъ сочинилъ и издалъ въ Сербіи (въ Крагуевцѣ, въ 1835 году) краткую болгарскую грамматику, съ новшествами которой полемизировалъ Априловъ. Трудъ этотъ характеренъ стремленіемъ ученаго грамматика, воспитавшагося на мертвомъ греческомъ языкѣ, основать грамматическія правила на живой рѣчи. Подобно преобразователю сербской письменности, Вуку Караджичу, который исходилъ изъ живого народнаго языка, и рыльскій іеромонахъ стремился возрождавшемуся народу дать грамматику, чуждую старо-славянской схоластики. Въ этомъ отношеніи онъ

¹⁾ Это письмо напечатано Ю. Венелинымъ въ его драгоценныхъ замѣткахъ «О зародышѣ новой Болгарской литературы». М. 1838.

²⁾ Ея исторія принадлежитъ П. Славейкову: «Габровскаго училище и неговитѣ първи попечители». Цариградъ, 1866, а первые годы ея описаны Априловомъ въ «Денницѣ».

заходилъ даже слишкомъ далеко, иной разъ и не былъ въ состояніи справиться съ сырымъ діалектическимъ матеріаломъ¹⁾. Но вѣдь рѣчь шла о созданіи литературнаго языка и хотѣлось сразу поставить его на чисто народныхъ основахъ. Неофитъ Рыльскій считался знатокомъ (по отзыву самого Априлова) какъ древне и ново-болгарскаго, такъ и сербскаго языковъ, такъ что именно онъ былъ компетентенъ въ этой необходимой первой работѣ, составленіи грамматики родного языка. На церковно-славянской основѣ была основана другая грамматика болгарскаго языка, именно: «Грамматика славяно-болгарская сочинена отъ Христаки П. Дупниченина въ Славено-Еллинското въ Свищовѣ училище учителя» (1836). П. Кисимовъ въ своихъ мемуарахъ «Наши школы полъ вѣка тому назадъ» («Българска Сбирка» за 1898 г.) упоминаетъ еще объ одной грамматикѣ, которая пользовалась большимъ почетомъ у нѣкоторыхъ ревнителей болгарскаго языка, именно грамматикѣ Ивана Мразовича, но, повидимому, это былъ совсѣмъ неудачный трудъ, такъ какъ о немъ не упоминаютъ историки болгарской литературы и педагогики.

За короткое время учебная болгарская литература сильно разрослась; появилась «Исторія Болгарскаго народа» Кипиловскаго, цѣлая энциклопедія начального образованія, «Славяно-болгарско дѣтководство» Неофита Бозвели (Хилендарскаго) и Васкидовича, «Ариѳметика» Дупничанина, словари и переводы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Болгаріи быстро распространялась система взаимнаго обученія, введенная въ Габровѣ, а появленіе на болгарскомъ языкѣ учебниковъ по разнымъ предметамъ отняло послѣднее орудіе у противниковъ болгарскаго обученія. Трудности при веденіи новаго дѣла были неимоверныя. Славейковъ въ своей исторіи габровскаго училища сообщаетъ, напр., слѣдующій эпизодъ: «Учитель Неофитъ покинулъ Габрово 6 мая 1837 года; послѣ его ухода временно замѣняли его ученики его, Захарій Петровичъ (отъ 6 мая 1837 года до начала 1839 года) и Каллистъ Луковъ (отъ 1 янв. 1839 г. до 14 дек. 1841 г.). Этотъ послѣдній выдѣлилъ особенный классъ, въ которомъ преподавалъ славянскій и греческій языки, а во главѣ училища для взаимнаго обученія стоялъ Цвѣтко Недовъ. Хотя учительская дѣятельность этихъ лицъ не ознаменовалась такими блестящими успѣхами, какъ это было съ цвѣтущую пору Неофитова учительства, однако, нельзя умолчать о заслугахъ и этихъ молодыхъ ревнителей, такъ какъ они поддерживали заведеніе и, такъ сказать, привлекли и приучили людей отдавать въ него своихъ дѣтей. Учитель Каллистъ покинулъ училище,

¹⁾ См. брошюру Л. Милетица: «Отецъ Неофитъ Рилски като филологъ». 1906.

и мѣсто его долженъ былъ занять воспитанный на училищное иждивеніе Игнатій Габровецъ, который уже и выѣхалъ изъ Одессы, но по дорогѣ оттуда умеръ въ Сливнѣ и, такъ какъ другого не было, то директора изъ Одессы написали въ Габровскую общину, чтобы она искала временнаго учителя, пока не окончатъ курса (въ Одессѣ) посланные туда четыре другіе воспитанника. Несмотря на всѣ напоминанія Одесскаго попечительства и при всѣхъ стараніяхъ Габровской общины, учителя для Габровской школы найти не удалось». Наконецъ, дѣло кое-какъ поправилось и въ концѣ 50-хъ годовъ габровское училище пережило эпоху новаго расцвѣта.

Ученики Неофита Рыльскаго, выходя изъ Габрова, являлись пропагандистами его ученія; дѣйствовало и соперничество городовъ, такъ что за первыя шесть лѣтъ послѣ основанія габровскаго училища въ Болгаріи было устроено еще 14 такихъ же. Прежде всего была устроена подобная школа въ Свищовѣ (Систовѣ), уже въ 1835 году, хотя до 1840 года еще съ греческимъ преподавательскимъ языкомъ, затѣмъ въ Копривштицѣ (1837), «для чего еще за вѣсколько мѣсяцевъ прежде посланъ былъ отцомъ Неофитомъ туда ученикъ его, З. И. Круша»; эта школа была рассчитана на 200 учениковъ. Еще шире было поставлено дѣло въ Панагюрищѣ, гдѣ, по словамъ Априлова, «слѣдуя примѣру жителей Копривштицы, жители Панагюрища, движимые рвеніемъ также имѣтъ свое училище взаимнаго обученія, выстроили огромное зданіе, могущее вмѣщать въ себѣ около 300 учениковъ. Въ 1839 году, апрѣля 23 дня, открыто было преподаваніе на Болгарскомъ языкѣ въ семь училищъ, которое содержится изъ общественной кассы». Изъ году въ годъ число болгарскихъ школъ росло: въ 1839 году были заведены такія школы, кромѣ Панагюрища, въ Терновѣ, Софіи и въ Котлѣ, на родинѣ Софронія Врачанскаго, въ 1840 въ Русчукѣ, Калоферѣ и Карловѣ, въ 1842 году въ Плевнѣ и т. д. Къ концу 1862 года во всей Болгаріи имѣлась уже 31 школа, устроенная по образцу габровскаго училища. Такимъ образомъ, національный ростъ болгарскаго народа пошелъ очень быстро, разрасталась и педагогическая литература, цѣлый рядъ людей работалъ усердно на нивѣ народнаго просвѣщенія (Х. Павловичъ, К. Фотиновъ, Р. Поповичъ и др.). Терпѣть дальше духовный гнетъ фанаріотовъ становилось невыносимо, и въ вѣкоторыхъ мѣстахъ жители добивались освобожденія отъ него. Такъ, часть болгарскаго населенія Тернова, которая не отрекалась отъ своего болгарскаго происхожденія, добилась при содѣйствіи митрополита Иларіона права воздвигнуть православную церковь. По сообщенію В. Априлова (въ 1842 году), въ этой церкви, законченной въ 1838 году, «служба Божія уже производится на церковно-болгарскомъ языкѣ, и усердный народъ толпами стекается слушать Божественную литургію на

народномъ языкѣ. Сіи-то самые вняли гласу моего соотчича, Габровца, Петра Хаджи Христова, и охотно учредили у себя Болгарскую школу взаимнаго обученія». Но бывали и прямые протесты противъ греческаго духовенства. Въ 1833 году жители Самокова принесли константинопольскому патріарху жалобу на своего архіерея и просили назначить вмѣсто него іеромонаха Неофита Бозвели; вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали жители мѣстечка Скопѣни. Патріархъ не удовлетворилъ этихъ просьбъ, отчего пропасть между Константинополемъ и болгарскимъ народомъ стала еще глубже. Болгарская экзархія, учрежденная послѣ уничтоженія Терновскаго патріаршества и снабжаемая постоянно греческими архипастырями, колола глаза болгарскимъ патріотамъ, и было ясно, что на этой церковной почвѣ возродившійся болгарскій народъ прежде всего испробуетъ свои силы. Было ясно, что греки ни въ коемъ случаѣ не признаютъ права болгаръ на литературное и политическое развитіе. Они слишкомъ привыкли относиться къ нимъ, какъ къ своей культурной добычѣ, и въ полной мѣрѣ унаслѣдовали византійское презрѣніе къ славянамъ, какъ къ варварамъ. Еще въ 50-хъ годахъ болгары должны были убѣждать ихъ, что они не хотятъ и не могутъ отречься отъ своей народности 1).

Въ своихъ воспоминаніяхъ объ устройствѣ габровскаго училища В. Априловъ рассказываетъ, что, посѣтивъ въ 1831 году Константинополь, онъ нашелъ въ оттоманскихъ правительствующихъ сферахъ благоприятное настроеніе. И дѣйствительно, Турція стремилась выйти на путь внутреннихъ реформъ, султанъ Махмудъ уничтожилъ корпусъ янычаровъ и ввелъ регулярную армію; съ половины іюня 1826 года началась эпоха реформъ (танзиматъ 2). Онъ провозглашаетъ принципъ полнаго равенства религій и народностей и обѣщаетъ особую помощь христіанскимъ народамъ, онъ сулитъ «защиту подъ сѣнью своей народности и райъ своихъ областей, свѣтъ равенства и милосердія, совершеннѣйшее согласіе между всѣми подданными безъ различія происхожденія и религій». Болѣе того, къ великому негодованію правовѣрныхъ, Махмудъ, этотъ «падишахъ-гяуръ», предпринялъ путешествіе по имперіи

1) См., напр., любопытную полемику въ «Цариградскомъ Вѣстникѣ» (1852): «Нѣсколько мысли за българскій языкъ и за образованіе-то у болгары-ты».

2) P. Imbert. «La rénovation de l'empire Ottoman». 1909.—V. Bégarid. «La révolution turque». 1909.—A. Schopoff. «Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie» (1673—1904). Paris. 1904.—П. Милковъ. «Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго». 1910 (Обстоятельный очеркъ развитія конституціонныхъ стремленій въ Турціи и освѣщеніе цѣлага ряда вопросовъ, затронутыхъ въ этой главѣ: напр., провозглашенія царства въ 1908 году и др.).

и объѣздилъ Болгарію, принимая жалобы отъ подданныхъ. Все это было знаменіемъ новаго времени и, хотя фактически въ государственномъ управленіи произошло мало перемѣнъ, а Махмудъ былъ деспотомъ не менѣе его предшественниковъ, однако, въ своей главной тогдашней борьбѣ, въ отстаиваніи своей народности противъ грековъ, болгары чувствовали подъ ногами извѣстную почву. Съ перемѣной царства положеніе вещей приняло еще болѣе благопріятный для болгаръ оборотъ: гюльхавейскій хаттишерифъ отъ 3 ноября 1839 года объщалъ переустройство государства на началахъ равенства и свободы, правосудія и вѣротерпимости, онъ торжественно возвѣщалъ, что «на будущее время всякій произволъ уничтожается» и т. д. Конечно, и здѣсь турки дальше словъ не пошли, но самыя слова падали въ Болгарію на хорошо подготовленную почву и содѣйствовали развитію національной пропаганды. Школы основывались спѣшно; едва появлялась въ селѣ болгарская книга и кто-нибудь умѣющій читать ее, какъ сейчасъ же около такого учителя складывалась группа учениковъ, стремящихся познать «баштину книгу» (родную грамоту). Въ половинѣ сороковыхъ годовъ національное движеніе представляло уже такую силу, что фанариотское духовенство рѣшило не на шутку вступить въ борьбу съ нимъ. Послѣ смерти Иларіона (1838) болгары добивались назначенія на вакантный постъ терновскаго митрополита Неофита Бозвели; вліяніе болгарской колоніи въ Константинополѣ было въ это время настолько значительно, что можно было рассчитывать на успѣхъ этой попытки. И тогда патріархъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы получить въ свое распоряженіе такого опаснаго врага, какимъ былъ пламенный патріотъ и отличный организаторъ Неофитъ. Въ 1845 году этотъ послѣдній былъ въ рукахъ патріарха, который заточилъ его въ темницу на Аюны, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя этотъ несчастный страдалецъ за свой народъ скончался отъ изнуренія. Однако, у болгаръ была сильная рука въ самой столицѣ имперіи. Внуку Софронія Врачевскаго, Стефанъ Богоровъ, дослужился здѣсь до большихъ чиновъ, и въ 1833 году былъ сдѣланъ княземъ Самосскимъ; большой популярностью, кромѣ этого человѣка, который, несмотря на свое греческое имя (Стефанаки Богориди), сохранялъ живое чувство народности, пользовался болгаринъ П. Е. Сапуновъ, энергичный и ловкій человѣкъ, умѣвшій внушать къ себѣ довѣріе и уваженіе. Имъ удалось добиться разрѣшенія на построеніе болгарской церкви въ самомъ Константинополѣ, а князь Богориди подарилъ для этого мѣсто неподалеку отъ патріархіи. Управленіе церковью было передано болгарской общинѣ, которая создала такимъ образомъ (въ 1848 году) церковный центръ болгарскаго народа. Съ этого же времени въ Константинополѣ появилось и первое болгарское періодическое изданіе «Цариградски Вѣстникъ».

Въ то время, какъ высшіе классы народа вели легальными путями борьбу ради завоеванія школы и церкви, низшіе классы, которые болѣе непосредственно испытывали на себѣ гнетъ турецкаго режима, прибѣгали къ прежнимъ приѣмамъ борьбы. До 1836 года русскія войска оккупировали, на основаніи Адрианопольскаго мира, Валахію, Молдавію и Силистрію, гдѣ была введена временная русская администрація. Кметомъ (старостой) въ Силистріи былъ назначенъ извѣстный болгарскій герой, Георгій Мамарецъ, который послѣ удаленія русскихъ войскъ задумалъ поднять въ странѣ возстаніе. Онъ нашелъ себѣ горячихъ единомышленниковъ въ лицѣ терновскаго торговца Велчи Болталы, отъ имени котораго и заговоръ получилъ названіе «Велчовата завѣра», и игумена Плаковскаго монастыря, Сергія. Въ этомъ монастырѣ должны были собраться отряды повстанцевъ, чтобы отсюда двинуться въ Балканскія горы. Однако, одинъ изъ заговорщиковъ измѣнилъ, отправился къ терновскому митрополиту Иларіону, который былъ грекомъ и не могъ сочувствовать возстанію, и назвалъ ему имена главныхъ дѣятелей возстанія, которыя и были сообщены турецкому губернатору. Заговорщиковъ перехватили и повѣсили, и все движеніе въ Терновѣ и его окрестностяхъ было подавлено на 20 лѣтъ, но спустя нѣсколько лѣтъ послѣ «Велчовой завѣры», въ 1844 году, новые беспорядки готовятся въ Браиловѣ. Однако, они закончились тоже самымъ жалкимъ образомъ: повстанцы должны были переправиться изъ Валахіи черезъ Дунай въ Болгарію и здѣсь поднять возстаніе, но правительство этой провинціи до этого не допустило и наложило рѣшительное veto на всѣ попытки ихъ переправиться черезъ Дунай. Во главѣ этого движенія стоялъ знаменитый болгарскій патріотъ и писатель, С. Раковскій, который былъ посаженъ въ Бухарестѣ въ тюрьму; кое-кто бѣжалъ въ Сербію. Вообще, все это возстаніе не имѣло, повидимому, никакихъ шансовъ на успѣхъ. Позже, въ 1850 г. беспорядки охватили Видинскій округъ, гдѣ они были вызваны злоупотребленіями турецкихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, но главнымъ образомъ обидами, которыя чинило населенію греческое духовенство. Усмиривъ и это возстаніе, турецкое правительство должно было все-таки обратить вниманіе на послѣднее обстоятельство и потребовало отъ патріарха, чтобы онъ рукоположилъ въ епископы болгарина. Въ августѣ 1851 года патріархъ исполнилъ это требованіе и рукоположилъ болгарина Иларіона Макаріопольскаго, которому, однако, не далъ каѳедры. Въ эти годы борьба между греками и болгарами достигла наибольшаго ожесточенія, и обѣ стороны ждали только случая для окончательнаго сведенія счетовъ.

Борьба съ турками отошла въ эти годы нѣсколько на задній планъ. Произошло нѣсколько возстаній, но въ общемъ изъ рамокъ борьбы гай-

дуковъ съ турецкими насильниками, борьбы вѣковой, дѣло не выходило. Къ этому времени относится дѣятельность родопскаго гайдука, Ангела Войводы, который явился грознымъ мстителемъ туркамъ за обиды болгарамъ. Еще съ дѣтства онъ, рассказываетъ его панегиристъ ¹⁾, съ удивленіемъ замѣчалъ, что болгары постоянно работаютъ и не знаютъ отдыха, а турки только расхаживаютъ съ ножами и вѣчно у нихъ праздникъ. Сколько разъ душа его горѣла мщеніемъ, но онъ былъ безсиленъ, и вотъ, когда онъ пришелъ въ возрастъ, онъ рѣшилъ бѣжать подальше съ глазъ турокъ, чтобы не видѣть ихъ, а когда представится случай, мстить. Когда онъ бродилъ съ козами по краю, когда онъ служилъ въ окрестныхъ селахъ, онъ замѣтилъ, что болгарину нельзя даже свободно ходить, потому что турки слѣдятъ за нимъ. Наконецъ, Ангель простился съ роднымъ домомъ и пошелъ въ гайдуки: это было въ 1830 или 1831 году. Ангель сговорился въ Филиппополѣ съ нѣсколькими такими же борцами за народную свободу и отправился въ горы. Случай дѣйствовать представился скоро: молодой пастухъ, плача, рассказалъ имъ, какъ помакъ (отуреченный болгаринъ) отнял у него маленькую сестру, Еленку, съ цѣлью отурчить ее. На помаковъ, какъ на отступниковъ отъ вѣры и народности, болгары были особенно злы; Ангель убилъ обидчика помака, отнял у него Еленку и отвелъ ее къ пастухамъ, которые не знали, какъ отблагодарить мстителей. Съ этого времени начинается многолѣтняя гайдуцкая дѣятельность Ангела, которая оставила немало слѣдовъ въ народномъ пѣсенномъ творествѣ и до сихъ поръ описывается въ восторженныхъ панегирическихъ выраженіяхъ. Ангель ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы турки даже въ мелочахъ не обижали болгаръ: такъ, напр., замѣтивъ (16 мая 1836 года, какъ тщательно отмѣчаетъ его біографъ), что во время народнаго праздника въ одномъ селѣ нѣсколько турокъ изъ сосѣднихъ деревень пристають къ дѣвушкамъ, онъ велѣлъ ихъ схватить и произвелъ надъ ними строгій судъ, въ результатѣ котораго двое были казнены, а шестерымъ удалось вымолить прощеніе. Подобными рыцарскими поступками Ангель снискалъ себѣ величайшую популярность въ народѣ. Насколько нужна была его помощь, видно изъ того, что съ осени 1837 года, когда этотъ рыцарь на время сошелъ со сцены, «въ отсутствіе его турки снова сбѣсились, вмѣсто Ангеловой дружины разные вооруженные и пьяные турки ходили отъ села къ селу и гоняли богатыхъ крестьянъ за курами и т. д. Въ слѣдующемъ году, 16 апрѣля, Ангель опять вернулся въ Хасковско, и ужъ черезъ нѣсколько дней дружина его была около него. Турки были принуждены снова вы-

¹⁾ Г. Ганевъ. «Изъ турско вѣмѣ. Ангель Войвода отъ Хасковско. Черти отъ животѣтъ у прѣзъ 1812—1863 година». Хасковъ. 1893.

носить военное положеніе, а Ангелъ на губернаторскихъ правахъ свободно владѣлъ Деспото-дагомъ и областью. Не было возможности изловить ни Ангела, ни кого-либо изъ его дружины». Такія средневѣковыя отношенія господствовали въ Болгаріи въ половинѣ XIX вѣка.

Въ этихъ условіяхъ неопредѣленности политическаго положенія, пышныхъ обѣщаній со стороны султановъ-реформаторовъ и турецкихъ звѣрствъ внутри страны, сильнаго пробужденія національнаго сознанія и борьбы съ греками за права народа на духовную самобытность, въ этихъ условіяхъ вѣчной тревоги болгары дожили до Крымской кампаніи. До того времени войны «дѣда Ивана» съ Портой всегда кончались полнымъ пораженіемъ этой послѣдней. Естественно, какъ много ожиданій болгары связывали съ этой войной, которую они встрѣчали уже, какъ сознательный, проникнутый національнымъ чувствомъ народъ. Дѣйствительность обманула ихъ надежды и создала первое разочарованіе въ могуществѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что 7-й пунктъ Парижскаго договора (18 марта 1856 г.) обявлялъ императора Россіи вмѣстѣ съ другими государями Европы «уважать независимость и цѣлость Имперіи Оттоманской», а другіе параграфы запрещали Россіи имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Между тѣмъ, болгары были втянуты въ войну. Главнокомандующій Паскевичъ-Эриванскій обнародовалъ прокламацію къ «единороднымъ братьямъ, живущимъ въ Турціи» и заявлялъ, что настало время, чтобы и остальные христіане Турціи получили тѣ блага, которыми уже наслаждаются ихъ братья. И болгары выставили 4 тысячи волонтеровъ, а населеніе страны слѣшило оказать всяческое содѣйствіе русскимъ войскамъ, перешедшимъ Дунай. Когда русскія войска были вынуждены вернуться назадъ, болгары были предоставлены на произволъ судьбы, и лишь совмѣстное представленіе европейскихъ державъ обезпечило имъ амнистію. «Новыя надежды, новыя перспективы, новыя чисто-болгарскіе идеалы ярко блеснули теперь на нашемъ горизонтѣ», резюмируетъ Миларовъ болгарское настроеніе послѣ Парижскаго трактата. Эти надежды связывались съ обѣщаніями либеральныхъ реформъ, которыя обманули не однихъ болгаръ, но и всю Европу, которой «не слѣдовало бы попадать въ смѣшное положеніе, не обезпечивъ исполненія обѣщаній, бывшихъ лишь средствомъ ее обмануть и разрушить» ¹⁾. Именно, 6 февр. 1856 года султанъ издалъ новый «хатти-хумаюнъ» (маніфестъ), въ которомъ подтверждалъ обѣщанія, дарованныя въ 1839 году, и присоединялъ къ нимъ новыя. Базалось, что имперіи предстояло пережить эпоху блестящихъ реформъ въ европейскомъ духѣ, при чемъ всѣ

¹⁾ E. Driault. «La Question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos ours». 4-е изд. 1909, стр. 183.

различія между подданными по вѣрѣ, языку или племени уничтожались. Особенно важенъ былъ для болгаръ пунктъ 2 этого манифеста, который вмѣсто общихъ указаній о равноправіи религіи (§ 10—12) давалъ нѣчто положительное. Онъ гласилъ, что права, предоставленныя султаномъ Магометомъ II и его преемниками христіанскимъ патріархамъ и епископамъ, будутъ приведены въ согласіе съ новымъ положеніемъ вещей. Такимъ образомъ, для болгаръ открывалось широкое поприще борьбы за равноправіе церквей, и къ ней они немедленно же приступили. Еще въ февралѣ 1853 года императоръ Николай Павловичъ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ объявлялъ цѣлью предстоящей войны созданіе независимости Болгаріи подъ протекторатомъ Россіи ¹⁾, теперь же, послѣ Парижскаго трактата, болгарамъ предстояло дѣйствовать совсѣмъ однимъ. Противъ нихъ усердно агитировали греки патріархіи, которые не безъ основанія доказывали султану, что церковное возрожденіе Болгаріи будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ и политическое пробужденіе этого народа, такъ что Турція оздастъ себѣ въ собственномъ домѣ врага. Стоитъ болгарамъ добиться автокефальной церкви, и тогда патріархъ вселенскій потеряетъ вліяніе на болгарскій народъ и уже не будетъ въ состояніи поручиться за благонадежность христіанской райи. Такими разсужденіями, имѣвшими подъ собою несомнѣнную почву, греческая церковь сильно задерживала болгарское дѣло въ Константинополѣ. ²⁾

Здѣсь собралось, между тѣмъ, немало видныхъ болгарскихъ дѣятелей, группировавшихся около церковной «Болгарской общины» и основаннаго въ 1848 году «Цариградскаго Вѣстника» ³⁾. Они вели агитацію по всей Болгаріи и сообщали соотечественникамъ, когда надо выступать съ тѣми или другими манифестациями. Такъ, основываясь на хатти-хумаюнѣ 1856 года, болгары подали Портѣ въ слѣдующемъ же году прошеніе, чтобы подати и оброки, уплачиваемые архіереямъ, были замѣнены на будущее время опредѣленнымъ жалованіемъ. По настоянію патріарха, эта просьба болгаръ не была удовлетворена, и тогда они отправили изъ всѣхъ епархій страны представителей въ Константинополь и

¹⁾ L. De-Launay. «La Bulgarie d'hier et de demain». Paris. 1907, стр. 77.

²⁾ Не имѣя возможности посвятить этой церковной борьбѣ между греками и болгарами болѣе вниманія, ограничиваюсь указаніемъ на обширное собраніе документовъ по этому предмету (551 номеръ), относящихся ко времени съ 1822 по 1872 годъ и напечатанныхъ Йорданомъ Георгиевымъ въ «Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина». Книги 22, 23 и 24. 1906—1908. Здѣсь же указанія и на литературу вопроса.

³⁾ Объ этой газетѣ см. Ю. Ивановъ. «Болгарски периодически печатъ отъ възражданиетоу до днесъ». 1894.

заявили, что далѣе оставаться въ такомъ положеніи болгары не хотятъ и что они требуютъ или особой болгарской патріархіи, или, при сохраненіи церковнаго единенія съ Константинополемъ, назначенія въ Болгарію болгарскихъ іерарховъ. Порта рѣшила на этотъ разъ разобраться въ религіозныхъ дѣлахъ райи и приказала составить христіанское народное собраніе, въ которомъ участвовали 7 епископовъ и 38 народныхъ представителей: 10 изъ Константинополя и 28 изъ епархій. Соборъ этотъ, просуществовавшій почти два года (1858—1860), не могъ дать никакихъ положительныхъ результатовъ, потому что грекамъ съ помощью различныхъ интригъ удалось подобрать, въ качествѣ представителей отъ болгарскаго населенія, грековъ, и лишь четверо изъ участниковъ собора были болгары; впрочемъ, и изъ нихъ остался, въ концѣ концовъ, лишь одинъ, который долженъ былъ доказывать собранію, что болгарскій народъ дѣйствительно существуетъ, что это не греки, принявшіе варварскій языкъ, и т. д. Постановленія собора, совершенно отрицавшія права болгаръ на національную шеоду и церковь, вызвали страшное озлобленіе въ болгарскомъ народѣ и привели во многихъ мѣстахъ къ антигреческимъ беспорядкамъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти 50 лѣтъ, но и до сихъ поръ не улеглась ненависть между этими двумя народами; антигреческіе беспорядки еще недавно имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ городахъ Восточной Румелии. Поднималось такое же національное болгарское движеніе въ Македоніи, жители которой протестовали противъ назначенія епископомъ величскимъ Мелетія, извѣстнаго своими проступками ¹⁾. Наконецъ, дѣло дошло до открытаго разрыва съ Вселенскимъ патріархомъ. Когда на пасху 1860 года Иларіонъ Макаріопольскій служилъ торжественную обѣдню въ болгарской церкви въ Константинополѣ и произнесъ обычное молитвословіе за патріарха, собравшіеся въ церкви протестовали противъ этого и потребовали замѣны имени Вселенскаго патріарха словами: «всякое православное епископство». Тотъ согласился исполнить волю народа, и съ этихъ поръ во всей Болгаріи началось изгнаніе имени патріарха изъ молитвъ; вмѣсто него молились за «священноначальника» болгарской церкви, епископа Иларіона. Борьба разгорѣлась до такой степени, что на нее обратило вниманіе и прави-

¹⁾ К. А. Шапкаревъ. «Документи по владишкия въпросъ въ Охрида прѣзъ 1859—1861 гг.». Сборникъ за нар. умотъ., томы 10 и 16. По церковному вопросу въ Болгаріи, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій Дринова, Голубинскаго и «Исторіи болгаръ» Иречека, см.: Кн. Г. Н. Трубецкой. «La politique russe en Orient. Le schisme bulgare». 1907.—К. v. М а с с е. «Der Machtbereich des bulgarischen Erarchats in der Türkei». 1906. — Поглядѣ върху дѣятельность та на българската екзархия 1877—1902. Leipzig. 1902.—Х. Г а н ч е в ъ. «Екзархийскій Уставъ. Софія». 1904.

тельство Порты, и султанъ отправилъ для изученія дѣла на мѣстѣ великаго визиря. Онъ увидѣлъ такой взрывъ народнаго возмущенія противъ греческаго духовенства, что не считалъ возможнымъ оставлять дѣло безъ движенія, какъ это было въ обычаяхъ турокъ. Патріархъ Кириллъ долженъ былъ подать въ отставку, а вмѣсто него былъ избранъ Іоакимъ, который немедленно возобновилъ политику своего предшественника и началъ съ того, что отлучилъ отъ церкви двухъ епископовъ, выступившихъ представителями болгарскихъ церковныхъ требованій, Иларіона Макариопольскаго и Велесскаго (въ Македоніи) архіерея Авксентія. Въ мартѣ того же года различныя болгарскія епархіи избрали 28 представителей и отправили ихъ въ Константинополь отстаивать національное дѣло противъ патріарха, который, думая замѣть распрю, обнарудовалъ въ концѣ февраля 15 пунктовъ, представлявшихъ максимумъ уступокъ болгарской церкви. Эти «15 общацій» сулили болгарамъ назначеніе архіереевъ болгаръ или грековъ, знающихъ болгарскій языкъ, въ чисто болгарскія епархіи, принятіе въ патріаршескій синодъ двухъ болгаръ-митрополитовъ, преимущество болгарскому языку въ болгарскихъ училищахъ, введеніе въ чисто болгарскихъ епархіяхъ въ богослуженіе церковно-славянскаго языка и т. д. Не этого, не этихъ половинчатыхъ уступокъ хотѣлось болгарамъ, и ихъ представители подали министру внутреннихъ дѣлъ свои восемь пунктовъ, которые требовали, чтобы болгарскимъ епархіямъ было предоставлено право самимъ избирать кандидатовъ въ свои архіереи, чтобы въ избраніи патріарха болгарамъ было предоставлено право участія наравнѣ съ греками, чтобы архіереямъ было назначено жалованье и т. д. Чрезвычайно важенъ былъ одинъ изъ пунктовъ петиціи, который, въ сущности, мѣтилъ уже на автономію политическую, а не церковную. Онъ добивался, чтобы болгарскіе архіереи, числомъ шесть, составляли вмѣстѣ съ такимъ же числомъ болгаръ-мірянъ болгарскій народный совѣтъ, который бы вѣдалъ всѣ дѣла болгарскаго народа, не касающіяся религіи, при чемъ духовный и свѣтскій представители совѣта, имѣющіе входить отъ его лица въ сношенія съ турецкимъ правительствомъ, не могли бы быть смѣняемы патріархомъ.

Для разсмотрѣнія этой петиціи Порты назначила смѣшанную комиссію изъ болгаръ и грековъ. Въ своемъ «Посланіи болгарскихъ священноначальниковъ самостоятельнымъ православнымъ церквамъ ради защиты церковныхъ правъ болгарскаго народа» (напечатано у Дринова) болгарскіе члены совѣщанія 1862 года увѣряютъ, что они употребляли всѣ усилія для достиженія соглашенія и даже сдѣлали очень существенныя уступки, на которыя не имѣли полномочій; однако, греки такъ упорно стояли на своемъ, что сговориться было невозможно. Тогда въ

комиссії сталъ предѣдательствовать великій визирь Али-паша, который и разрѣшилъ вопросъ о членахъ синода категорическимъ требованіемъ ставить его въ зависимости отъ національнаго большинства жителей епархій. Но это подлило только масла въ огонь. Патріархъ Іоакимъ также долженъ былъ выйти въ отставку, и на его мѣсто былъ избранъ Софроній, отъ котораго потребовали скорѣйшаго рѣшенія греко-болгарской распри. Человѣкъ мягкій, нерѣшительный (а рѣшительнаго турки и не допустили бы до патріаршества, какъ писалъ въ своемъ донесеніи посолъ въ Константинополь Игнатъевъ), Софроній еще больше усложнилъ дѣло и тоже вышелъ въ отставку. На его мѣсто былъ избранъ Григорій, который считалъ необходимымъ дружить съ Россіей, заискивалъ расположенія у ген. Игнатъева и, наконецъ, сообщилъ ему подъ большимъ секретомъ планъ удовлетворенія болгаръ учрежденіемъ автономнаго экзархата. При этомъ онъ прибавилъ: «Своими руками я строю мостъ къ политической независимости болгаръ», что было совершенно справедливо. Первый митрополитъ Дунайской области получалъ титулъ «экзарха всей Болгаріи», между тѣмъ, какъ Фракія и Македонія оставались въ прежней зависимости отъ патріарха. Поэтому болгары не захотѣли принять проектъ Григорія VI. Между тѣмъ, событія на Балканскомъ полуостровѣ приняли такой серьезный оборотъ, что ген. Игнатъевъ настоятельно требовалъ конца церковной распри. Попытки созыва новыхъ комиссій и соборовъ никого не удовлетворяли, и, наконецъ, 28 февраля 1870 года великій визирь передалъ константинопольскимъ представителямъ болгаръ султанскій ферманъ, устанавливающій «Экзархію всей Болгаріи» и объединяющій въ церковномъ отношеніи всю дунайскую Болгарію, почти всю Фракію и часть Македоніи. Одно изъ примѣчаній говорило, что, если все или двѣ трети населенія еще какой-нибудь епархія захочетъ присоединиться къ экзархіи, то требованіе его должно быть исполнено. Правда, этотъ пунктъ султанскаго фермана не выполненъ и до сихъ поръ, и Македонія не вся еще присоединена къ болгарской церкви, но громадная часть болгарскаго народа получила въ 1870 году полную церковную независимость, и съ греческимъ игомъ было покончено навсегда. Въ настоящее время болгарская экзархія очень настойчиво говоритъ о своихъ правахъ еще на 14 епархій въ Македоніи и Фракіи, и церковное объединеніе всего болгарскаго племенн, вѣроятно, дѣло недалекаго будущаго (см. болгарскій журналъ «Църковный Вѣстникъ» за августъ 1909 года). Какъ въ эпоху турецкаго ига православіе въ Болгаріи оказалось сильнѣе католической пропаганды и богемильской ереси, такъ и въ эпоху своего національнаго возрожденія болгарскій народъ остался вѣренъ православію, несмотря на попытку униъ, произведенную въ 1860 году ради политическихъ цѣлей Драга-

номъ Цанковымъ и кружкомъ его единомышленниковъ. На этомъ эпизодѣ, сыгравшемъ самую незначительную роль въ исторіи новой Болгаріи, не стоитъ долго останавливаться. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ¹⁾: пробужденіе болгарскаго національнаго и религіознаго сознанія обратило на себя вниманіе католическаго міра, и уже въ 1840 году, въ эпоху сильнѣйшаго французскаго вліянія въ Константинополѣ, здѣсь была учреждена миссіонерская католическая станція, устроившая коллегію для 200 болгарскихъ дѣтей. Впрочемъ, успѣха въ смыслѣ пропаганды католицизма эта миссія имѣла мало до самаго конца 50-хъ годовъ, когда, съ одной стороны, упадокъ русскаго престолика, а съ другой—несогласіе Вселенскаго патріарха на какія-либо уступки болгарамъ внушили нѣкоторымъ болгарскимъ политикамъ мысль вступить въ унію съ Римомъ. Эту мысль сталъ проводить въ 1859 году способный, но слишкомъ неустойчивый болгарскій политикъ, Драганъ Цанковъ, который доказывалъ, что единственный способъ избавить Болгарію отъ фанаріотскаго гнета заключается въ единеніи съ Римомъ, гдѣ къ этой мысли отнеслись, конечно, чрезвычайно сочувственно. Въ декабрѣ 1860 года папа торжественно объявилъ о присоединеніи милліоновъ болгаръ къ католической церкви, былъ поставленъ и архіепископъ, Иосифъ Соколовскій, который вскорѣ раскаялся въ странной роли, взятой имъ на себя, и уже въ іюнь 1861 года куда-то скрылся, а потомъ переселился въ Россію. Онъ вернулся въ православіе и заклиналъ всѣхъ противъ іезуитскихъ козней. Уже въ ноябрѣ 1861 года было видно, что дѣло уніи потерпѣло полный крахъ, и болгарскія газеты оповѣщали о «смерти и погребеніи уніи въ Болгаріи». Самъ же Цанковъ, публично заявлявшій, что унія была нужна болгарскимъ политикамъ, какъ гроза противъ бездѣятельности русскаго дипломатіи, во-время перемѣнилъ фронтъ, сдѣлался руссофиломъ и, такъ какъ въ Турціи господствовало русское вліяніе, принесъ публично въ болгарской константинопольской церкви отреченіе отъ католицизма и далъ Игнатіеву соответствующую подписку, послѣ чего поступилъ на турецкую службу. Вернувшись въ православіе и немногочисленныя болгарскія общины, присоединившіяся къ уніи, благодаря агитаціи тогдашнихъ цанковистовъ. Они внушали крестьянамъ, что стоитъ имъ вступить подъ власть папъ, какъ чужестранные представители католическихъ державъ защитятъ ихъ отъ произвола мѣстныхъ кулаковъ, чорбаджій, и заставятъ ихъ наказать. Такъ же

¹⁾ Кромѣ названныхъ ранѣ сочиненій по исторіи Болгаріи и болгарской церкви, см. объ уніи и ея пропагандѣ въ кн. Т. Милкова, «Антимъ-Църви български екзархъ». Пловдивъ, 1899 и П. А. Матвѣева, «Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса», 1887.

легко эти жители возвращались обратно въ лоно православія, и въ настоящее время православіе въ Болгаріи не имѣетъ уже никакихъ соперниковъ, хотя, вообще, народъ довольно чуждъ всякаго религіознаго фанатизма. Послѣдняя униатская община дожила въ Адрианополь до 1865 года.

Теперь болгары уже совершенно не нуждались въ такихъ искусственныхъ мѣрахъ, чтобы бороться за права своей народности. Они чувствовали себя достаточно сильными и обладали уже интеллигенціей, которая умѣла говорить съ народомъ; Петко Славейковъ, поэтъ и юмористъ, Георгій Раковскій, поэтъ-патріотъ, Любенъ Каравеловъ, братья Миладиновы, Хр. Дановъ, І. Груевъ и др. не давали своимъ читателямъ забывать о народныхъ идеалахъ ¹⁾. Такъ, на вербное воскресенье (1853) П. Славейковъ призываетъ молодежь встрѣтить праздникъ съ цвѣтами, но съ сокрушенными сердцами! «Воспойте Вышнему Осанна! вы, сыны славянства, выросшіе въ рабствѣ, и облейте кровавыми слезами привѣтственные цвѣты». Въ концѣ 60-хъ годовъ пламенные стихи писалъ Л. Каравеловъ, знатокъ народной жизни и ревностный патріотъ. Онъ восклицалъ: «Кто изъ насъ не желаетъ умереть за Болгарію, погибнуть за свою землю, пусть того убьетъ Господь, проклянетъ мать, пусть того зарѣжетъ отецъ, пусть того заплюетъ сынъ! Пришло время жить нашей Болгаріи, пришло время погибнуть турецкимъ цыганамъ! Ну, братья, вставайте, берите въ руки ружья, довольно мы уже страдали, довольно терпѣли муки. Всѣ люди повставали, натянули свои луки. Пришло время и намъ сдѣлаться людьми. Бери же ружье и, пока есть время, иди въ зеленые лѣса». Уже съ конца 50-хъ годовъ звалъ свой народъ къ свободѣ и борьбѣ Г. Раковскій, который въ стихотворной формѣ («Горскій пѣтничъ, повѣствителенъ спѣвъ», 1854—1857) рисовалъ идеалы гайдуковъ и

¹⁾ Характеристика Славейкова въ собраніи его сочиненій: «Избрани съчинения. Книга първа. Стихотворения», 1901, а также въ статьѣ С. С. Бобчева («Българска Сбирка», 1895).—Б. Пеневъ. «Петко Р. Славейковъ». Період. Списание. т. 67 за 1906 г.—Ст. Младеновъ. «П. Р. Славейковатъ «Хорана» и нейнатъ изворъ». Період. Спис. т. 68 за 1908 г.—Хр. Ботйовъ. «Съчинения», 1907.—Л. Каравеловъ. «Съчинения. Томъ І. Стихотворения», 1886.—Г. С. Раковскій. «Горскій пѣтничъ», 1857. «Показалець или ръководство, какъ да ся изисквѣтъ и издарѣтъ найстари черти нашего бытія и т. д.» (сборникъ этнографическихъ свѣдѣній), 1859. «Българскитѣ хайдутѣ», 1867.—О Миладиновыхъ см. «Материали за животоописание то на братья Х. Миладинови», 1884. Литература объ названныхъ писателяхъ (до 1900 года) указана въ статьѣ А. Гечева, «Библиографія на историята на новата българска литература въ българския печатъ до 1902 годъ». (Извѣстія на семинара по славянска филология и при университета въ Софія за 1904 и 1905 г.) Софія. 1905.

оплакивалъ рабство своего народа. «Теперешній бѣдный болгарскій народъ одинъ остался подъ вѣковымъ турецкимъ рабствомъ, ему горше африканскаго раба, а онъ страдаетъ безмолвно; онъ впалъ въ постыдное уныніе, греческій духовникъ совершенно поработилъ его, вдохнулъ въ его душу безвѣрье и суету, превратилъ въ его глазахъ звѣрское иго въ Божій гнѣвъ» и т. д. Поэтъ Христо Ботевъ, одинъ изъ національных героевъ, оставившій свою жену и шестинедѣльную дочь и ушедшій въ гайдуки, писалъ въ 1868 года слѣдующія вдохновенныя строки: «Не плачь, мать, не тужи, что я сталъ гайдукомъ,—гайдукомъ, мама, бунтовщикомъ,—и оставилъ тебя печалиться обо мнѣ, о своемъ первомъ сынѣ! Но кляни, мама, проклинай эту черную турецкую язву, которая гонитъ насъ, молодыхъ, на горькую чужбину, чтобы мы скитались на чужбинѣ,—немилые, проклинаемые, ненужные... Не можетъ вытерпѣть мое сердце, что надъ отцовскимъ домомъ глумятся турчинъ» и т. д. Длинное, прекрасное стихотвореніе Ботева проникнуто тѣмъ возвышеннымъ настроеніемъ, которое создаетъ героевъ и мучениковъ за свободу.

Когда создалось это настроеніе и перекинулось въ широкія массы народа, господству турецкаго насилія пришелъ конецъ. Оно могло, благодаря благоприятнымъ условіямъ, просуществовать еще болѣе десяти лѣтъ, но это было время сплошной борьбы. Еще не созрѣло національное сознаніе, но уже быстро развивалось и крѣпло. Если бы въ 1877 г. не явилась на помощь русская сила, болгарскій народъ не былъ бы въ состояніи освободиться лишь собственными средствами, но онъ велъ бы и дальше свою борьбу въ тѣхъ несказанныхъ мукахъ, какія пережили его братья въ Македоніи до самаго послѣдняго времени. Во всякомъ случаѣ, національная гордость была пробуждена, гимны свободѣ и проклятія угнетателямъ раздавались во всѣхъ устахъ, призывы къ борьбѣ носились въ воздухѣ, и съ конца шестидесятыхъ годовъ болгарскій народъ выставяетъ сотни людей, отправившихся въ неравный бой съ турецкимъ владычествомъ, готовыхъ погибнуть и погибавшихъ. Эта борьба была подготовлена усиліями поэтовъ, выразителей пробуждающагося народа. Дѣятельность гайдуковъ становилась все болѣе неприятой для турецкаго правительства; въ области около Балканъ они начинали не на шутку беспокоить турокъ, которые старались массовыми арестами людей, по большей части неповинныхъ, нагнать страхъ на гайдуковъ и вообще на болгаръ. Но эти мѣры помогали плохо и только взаимно озлобляли турокъ и болгаръ. Въ 1861 году Порта поселила въ Болгаріи до 15 тыс. ногайскихъ татаръ, эмигрировавшихъ изъ Россіи, и они до такой степени обижали мирное болгарское населеніе, что около 40 тыс. болгаръ выселились изъ своей родины отчасти въ Сербію, отчасти въ южную Россію. Тогда Раковскому пришла въ голову мысль организовать эти

раздробленныя силы гайдуковъ и направить ихъ къ общей дѣли, для чего прекрасный предлогъ давали сербско-турецкія враждебныя отношенія въ 1862 г. Но эмиссаръ Раковского былъ схваченъ, и возстаніе не удалось. Опять вся борьба перешла въ руки гайдуковъ, изъ которыхъ въ это время особенно прославился защитникъ родопскихъ болгаръ, Петко Войвода, выступившій со своей четой въ 1861 г. ¹⁾. Не ограничиваясь защитой болгаръ, Петко началъ и самъ нападать на турецкія села около Родопы и до 1863 года держалъ ихъ въ постоянномъ страхѣ. Турція переживала въ это время тревожное состояніе, такъ какъ окончательно освободилась отъ турецкой зависимости Румынія, въ Сербіи господствовала при князѣ Михаилѣ Обреновичѣ «великосербская» идея, въ возстаніи находился Критъ, а въ самомъ Константинополѣ шла борьба изъ-за церковной автономіи между болгарами и греками. Чувствуя себя достаточно сильными, болгары составили въ началѣ 1867 года «Тайный Центральный Комитетъ» и поднесли султану адресъ съ требованіемъ автономіи въ родѣ той, какой пользовалась Венгрія въ Австро-Венгерской имперіи. Однако, почвы подъ этимъ требованіемъ не было. Какъ видно изъ многочисленныхъ протестовъ противъ возникновенія «бунтовщическаго» или «самозваннаго» тайнаго общества въ Бухарештѣ («Центральный Комитетъ»), напечатанныхъ въ названной ниже книгѣ З. Стоянова, настроеніе массъ было нерѣшительное; съ другой же стороны, убійство сербскаго князя Михаила, неурядица между славянскими революціонными силами и т. п. помогли Турціи оправиться, и она могла ограничиться удовлетвореніемъ церковныхъ запросовъ болгаръ, не касаясь ихъ политическаго положенія. Болгарскія четы, подъ начальствомъ Филиппа Тоты, Хаджи Димитра и Стефана Бараджи, выдержали нѣсколько сраженій съ регулярными турецкими войсками, но были перебиты и погибли безъ всякой пользы для дѣла. Дѣйствительно, эта была эпоха, которая «не терпѣла строгой критики, холодныхъ разсужденій и здравомыслящихъ плановъ» ²⁾. Са-

¹⁾ Хр. П. Константиновъ. «Петко Войвода. Бранитель на родопскитѣ българе до 1879 годъ». Пловдивъ. 1888.

²⁾ З. Стояновъ. «Четите въ България на Филипъ Тотя, Хаджи Димитра и Стефанъ Караджата» (1867—68). Пловдивъ, 1885. Подробности о болгарскомъ освободительномъ движеніи до 1876 года, которое въ этой главѣ изложено въ самыхъ общихъ чертахъ, можно найти въ многочисленныхъ мемуарахъ, посвященныхъ этой эпохѣ. См.: А. Бояджиевъ. «Иваница Данчевъ». 1901.—М. Ив. Марковски. «Изъ януарската обикалка на апостола Левски». Българска сбирка. 1898.—Ст. Займовъ. «Миньлото. Очерки и спамени изъ дѣятельността на българскитѣ тайни революціонни комитети отъ 1869—1877 годъ», 3 тома. Пловдивъ, 1898.—З. Стояновъ. «Записки на българските възстания (разказъ на очевидци)» 1870—1876. 2 тома. Пловдивъ, 1884.—Н. И. Кючюковъ. «Записки. 1875—1876». Сливень, 1901.—К. Величковъ.

мая программа «болгарскаго революціоннаго централнаго комитета», изданная въ Женевѣ въ 1870 году, указываетъ на то, что ея учредителямъ планъ освобожденія представлялся еще въ очень смутныхъ чертахъ. Это была программа, напоминающая обычныя программы революціонныхъ движеній, мечтающихъ о достиженіи своихъ цѣлей въ далекомъ будущемъ. Первый же параграфъ ея обличалъ чрезвычайную политическую молодость составителей: «Болгарскій Революц. Центр. Комитетъ имѣетъ цѣлью освобожденіе Болгаріи путемъ революціи, моральной и вооруженной. Форма будущаго болгарскаго управленія останется неопредѣленной до тѣхъ поръ, пока болгарское освобожденіе не будетъ совершившимся фактомъ. Для достиженія этой цѣли позволительно пользоваться всякими средствами: пропагандой, печатью, оружіемъ, огнемъ, убійствами и т. д.». Молоды были и участники тѣхъ революціонныхъ комитетовъ, которые Вас. Левскому ¹⁾ удалось основать въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи. Начался терроръ, были пущены въ ходъ экспроприаціи, и турецкое правительство увидѣло, что имѣетъ дѣло съ широко распространенной революціонной организаціей. Однако, въ 1872 году одинъ священникъ выдалъ В. Левскаго, въ это же время былъ захваченъ и его ближайшій помощникъ Димитрій Общій, и начались аресты. Въ февралѣ 1873 года судъ приговорилъ Левскаго и Общаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе, около 60 человѣкъ были приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки, остальные оправданы. Правительство не хотѣло дѣлать видъ, что придаетъ слишкомъ много значенія открытому заговору. Однако, въ продолженіе 1873 года было сдѣлано еще нѣсколько террористическихъ покушеній, аресты и обыски продолжались. Тогда революціонная дѣятельность на время притаилась, но внизу шла упорная пропаганда.

Насколько самъ болгарскій народъ былъ подготовленъ къ революціонной дѣятельности? Судя по напечатаннымъ матеріаламъ, ни въ массахъ, ни въ зажиточныхъ классахъ не было необходимаго для этого настроенія, на что указываетъ и характерное замѣчаніе устава рево-

«Въ темница. Спомени отъ 1876 година». София 1900.—Хр. П. Константиновъ. «Спомени на страшната пролѣтъ въ 1876 година». Пловдивъ, 1884.—П. Гонковъ-Владимиръ. «Исторія на Бѣлювското възстаніе (1876)». София. 1887 г. др. Можно сказать, что каждая новая книжка болгарскаго журнала приноситъ все новыя и новыя матеріалы для исторіи болгарскаго освободительнаго движенія. Изученіемъ своего недавняго прошлаго болгарское общество занимается чрезвычайно усердно.

¹⁾ О В. Левскомъ и другихъ дѣятеляхъ болгарскаго освобожденія см. книгу И. Д. Ивановича. «Борцы и мученики за свободу Болгаріи» Москва. 1904.

люціоннаго комитета относительно моральной и оі революціи. Подъ этимъ понятіемъ нельзя понимать ничего иного, кромѣ постепеннаго развитія національнаго сознанія, которое должно было привести къ пріобрѣтенію національныхъ правъ мирнымъ путемъ. По словамъ З. Стоянова, Бухарештскій комитетъ состоялъ изъ нѣсколькихъ недѣятельныхъ людей, которые были противъ всякаго народнаго движенія, не подкрѣпленнаго русскими пушками или согласіемъ Наполеона III. Онъ велъ упорную борьбу съ молодой революціонной партіей, во главѣ которой стояли Л. Каравеловъ и Хр. Ботевъ, дѣйствовавшіе безъ малѣйшей поддержки со стороны комитета. Имъ и принадлежала выработка вышеприведеннаго устава, въ которомъ болгарскимъ богачамъ, отступникамъ отъ народнаго дѣла (чорбаджіямъ), объявлялась такая же упорная борьба, какъ и самимъ туркамъ. На такое же раздвоеніе въ болгарскомъ обществѣ указываетъ и другой историкъ этой эпохи, С. Заимовъ; образовалось два лагеря: «церковники» объявили войну греческой патріархіи, а «бунтовщики» вооружились ружьями и пистолетами, развернули знамя политической свободы и изъ балканскихъ ущелій объявили войну турецкому правительству. Одновременно развѣвались два знамени, но на одномъ было написано: «Независимая и самостоятельная болгарская церковь», а на другомъ: «Или политическая свобода, или физическая смерть». Первые вѣрили только въ политическую эволюцію, въ спокойное экономическое и нравственное развитіе народа, которое дастъ ему благополучіе и силу, а тогда сама собой придетъ и политическая свобода. Они вѣрили, что разрѣшеніе Восточнаго вопроса, интересующаго европейскія державы, отразится и на судьбѣ болгаръ, а извѣстная косность турецкаго племени, его неспособность къ культурѣ и т. д., передастъ имъ рано или поздно кормило правленія. Конечно, такъ разсуждали люди, которымъ и безъ того было не особенно худо и которые могли свободно ждать, когда наступитъ предсказываемая ими счастливая пора. Иначе разсуждали люди, вышедшіе изъ народныхъ массъ и на себѣ испытавшіе ихъ участь. Эти не хотѣли ждать, а наполняли революціонные комитеты, уходили на Балкавы гайдуками, бродили по селамъ, призывая народъ къ возстаніямъ и т. д. Они тоже знали, что просвѣщеніе великая сила, но только не вѣрили, что безъ политической свободы имъ станетъ доступно просвѣщеніе. И народъ повѣрилъ этимъ проповѣдникамъ борьбы мечомъ и огнемъ больше, чѣмъ умѣреннымъ и зажиточнымъ людямъ, готовымъ на всякій компромиссъ. Къ осени 1875 года вся Болгарія готовилась къ возстанію.

Изъ этой попытки возстанія не вышло ничего серьезнаго. Изъ Старой Загоры, Шумны и Червеной Воды (близъ Русчука) выступило

по одной четѣ, состоявшей изъ молодежи. Но турки и на этотъ разъ приняли быстрыя мѣры, такъ что движеніе, начавшееся въ половинѣ сентября, было уже окончательно подавлено въ концѣ октября; большинство повстанцевъ было въ рукахъ турокъ и сидѣло въ тюрьмахъ, а въ странѣ свирѣпствовали башибузуки; только болгарская печать въ Константинополѣ боролась, сколько могла, за права народа и доказывала, что усложненія въ Болгаріи невозможно достигнуть безъ реформъ. «Народъ былъ угнетаемъ въ провинціи, поэтому онъ и поднялъ бунты; милость, полная амнистія неопытной молодежи: вотъ что необходимо, если императорское правительство желаетъ имѣть впредь вѣрныхъ подданныхъ». Таковы были настоянія болгарской печати, которая въ Константинополѣ могла говорить свободно, потому что въ Турціи дѣйствительно готовились реформы, которыхъ настойчиво требовали европейскіе кабинеты. Младотурецкая партія заявляла Европѣ, что Турецкая имперія должна быть преобразована въ духъ конституціи съ законосовѣтательной палатой; султанъ Абдуль-Азисъ издаетъ новый ферманъ съ общеніемъ реформъ. Наконецъ, въ концѣ мая 1876 года его низлагаютъ съ престола, который занимаетъ сначала короткое время Мурадъ V, сулящій «полное переустройство государства на основахъ справедливости», а потомъ ставленникъ младотурокъ, Абдуль-Гамидъ, объявившій (23 дек. 1876 года) конституцію, но потомъ такъ лукаво повернувшій въ сторону реакціи. Во всякомъ случаѣ, въ Константинополѣ въ эти годы можно было говорить о необходимости реформъ, и, пользуясь этимъ, болгарская печать (газеты «Напрѣдкъ», «Вѣкъ», «Источно Време») настаивала на признаніи за народомъ правъ человѣческихъ и національных. «Источно Време» доходило до того, что требовало признанія болгарскаго языка за официальный языкъ въ имперіи и настаивало на томъ, чтобы правительственные акты печатались на двухъ языкахъ, болгарскомъ и турецкомъ. Вся печать требовала допущенія райи на военную службу, подобныя же петиціи поступали на Высочайшее имя, и когда, по настоянію державъ, болгарскіе повстанцы были амнистированы или подвергнуты легкимъ наказаніямъ, вѣрѣ въ свои силы и надеждамъ ихъ не было предѣла. Со всѣхъ сторонъ Болгаріи посылались корреспонденціи, что дальше такъ жить нельзя; сообщалось, что въ деревняхъ ничего не сѣютъ, потому что нѣтъ возможности выйти изъ села и т. п. Старо-загорское возстаніе оказалось неудачно, но воодушевленіе въ народѣ не улеглось, и уже въ ноябрѣ 1875 года въ Джурджевѣ стали происходить совѣщанія болгарскихъ эмигрантовъ, среди которыхъ уже тогда выдѣлился Стамбуловъ, о началѣ новаго возстанія весной слѣдующаго года. Болгарія была раздѣлена на четыре округа, и предполагалось, что возстаніе вспыхнетъ прежде всего въ Терновѣ. Но случайно произошло

иначе; 21 апрѣля 1876 года началось возстаніе въ Панагюрицѣ и Копривщицѣ, въ маѣ Ботеву съ дружиной въ 170 человекъ удалось переправиться изъ Румыніи на болгарскій берегъ, въ іюнѣ объявили войну Турціи Сербія и Черногорія, которыя въ скоромъ времени оказались совершенно не въ состояніи продолжать войну. Въ ужасномъ положеніи была и Болгарія, гдѣ черкесы, поселенные здѣсь въ 1862 году, и башибузуки принялись мстить за возстаніе, не разбирая праваго отъ виновнаго, сжигая деревни, насилуя женщинъ и убивая дѣтей. Турецкія звѣрства въ селѣ Батакѣ, въ Перущицѣ и въ Карловѣ возмутили общественное мнѣніе Европы, и мощный голосъ Гладстона призывалъ къ освобожденію Болгаріи. Брошюра его «Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ», появившаяся осенью 1876 года, распространилась въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Онъ требовалъ отъ англійскаго правительства солидарныхъ дѣйствій съ другими европейскими государствами, чтобы оно «обратило всю свою силу на искорененіе турецкой исполнительной власти въ Болгаріи». Въ скоромъ времени эти симпатіи англичанъ къ болгарамъ охладѣли, и Гладстонъ утратилъ свою популярность въ обществѣ, но въ эту пору его брошюра уже успѣла сдѣлать большое дѣло и создала въ Европѣ настроеніе, подготовившее освободительную войну ¹⁾.

Въ дипломатическихъ переговорахъ между Россіей, Австріей и Пруссіей обсуждались возможные исходы событій, происходившихъ на Балканскомъ полуостровѣ. На Рейхштадтскомъ свиданіи императоровъ русскаго и австрійскаго (26 іюня 1876 года) было условлено, что, въ случаѣ распадѣнія Оттоманской имперіи, изъ Болгаріи и изъ Румелии должны образоваться независимыя княжества. Но еще въ концѣ декабря 1876 года русскіе дипломаты надѣялись миновать войны, и русскій посланникъ въ Берлинѣ, Убри, писалъ канцлеру слѣдующія строки: «Эта война могла бы помѣшать преуспѣянію Россіи, приостановить преобразованія въ ней, нанести ударъ ея развитію. Все это прееѣлось бы надолго. Можно ли желать этого, особенно въ виду войны неопредѣленной, предпринятой въ пользу одной идеи безъ существа, безъ осязательной причины, такъ какъ я устраняю всякое вожделѣніе, всякую мысль о расширеніи русскихъ владѣній. Дѣло идетъ объ улучшеніи положенія народностей, которыя, какъ онѣ только что доказали, еще не созрѣли и сами себя вовлекли въ настояція затрудненія, несмотря на наши предупрежденія» ²⁾. Несмотря на несочувствіе къ войнѣ, которое высказы-

¹⁾ Ср. П. П. Карѣевъ. «Исторія Западной Европы въ новое время» т. VI, ч. I, стр. 402—404.

²⁾ С. Горяиновъ. «Восфоръ и Дарданеллы». Спб. 1907.

валъ и имп. Александръ II (Горяиновъ, 295), дѣло близилось именно къ такой развязкѣ, и, чтобы обезпечить нейтралитетъ Австріи, Россія въ силу тайной конвенціи съ Австріей, заключенной 3 января 1877 г., уступала ей Боснію и Герцеговину, а изъ Албаніи, Болгаріи и Румелии обязывалась создать независимыя государства. Автономія Болгаріи, какъ цѣль войны, выставляется русскимъ канцлеромъ, кн. Горчаковымъ и въ секретныхъ депешахъ болѣе поздняго времени, когда уже началась война. Въ Европѣ къ этой войнѣ отнеслись враждебно и подозрительно; сначала было думали, что Россія въ самое короткое время разгромить Турцію, и на этотъ случай готовили мѣры для поддержки Турціи. Потомъ, когда противъ ожиданія Турція оказала очень серьезное сопротивленіе русскимъ войскамъ, а русская армія попала вслѣдствіе плохо-организованной интендантской части въ затруднительное положеніе, въ Европѣ успокоились ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, преодолевъ неимовѣрныя трудности перехода черезъ горные проходы Балканъ въ зимнее время и потерявъ вслѣдствіе ужасныхъ атакъ Плевны десятки тысячъ убитыхъ и раненыхъ, русскія войска все-таки одержали побѣду надъ турками и уже безъ всякаго сопротивленія пошли на югъ, грозя самому Константинополю и остановившись по причинамъ, еще не вполне извѣстнымъ теперь, въ пригородѣ Константинополя, Санъ-Стефано ²⁾. Въ русской арміи находился и небольшой отрядъ болгарскихъ добровольцевъ, который сложилъ пѣсню: «Мы дрались, турокъ, съ тобой, по горамъ твоимъ Балканскимъ раздалась слава о насъ». Оставалось ливидировать результаты войны. Въ Санъ-Стефано былъ подписанъ предварительный («прелиминарный») договоръ между Россіей и Турціей, по которому создавалось свободное Болгарское княжество въ границахъ, воплощавшихъ мечты болгарскихъ политиковъ о «Великой Болгаріи». Въ нихъ входили какъ придунайская Болгарія, такъ и Румелия и Македонія съ Орфанійскимъ заливомъ. Въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ послѣ войны это княжество должно было находиться въ оккупациі Россіи, которая содержала здѣсь, въ силу Санъ-Стефанскаго договора, пятидесятитысячную армію. Однако, этому договору не было суждено войти въ жизнь. Въ Европѣ были убѣждены, что оккупация новоустроеннаго болгарскаго княжества превратится въ присоединеніе его къ Россіи, хотя Санъ-Стефанскаго договоръ признавалъ— правда, чисто номинальное—сюзеренство Порты, а

¹⁾ Враждебное отношеніе Европы къ этой войнѣ не изгладилось до сихъ поръ. См., напр., рѣзкій и рѣшительный тонъ, въ какомъ она описана въ книгѣ De Lapauy, «La Bulgarie d'hier et de demain», 1907.

²⁾ С. И. Кисовъ. «Българското опълченне въ освободителната русско-турска война». 1877—1878. София. 1902. О русскомъ движеніи къ Босфору и т. п. см. В. С. Карцовъ. «За кулисами дипломатіи», 1908.

влияніе Россіи на участь его ограничивалъ наблюденіемъ за выборами и за введеніемъ правильнаго управленія въ странѣ, гдѣ впервые вводились свободныя учрежденія. Кромѣ того, и самыя размыры новаго княжества пугали европейскіхъ дипломатовъ, не желавшихъ допускать образованія на Балканскомъ полуостровѣ сильнаго государства. Какъ писалъ лордъ Салисбюри представителямъ Англіи при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ, «статія, образующія новую Болгарію, создаютъ сильное славянское государство, подъ покровительствомъ и контролемъ Россіи, государство, обладающее важными гаванями на берегахъ Чернаго моря и Архипелага, доставляющими этой державѣ преобладающее влияние надъ торговыми и политическими соотношеніями въ этихъ моряхъ». Принимая во вниманіе тѣ формы контроля надъ княжествомъ, которыя обеспечивала себѣ въ Санъ-Стефано Россія (русскій комиссаръ, «правитель, на практикѣ избранный Россіей» и т. д.), Салисбюри полагалъ, что Болгарія будетъ введена въ политическую систему Россіи, а эта послѣдняя приобрѣтетъ преобладающее влияние на побережь Чернаго моря ¹⁾. Эти соображенія заставили европейскую дипломатію, по настоянію, главнымъ образомъ, Англіи, перенести рѣшеніе результатовъ войны въ международную комиссію, которая собралась въ Берлинѣ и выработала текстъ договора, извѣстнаго подъ названіемъ Берлинскаго трактата. Настроеніе собравшихся дипломатовъ, кромѣ русскихъ, было чрезвычайно неблагоприятно для болгаръ. Какъ сообщалъ Ристичъ, сербскій уполномоченный, не допущенный на конгрессъ, но имѣвшій все-таки очень вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ преній, «болгарскій вопросъ разрѣшенъ; новое княжество простирается до Балканъ. Проходы останутся въ рукахъ турокъ. Это предложеніе энергично поддерживалось Англіей и Австріей, которыя стремились обезпечить Турцію отъ будущихъ случайностей» ²⁾. Такимъ образомъ планъ объединенія болгарскаго племени не удался. Какъ заявилъ на конгрессѣ представитель Англіи, лордъ Салисбюри, задача его заключалась въ возвращеніи Турціи ея прежняго положенія, хотя «слѣдствія войны не могутъ быть уничтожены совершенно». Во всякомъ случаѣ, многія опасности, грозившія Турціи, были бы устранены, «если бы Болгарія простиралась не до Эгейскаго моря и не до Охридскаго озера, а только до Балканъ на югъ, и если бы другая часть области осталась подъ властью султана» ³⁾. Мнѣніе англійскаго уполномоченнаго и получило

¹⁾ С. С. Татищевъ. «Изъ прошлаго русской дипломатіи», 1890.

²⁾ Д. Поцовъ. «По нашето освобождение. Политиката на Сърбія». Библиотека на Славянска Бесѣда, 1906.

³⁾ «Протоколы берлинскаго конгресса». Ср. A. d'A vil. «Negociations relatives au traité de Berlin et aux arrangements qui ont suivi» (1877—1885). Paris, 1887, а также: П. А. Матвѣевъ. «Болгарія послѣ Берлинскаго кон-

перевѣсь на конгрессѣ, хотя впоследствии (уже въ 1881 году) въ Европѣ горько сожалѣли о случившемся въ виду того, что сильная и объединенная Болгарія менѣе нуждалась бы въ помощи Россіи, а «въ ея настоящемъ видѣ, неизбѣжно силой вещей дѣлалась лишнимъ козыремъ въ политической игрѣ Россіи». Такъ писалъ въ 1881 году вліятельный французскій публицистъ, Шарль. Такимъ образомъ, по трактату, подписанному въ Берлиѣ 13 іюля 1878 года, «Болгарія образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ Его Имп. Вел. Султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій, царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ, не можетъ быть избираемъ княземъ Болгаріи. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созданное въ Терновѣ, выработаетъ, до избранія князя, органическій уставъ княжества». Восточная Румелія, какъ была совершенно искусственно названа часть Болгаріи, занятая русскими войсками, но не присоединенная къ княжеству, оставалась подъ властью султана, но получала административную автономію и генераль-губернатора изъ христіанъ. Македонія осталась въ прежнемъ положеніи и служила въ будущемъ и служить до сихъ поръ постоянно тлѣющимъ костромъ, отъ котораго можетъ разгорѣться пожаръ на Балканахъ.

Г Л А В А IX.

Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса.

По Берлинскому трактату, Россія въ продолженіе девяти мѣсяцевъ должна была содержать въ освобожденныхъ ею провинціяхъ войско и ввести здѣсь гражданское управленіе; оккупационный корпусъ не долженъ былъ превышать 50 тысячъ человекъ. Статьи VI и VII трактата гласили, что «временное управленіе Болгаріи до окончательнаго составленія Органическаго устава Болгаріи будетъ находиться подъ руководствомъ Россійскаго Императорскаго комиссара. Временное управленіе не можетъ быть продолжено болѣе срока девяти мѣсяцевъ отъ дня размѣна ратификацій настоящаго трактата. Когда Органическій уставъ бу-

гресса», 1887.—С. С. Татищевъ. «Россія и Болгарія (въ книгѣ «Изъ прошлаго русской дипломатіи», 1890).—П. Паренсовъ. «Изъ прошлаго, ч. IV Въ Болгаріи». 1908.

дѣль оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію князя Болгаріи. Какъ только князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе, и княжество вступитъ въ полное пользованіе своей автономіей». Эти статьи, которыя въ значительной мѣрѣ сокращали первоначально предположенный срокъ оккупации и показывали, съ какой подозрительностью Европа относилась къ Россіи, признавали то, что самой жизнью уже было введено въ отношенія. Одновременно съ выступленіемъ русской арміи въ походъ противъ Турціи былъ выработанъ планъ управленія областями, которыя будутъ очищаться турками, и, значитъ, лишаться первоначальнаго управленія. Для такого устройства военно-гражданской администраціи въ завоеванномъ краю императоромъ Александромъ II лично былъ избранъ извѣстный славянофилъ, московскій городской голова, князь П. А. Черкасскій, человѣкъ, извѣстный своей суровой энергіей и порядочностью. Князь Черкасскій, принявъ эту должность, успѣшилъ выработать проектъ будущаго управленія и внести его въ подлежащія сферы. Біографъ Черкаскаго, Д. Г. Онучинъ, рассказываетъ о чрезвычайной неосвѣдомленности Петербурга относительно болгарскихъ дѣлъ, о полной растерянности и незнаніи, какъ быть съ Болгаріей и какъ ее устроить ¹⁾. Записка князя Черкаскаго проектировала постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго гражданскаго мѣстнаго управленія, на утвержденныхъ главнокомандующимъ основаніяхъ, въ части Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ отъ владычества турокъ. При этомъ въ личномъ разговорѣ съ имп. Александромъ II князь Черкасскій резюмировалъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: «Я желаю только устроить сильную администрацію, водворить порядокъ и предоставить массѣ населенія возможность улаживать свои общественныя и частныя дѣла при торжествѣ новыхъ

¹⁾ Д. Г. Онучинъ. «Князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи», Русская Старина. 1895.—Муратовъ. «Документы за дѣйствительность на Руситѣ по уредбата на гражданското управление въ Болгарія отъ 1877—1879 годъ». София, 1905 (изданіе болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія; текстъ русскій, только заглавіе по-болгарски).—Матвѣевъ. «Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса», 1887.—Названныя выше книги П. Паренсова и С. С. Тагищева.—Н. Р. Овсяннѣй. «Русское управленіе въ Болгаріи въ 1877—78—79 гг.». Три тома и нѣсколько томовъ приложений. Изданіе военно-исторической комиссіи Главнаго Штаба. 1906—1907.—П. Н. Милюковъ. «Българската конституція» (здѣсь литература вопроса). 1905.—Развитіе болгарскаго парламентаризма превосходно представлено въ статьѣ П. Н. Милюкова, «Болгарская конституція» («Политическій строй современныхъ государствъ», т. I). 1905. Для тѣхъ обвиненій, которыя сводили на Россію стамбуловисты, характерно изданіе выкраденныхъ русскихъ документовъ, подлинность которыхъ отрицается, въ книгѣ «Документы изъ секретныхъ архивовъ на русскаго правительство». София, 1893.

христіанскихъ принциповъ управленія: все остальное полагалъ бы предоставить самому болгарскому народу, который потомъ разберется въ финансовыхъ, судебныхъ и другихъ дѣлахъ; чѣмъ меньше мы предпрѣшимъ въ этомъ смыслѣ, тѣмъ меньшая ляжетъ на насъ отвѣтственность за несовершенное устройство того или другого. Во время войны всѣ средства Болгаріи должны были употреблены на обезпеченіе потребностей войскъ, а въ будущемъ связь ея съ Россіей-освободительницей должна быть основана на соотвѣтственныхъ высшихъ соображеніяхъ, а не на мелочномъ и надобдливомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла».

Такимъ образомъ, князь Черкасскій старался возможно скорѣе ввести болгаръ въ гражданское управленіе страной и, во всякомъ случаѣ, не оставить страну въ состояніи анархіи. Не желая сразу все перестраивать, онъ настаивалъ прежде всего на удержаніи въ силѣ тѣхъ турецкихъ законовъ, которые сами по себѣ были недурны, но только не исполнялись турками. Такъ, были возобновлены прежніе судебные совѣты, обязанные въ своихъ рѣшеніяхъ руководиться или существующими законами или, при ихъ отсутствіи, обычно-правовыми нормами, но теперь эти совѣты состояли уже исключительно изъ христіанъ; точно также въ силѣ была оставлена и прежняя турецкая податная система, однако и здѣсь были внесены значительныя измѣненія: именно бедель (поголовная подать съ христіанъ за освобожденіе отъ воинской повинности) былъ уничтоженъ, а вмѣсто десятиннаго сбора введена поземельная денежная повинность. Отмѣнена была и система откуповъ податей, которая была такъ ненавистна населенію. Административное устройство края было основано на принципахъ самоуправленія: въ селахъ были возобновлены совѣты старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ введены городскіе и управительные совѣты, которымъ было предоставлено управленіе всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за раскладкой и сборомъ налоговъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска, перейдя черезъ Дунай, уходили въ глубь страны, образовывались губерніи (санджаки) и уѣзды, такъ что ко времени заключенія Санъ-Стефанскаго договора (19 февр. 1878 г.) Болгарія была раздѣлена на 8 санджаковъ. Во главѣ ихъ были поставлены русскіе губернаторы, а ихъ помощниками назначены болгары; вообще, въ администраціи санджаковъ и уѣздовъ Черкасскій старался предоставить возможно болѣе широкое участіе болгарамъ, число же русскихъ чиновниковъ ограничивалось 2—3 на санджакъ. Въ члены административныхъ совѣтовъ и судебныхъ мѣстныхъ жители производили выборы лицъ изъ своей среды; въ таможенныхъ учрежденіяхъ участвовали лишь мѣстные уроженцы, сборщиками податей были также лишь туземцы. Наконецъ, въ составъ канцеляріи гражданскихъ дѣлъ и чиновниками особыхъ порученій при князѣ

Черкасскомъ были назначены болгары. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Муратовъ, «гражданское управленіе краемъ при кн. Черкасскомъ строго слѣдовало принципу охранительному, призывая мѣстныхъ интеллектуальныя силы, ревниво оберегая тѣ прежніе обычаи и порядки, которые не нарушали интересовъ населенія, и отмѣняя лишь то, что было ему ненавистно и чѣмъ оно справедливо тяготилось». Слухи о предстоящемъ Берлинскомъ конгрессѣ и намѣреніи его вернуть Румелию подъ верховное турецкое владычество, а Македонію оставить на прежнихъ основаніяхъ за Турціей вызвали въ этихъ краяхъ волненія и беспорядки, что дѣлало устройство управленія въ Болгаріи и Румелии особенно затруднительнымъ. Послѣ Санъ-Стефанскаго договора предполагалось занять Македонію кавалерійскимъ отрядомъ и немедленно ввести здѣсь тѣ же реформы, что и въ сѣверной Болгаріи. Македонцы ликовали, и тѣмъ большѣе было ихъ разочарованіе. Послѣ смерти князя Черкаскаго, происшедшей въ день заключенія Санъ-Стефанскаго договора, російскимъ императорскимъ комиссаромъ въ Болгаріи былъ назначенъ ген.-адмиралъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ, оставшійся здѣсь до прибытія въ Болгарію избраннаго княземъ принца Александра Баттенбергскаго. Каковы въ это время были отношенія между Россіей и Болгаріей, какіе планы относительно будущаго этой послѣдней строились въ Петербургѣ? Не имѣя права рѣшительно утверждать, что въ планы официальной Россіи входило намѣреніе подчинить Болгарію безусловному русскому вліянію, можно отмѣтить, что со взглядами кн. Черкаскаго о скорѣйшемъ политическомъ освобожденіи Болгаріи отъ русскаго воздѣйствія соглашались далеко не всѣ вліятельные элементы Петербурга; и въ глазахъ самаго русскаго общества на этотъ счетъ господствовала большая путаница, и среди мѣстныхъ русскихъ дѣятелей въ Болгаріи были неосторожные люди, рѣшившіеся на свой страхъ предсказывать окончательное присоединеніе новаго княжества къ имперіи. Русскій протекторатъ надъ Болгаріей рисовался въ видѣ ближайшей цѣли ближне-восточной политики русскому уполномоченному на Берлинскомъ конгрессѣ, графу Шувалову; въ этомъ же духѣ дѣйствовали и нѣкоторые русскіе консулы и агенты, сообщавшіе въ Петербургъ, что «вся надежда болгаръ заключается въ томъ, что рано или поздно Болгарія будетъ присоединена къ Великой Россіи». Даже на официальныхъ банкетахъ иные русскіе дѣятели произносили тосты: «да здравствуетъ Болгарія будущая, присоединенная къ Великой Россіи». Рѣчи въ такомъ родѣ произносили и русскіе офицеры въ Болгаріи, назначавшіеся начальниками уѣздовъ. Въ извѣстной степени это настроеніе объяснимо; по замѣчанію Де-Лона, «когда Болгарія была освобождена сначала въ Санъ-Стефано, потомъ въ Берлинѣ, благодаря непосредственной дѣятельности и волѣ Россіи, всѣмъ казалось

естественнымъ, что она превратится въ своего рода передовую русскую провинцію, и этого всё и ожидали и въ Европѣ, и въ Россіи, и въ самой Болгаріи». Однако, лично императоръ Александръ II не поддерживалъ этой точки зрѣнія и соглашался со взглядами, высказанными кн. Черкасскимъ. Въ русскомъ же обществѣ, которое радовалось освобожденію Болгаріи, вмѣстѣ съ тѣмъ было убѣжденіе, что Болгарія должна дѣйствовать въ полномъ согласіи съ волей Россіи. Безосознательно эта точка зрѣнія проводится въ русскихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Болгаріи въ эпоху охлажденія русско-болгарскихъ отношеній (напр., у Матвѣева, Львова и др.), и лишь въ послѣднее время замѣчается болѣе справедливое воззрѣніе на причину послѣдующихъ враждебныхъ отношеній между Россіей и Болгаріей. Генераль Паренсовъ приводитъ слова русскаго митрополита Григорія (въ 1878 году): «болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете», и прибавляетъ къ этому слѣдующее замѣчаніе: «я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и въ другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ главнымъ образомъ наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые».

Однако, болгары не могли упрекнуть въ нерадѣвіи объ ихъ интересахъ управленіе императ. комиссара въ Болгаріи, кн. Дондукова-Корсакова, и его сотрудниковъ. Результаты, достигнутые ими за одинъ годъ дѣятельности, должны быть признаны совершенно удовлетворительными: какъ военная, такъ и гражданская часть новаго княжества были устроены въ общихъ чертахъ; въ Румелии движеніе турокъ и помаковъ, въ области около Родопы, извѣстное подъ названіемъ «Родопскаго возстанія», было усмирено, и болгары могли повсюду приступить къ сельскимъ работамъ. Ко времени созыва перваго Народнаго Болгарскаго Собранія въ Терновѣ, т.-е. къ февралю 1879 года, Болгарія представляла уже организованное государство и обладала земскимъ войскомъ, численность котораго доходила до 25 тыс. человекъ; въ Софіи было открыто военное училище для приготовленія офицеровъ, свыше 140 человекъ были посланы въ русскія военно-учебныя заведенія. Военская повинность была сдѣлана обязательной для всѣхъ болгаръ, при чемъ срокъ дѣйствительной службы ограничивался двумя годами. Болгары шли охотно въ свои войска, и наборъ первыхъ 20 тыс. прошелъ всего въ двѣ недѣли; поведеніе новобранцевъ было безупречно; мундиры и вооруженіе были предоставлены русскимъ военнымъ министерствомъ. Что касается гражданского устройства края, то, прежде всего, оно было введено въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше были только военныя власти; въ гражданскомъ—судопроизводство было устроено на началахъ, близкихъ къ русскому; въ уголовномъ—были сдѣланы нѣко-

торыя отступленія отъ русскаго права и устраненъ судъ присяжныхъ, но въ судебныя учрежденія были приглашены исключительно болгары; административный строй края былъ окончательно водворенъ на тѣхъ основахъ, которыя положилъ князь Черкасскій; столица края была перенесена изъ Тернова въ Софію, какъ болѣе удобный стратегическій центръ и болѣе удобный культурный городъ, но императоръ Александръ II требовалъ, чтобы это перенесеніе имѣло временный характеръ, чтобы окончательно вопросъ о столицѣ рѣшилъ будущій князь и чтобы первое Народное Собраніе имѣло мѣсто въ Терновѣ. Такимъ образомъ, за годъ управленія Болгаріей «Россія дала освобожденному ею болгарскому народу гражданское управленіе, способное управлять страной, организовала войско, способное охранять цѣлость и неприкосновенность территоріи» и т. д. (Матвѣевъ. «Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса», 44). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за это время уже было посѣяно то сѣмя взаимнаго недовѣрія между Россіей и Болгаріей, которое впоследствии разрослось въ многолѣтнюю вражду и оставило свои слѣды до нашихъ дней.

Главной задачей кн. Дондукова-Корсакова было, кромѣ устройства гражданскаго и военнаго управленія въ Болгаріи, составленіе и проведеніе въ первомъ Народномъ Собраніи конституціи княжества и затѣмъ избраніе князя. Предварительно, въ октябрѣ 1878 года, кн. Дондуковъ-Корсаковъ счелъ нужнымъ обратиться къ «почетнѣйшимъ представителямъ болгарскаго народа» съ просьбой высказаться о желательныхъ формахъ будущаго государственнаго устройства, особенно о значеніи князя, его правахъ и т. п. Эта анкета напечатана въ любопытныхъ мемуарахъ М. Д. Балабанова ¹⁾. 10 февраля 1879 года было открыто въ городѣ Терновѣ Народное Собраніе, въ которомъ участвовали, какъ выборные члены (въ числѣ 89 человекъ), такъ и лица, попавшія въ него по званію (митрополиты, председатели судовъ и т. д.) или по назначенію. Этому собранію былъ предложенъ для утвержденія и разсмотрѣнія проектъ Органическаго устава, составленный въ совѣтѣ императорскаго комиссара и нѣсколько измѣненный въ Петербургѣ. Однако, Народному Собранію было предоставлено право совершенно свободно высказаться относительно Устава и постановлять тѣ или иныя рѣшенія въ предѣлахъ Берлинскаго трактата. Дѣло въ томъ, что рѣшеніе Берлинскаго конгресса относительно Восточной Румелии и Македоніи вызвало такое волненіе среди болгаръ по ту и по сю сторону Балканъ, что большинство депутатовъ хотѣло выступить съ рѣзкимъ протестомъ противъ такого раздѣленія Болгаріи, представить европейскимъ державамъ

¹⁾ «Прѣди първото учредително събрание въ Търново и прѣди избрането на първия български князь». Период. Списание, т. 68 за 1907 г.

меморандумъ о присоединеніи къ княжеству Румелии и Македоніи и до полученія отвѣта не приступать къ работѣ. Кн. Довдукову-Корсакову, по категорическому предписанію изъ Петербурга, удалось уговорить депутатовъ измѣнить свое рѣшеніе, и они приступили къ разсмотрѣнію русскаго проекта, при чемъ уже тогда стали опредѣляться два основныя теченія болгарской политической мысли, отражавшія давно установившуюся въ Болгаріи пропасть между сельскимъ и городскимъ населеніемъ. Разногласіе между ними вызвалъ одинъ изъ пунктовъ русскаго проекта конституціи, именно двухпалатность народнаго представительства. По русскому проекту, кромѣ обыкновеннаго Народнаго Собранія, учреждался еще Государственный Совѣтъ, состоящій изъ лицъ, назначенныхъ княземъ, и изъ делегатовъ Народнаго Собранія. Въ функціи Гос. Совѣта входили «предварительное обсужденіе всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ быть внесенными въ Народное Собраніе», и цѣлый рядъ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Противъ этого и возсталъ демократическая часть Собранія, во главѣ съ поэтомъ Славейковымъ, которой удалось опровергнуть этотъ пунктъ конституціи. По мѣткому замѣчанію Милюкова, это столкновеніе между Грековымъ, Стоиловымъ и др., съ одной стороны, и Славейковымъ, съ другой, даетъ ключъ къ пониманію многихъ позднѣйшихъ явленій: первые хотѣли опираться на конституціонныя учрежденія и искали въ Гос. Совѣтѣ противовѣса демократизму Народ. Собранія, тогда какъ Славейковъ и П. Каравеловъ вѣрили именно въ «народъ» и инстинктивно опасались этихъ интеллигентныхъ западниковъ, въ умственномъ аристократизмѣ которыхъ «видѣли инстинктивное пренебреженіе къ народу, а еще больше—хитрость спекулянтовъ, готовыхъ разбогатѣть на счетъ народной казны при устройствѣ новаго режима. Таковъ смыслъ пламенныхъ рѣчей Славейкова и полного сочувствія къ нимъ со стороны Народнаго Собранія». Господствующее направленіе Нар. Собранія обнаружилось очень ярко и въ нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ, которымъ подвергся русскій проектъ Устава. Такъ, глава 2-я русскаго проекта опредѣляла Болгарію, какъ «монархію наследственную и конституціонную, съ народнымъ представительствомъ, находящуюся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Блистательной Портѣ». Эти послѣднія слова о вассальности Собраніе вычеркнуло, нарушивъ, такимъ образомъ, постановленія Берлинскаго конгресса, но, разумѣется, не измѣнивъ дѣло по существу, такъ какъ лишь 22 сентября 1908 года Болгарское княжество объявило себя независимымъ. Проектъ допускалъ наследованіе князю женщины, «царствующей княгини»; содержаніе князю онъ опредѣлялъ въ милліонъ франковъ въ годъ. Собраніе совсѣмъ не согласилось съ первымъ, а содержаніе князю уменьшило до 600 тыс. Изъ другихъ важнѣйшихъ

измѣненій русскаго проекта надо отмѣтить исключеніе изъ состава Нар. Собранія всѣхъ членовъ по должности или по назначенію, признаніе ответственности министровъ «передъ княземъ и Народнымъ Собраніемъ въ совокупности, за общія принятыя ими мѣры, и лично, каждый за дѣйствія, совершенныя имъ по ввѣренной ему части управленія». Такъ опредѣленно объ ответственности министровъ русскій проектъ не говорилъ, хотя и онъ устанавливалъ очень либеральную конституцію, близкую къ бельгійской и сербекой. Народное Собраніе пошло въ этомъ отношеніи еще дальше, еще расширило права печати, собраній и сходокъ. Наконецъ, 16 апрѣля 1879 года «Терновская» конституція была подписана уполномоченнымъ ими. комиссара, С. Лукьяновымъ, и 211 членами Нар. Собранія и, закрывая собраніе, кн. Дондуковъ-Корсаковъ отмѣтилъ обнаруженную имъ политическую зрѣлость, которой пришлось выдержать незадолго передъ тѣмъ большое искушеніе во время новыхъ безпорядковъ въ Восточной Румелии. Теперь предстояло приступить къ избранію князя, для чего было создано новое Великое Народное Собраніе на тѣхъ началахъ, которыя были установлены конституціей. Оно собралось въ томъ же Терновѣ 17 апрѣля 1879 года. Популярность кн. Дондукова-Корсакова была такъ велика, что, если бы собраніе имѣло полную свободу выборовъ, оно остановилось бы, несомнѣнно, на немъ, но категорическое нежеланіе Западной Европы видѣть на болгарскомъ престолѣ славянина положило предѣлъ всѣмъ стремленіямъ болгаръ имѣть княземъ Дон.-Корсакова, Н. П. Игнатьева или даже родственника черногорскаго князя Николая, Вождяра Петровича. Русскимъ кандидатомъ былъ выставленъ племянникъ императора Александра II по женѣ, лейтенантъ прусской службы, принцъ Александръ Баттенбергскій, и достаточно было узнать о русскомъ желаніи видѣть на престолѣ Болгаріи принца Баттенберга, чтобы Собраніе единогласно избрало его болгарскимъ княземъ. Съ радостью узнавъ объ этомъ избраніи и только смутившись, подъ вліяніемъ «гессенскихъ юристовъ», которымъ онъ предложилъ на обсужденіе текстъ Терновской конституціи, можно ли управлять съ такой конституціей, молодой князь поспѣшилъ въ Ливадію, гдѣ его ждали болгарскія депутаціи съ извѣщеніемъ объ избраніи, а оттуда въ Берлинъ, Вѣну, Константинополь, и затѣмъ онъ прибылъ въ Болгарію.

Личность принца Баттенбергскаго представляла мало гарантій для спокойнаго развитія страны, которой онъ ѣхалъ «владѣть и княжить», съ одобренія Европы. Это былъ человѣкъ, совсѣмъ неподготовленный къ престолу, который достался ему такъ неожиданно; офицеръ прусской арміи со спѣсью вѣмецкаго дворянина, значащагося въ первой части Готскаго альманаха (въ 1885 году онъ былъ перенесенъ въ третью),

но притомъ безъ средствъ, онъ могъ мечтать о блестящей карьерѣ съ помощью только какого-нибудь счастливаго случая, но разумѣется, лишь на прусской службѣ или въ Россіи, императоръ которой приходился ему отдаленнымъ родственникомъ. Онъ выросъ подъ обаяніемъ новой Германской имперіи и ея творца Бисмарка, привыкъ презрительно относиться къ Россіи и славянству; и, конечно, ему никогда и въ голову не приходило, что онъ станетъ конституціоннымъ государемъ Болгарскаго княжества. Неудивительно, что онъ оказался совсѣмъ непригоднымъ для роли, которую ему далъ какой-то насмѣшливый рокъ, и смотрѣлъ на свое избраніе княземъ Болгарскимъ довольно юмористически. Бисмаркъ, къ которому онъ явился въ Берлинѣ, укрѣпилъ его въ этой точкѣ зрѣнія: «ничего, принцъ, поѣзжайте себѣ въ Болгарію; во всякомъ случаѣ, у васъ останется пріятное воспоминаніе подъ старость». Въ Вѣнѣ съ удовольствіемъ констатировали, что князь очень далеко отъ какихъ-нибудь «панболгарскихъ увлеченій», и въ Софію отправили дипломатическимъ агентомъ чрезвычайно ловкаго человѣка, мальтійскаго рыцаря Кевенгюлера, который имѣлъ большія средства, большія связи и умѣлъ черезъ женщинъ, у которыхъ онъ пользовался большимъ успѣхомъ, проникать во всѣ тайны. Такимъ же искусствомъ, но только съ помощью иныхъ средствъ, обладалъ англійскій агентъ Пельгрэвъ. Что же касается Россіи, то она снабдила принца особыми инструкціями, составленными въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. «Я имѣлъ случай познакомиться съ этими записками,—говоритъ Матвѣевъ,—и съ удивленіемъ убѣдился, что они никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакой серьезной политической программы въ себѣ не заключали». И именно это отсутствіе какой-нибудь ясной политики въ русскихъ отношеніяхъ къ Болгаріи привело къ позднѣйшему кризису: Россія требовала отъ Александра послушанія и покорности, а на дѣлѣ вышло, что она должна была прикрывать его капризы. Имѣя реальную возможность помѣшати перевороту 1881 года, Россія оказалась въ странномъ положеніи его покровительницы, а самъ князь болгарскій былъ игрушкой въ рукахъ честолюбцевъ, именно тѣхъ «консерваторовъ», противъ которыхъ обрушился уже на первомъ Нар. Собраніи поэтъ Славейковъ. Стоило со своими единомышленниками держали Александра въ рукахъ, внушали ему вреднѣйшіе капризы и пользовались борьбой партій для личныхъ цѣлей. Самъ же принцъ особенно дорожилъ возможностью, наконецъ, развернуться и зажить веселой широкой жизнью, при чемъ онъ выражалъ довольно открытое презрѣніе къ некультурному болгарскому народу и къ своимъ неотесаннымъ министрамъ, не имѣвшимъ даже мундировъ.

Минуя подробности о борьбѣ партій и вліяніи при этомъ ни-

чтожномъ государѣ, о всѣхъ тѣхъ перипетіяхъ, которыя пережило русское вліяніе въ Болгаріи въ эту пору, я перейду прямо къ событіямъ 1881 года, въ которыхъ все это обнаружилось такъ ярко¹⁾. Въ статьѣ Милюкова и въ книгахъ Матвѣева и Паренсова эти первые годы изложены обстоятельно.

Дѣло въ томъ, что симпатіи Александра были на сторонѣ австро-филовъ Стоилова, Грекова и ихъ партіи, за которой стоялъ Кевенгюлеръ, между тѣмъ какъ въ Народномъ Собраніи большинство упорно оставалось за либералами, П. Каравеловымъ, Славейковымъ и др. Не помогъ даже роспускъ Собранія, такъ какъ новое дало тѣ же результаты. Уже въ концѣ 1880 года князь задумалъ совершить переворотъ, «покончить съ конституціей», и только протестъ имп. Александра II удержалъ его отъ этой мѣры (Паренсовъ, 260—261), которую ему усиленно рекомендовали австрійскій и французскій агенты. Дѣло измѣнилось въ 1881 году, когда во главѣ военнаго министерства вмѣсто ген. Паренсова, горячо стоявшаго за поддержаніе всего хорошаго, что Россія создала въ Болгаріи, сюда былъ назначенъ несочувствовавшій болгарскимъ порядкамъ иностранецъ, ген. Эрнротъ. Президентомъ министровъ былъ Петко Каравеловъ, радикалъ, напоминавшій русскимъ консервативнымъ кругамъ типъ русскаго «нигилиста». Такимъ образомъ, жалобы князя Баттенбергскаго на своихъ министровъ, которыхъ онъ не щадилъ, отправившись въ Петербургъ на погребеніе имп. Александра II, подготовили почву для того, чтобы въ Петербургѣ, гдѣ послѣ 1 марта было не до Болгаріи, отнеслись почти равнодушно къ перевороту. Вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ свое значеніе и графъ Д. Милютинъ, который при Александрѣ II поддерживалъ конституціонное развитіе Болгаріи противъ всѣхъ сѣтованій на него Баттенберга. Переворотъ былъ произведенъ 27 апр. 1881 года. На улицахъ были расклеены прокламація князя, который заявлялъ народу, что послѣ двухгодичнаго опыта онъ пришелъ къ убѣжденію, что настоящее положеніе дѣлъ въ княжествѣ лишаетъ его возможности выполнить свое призваніе, и онъ возвращаетъ болгарскому народу корону. Онъ соглашался сохранить корону лишь въ томъ случаѣ, если Великое Народное Собраніе приметъ

¹⁾ О принцѣ Александрѣ Баттенбергскомъ есть уже довольно большая литература. Пристрастно пишутъ о немъ его пріатели Косч («Fürst Alexander von Bulgarien», 1887) и А. Golovine (подъ тѣмъ же заглавіемъ двѣ книги—въ 1887 и 1896 г.), съ руссофильской точки зрѣнія болгаринъ Драндаровъ подъ псевдонимомъ Drandar («Cinq ans de regne du prince Alexandre en Bulgarie», 1894 и «Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 j'usqu'à nos jours»). Кроме того, этому времени посвящены записки П. Паренсова, книга Матвѣева и др.

его условія, а пока поручалъ генералу Эрнроту составить новый временный кабинетъ. Черезъ нѣсколько дней были объявлены и эти условія, которыя требовали предоставленія неограниченныхъ полномочій князю на управленіе страной въ теченіе семи лѣтъ, чтобы онъ могъ создать новыя административныя учрежденія и т. д. Затѣмъ онъ требовалъ въ письмѣ на имя ген. Эрнрота учрежденіе Государственнаго Совѣта, а въ своихъ пунктахъ настаивалъ на отмѣнѣ обычнаго въ этомъ году Народнаго Собранія и созывѣ черезъ 7 лѣтъ Великаго Народнаго Собранія для пересмотра конституціи. Такимъ образомъ, переворотъ 1881 года совершенно ломалъ государственный строй, созданный терновскою конституціей, ломалъ безъ всякой надобности, просто для того, чтобы убрать неприятныхъ князю людей, а можетъ-быть, и для того, чтобы увеличить его цивильный листъ, на что не соглашалось Народное Собраніе. Въ Петербургѣ были недовольны переворотомъ, но, не желая оказывать воздѣйствіе на внутреннюю политику Болгаріи (чтобы европейскіе дворы не думали, что Россія обращается съ Болгаріей, какъ съ русской областью ¹⁾), оказались въ необходимости поддерживать князя. Новому русскому представителю въ Болгаріи, Хитрову, чрезвычайно популярному въ Болгаріи еще со времени войны, было предписано сопровождать князя въ его объѣздъ страны. «Не надо намъ ни русскаго меда, ни русскаго жала», писалъ въ это время Д. Цанковъ, который со времени войны за освобожденіе былъ горячимъ сторонникомъ Россіи. Каравеловъ и Цанковъ должны были скрыться изъ Софіи, и болгарскій народъ недоумѣвалъ, для чего Россіи понадобилось совершить этотъ переворотъ. Никто не допускалъ мысли, что онъ совершенъ безъ вѣдома Россіи.

Но, совершивъ такой *coup d'état*, князь болгарскій не только не сумѣлъ его использовать, но даже самъ не выдержалъ срока, имъ обусловленнаго, и кончилъ свой переворотъ ужъ совсѣмъ комически. Государственный Совѣтъ, учрежденія котораго добивался принцъ Баттенбергскій, просуществовалъ два года и былъ закрытъ, ничѣмъ себя не проявивъ и не доказавъ своей необходимости. Отношенія съ Россіей становились все болѣе натянутыми; князь не терпѣлъ около себя самостоятельныхъ людей, между тѣмъ, военные министры назначались въ Петербургъ, и ихъ нельзя было уволить въ отставку безъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей; кромѣ того, въ качествѣ инструкторовъ въ болгарской арміи

¹⁾ Письмо министра Гирса къ русскому дипломатическому агенту въ Болгаріи см. въ книгѣ А. Л ю д с к а н о в а, «Корреспонденція на болгарскитѣ работи. Представлена въ двѣтъ камери на англійския парламентъ въ 1881 г.». Вiena, 1884.

было много русскихъ офицеровъ, которыхъ князь также не могъ уволить. Слѣдовательно, въ Болгаріи оставалась сила, ставшая поперекъ его капризному своевластію. Въ первые годы послѣ переворота Александру еще удавалось непосредственными связями съ русскимъ дворомъ и поѣздками въ Петербургъ добиваться своихъ цѣлей,—такъ, въ маѣ 1882 г. князю удалось добиться отзыва ненавистнаго ему Хитрово, русскій военный министръ Крыловъ былъ также уволенъ, и, по просьбѣ самого принца, въ Болгарію были посланы русскіе генералы Соболевъ и бар. Каульбарсъ, изъ которыхъ онъ надѣялся сдѣлать послушныя орудія въ борьбѣ съ либералами и отвѣтственными лицами за его дѣянія. Однако, онъ ошибся и въ этихъ своихъ расчетахъ, и тогда принялся интриговать и противъ этихъ лицъ, для чего воспользовался удобнымъ случаемъ, поѣздкой на коронацію Александра III въ Москву, въ маѣ 1883 года. На этотъ разъ, однако, князя постигла неудача: въ Москвѣ находился и генералъ А. И. Соболевъ, который разоблачилъ продѣлки принца и представилъ свой проектъ болгарской конституціи, который расширялъ права князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограждалъ конституцію. Тогда принцъ Баттенбергскій рѣшилъ лишній разъ показать Россіи, что не нуждается въ ней, вошелъ въ компромиссъ съ болгарскими партіями и вмѣсто того, чтобы составлять новую конституцію, объявилъ о возстановленіи первоначальной, терновской конституціи. Русскіе генералы подали прошенія объ отставкѣ и уѣхали въ Россію, гдѣ доложили о положеніи вещей и некорректномъ поведеніи двухъ русскихъ офицеровъ. Эти послѣдніе получили приказъ вернуться въ Россію, и это такъ раздражило князя, что онъ немедленно уволил всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ его свитѣ, и вызвалъ изъ Россіи обучавшихся тамъ 35 болгарскихъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь началъ говорить и объ отставкѣ всѣхъ русскихъ офицеровъ, служившихъ въ Болгаріи. Отношенія до того обострились, что уже была рѣчь о русской оккупаци въ Болгаріи, которая при чрезвычайной непопулярности принца въ странѣ врядъ ли была бы враждебно встрѣчена народомъ. Князь сталъ осторожнѣе и отправилъ въ Петербургъ одного изъ наименѣ скомпрометированныхъ министровъ для переговоровъ о военной конвенціи, устанавливающей положеніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи. Для заключенія конвенціи въ Софію былъ отправленъ баронъ Каульбарсъ, братъ бывшаго министра, и онъ подписалъ договоръ, въ силу котораго дальнѣйшее пребываніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи ограничивалось тремя годами и имъ воспрещалось всякое участіе въ политической жизни страны. Однако, отношенія продолжали быть очень холодными, тѣмъ болѣе, что русская дипломатія не одобрила агитаціи въ Восточной Румелии, которую вели ближайшіе друзья Каравелова, опять сдѣлавшагося министромъ.

Положеніе Восточной Румелии послѣ берлинскаго трактата было очень странное. Она оставалась подъ верховной властью султана, который могъ не утверждать ея законовъ, но имѣла автономное устройство, управлялась генераль-губернаторомъ изъ христіанъ и получила собственное народное представительство съ законодательными функціями. Для разработки положенія объ управленіи этой провинціей учреждалась международная коммиссія, которая должна была составить Органическій уставъ для этого края. Первымъ генераль-губернаторомъ Восточной Румелии былъ назначенъ на время оккупации ген. Столыпинъ, котораго, по утвержденіи султаномъ Органическаго устава, смѣнилъ князь Богориди, одинъ изъ тѣхъ Богоровыхъ, съ именами которыхъ въ исторіи болгарскаго возрожденія столько связано. Этотъ выборъ, внушенный Россіей, могъ бы быть удачнымъ, благодаря имени кандидата, если бы не личность самого Богориди, лукаваго и лѣниваго старика, мечтавшаго о блестящей карьерѣ, но уже совершенно чуждаго болгарскому народу и равнодушнаго къ его интересамъ. Онъ заботился больше о томъ, чтобы искусно лавировать между противорѣчивыми требованіями европейскихъ державъ, которыя всѣ одинаково хотѣли сохранить вліяніе въ этой провинціи. Органическій уставъ создавалъ цѣлую систему сложныхъ и дорогихъ учреждений, которыя не соответствовали потребностямъ малокультурной и малонаселенной страны. Такъ, Уставъ создавалъ тройную систему судовъ, двойное мѣстное представительство (департаментское и муниципальное) и двойной комплектъ мѣстныхъ финансовыхъ чиновниковъ; въ Вост. Румелию съѣхалась масса чиновниковъ-иностранцевъ, и, по вѣрному замѣчанію Матвѣева, «финансовое и экономическое положеніе области было таково, что спасенія отъ всеобщаго разоренія народа, заработка котораго поглощались содержаніемъ никому и ни на что не нужной бюрократіи, приходилось ждать только отъ соединенія съ княжествомъ». Переворотъ совершился 6 сент. 1885 года. Онъ былъ сдѣланъ очень просто: населеніе одной изъ деревень около Филиппополя возстало противъ ген.-губернатора и потребовало соединенія съ Болгаріей; толпа крестьянъ изъ этой и окрестныхъ деревень двинулась въ городъ, гдѣ къ ней присоединилась часть румелийскаго ополченія. Ковачъ (дворецъ) ген.-губернатора, которымъ былъ тогда уже преемникъ Богориди, болгаринъ Крестовичъ, былъ окруженъ толпой, самъ ген.-губернаторъ арестованъ, а возставшіе объявили о соединеніи Румелии съ Болгаріей. Русскіе представители, не зная, какъ отнесется къ этому перевороту императоръ Александръ III, не рѣшались прямо протестовать, поздравили побѣдителей, но добавили, что дѣло не въ провозглашеніи, а въ признаніи. Князь Александръ Баттенбергскій поспѣшилъ выѣхать въ Софію; «по высочайшему повелѣнію» (т.-е. по повелѣнію принца, а не русскаго императора,

какъ поняли русскіе офицеры, состоявшіе въ болгарской арміи), была произведена мобилизація болгарскихъ войскъ. Населеніе было убѣждено, что переворотъ совершенъ съ вѣдома Россіи и обезпеченъ въ будущемъ ея помощью; въ томъ же были убѣждены европейскіе представители. На самомъ же дѣлѣ, въ Петербургѣ дворъ и общество, близкое къ славянофильскимъ кругамъ, были глубоко возмущены этимъ новымъ шагомъ принца Баттенбергскаго, такъ какъ въ такомъ нарушеніи Берлинскаго конгресса видѣли опасность войны, и это опасеніе, что «заваренную кашу придется расхлебывать Россіи» внушило въ Россіи такую антипатію къ перевороту, что императоръ, «не одобрявъ настоящаго движенія въ Болгаріи, воспретилъ нашимъ офицерамъ принимать въ ономъ участіе». Русскіе офицеры подали прошенія объ отставкѣ и выѣхали изъ Болгаріи. Но это событіе, какъ и недобрительная телеграмма государя, только произвели удручающее впечатлѣніе на народъ, движенія же и энтузіазма они остановить не могли. Никто не думалъ въ это время о послѣдствіяхъ переворота, о возможности непризнанія его со стороны Европы, о возможной войнѣ съ Сербіей. Считали возможной войну съ Турціей, и для этой цѣли быстро мобилизовали всѣ военныя силы и призвали румелійскихъ ополченцевъ; однако, войны съ Турціей не было; султанъ Абдуль Гамидъ не рѣшился выслать изъ столицы войска. Нападеніе произошло со стороны: по наущенію Австріи, общавшей сербскому королю Милану свою помощь вооруженіемъ, а можетъ-быть, и по соглашенію съ Турціей, думавшей возстановить свои сюзеренныя права надъ Болгаріей ¹⁾, Сербія объявила войну Болгаріи, двинула свою армію въ Болгарію и заняла Видинскій округъ. Народное воодушевленіе въ Болгаріи по поводу неожиданнаго нападенія Сербіи было чрезвычайно велико; оно дѣлало чрезвычайно популярнымъ имя князя, собрало массы добровольцевъ, не обученныхъ и не экипированныхъ, и вся эта нестройная масса вмѣстѣ съ хорошо обученнымъ регулярнымъ войскомъ двинулась въ Сербію, которая съ южной стороны оказалась почти незащищенной. Война продолжалась съ 2 по 16 ноября 1885 года; Миланъ, мечтавшій о земельныхъ приращеніяхъ королевства и во имя этого объявившій войну, оказался въ очень тяжеломъ положеніи, но не легко было и Болгаріи, которая надрывалась экономически и физически въ этой войнѣ, къ которой она не успѣла подготовиться. Чтобы прекратить войну, рус-

¹⁾ Такъ полагаетъ Ролень Жакменъ въ своей статьѣ о сербско-болгарской войнѣ, напечатанной въ «Revue de droit international et de législation comparée», t. XVIII (1887). Ср. описаніе войны въ книгѣ Е. Львова, «Болгарія въ періодъ террора и анархіи», 1888.—Möller. «Der serbisch-bulgarische Krieg», 1888, а также Вълчиновъ. «Въспоминанія отъ сербско-болгарската война 1885». София, 1892.

скій императоръ предложилъ европейскимъ державамъ оказать давленіе на оба государства. Но болгарскія войска въ это время взяли Пиротъ и могли считать себя побѣдителями, поэтому со стороны принца Баттенберга можно было опасаться сопротивленія. Австрія, поддерживая Милана, заявила, что, «если князь будетъ продолжать подвигаться по сербской территоріи, то австро-венгерская армія перейдетъ въ Сербію, и, слѣдовательно, болгарскія войска встрѣтятся уже не съ сербскими войсками, а съ императорско-королевскою арміей». 9 декабря было подписано перемиріе, война окончилась на условіяхъ *statu quo*. Желая примириться съ Россіей, Александръ заявилъ въ приказѣ по болгарской арміи, что «признаетъ съ благодарностью, что армія его обязана успѣхами и неустанной заботливости о ней Императора Всероссийскаго и примѣрной дѣятельности русскихъ инструкторовъ». Со своей стороны Александръ III призналъ «достойными высокой похвалы отвагу, самоотверженіе, выносливость и уваженіе къ порядку, обнаруженныя болгарскими и румелийскими войсками». Однако, отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ Болгаріей и ея княземъ онъ уклонился.

По окончаніи сербско-болгарской войны начался, по инициативѣ Англіи, непосредственные переговоры между Болгаріей и Румеліей, которые привели къ полному соглашенію (20 янв. 1886 г.). По этому договору, князь Александръ получалъ главное управленіе Восточной Румеліей на основаніяхъ Берлинскаго договора, при чемъ черезъ каждыя 5 лѣтъ султанъ утверждалъ его въ должности ген.-губ. Румелийскаго, если былъ доволенъ его управленіемъ. Одна изъ статей договора 1886 года устанавливала военный союзъ между Болгаріей и Турціей на слѣдующихъ основаніяхъ, ставившихъ Россію въ весьма странное положеніе по отношенію къ освобожденному ею княжеству: «Въ случаѣ вѣшняго нападенія и нашествія на княжество и область (В. Румелію), составныя части (турецкой) имперіи, посылается на защиту ихъ, сколько потребуется императорскихъ войскъ, подъ главнымъ предводительствомъ князя, дѣйствующихъ за-одно съ войсками въ княжествѣ и области. Въ случаѣ нападенія извнѣ на другіе вилайеты Румелии (Европ. Турція), князь даетъ, сколько потребуется болгарскихъ войскъ, которыя, подъ главнымъ предводительствомъ императорскаго командира, дѣйствуютъ за-одно съ оттоманскими войсками». Такимъ образомъ, княжество ставилось въ прямыя вассальныя отношенія къ Турціи, но зато князь получалъ, какъ одно изъ должностныхъ лицъ имперіи, генералъ-губернаторскую власть въ В. Румеліи. Признали этотъ переворотъ и европейскія державы, такъ что успѣхъ былъ, несомнѣнно, на сторонѣ Болгаріи: вѣдь было легко при случаѣ и совсѣмъ слить В. Румелію съ княжествомъ; договоръ, какъ оказалось, не имѣлъ никакого реальнаго

значенія, и съ января 1886 года Болгарія соединилась уже неразрывными узами съ В. Румелией. Этотъ успѣхъ упрочилъ положеніе Баттенберга въ странѣ; уже тогда онъ мечталъ о болгарской царской коронѣ, которую получилъ только его преемникъ ¹⁾. Вообще, королевская корона манила болгарскихъ князей при всякомъ успѣхѣ: въ 1886 году къ ней тянется Баттенбергъ, съ 1889 года къ ней постоянно протягиваетъ руку Фердинандъ Кобургскій, но только 20 лѣтъ спустя, 22 сентября 1908 года, ихъ мечта осуществилась. Самъ принцъ Баттенбергскій лишился въ скоромъ времени и княжеской короны, которой онъ такъ охотно украшалъ всѣ свои письма. «Чѣмъ сильнѣе становился князь,—говоритъ С. С. Татищевъ ²⁾,—тѣмъ живѣйшія опасенія внушалъ онъ политическимъ партіямъ въ Болгаріи, тѣмъ болѣе возбуждалъ ихъ противъ себя. Но едва ли не опаснѣе общаго враждебнаго настроенія партій представлялось для князя неудовольствіе, зародившееся противъ него среди наиболѣе независимыхъ, развитыхъ и одушевленныхъ патріотическимъ чувствомъ офицеровъ болгарской арміи. Къ повышеніямъ и отличіямъ вела не личная заслуга, а умѣніе угодить ему, какъ доказало распредѣленіе наградъ за военные подвиги въ Сербо-Болгарскую войну». Русская дипломатія, какъ утверждаетъ С. С. Татищевъ, и какъ обстоятельно описываютъ такъ назыв. «Секретные документы», поддерживала партію недовольныхъ, и 9 августа 1886 года враждебные князю офицеры арестовали его въ собственномъ дворцѣ, заставили подписать актъ отреченія отъ престола и отвезли въ городъ Рахово на Дунаѣ, откуда онъ былъ увезенъ въ Рени. Впрочемъ, по вступленіи на русскій берегъ онъ получилъ дозволеніе выѣхать изъ Россіи и задумалъ вернуться въ Болгарію. По всей странѣ начались митинги, на которыхъ сообщалось, что переворотъ совершенъ съ одобренія Россіи ³⁾, между тѣмъ, какъ возвращавшійся въ Болгарію князь былъ встрѣченъ въ Русчукѣ среди другихъ лицъ, устроившихъ во главѣ со Стамбуловымъ контръ-революцію, управляющимъ русскимъ консульствомъ, который полагалъ, что князь возвращается въ Болгарію съ одобренія Россіи. Такъ же понялъ присутствіе русскаго дипломата на пристани въ Русчукѣ и князь Бат-

¹⁾ См. Е. Львовъ. «Болгарія въ періодъ террора и анархіи», 187.

²⁾ Въ статьѣ «Россія и Болгарія» (книга «Изъ прошлаго русскаго дипломатіи», 1890).

³⁾ См. телеграммы и др. документы въ крайне руссофобской брошюрѣ З. Стоянова, «Документи на превратъ на деветий Августъ», София, 1887. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ ихъ видѣ въ историческомъ трудѣ невозможно пользоваться вышеупомянутыми «Секретными документами». Чрезвычайно желательно, чтобы мин. иностр. дѣлъ опубликовало хранящуюся въ его архивѣ подлинную переписку о переворотѣ.

тенбергскій, который, обрадованный этимъ, послѣшилъ послать Александру III телеграмму: онъ впервые заявлялъ здѣсь, что получилъ корону отъ Россіи, и признавалъ готовность отказаться отъ нея по первому требованію Россіи. На эту телеграмму онъ получилъ законическій отвѣтъ: «Не могу одобрить возвращенія вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ прибавлялъ, что будетъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока въ ней будетъ оставаться принцъ Баттенбергскій. Тогда послѣднему не оставалось ничего другого, кромѣ стреченія отъ престола (27 авг. 1886 г.).

Такъ кончилось это легкомысленное царствованіе, едва не приведшее Болгарію къ краю гибели и къ потерѣ независимости. Среди болгаръ ходили упорные слухи о намѣреніи Россіи оккупировать Болгарію, и самъ Татищевъ подробно разбираетъ шансы такой оккупации. Эта мѣра, къ счастью, не была осуществлена, но произошелъ разрывъ, одинаково вредный для Болгаріи и для Россіи. Царствованіе Александра Баттенбергскаго разбило Болгарію на двѣ части: народныя массы, мало развитыя политически, продолжали вѣрить, что безъ Россіи болгарамъ не существовать, но среди интеллигенціи и войскъ значительная часть была настроена уже со времени Румелийскаго переворота явно враждебно къ Россіи, другая же настаивала на тѣснѣйшемъ единеніи съ ней. Не было единодушія и въ оцѣнкѣ личности принца. Въ Болгаріи господствовала анархія, и создалъ ее своимъ безтактнымъ, эгоистическимъ образомъ дѣйствій князь Баттенбергскій. Однако, среди теченій, враждебныхъ Россіи, онъ долго пользовался симпатіями, и когда въ 1893 году онъ умеръ отъ перитонита, тѣло его было перенесено въ Софію. Именемъ его пользовались партіи для того, чтобы пугать и сердить непопулярнаго князя Фердинанда, но врядъ ли нашлись бы охотники вернуть его въ Болгарію. Однако, чего только не говорили о немъ его поклонники. «Первый болгарскій гражданинъ, первый Князь Свободной Болгаріи, оставилъ славное имя въ исторіи и великій урокъ потомству». Такъ писалъ безъ зазрѣнія совѣсти журналъ «Борець» въ 1895 году ¹⁾. Иначе судили сторонники Россіи. Т. Начовъ писалъ въ это время слѣдующее: «священная обязанность всѣхъ насъ пріобрѣсти любовь братскаго русскаго народа и благоволеніе царя-покровителя»; какой-то крестьянинъ, обращаясь къ своимъ братьямъ крестьянамъ (къмъ своимъ братья селяне), восклицалъ: «Да живетъ русскій царь, нашъ покрови-

¹⁾ «Борець», 1895. Отборъ статьи и подлистницы. Издава Богданъ Вълчевъ.

тель! Да здравствуетъ русскій народъ, единственный нашъ союзникъ!»¹⁾ Такъ были двѣ основныя струи въ томъ потокѣ политическихъ брошюръ, который хлынулъ въ бурные дни переворота.

Съ паденіемъ Баттенберга власть въ странѣ перешла къ регентамъ, которыхъ выбралъ князь (Самбулову, Каравелову и Муткурову), и къ кабинету министровъ, во главѣ котораго стоялъ совершенно безпринципный Радославовъ. Относительно дальнѣйшихъ судьбъ княжества ждали указанія отъ Россіи. Въ скоромъ времени изъ Вѣны прибылъ въ Софію русскій военный агентъ въ Вѣнѣ, баронъ Каульбарсъ, который выступилъ съ деклараціей, составленной въ тоиѣ не добраго совѣта, но суроваго наставленія. Онъ предъявилъ требованія относительно снятія военнаго положенія въ странѣ, объявленнаго послѣ 9 августа, амнистіи участникамъ этого переворота и отсрочки на два мѣсяца выборовъ въ новое Великое Народное Собраніе, которое должно было избрать князя. Послѣднее требованіе, во-первыхъ, противорѣчило болгарской конституціи, а во-вторыхъ, внушало кабинету Радославова и регентамъ опасеніе, не скрывается ли за нимъ стремленіе Россіи подготовить присоединеніе къ ней Болгаріи или что-нибудь въ этомъ родѣ. На этой почвѣ произошло рѣзкое столкновеніе между бар. Каульбарсомъ, относившимся вообще несочувственно къ виновникамъ переворота 9 августа, и болгарскимъ правительствомъ. Результатомъ этого столкновенія было обнародованіе циркуляра русскимъ консуламъ въ Болгаріи, гдѣ выставлены были требованія, могшія, дѣйствительно, смутить болгаръ, особенно въ виду слуховъ о намѣреніи Россіи оккупировать или аннектировать Болгарію. Такъ, одинъ изъ пунктовъ требовалъ, чтобы болгары безусловно и единодушно отдались на волю Россіи и сблизились съ ней. Далѣе, циркуляръ генерала Каульбарса настаивалъ на томъ, что болгары должны доказать свою преданность Россіи не на словахъ, а на дѣлѣ. Опять требованіе неясное, въ которое можно было вложить какое угодно содержаніе, хотя въ третьемъ пунктѣ и заявлялось, что Россія не хочетъ завоевать Болгарію. Вообще, вся бумага, составленная въ такихъ выраженіяхъ, гдѣ между строкъ легко было вычитать опасность, грозящую независимому существованію болгарскаго княжества, могла внести не уснокоеніе, а, напротивъ, новую смуту. Началась борьба между регентствомъ и русскимъ уполномоченнымъ: регенты объявили о производствѣ выборовъ въ Народное Собраніе, а ген. Каульбарсъ заявилъ, что ихъ распоряженіе незаконно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ объявить, что онъ признаетъ незаконными всѣ дѣйствія регентовъ, не со-

¹⁾ Ср. Т. Начовъ. «Туркомания или политика на Александра I-ий въ България», 1886 и «Единъ селянинъ къмъ своитѣ брата селяне», 1886.

гласныя съ его циркуляромъ. Онъ сталъ объѣзжать страну въ разгарѣ избирательной борьбы, самъ выступилъ на митингѣ въ Софіи и подвергся насмѣшкамъ толпы. «Всѣ эти поступки были совершены безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, и объяснить ихъ можно было бы однимъ только расчетомъ создать законный поводъ къ занятію Болгаріи русскими войсками» (С. С. Татищевъ). Еще болѣе цѣнное признаніе мы находимъ у другого лица, въ мемуарахъ Ю. Карцова ¹⁾, который говоритъ слѣдующее: «Мы, служащіе въ Болгаріи, были убѣждены,—у Каульбарса есть инструкціи вызвать событія. Другого объясненія и подыскать было невозможно. Но вотъ, израсходовавъ всѣ заряды, генералъ покинулъ Болгарію. Оккупация казалась неизбежною. И вдругъ камень преткновенія! военные специалисты высказались противъ. Государь Императоръ на оккупацию дать согласіе не соизволилъ».

19 октября 1886 года въ Терновѣ открылось Великое Народное Собраніе, которое избрало княземъ принца Вольдемара Датскаго, но онъ отказался, и собраніе разошлось ни съ чѣмъ. Попытка Стамбулова составить коалиціонное правительство также не удалась. Каульбарсъ былъ взбѣшенъ, и «не было ни для кого тайной, что во время своей поѣздки по странѣ, а также и по возвращеніи въ Софію, генералъ безуспѣшно пытался вызвать противное регентамъ движеніе въ войскѣ и народѣ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ». Наконецъ, дѣло дошло до того, что болгарская толпа напала на русское дипломатическое агентство въ Софіи, что въ Филиппополѣ кавасъ русскаго консульства былъ избитъ; ненависть къ русскому уполномоченному достигла «крайняго напряженія, и вотъ 6 ноября онъ покинулъ Болгарію, заявивъ въ пространномъ посланіи, что всѣ его попытки способствовать выходу страны изъ затруднительнаго положенія не удалось, «что нынѣшніе правители страны окончательно утратили довѣріе Россіи, и что императорское правительство находить невозможнымъ поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ въ его нынѣшнемъ составѣ». Такимъ образомъ, между Россіей и Болгаріей наступилъ полный дипломатическій разрывъ; въ Болгаріи же регентство Стамбулова чувствовало себя «опирающимся на народное большинство, которое было только сплочено политикою бар. Каульбарса. Въ сознаніи своей силы оно отвѣтило рѣзкимъ отказомъ выставить кандидатуру князя Мингрельскаго, предложеннаго русскимъ правительствомъ черезъ посредство Порты. Напрасно нѣкоторые сторонники Россіи старались поддержать ея престижъ, доказывая, что «Россія новыхъ губерній не нужно», что русская дипломатія радѣеть только о

¹⁾ Ю. Карцовъ. «Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ» (1879—1886). СПб., 1906.

пользѣ болгарь ¹⁾). Никто ихъ не слушалъ и не обращался за помощью въ Россіи. Стамбуловъ, который уже за десять лѣтъ до того обнаружилъ большой патріотизмъ и съ тѣхъ поръ всегда примыкалъ къ народнымъ, освободительнымъ движеніямъ, отличаясь большими демагогическими способностями, сдѣлался полновластнымъ распорядителемъ судьбы народа; изъ искренняго руссофила, какимъ еще зналъ его ген. Наренсовъ, онъ превратился въ убѣжденнаго противника русскаго вліянія. Онъ радовался разрыву съ Россіей, надѣясь повести Болгарію путемъ полной государственной независимости. Будучи человѣкомъ съ дикими инстинктами, жестокимъ и безчестнымъ, онъ не стѣснялся ничѣмъ: онъ содѣйствовалъ тому, что Болгарія стала на свои ноги, но внесъ въ государственную жизнь деморализацію, атмосферу подкупа и пантажа. На первыхъ же порахъ дѣло не обошлось безъ жестокостей: въ Русчукѣ произошло движеніе среди гарнизона, направленное противъ Стамбулова; онъ усмирилъ это движеніе, разстрѣлялъ зачинщиковъ, велѣлъ избить палками до безчувствія стараго Каравелова, замѣшаннаго въ возстаніи. Такъ же энергично дѣйствовалъ президентъ министровъ, Родославовъ, который, организовавъ «патріотическія дружины» (или палочниковъ, какъ ихъ называли въ странѣ), боролся съ оппозиціей самыми грубыми средствами. Въ концѣ концовъ, политическая жизнь въ странѣ замерла, многіе эмигрировали, не желая выносить Стамбуловскаго режима ²⁾).

Предстоялъ выборъ новаго князя, но сдѣлать его было не такъ-то легко. Болгарія находилась въ состояніи такой анархіи, ея отношенія съ европейскими державами были до такой степени испорчены, что ѣхать сюда повеселиться, какъ мечталъ объ этомъ принцъ Баттенбергскій, новому князю не предстояло. Рѣшено было предложить престолъ офицеру австрійской арміи, принцу Кобургскому, Фердинанду, который по матери былъ внукомъ французскаго короля Луи Филиппа, обладалъ, какъ думали, независимыми денежными средствами и признавалъ себя скорѣе французомъ, чѣмъ нѣмцемъ. Ему было 26 лѣтъ, и въ отличіе отъ Александра Баттенбергскаго онъ былъ хорошо образованъ и воспи-

¹⁾ См. анонимныя (П. Р. Славейкова) «Размышленія върху положеніието ни». 1886.

²⁾ О Стамбуловѣ см.: А. В. Амфиатовъ. «Недавніе люди—Степанъ Стамбуловъ». Истор. Вѣстн. 1898, № 3.—В. В. Водовозовъ. «Степанъ Стамбуловъ». Русское Богатство. 1895, № 4.—П. Станчевъ. «Кобургско-Стамбуловскій режимъ». 1882 (изъ газ. «Новости»).—Д. Ризовъ. «Разлагающа се и възраждающа се България». 1894.—П. Кисимовъ. «Спомени отъ сегашната епоха въ България». 1894.—«La Bulgarie au lendemain d'une crise». Paris. 1895 и т. д. Прекрасная характеристика Стамбулова и эпохи съ 1887 г. въ книгѣ R. Pinon, «L'Europe et l'Empire ottoman». 3-е изд. 1900.

танъ. Принявъ расшатаанный болгарскій престолъ, молодой принцъ обнаружилъ честолюбіе и силу характера, которыя ему не измѣнили до настоящаго времени. Ему пришлось почти сразу столкнуться со Стамбуловымъ, который уже съ весны 1888 года сталъ агитировать вмѣстѣ со своими ставленниками противъ князя. Съ другой стороны, принцъ Кобургскій только искалъ случая, чтобы примириться съ Россіей. Онъ демонстративно надѣвалъ въ торжественныхъ случаяхъ имѣвшійся у него русскій орденъ. Разладъ между Стамбуловымъ и Фердинандомъ достигъ уже къ осени 1888 года такихъ размѣровъ, что Стамбуловъ предложилъ русскому правительству устроить за 200—300 тыс. рублей изгнаніе болгарскаго князя. Предложеніе это не привело къ желательнымъ для Стамбулова результатамъ ¹⁾. Напротивъ, еще осторожнѣе и ловче Фердинандъ повелъ борьбу со своимъ министромъ. Благодаря тонкому уму, принцъ Кобургскій быстро научился разбираться въ болгарскихъ отношеніяхъ и вести осторожную и тонкую интригу, благодаря которой онъ сумѣлъ подготовить къ маю 1894 года паденіе вѣссильнаго Стамбулова, потомъ забрать въ свои руки всю политическую жизнь страны и наконецъ 22 сентября 1908 года объявить независимость Болгаріи и провозгласить себя царемъ. Въ отличіе отъ Александра Баттснбергскаго, который стремился насадить въ Болгаріи нѣмецкую колонизацію и безъ стѣсненія выказывалъ пренебреженіе къ болгарамъ, принцъ Фердинандъ Кобургскій сразу сталъ держать себя болгарскимъ патриотомъ, охотно подчеркивалъ свое знаніе болгарскаго языка и преданность болгарскимъ интересамъ. При его личныхъ несимпатичныхъ качествахъ онъ все-таки долженъ быть признанъ человекомъ крупнымъ, однимъ изъ самыхъ тонкихъ государственныхъ людей современной Европы, и Болгарія за 15 лѣтъ его самостоятельнаго правленія достигла значительнаго успѣха во всѣхъ отрасляхъ экономической и политической жизни. Представляя князю отчетъ за 20-лѣтній срокъ его правленія (2 авг. 1907 года), совѣтъ министровъ могъ безъ всякой лести констатировать всесторонній прогрессъ и заявить, что этотъ прогрессъ составляетъ величайшую награду, которую князь и болгарскій народъ могли получить за то взаимное довѣріе, которое соединило ихъ судьбы 2 авг. 1887 года и въ которомъ заключается лучшая гарантія осуществленія народныхъ идеаловъ ²⁾.

Царствованіе принца Фердинанда Кобургскаго распадается на двѣ

¹⁾ Письмо Стамбулова было напечатано въ началѣ ноября 1909 г. во многихъ болгарскихъ газетахъ и вызвало цѣлую литературу воспоминаній объ отношеніяхъ между принцемъ Фердинандомъ и Стамбуловымъ.

²⁾ См. очень цѣнное изданіе: «Докладъ до Негово Царско Высочество Българскій князь Фердинандъ I». София, 1907.

части: въ первую половину, до 1894 года, онъ находился въ зависимости отъ полновластнаго Стамбулова и долженъ былъ выносить его терроръ; въ это время политика Болгаріи была отиѣчена яркимъ руссофобствомъ, внутри господствовалъ произволъ. Послѣ сверженія Стамбулова наступаетъ поворотъ въ сторону Россіи, который приводитъ въ 1896 году къ полному примиренію съ ней, къ признанію принца со стороны Россіи, а затѣмъ и другихъ европейскихъ державъ законнымъ болгарскимъ княземъ и къ выступленію на путь національной политики; конституціонный режимъ укрѣпляется, Болгарія начинаетъ быстрѣе развиваться въ экономическомъ отношеніи и достигаетъ такого положенія, что представляетъ въ настоящее время наиболѣе серьезную силу на Балканскомъ полуостровѣ, при чемъ принцъ старается не выходить изъ рамокъ традиціонной признательности къ «Россіи-Освободительницѣ» и покровительствуетъ всякаго рода начинаніямъ, долженствующимъ увѣковѣчить память войны 1877 года. Выѣстъ съ тѣмъ онъ умѣетъ стать выше политическихъ партій, которыя въ Болгаріи сохранили характеръ партій, образующихся около того или другого изъ видныхъ дѣятелей ради борьбы за власть, и не основываются зачастую на принципиальныхъ разногласіяхъ. Король болгарскій умѣетъ направлять эту борьбу партій такъ, что всегда руководитъ политической жизнью страны; онъ не запутывается въ ней, какъ запутался принцъ Баттенбергскій. Не сближаясь съ народными массами и оставаясь имъ по существу чужимъ, Фердинандъ не избѣгаетъ участія въ народной жизни, не сторонится отъ народа на празднествахъ и т. д. Потомокъ Бурбоновъ, онъ унаслѣдовалъ вкусъ къ власти, извѣстную надменность и большую выдержку. Обладая такими качествами «государя», болгарскій король сдѣлалъ въ настоящее время престолъ Болгаріи не жалкой игрушкой въ рукахъ честолюбцевъ, казнимъ его оставилъ Баттенбергъ, а совершенно самостоятельнымъ извнѣ и внутри страны престоломъ.

Всего этого принцъ Кобургскій достигъ медленно, съ помощью холоднаго расчета. Его призвалъ на престолъ Стамбуловъ, этотъ своеобразный государственный человекъ страны, гдѣ тогда еще никто не привыкъ считаться съ законностью, гдѣ еще отъ турецкихъ временъ хранилась традиція «силы надъ правомъ». Борецъ за болгарскую независимость съ 1875 года, онъ питалъ величайшую ненависть ко всему, что могло грозить этой независимости; будучи удивительнымъ знатокомъ Болгаріи, по наблюденію В. В. Водозова, Стамбуловъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити и пользовался своимъ вліяніемъ на князя для того, чтобы не давать ему непосредственно познакомиться съ народомъ и страной. Но во внѣшней исторіи Болгаріи Стамбуловъ достигъ того результата, что уже никто не могъ покушаться на ея независимость: если въ 1886 году

еще могла быть рѣчь о русской оккупации Болгаріи, то въ 1896 году, когда возобновились отношенія съ Россіей, Болгарія стояла передъ ней, какъ государство, уже доказавшее, что оно можетъ существовать самостоятельно при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Привычка къ самостоятельному веденію государственныхъ дѣлъ, безъ всякой посторонней помощи или помѣхи, сложилась и у народа; она привела къ нѣкоторымъ вреднымъ послѣдствіямъ, напр., къ тому, что интеллигенція предпочитала политическую карьеру труду производительному, что въ борьбѣ партій люди отвыкали примѣнять къ дѣйствительности свои умозрѣнія, что въ народѣ развивалась нѣкоторая мегаломанія, но все это такіе недостатки, отъ которыхъ трудно избавиться молодому народу, приступающему къ новому политическому существованію. Въ тѣхъ благоприятныхъ условіяхъ, которыя созданы болгарскому царству мирнымъ и осторожнымъ правленіемъ Фердинанда Кобургскаго, народъ найдетъ возможность перейти къ необходимому производительному труду. Внѣшняя исторія Болгаріи за истекшія 20 лѣтъ княженія Фердинанда заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: до 1894 года въ странѣ господствовали совершенно полновластно Стамбуловъ и его министръ внутреннихъ дѣлъ Радославовъ, которые съ помощью «патріотовъ», иначе называвшихся «палочниками», умѣли справляться со всякой оппозиціей; тюрьмы были переполнены, свобода печати уничтожена, арестованныхъ пытали, бывшіе министры Цанковъ и Каравеловъ сидѣли въ тюрьмѣ въ самыхъ варварскихъ условіяхъ. Стамбуловъ держалъ князя въ рукахъ и удалялъ отъ него порядочныхъ людей: такъ, въ 1888 году былъ ложно обвиненъ и арестованъ маіоръ Поповъ, который оказывалъ хорошее вліяніе на Фердинанда. Стамбуловъ любилъ пользоваться для своихъ расправъ отлучками князя изъ страны, такъ какъ присутствіе князя его все-таки стѣсняло. Но въ 1893 году на пути Стамбулова стало вліяніе, противъ котораго онъ оказался безсиленъ. Принцъ женился на мягкой, самоотверженной, но мужественной женщинѣ, которая рѣшилась выйти замужъ за него, несмотря на то, что онъ не былъ признанъ ни одной европейской державой. Это была пармская принцесса Марія Луиза, которая возненавидѣла Стамбулова и давала ясно почувствовать свое презрѣніе къ этому жестокому и нечестному дѣятелю, котораго она не выносила, какъ человѣка, не считаясь съ его заслугами политическими. Какъ ни злился Стамбуловъ, ему приходилось считаться съ вліяніемъ молодой княгини. Во дворцѣ, всѣми избѣгаемомъ и презираемомъ, появилась милая добрая женщина. Народъ полюбилъ ее, и самый дворецъ сталъ ему не такимъ чуждымъ, и князь, котораго любила эта женщина, ставшая добрымъ гениемъ новой Болгаріи, возвысился въ его глазахъ. Еще въ 1890 году было открыто покушеніе, имѣвшее цѣлью арестовать князя и разстрѣлять Стамбулова

и военного министра Муткурова; въ слѣдующемъ году на улицѣ былъ застрѣленъ пріятель Стамбулова, Бельчевъ. Становилось очевидно, что чаша терпѣнія начинаетъ переполняться. Въ началѣ 1894 года разыгрался новый инцидентъ: военный министръ Савовъ вызвалъ на дуэль Стамбулова, который оскорбилъ честь его семьи. Тотъ не принялъ вызова, а ночью ворвался въ комнаты князя съ требованіемъ арестовать Савова. Принцъ отказалъ, и тогда съ помощью наемныхъ убійцъ Стамбуловъ сталъ грозить самой жизни Савова, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать за границу. Военнымъ министромъ былъ назначенъ Петровъ, который и погубилъ Стамбулова. Этотъ послѣдній придумалъ особенно дѣйствительную мѣру для наказанія поселеній, откуда на него поступали жалобы; онъ морилъ ихъ постоемъ войскъ, хотя по закону это наказаніе, по болгарскому праву, налагается лишь за укрывательство разбойниковъ. И вотъ Петровъ отказалъ исполнить одно изъ подобныхъ приказаній президента министра. Тотъ, возмущенный сопротивленіемъ, потребовалъ отъ князя отставки, и Фердинандъ на этотъ разъ не испугался обычной угрозы Стамбулова и уволилъ его. Этотъ день, 18 мая 1894 г., былъ днемъ торжества для всей Болгаріи. Фердинандъ сразу приобрѣлъ популярность и былъ засыпанъ благодарственными и пріветственными телеграммами. Народная ярость противъ Стамбулова достигла такихъ размѣровъ, что ему приходилось укрываться отъ толпы. Онъ хотѣлъ уѣхать за границу, но не получалъ разрѣшенія въ виду того, что противъ него было подано множество жалобъ. Въ скоромъ времени, однако, судьба этого тирана была рѣшена: въ іюлѣ, возвращаясь изъ клуба, онъ былъ застрѣленъ нѣсколькими убійцами, которые слѣдствіемъ не были найдены.

Съ паденіемъ Стамбулова наступила новая эра. Эмигранты вернулись на родину; лица, пострадавшія за свои политическія убѣжденія и заключенныя въ тюрьмы, были освобождены. Воспользовались первымъ случаемъ, чтобы возобновить сношенія съ Россіей: болгарская депутація отправляется въ Петербургъ для возложенія вѣнка на гробъ умершаго императора Александра III и удостоивается приѣма со стороны новаго императора; въ Болгаріи появляются русскіе корреспонденты. Наконецъ, въ февралѣ 1896 года принцъ Кобургскій рѣшается на тяжелый для него шагъ; потомокъ Бурбоновъ, ревностный католикъ, онъ рѣшается «принести своего сына въ жертву политикѣ» (какъ онъ самъ говорилъ) и пріобщаетъ княжича Бориса, родившагося въ 1894 году и тогда же окрещеннаго по католическому обряду, къ православной церкви. Крестнымъ отцомъ соглашается быть русскій императоръ, который посылаетъ въ Софію въ качествѣ своего представителя графа Голенищева-Кутузова. Такимъ образомъ, при восторженной радости народа возобновляются послѣ десятилѣтнаго перерыва сношенія съ Россіей, которая

признаетъ его болгарскимъ княземъ. Съ этого времени Болгарія вступаетъ въ періодъ спокойнаго государственнаго развитія, въ которомъ она такъ нуждалась, потому что Стамбуловскій режимъ остановилъ экономическій ростъ страны, вызвалъ совершенно непроизводительные расходы, запуталъ Болгарію въ непосильныхъ долгахъ, сумма которыхъ къ августу 1907 года достигала 446 мил. фр. Однако, развитіе восточнаго вопроса не давало Болгаріи уйти совершенно въ эту необходимую для нея органическую работу: македонскія осложненія, вызванныя исконнымъ стремленіемъ болгарскаго народа къ объединенію, приняли именно въ это послѣднее десятилѣтіе особенно бурный характеръ. Съ другой же стороны, по мѣрѣ развитія военной и государственной мощи Болгарскаго княжества, все болѣе странной дѣлалась ея номинальная вассальная зависимость отъ слабой, разлагающейся Турціи. Съ этой зависимостью можно было совѣтъ не считаться, но она оскорбляла національную гордость. Въ іюнѣ 1908 года въ Константинополь былъ обойденъ приглашеніемъ на официальный обѣдъ болгарскій посоль Гешовъ, которому дали понять, что онъ представитель вассальнаго государства, а не равноправный членъ дипломатической семьи. Вскорѣ послѣ того, въ іюль, началась стачка на восточно-румелійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, которыя находились въ обладаніи нѣмецкаго банка, но считались какъ бы подчиненными Турціи ¹⁾. Эти дороги имѣютъ для Болгаріи стратегическое значеніе. По словамъ болгарскаго президента-министра, А. Малинова, который въ своей парламентской рѣчи подробно развилъ мотивы провозглашенія независимости, турецкіе стачечники смотрѣли на эти линіи, какъ на государственную собственность: «они пріѣхали въ южную Болгарію, какъ въ турецкую провинцію. Съ этимъ же поѣздомъ пріѣхали и два турецкіе офицера генеральнаго штаба». На новыя отношенія, которыя стали складываться между новой конституціонной Турціей и Болгаріей, правительство этой послѣдней рѣшило отвѣтить двумя мѣрами: во-первыхъ, оно заняло восточно-румелійскія желѣзныя дороги своими войсками, а во-вторыхъ, 22 сентября объявило Болгарію независимой, а вмѣстѣ съ тѣмъ, оно удовлетворило и давнишнее стремленіе болгарскаго князя къ царской коронѣ. 22 сентября 1908 года было восстановлено (третье) Болгарское царство, а вскорѣ послѣ того, при помощи Россіи, былъ рѣшенъ благополучно и

¹⁾ Объ этой стачкѣ см. въ книгѣ P. Imbert, цитированной выше, а также въ статьѣ I. Guillebert: «La Bulgarie nouvelle» (Revue pour les Français, 1908, № 11). Рѣчь А. Малинова издана отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Рѣчь произнесена отъ министръ-предсѣдателя г. А. Малиновъ по отговору на тронное слово въ XII-то засѣданіе на народнаго събрание, отъ 1 ноембрий 1908 г.». София, 1908.

вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ; сумма, причитающаяся за нихъ Турціи, была снята съ турецкаго долга (контрибуціи) Россіи и перенесена на Болгарію, которая стремится поскорѣе выплатить этотъ долгъ Россіи при помощи новаго займа. Во время поѣздки весной 1909 года въ Россію на погребеніе вел. кн. Владиміра Александровича, Фердинандъ былъ встрѣченъ, какъ король: войска называли его «царскимъ величествомъ». Тогда же было разъяснено, что это лишь вѣжливость по отношенію къ Фердинанду, не имѣющая международнаго значенія. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что признаніе Болгаріи царствомъ было совершившимся фактомъ. Передъ новою Болгаріей исторія поставила двѣ задачи: объединеніе болгарскаго народа и, значить, слияніе съ Македоніей, и внутреннее экономическое и культурное развитіе. Но послѣдняя задача гораздо серьезнѣе и насущнѣе первой, и это убѣжденіе, повидимому, все больше входитъ въ сознаніе болгарскаго народа, которому природа и географическое положеніе дали такія счастливыя условія для развитія всѣхъ производительныхъ силъ.

Содержаніе.

	Стр.
Предисловіе	III
ГЛАВА I. Исторія Болгаріи отъ Аспаруха до Бориса . .	1
ГЛАВА II. Борисъ и Симеонъ	19
ГЛАВА III. Отъ смерти Симеона до паденія перваго болгарскаго царства	39
ГЛАВА IV. Богомильство и внутреннее положеніе Болгаріи въ XI—XII вѣкахъ	51
ГЛАВА V. Возстановленіе независимости и второе болгарское царство	67
ГЛАВА VI. Шишмановичи.—Паденіе болгарской независимости	102
ГЛАВА VII. Болгарія во время турецкаго владычества до конца XVIII вѣка	127
ГЛАВА VIII. Болгарское возрожденіе и исторія Болгаріи до Берлинскаго конгресса	153
ГЛАВА IX. Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса	199

